АНАТОЛИЙ ТЕРЕЩЕНКО

КОМАНДИР РАЗВЕДГРУППЫ

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА

СПЕЦСЛУЖБЫ СТАЛИНА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Герой этой книги стал легендой советской разведки, хотя из 17 его оперативных псевдонимов рассекречен лишь один – «майор Зорич». Чекист «бериевского призыва», пришедший в НКВД после очищения от «ежовщины», он с честью носил на рукаве эмблему «Щит и Меч», активно участвуя в самых сложных и ответственных операциях органов госбезопасности – в 1941 году обеспечивал эвакуацию стратегических объектов на восток и зачищал тыл Красной Армии от вражеских агентов и диверсантов; работая по заданию легендарного Судоплатова, вместе с «богом рельсовой войны» Стариновым участвовал в ликвидации немецкого коменданта Харькова и захвате личного представителя адмирала Канариса; во главе разведывательно-диверсионных групп дважды забрасывался в глубокий немецкий тыл, сыграв решающую роль в разгроме абверовского «осиного гнезда» – спецшколы и «Особой части СС» под Люблином…

Обо всем этом – о «невыполнимых миссиях» и смертельно опасных заданиях, о «незримых боях» против гитлеровских спецслужб и подвигах разведчиков Великой Отечественной – рассказывает новая книга от автора бестселлера «Чистилище СМЕРШа».

- Анатолий Терещенко
- Предисловие
-
- Путь в разведку
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-

- «Барбаросса» в походе
- Подрывники-диверсанты

- Как рождаются псевдонимы
- Мстительность в агонии

- Охота на Эриха Коха
- Подрыв разведшколы
- Похищение Файленгауэра

- Давняя встреча
- Карпатско-Дуклинская операция
- Отряд «Зарубежные»

- За удачу в бою – выговор
- Вынужденный бой
- Трагикомичный случай
- Явка Штефана Халмовского
- Подвиги агентуры Зорича
- Цены за голову разведчика

- Авиакатастрофа и пленники
- На дипломатической работе
- Встреча с Л. П. Берией
- К вопросу о дилетантах
- Патриот дружбы народов

-
-
-
-
- Послесловие
-
-
- Памяти Зорича
-
-
-
-
-
-
-
-
-
- Библиография

Анатолий Терещенко
Командир Разведгруппы. За линией фронта

Предисловие

Опыт – учитель, очень дорого берущий за уроки, но зато никто не научает лучше его.

Т. Карлейль

К сожалению, наша жизнь устроена так, что со временем теряют свою актуальность и забываются события прошедших лет. Однако XX век дал миру столько исторических примеров, память о которых, особенно в России, в умах и сердцах потомков должна и будет жить в веках.

Они, эти примеры или явления, навечно впрессовываются в историческую память народа, нации, этноса, а участники этих событий составляют их золотой фонд независимо от политических интриг, смены властителей-вождей и кровопролитных внешних и внутренних сшибок.

То, что было, – оно запечатлено навечно, и уничтожить прошлое человек не в силе. Он не властен над минувшим. Прошлое у человека никто не отнимет, как и сам он не способен изменить или переставить в минувшем ни одной вехи, по которым ему пришлось пройти по жизни. Отменить прошлое и уничтожить ход истории, тем более великих событий, не дано никому, даже фальсификаторам!

Таким событием с трагедийно-победными последствиями для всех народов бывшего Советского Союза была Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Она подняла волну патриотизма и истинного людского единения для отпора врагу, высокомерно считавшему славян и другие народы нелюдями, унтерменшами, бессловесным быдлом, которые недостойны своего пребывания на освоенной и осваиваемой «новыми хозяевами» чужой земле.

Именно чувство патриотизма, а не авторитет вождя, толкнуло народы к объединению против вселенского Зла, забыв о сталинских зигзагах и перегибах как в экономике, так и в политике в ходе борьбы за власть. Война затушевывала издержки коллективизации, индустриализации и настоящей охоты на инакомыслящих граждан в ходе правления Ягоды и Ежова. Перед людьми замаячило более страшное будущее – превратиться в рабов или вовсе исчезнуть с лица земли родной.

Люди забывали себя, когда дело шло о пользе Отечеству в борьбе с оккупантами. Гитлер же уповал на мистику и свое

Провидение, слепо веря в блицкриг и силу арийской крови своих солдат и офицеров в ходе осуществления плана «Барбаросса». Но враг в который раз просчитался, как просчитались Карл XII, Наполеон, Антанта и другие агрессоры против нашей Родины. Пришел, наконец, Он, добытый ратным и трудовым подвигами народа, Победный день 1945 года – «Праздник со слезами на глазах».

Надо отметить, что непростую героику тех страшных будней творили простые советские граждане. День Победы они «… приближали, как могли». Эти люди отличались душевной красотой, духовным богатством и преданностью Родине. Многие из них предпочитали умереть мужественно, чем жить, мужественно страдая. Своими жизненными поступками «солдаты Победы» как всякие благоразумные люди предупреждали коричневое зло, стойко борясь с ним и перенося его жестокости без всяких сожалений. Они не призывали Смерть, стоя на краю гибели, а активно боролись с нею и побеждали «мир за вычетом себя» – то есть смерть. Они не признавали перефразированного призыва Петрония: «Умереть – значит присоединиться к большинству».

Об одном из таких «обыкновенных» людей необыкновенного военного времени и пойдет речь в этой книге. Попытаемся словами передать то, что стало известно о стойком и скромном бойце «невидимого фронта» Святогорове Александре Пантелеймоновиче, действовавшем за линией фронта в тылу врага в 1944–1945 годы под псевдонимом Зорич.

Чекиста отличали неординарность мышления, молниеносность реакции и способность мгновенно схватывать суть дела в порой непростой оперативной обстановке. Его разведывательно-диверсионная группа (РДГ), дважды забрасываемая в тыл противника – в Польшу и Словакию по заданию руководства 4-го Управления НКГБ СССР (генерал-лейтенант П. А. Судоплатов) и НКГБ УССР (генерал-майор С. Р. Савченко), выходила из горячих и «незримых» боёв победительницей. Она была малочисленной по составу, мобильной по перемещениям, но весьма дерзкой по отпору врагу и результатам деятельности.

Радиостанция группы постоянно «висела» в эфире, не давая покоя гитлеровскому командованию. Все усилия военной контрразведки и гестапо нацистов обезвредить группу Зорича ни к чему не приводили.

Командир советских разведчиков-диверсантов, как старый хитрый лис, всякий раз ускользал незамеченным от фашистских ищеек. Он и его группа умно обходили капканы, расставленные

карателями и гестапо. Надо признать, что войск противника с жандармскими функциями в округе было очень много. Сюда надо присовокупить полицаев и многочисленный агентурный аппарат абвера и РСХА. Радиопеленгаторные посты и их более крупные подразделения – дивизионы были завалены шифрограммами русских разведчиков, но расшифровать за всё время работы наших разведчиков противнику не удалось ни единого знака.

Группа Зорича действовала осторожно, но прицельно, а потому действенно и результативно. Деятельность разведчика-диверсанта быстро бегущее в одном направлении время отправило в прошлое, которое стало теперь уже далекой историей.

Как замечено, великий человек идет впереди своего времени, умный идет рядом с ним на всяком пути, хитрый старается порядком использовать его, глупый становится ему поперек дороги. Время – великолепный учитель, но, к сожалению, оно убивает своих учеников на сравнительно короткой жизненной тропе, сколько лет бы человек ни прожил. Ему даже на смертном одре будет казаться – всё же маловато прожил, а ведь мог ещё пожить.

Пока наш герой был жив и находился среди нас, поэтому автор спешил. Он хотел порадовать его мыслью, что его помнят, что о нём пишут, с ним как бы сверяют свои поступки в сегодняшнем непростом времени. Автор подготовил и опубликовал большую статью о нём и намеревался вручить Александру Пантелеймоновичу. Но вот в мистический день 22 июня 2008 года героя не стало…

Теперь, после его смерти, его старший сын Леонид Александрович становился хранителем архива семейных и боевых тайн отца.

Поэтому автору хочется рассказать современникам о конкретных делах этого бесстрашного человека. Разведчик сменил семнадцать псевдонимов. Огласке предал только единственный – майор Зорич.

Чем дальше уходит от нас в глубины истории День Победы, тем пронзительнее звучит в сердце грустная нота, потому что всё меньше остаётся тех, кого мы называем «поколением победителей». Уходит живая история, унося с собой много несказанного, много неразгаданного, много лживого и правдивого.

Наш герой – свидетель «живой истории» борьбы с фашизмом на незримом фронте награжден многими орденами и медалями СССР, Польши, Чехии, Словакии и Украины, в том числе знаком «Почетный сотрудник госбезопасности СССР». По случаю 90-летия

со дня образования органов ВЧК ему был вручен орден одной из общественных организаций «Великая Победа. 1941–1945».

В его послужном списке в системе НКВД, НКГБ, МГБ и КГБ СССР десятки блестяще проведенных операций в военное лихолетье и первые годы холодной войны – в Запорожье и Киеве, Харькове и Люблине, Банска-Быстрице и Братиславе, Львове и Берлине и в других местах. В послевоенный период он продолжал воевать на незримом фронте вплоть до шестидесятых годов прошлого столетия.

По заданию мэтра советской диверсионно-разведывательной службы генерал-лейтенанта Павла Судоплатова он участвовал вместе с легендарным подрывником, в последующем полковником И. Г. Стариновым в ликвидации гитлеровского ставленника – военного коменданта Харькова генерала Георга фон Брауна.

Это дело его ума – разработка плана по разгрому со своими бойцами немецкой шпионско-диверсионной школы абвера и управления гестапо в Люблине.

Это он и его бойцы пленили личного представителя адмирала Канариса – Вальтера Файленгауэра.

На счету Зорича захват «языков» в Люблине и Братиславе, представляющих несомненный интерес для фронтовых штабов Красной Армии, и много других совершенных героических дел.

Его группа, переросшая в отряд, наряду с другими партизанскими отрядами и соединениями оказывала постоянную помощь словацким повстанцам в ходе проведения Словацкого национального восстания. Под непосредственным руководством Святогорова-Зорича были профессионально спланированы и удачно проведены ряд диверсий против гитлеровских карательных отрядов. Ликвидирован не один десяток высокопоставленных гитлеровцев, и освобождены из фашистских застенков некоторые лидеры народного сопротивления Чехословакии – в частности, Вильям Широкий и Юлиус Дюриш.

При подготовке и проведении спецопераций на территории Словакии и Чехии Александр Святогоров познакомился и работал с такими местными антифашистами, как Климент Готвальд, Людвиг Свобода, Вилко Широкий, Густав Гусак и др.

Кроме того, после неудавшейся попытки легендарного разведчика из партизанского отряда Д. Н. Медведева «Победители» – Николая Ивановича Кузнецова, действовавшего в Ровно под кличкой обер-лейтенанта Пауля Зиберта, ликвидировать рейхскомиссара Украины и гауляйтера Восточной Пруссии Эриха Коха эту задачу руководство НКГБ поставило группе майора Зорича.

Несмотря на то что палач скрывался, всячески заметая следы своего пребывания в том или ином районе Польши, разведчики в конце концов выследили его точное место нахождения и запланировали похищение или ликвидацию любимца Гитлера.

Один из агентов Зорича, польский патриот – ксендз заложил взрывчатку в подвале краковского замка Вавель – как раз под кабинетом бывшего рейхскомиссара Украины. Но подвело предательство другого негласного сотрудника. Именно он сообщил Коху о готовящемся на него покушении, и трусливый палач вовремя скрылся.

За голову майора Зорича в разное время фашисты давали от 150 до 500 тысяч крон. К нему в отряд под названием «Зарубежные» немцы не раз засылали террористов с целью ликвидации бесстрашного советского офицера-чекиста. Но все их планы заканчивались провалами – разоблачением лазутчиков: перевербовкой оступившихся или ликвидацией кровавых пособников фашистов.

Автору несколько раз доводилось слышать Святогорова во время выступлений перед разными аудиториями слушателей. А в день 90-летия со дня образования органов ВЧК – КГБ ему удалось встретиться в Киеве со старшим сыном героя Леонидом Александровичем Святогоровым. Сын очень похож на отца. Кстати, он – майор Зорич – один из прототипов собирательного героя фильма «Щит и меч» Иоганна Вайса – Александра Белова, которого профессионально и правдиво сыграл Станислав Любшин.

Вся его деятельность была, к сожалению, забыта – на полстолетия появился настоящий провал в памяти у советско-украинских властей. Создавалось впечатление, что о нем неудобно вспоминать. Почему?

– А чем занимался отец после разгрома немцев? – спросил автор этого повествования у Леонида.

Был на дипломатической работе. Дело в том, что после 1945 года, поскольку он воевал в Словакии и знал язык, его после стажировки в МИДе посылали в качестве вице-консула в Братиславу. Вскоре по откомандировании своего начальника в Москву отец возглавил консульство.

В феврале 1948 года руководство органов госбезопасности СССР направляет его в Берлин. Он действовал там как разведчик под крышей «невозвращенца». Он даже работал по Керенскому, но это отдельная тема.

Леонид Александрович в ходе рабочих встреч передал автору книги почти весь собранный материал и много эксклюзивных фотодокументов из разных этапов жизни и деятельности отца.

Бегло просматривая их, автор вспомнил старую притчу о путнике, узревшем возле дороги трех каменотёсов.

– Что ты делаешь? – спросил он первого.

– Обтёсываю камни.

– А ты? – обратился он ко второму.

– Зарабатываю себе на жизнь.

– Ну, а ты? – задал он вопрос третьему.

– Я строю храм, – гордо ответил рабочий.

Такие, как Зорич, расчищали нашу землю от нацистской скверны, чтобы затем выстроить на ней Храм Духа. Но получился ли он у нас сегодня? Думаю, пока нет, и фронтовикам обидно за это.

Как говорится, из одного шелка шьют простыни для куртизанок-шпионок и парашюты для разведчиков. Так вот те, кто прыгал с парашютом ради возведения Храма, и есть настоящие герои Отечества.

И вот что мне подумалось: человек выстроил свой храм на войне из благородных и мужественных поступков. И жизнь могла оборваться в любую минуту. Но даже если бы это случилось, осталась бы память у людей о доблести этого человека, его конкретных делах в борьбе с озверелым врагом, посягнувшим на захват родной земли, на разрушение родного дома, на истребление соплеменников.

Память хранит всё, что совершил человек. Пока жива память – человек с нами. Место среди людей всегда дорого стоило.

Переданные материалы – это и есть благодарная память о человеческом достоинстве, и их нечего «секретить» или «забывать». Таким материалам не место в архивной пыли. Только на примерах героев из прошлого могут появиться герои в будущем. О том, что знал автор о Зориче и что рассказал ему сын известного чекиста-разведчика, и пойдет речь в данной книге. Она посвящена герою, который заслужил своим ратным трудом, чтобы писать его с заглавной буквы. Герой заслужил Героя страны, которой, к сожалению, сегодня уже не существует.

...

Автор

Путь в разведку

Александр Пантелеймонович Святогоров – герой нашего повествования родился в холодный зимний месяц накануне Первой мировой войны – 15 декабря 1913 года в Харькове, будущей столице советской Украины, четвертым ребенком в рабочей семье. Словосочетание – «рабочая семья» – писали с удовольствием в своих анкетах комсомольцы тридцатых годов. То было интересное время государственного переустройства в экономике: создания коллективных хозяйств и индустриализации страны. Сегодняшние писатели, журналисты и некоторые политики, правда, подвергают критике эти события, но у истории нет сослагательного наклонения. Мы его можем только оценивать с позиций сегодняшнего дня и нередко ошибаемся. Нужно помнить, какая Россия осталась после страшных мясорубок Первой мировой войны, революционных событий и гражданской бойни. Выжить страна могла только с применением такого волевого пути. Но автор солидарен с теми, кто отвергает репрессивные методы, считая их средневековьем.

Репрессии (*лат.* repressio – подавление, угнетение) были карательными мерами, наказаниями, применяемыми государственными органами и самим государством. Они применялись, исходя из политических мотивов, в различных формах: лишение свободы, помещение на принудительное лечение в психиатрические учреждения, высылка, ссылка, лишение гражданства, привлечение к принудительному труду, лишение или ограничение прав и свобод лиц, которые были признаны социально опасными или неблагонадежными по классовым, социальным, национальным, религиозным или иным признакам, а также лишение жизни путем казни.

В одном из интервью В. В. Путин признался:

«Все мы хорошо знаем, что хоть 1937 год хоть и считается пиком репрессий, этот год был хорошо подготовлен предыдущими годами жестокости – достаточно вспомнить расстрелы заложников в годы Гражданской войны, уничтожение целых сословий, духовенства, раскулачивание крестьян, уничтожение казачества. Такие трагедии повторялись в истории человечества не однажды. Это случалось тогда, когда привлекательные на первый взгляд, но пустые идеалы ставились выше основной ценности, ценности человеческой жизни, прав и свобод человека…

Уничтожены были и сосланы в лагеря, расстреляны, замучены сотни тысяч, миллионы человек. Причем это были люди

со своим собственным мнением, люди, которые не боялись его высказывать. Это цвет нации… И мы, конечно, долгие годы, до сих пор ощущали эту трагедию на себе».

Но вернемся к тому времени.

Его называют Временем воспитания человека в коллективе и через коллектив. Рабочие и крестьяне, учителя и инженеры – труженики были в почете. Страна, которая нуждалась в грамотных специалистах, звенела от песен и гудела от маршей. Плакаты призывали: «Молодежь, – на самолеты!»

«Молодежь, – осваивай паровозы!»

«Молодежь – учись!»

«В знаниях – сила!» И так далее.

Песня-марш «Всё выше…», рожденная в Киеве и ставшая в 1933 году официальным маршем Военно-Воздушных сил СССР, звучала в тридцатые годы по всей стране. Она действительно олицетворяла чаянья молодёжи «сказку сделать былью»:

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
Преодолеть пространство и простор.
Нам разум дал стальные руки-крылья,
А вместо сердца пламенный мотор.

А припев песни-марша даже как-то успокаивал людей – самолеты наши всё лучше и лучше, а все наши границы – на замке.

Всё выше, всё выше и выше
Стремим мы полёт наших птиц.
И в каждом пропеллере дышит
Спокойствие наших границ.

Это были годы индустриального ренессанса страны, её переоснащения с вектором тяжелого, порой трагичного, ухода от единоличных хозяйств с «сохой» в сторону развития коллективных хозяйств, отечественной промышленности и начала урбанизации. Сельская молодежь почувствовала приятный вкус города.

Само время, сама судьба подсказывала – надо учиться!

Александр понимал, что ему необходимо овладеть каким-либо ремеслом, освоить конкретную специальность, а потом идти трудиться. Образно говоря, садиться на свой хлеб, тем самым

становясь самостоятельным. На всю жизнь ему запомнились слова классного руководителя, который любил повторять – согласного судьба ведёт, несогласного тащит насильно.

После окончания семи классов, что по тем временам было солидной образовательной подготовкой, ведь многие заканчивали только начальную школу и шли «на работу» или «на службу», Саша решил пойти учиться дальше.

Он успешно сдал вступительные экзамены и поступил в Харьковский силикатно-шамотный техникум. Учился легко и весело, потому что с желанием воспринимал умственную гимнастику, а ведь желание – отец мысли. Именно в желании выражается сущность человека, который считает, что оно есть потребность иметь то, чего нет, но что должно обязательно быть. Не было знаний, а их нужно было обязательно иметь для плодотворной в будущем работы и вообще для жизни в дальнейшем. Смысл существования был в учебе и работе, работе и в учебе. Недаром в народе говорится: век живи – век учись! Вульгарной концовки этой поговорки он не признавал – дураком помрёшь…

Наступал, нет, скорее наползал черной тучей трагический по последствиям 1932 год…

Несмотря на достижения в области индустриализации страны, коллективное сельское хозяйство подвело селян.

1932 год – один из самых голодных годов в СССР. Не обошло это социальное зло и его родину – Украину, которую он любил и которой гордился – республика занимала второе место в Союзе по концентрации промышленного производства после России.

Ради объективности надо признаться, что это было страшное время недорода из-за засухи и непродуманной, мягко говоря, политики верхов при планировании экономического развития. Голод наступал стремительно и масштабно. Вымирали целыми семьями на Украине и в Поволжье, на Кубани и в Казахстане, Сибири и на Дальнем Востоке и даже в некоторых центральных черноземных областях России, где плодородная земля, казалось, должна была быть щедрой…

Воронежские черноземы тоже подвели – засуха, а не люди, собирала урожай, чтобы обернуться потом голодом, людским мором. Земля пожирала людей.

Беда голода была всеобщей по Союзу. Это потом начал действовать «Гарвардский проект», подготовленный одним из коварнейших врагов единства восточного славянства Збигневом Бжезинским, провозгласившим миф о геноциде украинского народа и голодоморе только на Украине. В нем четко просматривался ясный вектор подлости на разжигание

националистических страстей, и прежде всего вражды и ненависти к москалям – России и русскому народу. Хотя надо отметить, что слово «москаль» – это не обязательно русский. Москалями называли в старину вообще служивого солдата или офицера Российской императорской армии.

Проект Бжезинского щедро финансировался и дополнялся новыми «научными разработками». Так, в 1983 году в издательстве Гарвардского университета была опубликована работа Джеймса Мейса «Коммунизм и дилеммы национального освобождения: национальный коммунизм в Советской Украине в 1919–1933 годы». Проблемой голода и террора в УССР занимался ещё один «ученый» – бывший сотрудник британской разведки Роберт Конквест, написавший по заказу и при помощи ЦРУ две книги на эту тему: «Жатва скорби» (1966) и «Великий террор» (1969). За первый опус автор получил гонорар в размере 80 000 долларов от Организации украинских националистов (ОУН). Собрали ведь такую сумму самостийщики!

И вот эти заморские и доморощенные борзописцы постепенно поднимали планку погибших от голода на Украине с диапазоном неприкрытой лжи от 5,5 до 25 миллионов человек. Махровый миф, граничащий с нонсенсом, и только. Эти два бессовестных автора, затронувшие тему голодомора, явно руководствовались нравственно-психологической установкой Адольфа Гитлера: «Чем больше ложь, тем больше ей верят».

Русофобы ретиво пытаются реализовать геополитические установки отдельных ненавистников единства славянства и самой России. Например, житомирский борзописец Иосиф Свирский, словно попугай, продолжает настойчиво повторять:

«Голодомор 1932–1933 годов – это геноцид против целого народа. Он был задуман и осуществлен руководством СССР, находящимся в Москве. А так как Россия была колонизатором Украины… то многие у нас отождествляют это преступление с Россией».

Поиском виновников голодомора в Украине озабочен и её недавний неудачный президент, ставший «хромой уткой», – неугомонный в поисках врага на Востоке Виктор Ющенко. Он винит в этом зле исключительно уже даже не сталинский режим (ведь его и следов не осталось), а нынешних россиян и их руководство. Вот до чего можно договориться в запальчивой русофобской злобе!

И мне вспомнились слова совсем не лояльно настроенного к Москве украинца – Павла Скоропадского:

«Разница между мною и украинскими кругами та, что последние, любя Украину, ненавидят Россию, у меня этой

ненависти нет. Во всём этом гнёте, которой так резко был проявлен Россией (разумеется, царской. – *А.Т.*) по отношению ко всему украинскому народу, нельзя обвинять русский народ. Это была система правления».

Страшно то, что целенаправленные глупости и подлости против единства славянских народов и православия Збигнева Бжезинского, Джеймса Мейса, Роберта Конквеста и им подобных тиражируют современные недобросовестные историки, давая пищу таким же политикам. Лживых историков, когда-то сказал великий Сервантес, следовало бы казнить, как фальшивомонетчиков. Но не будем углубляться в эту проблему – эта тема большого и глубокого исследования ждет честных историков в будущем…

* * *

Вернемся к нашему герою.

Выпускные экзамены так же легко сданы, как и вступительные. Молодого специалиста по разнарядке сверху направили на завод огнеупорных изделий Запорожского металлургического комбината «Запорожсталь». Сначала он стажировался, совсем недолго, в подмастерьях, а потом руководство, уловив в нем струнку организатора и человека, достаточно быстро усваивавшего полюбившуюся профессию, молодого специалиста сразу же назначили на высокую должность – мастера цеха.

Ступени роста, которые выстроили для согласного честно трудиться молодого человека, вскоре вывели его на относительно большой пост – начальника смены, а потом и всего цеха предприятия. Это был самый молодой руководитель такого уровня. Авторитет в коллективе его стремительно рос. Он тихо гордился собой, им громогласно гордилось руководство завода, не говоря уже о близких и родственниках. Он понимал, что репутация – это то, что говорят о тебе за твоею спиной. А говорили только добрые слова.

После страшного 1937 года власть очень боялась, что народ может взорваться или тихо войдет в состояние внутренней депрессии. Когда свобода исчезает, остается еще страна, но Отечества уже нет. Для Александра Отечество оставалось.

В 1939 году передовика производства приняли в члены ВКП(б)…

Он стал коммунистом, что по тем временам было предметом зависти беспартийных, окружающих его в коллективе. Это

сегодняшние ненавистники топчут наших стариков за то, что они умудрились родиться, учиться, работать и служить Родине во времена Красной Империи. Разве люди виноваты в том, что их родители произвели на свет в то суровое время? Родившийся ребенок не выбирает места своего появления.

О, время! Оно меняет людей, вождей и режимы. Со временем дряхлеют, рушатся и исчезают империи. И даже целые народы, но корни величия тянутся из прошлого и питают соками гордости, позволяя потомкам держать головы высоко. Воспоминания – это рай, из которого никакой историк или политик не сможет выбросить человека и его прошлую жизнь. История – это бессмертие! Инсинуации и попытки переиначивать её – это блеф и мифологемы на потребу ущербных политиканов.

* * *

Но давайте снова возвратимся к молодым годам Святогорова и появлению в его судьбе крутого жизненного поворота. Как видим из вышеперечисленных жизненных сюжетов, виражей у него было много, а они нарабатывали опыт, стиль поведения и адекватные действия в конкретных ситуациях.

Дело в том, что грамотного, честного и дисциплинированного, без всяких вредных привычек молодого человека заприметили сотрудники госбезопасности местного Управления НКВД. Надо отметить, что с тех пор в системе подбора кадров в органы ничего не изменилось – выбирали и выбирают лучших кандидатов. Его стали периодически вызывать в областное управление сначала для знакомства, затем на собеседования для определения будущей, как говорится, «профессиональной пригодности». А потом, после завершения удачного тестирования, сделали прямое предложение – перейти к ним на работу, которая называлась по-военному – службой, только не в Красной Армии, а в органах государственной безопасности.

Александр Пантелеймонович вспоминал, что ещё с детства его привлекала профессия чекиста, в частности, ее самый секретный профиль – советского разведчика. Он уже тогда четко мог отличить понятие шпиона от разведчика, предателя от патриота, террориста от диверсанта, лазутчика от бандита-уголовника. Он понимал, что шпионы предают и продают Отчизну, а разведчики её защищают.

Слово Святогорову:

«Кино я любил с детства и верил во всё, что там показывали. Для меня «туманные картины», как в 20-е годы называли немые фильмы, были волнующей реальностью. А когда появились «Красные дьяволята» и особенно «Путевка в жизнь», мне страшно захотелось быть похожим на героев этих кинокартин и так же, как и они, совершать самые невероятные подвиги и самые героические дела.

И когда бывало, кто-нибудь о чем-то необычном с иронией говорил: «Всё, как в кино», то мне хотелось возразить: «Уж если как в кино, – так и обязательно и в жизни!»

Но вот что интересно – это чувство у меня сохранилось до сих пор. И сегодня, когда очередной скептик по поводу фильма о разведчиках с иронией произносит: «Это же в кино!» – мне снова, как в детстве, но теперь уже с фактами в руках, хочется ответить: поверьте, так было в жизни. Я это знаю, потому что это прошел».

Оперуполномоченный отдела госбезопасности Управления НКВД по Запорожской области Смешко, который с позиций кадрового подбора «работал» с Александром (кстати, Смешко стал в дальнейшем ректором Киевского института иностранных языков. – *Авт.*), заявил ему буквально следующее:

«Ты молодой, перспективный специалист, свежим умом взглянешь на проблемы, появившиеся в последнее время в чекистских подразделениях. У нас, в органах, было много искажений, ошибок и даже преступлений. И мы хотим, чтобы такие, как ты, умные и физически крепкие молодые люди помогли нам очиститься от негодных, закостенелых, а потому и профессионально непригодных отдельных наших работников, опьяненных властью и слепо выполнявших порой явно преступные указания партийных чиновников и своих

непринципиальных начальников.

Приказ, конечно, есть приказ, но надо думать, какие последствия могут наступить от его рьяного выполнения. Законы у нас в большинстве случаем правильные, они – это набор правил или норм поведения, которые определяют отношения между людьми, организациями и государством. Законы чекист должен знать и неукоснительно их выполнять…»

Александру и впрямь показалось, что он приходит в чекистскую среду выполнять какие-то важные для Родины мероприятия, решать глобальные задачи, которые должны положительно перестроить отношения органов государственной безопасности в обществе и саму страну в целом.

* * *

То были годы периода правления в органах ОГПУ – НКВД сначала Генриха Григорьевича (Еноха Гершоновича) Ягоды (1891–1938), а потом Николая Ивановича Ежова (1895–1940). Эти два по существу слепых исполнителя воли вождя и вождей и по недомыслию, и по злому умыслу нагромоздили столько «кровавых несуразностей», что в рамки понятия «враг народа» мог попасть любой порядочный гражданин. В категорию противников советской власти попадали разные люди – от колхозника и до чекиста, от инженера и до партийца, от рядового и до генерала.

Красное колесо, а скорее массивный каток репрессий покатился по стране всё быстрее и быстрее, подминая под себя судьбы многих честных людей.

После смерти Ф. Э. Дзержинского в 1926 году именно Ягода сформировал центральный аппарат ОГПУ – НКВД из своих людей. С его помощью на ответственные посты приглашались, проникали и оседали, как ни странно, приверженцы Троцкого – троцкисты и другие элементы, критиковавшие линию Сталина и предлагавшие себя в поводыри государства «рабочих и крестьян» с замахом на быстрое осуществление мировой революции. Они считали, что Сталин отошел от марксистско-ленинской идеи о необходимости борьбы за Революцию во вселенском масштабе, а сконцентрировался на выполнении объёмных задач только в своей стране. Его даже называли могильщиком пролетарской революции, термидорианцем.

Как писал Алексей Елисеев, сталинскую политику именуют термидором. Особенно любил говорить о сталинском термидоре Лев Троцкий. Однако только группировка термидорианцев во Франции положила конец массовому революционному террору

1793–1794 годов, который грозил сожрать и самих революционеров.

Как ни относиться к Сталину, очевидно, что он осуществил ряд прямо-таки контрреволюционных мер, направленных против нигилизма, порожденного «внезапной» революцией. Восстановил в правах национальный патриотизм. Способствовал тому, чтобы искусство, особенно архитектурное, приняло бы классические формы. Наряду со своим культом установил культ русской литературы. Взял курс на укрепление семейного уклада. «Реабилитировал» многих исторических деятелей старой России. Прекратил преследование церкви.

Надо отметить, что ещё в 1918 году Сталин публично выражал свое скептическое отношение к революционным устремлениям европейского пролетариата. Во время обсуждения вопроса о мирном соглашении с немцами он заявил:

«…Принимая лозунг революционной войны, мы играем на руку империализму… Революционного движения на Западе нет, нет фактов, а есть только потенция, а с потенцией мы не можем считаться».

Свой скепсис Сталин сохранил и во время похода на Польшу в 1920 году. Тогда вся партия жила ожиданием революционного вторжения в Германию и взрыва её изнутри. Один лишь Сталин был против этого тезиса, оказавшись в оппозиции.

Преимущественно руками «красных князьков» на местах и ягодо-ежовского аппарата в центре были осуществлены незаконные репрессии в тридцатые годы – годы больших общественных потрясений и бурного развития промышленного производства.

Именно в подобной обстановке с социального дна поднимается пена в облике обиженных, морально ущербных и злобных людей. Как правило, такие типы всегда тянутся к власти над людьми. Особенно их привлекают карательные органы. Они там отводят душу, что и сегодня можно проследить на примерах оборотней в погонах. К советской власти того периода примазалось немало карьеристов, мздоимцев и откровенно враждебных ей лиц.

Писатель М. М. Пришвин, характеризуя эту эпоху на примере чиновничества в городе Ельце, писал в далеком уже 1919 году, что «руководящие посты в городе сумели занять негодяи, которые, в случае смены власти, вновь окажутся на прежних должностях – полицейских, урядников, инспекторов. Эти не только не заботились об авторитете советской власти, но с удовольствием под шумок уничтожали коммунистов».

Это они вскрыли ящик Пандоры, который длительное время

власти не смогли закрыть, а как результат – страдали порой ни в чем не повинные люди.

Гонимый советской властью глубокий философ и мыслитель Николай Бердяев о революции как-то сказал, что она всегда в значительной степени маскарад, и если сорвать маски, то можно встретить старые, знакомые лица. Действительно, на крутых поворотах истории появляется много перекрасившихся типов, а поэтому все революции обнаруживают необыкновенную низость человеческой природы многих наряду с героизмом немногих. Революция – дитя рока, а не свободы. И поэтому проявляли героизм те немногие, которых ученый назвал детьми рока.

Революция борется против власти, ставшей злой, и она борется за власть, и в ней побеждают силы, которые наиболее способны организовать власть, вытесняя и часто истребляя менее на это способных, желающих повластвовать.

Надо отметить, что в этих социально-политических «чистках» советского общества, по уточненным данным, погибло около пятидесяти тысяч в большинстве честных и чистых сотрудников органов госбезопасности. Чекистов, как разведчиков, так и контрразведчиков, тоже арестовывали, судили скоротечно и так же расстреливали. Они, как и другие граждане, попадали под жернова адской государственной машины с холодным, предательским чиновничьим аппаратом.

Для объективности и полноты представления, каким образом эти два жестоких человека попали в органы, есть смысл напомнить, хотя бы кратко, их жизненно-служебные вехи.

* * *

Генрих Ягода родился в городе Рыбинске Ярославской губернии в семье гравера-печатника. Он приходился троюродным братом Я. М. Свердлову – председателю ВЦИК, который не только стремился к абсолютной власти, но есть достаточно много данных о его намерениях устранить Ленина и заявить о себе как о вожде. Троцкий для него был тоже соперником, а «красный Бонапарт» тоже себя считал пригодным для руководства страной. Но судьба распорядилась по-иному: по одним данным, Сверлов простудился, слег и не мог выбраться из плена опасного недуга. По другим – и это очень похоже на правду, – его жестоко поколотили рабочие одного из московских заводов, где он собирался выступать. Третья версия – его убрали те, кому он мешал. Конец этого себялюбца и человека с масштабными запросами закономерен – его жизненная тропа закончилась

быстро. Не суди, да не судим будешь!

Ягода впоследствии женился явно по расчету на его племяннице Идее Леонидовне. До 1913 года будущий глава чекистского ведомства жил в городах Симбирске, Нижнем Новгороде и Москве.

По мобилизации попал в 1915 году в армию, где и примкнул к большевикам. В боевых действиях не участвовал. Писали, что скрывался где-то в тылах. В 1917 году оказался в Петрограде, и уже с 1918 года он – сотрудник аппарата Высшей военной инспекции. Таких «образованных» тогда свои с удовольствием брали во власть.

С 1919 года он уже на службе в ВЧК, ГПУ и ОГПУ. В 1934 году в связи с расформированием ОГПУ Ягода был назначен народным комиссаром внутренних дел (НКВД) СССР. В это же время Главное управление госбезопасности (ГУГБ) вошло в новосозданный наркомат. На этом посту он проявил себя как один из главных организаторов и исполнителей массовых репрессий.

Кроме всего прочего, он любил роскошь и, естественно, был жаден до денег. Проживая в двадцатикомнатной даче, устраивал оргии и любил побаловаться слабым полом. В суть оперативной работы особенно не вникал, хотя палаческие функции исполнял исправно, даже с «перевыполнением планов».

25 сентября 1936 года И. В. Сталин явно был не столько напуган и оскорблен той кровью, которую пролил сибарит Ягода, сколько его бездеятельностью в борьбе с главными его врагами – Троцким и троцкизмом. А скорее Сталин на основании полученных оперативных материалов подозревал, что сам главный чекист органически «вплетен» в троцкистский заговор, направленный против него – «вождя всех народов, заселяющих великий Советский Союз».

Кстати, в это время прозревший правитель СССР находился на отдыхе в Сочи вместе с наиболее приближенным к телу вождя партийным чиновником А. А. Ждановым. После краткого обсуждения «кадрового вопроса» со своим очередным любимцем, которых для профилактики менял часто, он неожиданно для многих кремлевских работников направляет в Политбюро ЦК телеграмму такого содержания:

«Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение т. Ежова на пост наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздал в этом деле на 4 года. Об этом говорят все партработники и большинство областных представителей НКВД».

И уже 29 марта 1937 года Генрих Ягода был внезапно арестован по обвинению в участии в так называемом «правотроцкистском блоке» (дело Бухарина, Рыкова и других). Следствие продолжалось почти год. На допросах он юлил, пытался изображать себя верным сторонником вождя, оклеветал ряд честных работников своего учреждении. Но это не помогло ему уйти от наказания. Его судили, а затем приговорили к ВМН – расстрелу. 15 марта 1938 года приговор привели в исполнение.

* * *

Его преемник на посту народного комиссара внутренних дел СССР Николай Иванович Ежов родился в Петербурге в семье дворника. Окончил всего три класса начальной школы. Больше никогда и нигде не учился. В 1913 году его призывают в армию, но из-за маленького роста (151 см) из строевой части он был откомандирован в артиллерийские мастерские Красной Армии. После службы работал в городах Витебске и в Вышнем Волочке…

В мае 1917 года вступил в ряды РСДРП(б). В 1921 году избран заместителем заведующего агитационно-пропагандистским отделом Татарского обкома РКП(б), благодаря чему вошел в местную партийную номенклатуру. И только уже затем отправился в «плаванье» по морям разных партийных должностей и постов.

В 1930 году Николай Ежов становится заведующим Орграспредотделом ЦК ВКП(б) и лично знакомится с Иосифом Сталиным. В 1935 году Ежова назначают председателем Комиссии партийного контроля и одновременно секретарем ЦК ВКП(б).

26 сентября 1936 года «маленького человечка», «партийного карлика», как его пренебрежительно называли многие сослуживцы, ставят наркомом внутренних дел СССР. Скоро он превратился в «кровавого карлика», «чекистского жупела», «чекистского палача № 1». Постепенно законный нарком стал усваивать должность незаконного диктатора-тирана не только в своём наркомате, но и во всей стране. Намёки и команды спускались сверху, а он их бесшабашно реализовывал в масштабах геометрической прогрессии.

Сменив Ягоду, он не только не остановил движение кровавого шнека репрессий, а наоборот, их усилил, резко ускорив обороты этой костедробильной машины. Первичную чистку Ежов начал с НКВД – убирались, как и всегда, честные и порядочные сотрудники, высокие профессионалы, не испачканные

«служебным холуяжем с кровавым оттенком». Много претензий он предъявлял разведчикам, которых отзывал из-за границы по подозрению в нелояльности к существующему режиму и предательству за рубежом. Многих чекистов он подозревал в работе на противника.

Когда автор знакомился с «деятельностью этого сталинского государственника», невольно вспомнил слова Аристотеля о феномене тирании:

«Средства тирании таковы: подавлять всякое превосходство, отделываться от честных людей, запрещать собрания и ассоциации, запрещать обучение и всякое просвещение, мешать всему. Что обыкновенно сообщает мужество и доверие к себе…

Тирания любит злых именно потому, что любит лесть. А свободный человек не может унижаться. Честный человек умеет любить, но он не льстит. Свойство тирана – отталкивать всех, сердце которых гордо и свободно».

Как любое ничтожество, он был тщеславен, а поэтому всячески поощрял возвеличивание себя в искусстве. Появились стихи и песни, благожелательные шаржи и полотна с портретами «стального наркома». Газеты печатали такие призывы: «Мы врагов советской власти по-ежовски будем бить…»

Художники рисовали наркома человеком гигантского роста, который «ежовыми рукавицами» давит гидру контрреволюции, устанавливая единый, революционный порядок по всей огромной стране.

Народный поэт Казахстана Джамбул Джабаев сварганил даже стихотворение – длиннющий панегирик под названием «Нарком Ежов». В переводе К. Алтайского оно почему-то было напечатано впервые… в «Пионерской правде». Хочу привести несколько четверостиший из этого опуса:

В сверкании молний
Ты стал нам знаком,
Ежов, зоркоглазый и умный нарком.
Великого Ленина мудрое слово
Растило для битвы героя Ежова…
С бойцами он ласков, с врагами суров,
В боях закаленный, отважный Ежов…
Враги нашей жизни, враги миллионов,

Ползли к нам троцкистские банды шпионов,
Бухаринцы, хитрые змеи болот,
Националистов озлобленный сброд…
Они ликовали, неся нам оковы,
Но звери попались в капканы Ежова,
Великого Сталина преданный друг,
Ежов разорвал
Их предательский круг…

Слово Святогорову:

…

«Все мы тогда читали это славословие наркому Ежову. Одни восторгались словами известного поэта, другие люди, в том числе и из нашей оперативной среды, открыто говорили о дешевом культе руководителя органов безопасности, третьи предупредительно-оправданно молчали, – у них четко срабатывал инстинкт самосохранения.

Я сам видел в этом стихотворении элементы подхалимажа, которые неприятны были для восприятия трезвомыслящему человеку.

Всеобщая подозрительность и аресты убеждали меня в правоте моих умозаключений. Однако среди наших сотрудников было большинство, которые считали, что скоро этому беспределу непременно придет конец.

Было такое предчувствие, было…»

Дорого обошелся стране этот «порядок», навязанный «зоркоглазым наркомом». Кровь разлакомила «маленького»

тирана. Уверовав в великую силу фальсификации и собственную безнаказанность, Ежов продолжал сочинять «обличительные» материалы, касающиеся будущих жертв. Масштабы политических убийств были таковы, что в них было что-то от Великой гражданской братоубийственной войны, от разгула стихии, вырвавшейся из-под контроля закона, совести, здравого смысла. Система уничтожала часто самых верных, тех, кому она обязана была самим существованием. Обработка арестованных была такова, что почти все обреченные, переходя в категорию жертв, «честно признавались в своих преступлениях», которых явно не совершали. Жертвам хотелось поскорей избавиться от мук и мучителей даже ценою скорой смерти. У многих тлела сомнительная мысль – я не боюсь умереть, я просто не хочу при этом присутствовать. То есть желали, чтобы скорее наступило полное затмение солнца и земли без всяких процедур: следствия и суда. Нас не будет. Впрочем, это уже было.

А обыватели, которых власть называла «народными массами», облученные радио и журнально-газетной пропагандой, верили в правильность судебных вердиктов.

Больше того, они нередко кричали на процессах судьям в отношении подсудимых: «Распните их!», «Собакам собачья смерть!», «Контрреволюционеров к стенке!», «Смерть врагам народа!», «Врагам народа скажем – НЕТ!» и другие подобные лозунги. А назавтра многие из этих людей сами становились заложниками своего суеверия, и уже на них другие «патриотически-настроенные» адепты власти орали – распните!

Как писал Судоплатов, на решение Сталина снять Ежова с должности и отдать под суд повлияла одна явная фальшивка. Именно она открыла дорогу кампании против «железного наркома» и работавших с ним сотрудников. Подстрекаемые Берией, два начальника областных управлений НКВД из Ярославля и Казахстана обратились с письмом к Сталину в октябре 1938 года, клеветнически утверждая, будто в беседах с ними Ежов намекал на предстоящие аресты членов советского руководства в канун октябрьских праздников.

Акция по компрометации Ежова была успешно проведена. Через несколько недель Ежов был обвинен в заговоре с целью свержения законного правительства. Политбюро приняло специальную резолюцию, в которой высшие должностные лица НКВД объявлялись «политически неблагонадежными». Это привело к массовым арестам всего руководящего состава органов безопасности.

В декабре 1938 года Берия официально взял в свои руки бразды правления в НКВД.

Молох репрессий не пощадил ни супругу Ежова Евгению, ни его референта по французской литературе Марию Александровну Паппэ, ни приёмную дочь Наташу Ежову. Первых двух женщин расстреляли, а малышку выслали в Магадан. В момент, когда писались эти строки, уже пожилая Наталья Николаевна – дочь наркома НКВД Николая Ивановича Ежова, жила в этом городе под чужой, навязанной ей спецслужбами фамилией. Она понимала, что её отец, проклинаемый многими сегодня, скончался в страшных муках в застенках Лубянки. Лишь один человек на свете – его дочь по-прежнему любит своего отца, пытаясь переложить основную вину на кремлёвского вождя. Может, она иногда спрашивает или спрашивала тень отца:

«Что же ты сделал, папочка, со своей и моей жизнью? Неужели стоило так надрываться, чтобы угодить кровавому упырю?!»

Вопрос почти гамлетовский. В ответ, как у Шекспира, – гробовое молчание давно отшумевшего прошлого, безвозвратно канувшего в Лету.

* * *

После расправы над Ежовым к власти в НКВД пришла новая команда.

Именно в это время появились приближенные к вождю, так называемые «подвожди» – наглый честолюбец Каганович, пьяница и гуляка Куйбышев, всегда готовый подтолкнуть падающего Ворошилов, развратник и насильник Рудзутак, жалкий фигляр Паукер, ленивый и барственный Енукидзе, трусливый краснобай Бухарин. Это он – «любимец партии», ещё в 1918 году сказал, что «пролетарское принуждение во всех формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи».

Теперь у некоторых историков и писак льются слёзы из-за такого жизненного финала «любимца партии».

А до этого, как уже говорилось, в ранге «подвождей» побывали мрачный негодяй Ягода, злобно-шкодливый Ежов, баловавшийся субъектами своего пола, и другие персонажи на политическом подиуме сравнительно молодой Советской Республики.

Все они были одним миром мазаны, всё это одна преступная мафия, захватившая власть обманом, в кредит под светлое будущее и очень скоро лишившая народ не только будущего, но и

сколько-нибудь человеческой жизни в настоящем.

Это было время состояния внутренней войны. Как говорил Томас Гоббс, пока люди живут без общей власти, держащей всех их в страхе, они находятся в том состоянии, которое называется войной, а именно в состоянии войны всех против всех.

При всех грехах Сталина, он сумел разглядеть в некоторых из этой когорты «революционеров-ленинцев» мерзость их поступков, несовместимых с занимаемыми должностями и пребыванием их на святой земле.

И уже при Ежове появляются планы и разнарядки с указанием планового выделения «энного» числа людей, предназначенных для арестов, отправки в лагеря или в «подвалы» на расстрел. Именно плановая метода уничтожения здорового генофонда как «врагов народа» стала стремительно претворяться в жизнь.

Александр помнил, как случайные прохожие, по каким-то причинам попавшие в район расположения здания УНКВД в Запорожье, спешили поскорее унести ноги от ворот, которые часто распахивались для того, чтобы пропустить во внутренний двор зловещие серые «воронки» и зеленые «хлебовозки». Они были забиты не хлебом, а всякого рода «чуждым советскому строю» элементом: «троцкистами», «бухаринцами», «вредителями», «немецкими шпионами», «антисоветчиками» и прочими «врагами народа».

После коротких следственных разборок на свалку вывозили тела тех, кого приговаривали к ВМН, и изрешеченные пулями войлочные маты и сотни килограммов истрепанных выстрелами пеньковых канатов.

Впрочем, не только Запорожье, но и вся страна в очередной раз захлебнулась кровавой волной массовых репрессий. Это были страшные годы советского мракобесия.

* * *

После приказа Ежова от 30 июля 1937 года за № 00447 начали действовать так называемые «тройки». Этот его, опять же, кровавый раструб политической мясорубки, другой образ трудно найти, стал поставлять, а ножи репрессий перемалывать судьбы и жизни зачастую невиновных людей. Из-за масштабов той кровавой лужи Ежова, которая растеклась по огромной стране, снова переполошились вожди в Кремле – явно перегнул «дурак палку», как скажет потом один из приближенных к Сталину. Чтобы что-то создать для страны полезное, надо кем-то быть. А что мог создать Ежов с неполным начальным образованием и

натурой холуя, слуги, пресмыкающегося.

Авторитет органов госбезопасности, авторитет страны на международной арене был подмочен. Результатом репрессий стал процесс невозвращения на вероятную Голгофу в Москву не одного десятка сотрудников политической и военной разведки.

Слово Святогорову:

…

«Нужно сказать, что обстановка в стране того периода была жуткой. Многие жили в атмосфере ожидания ареста – вокруг сплошная «посадка»… С нашего завода «черный воронок» каждый день кого-то увозил. Эта серая машина работала, как челнок: завод – тюрьма, тюрьма – завод. Я тоже боялся за себя. По молодости мы были смелые на колючие слова, тем более в компании сверстников, живя в общежитии.

Мне повезло: как только я женился, сразу же выселился из общежития, а там ребята немного позже здорово «залетели».

Культ Сталина не столько он создал, сколько его создавали сами люди с подачи, конечно, властей. На собраниях рабочих коллективов была такая практика: при упоминании в докладе слова «Сталин» – собравшиеся вставали и минут пять аплодировали вождю. Такая практика была заведена.

Я ещё раз отмечаю – молодежь воспринимала эту форму низкопоклонства нередко скептически. Иногда она принимала очертания протеста. У нас в общежитии висел большой портрет Сталина. Однажды при выходе ребят из столовой один из молодых рабочих запустил в «икону» мякишем хлеба,

скатанного в шарик. К вечеру вся компания была арестована.

Если бы я был с коллегами, то тоже оказался бы на нарах, и конечно, я бы не стал разведчиком».

Как писал в своей книге «Сталин и разведка» известный исследователь истории отечественных разведывательных органов И. А. Дамаскин, разведчики, находившиеся в длительных командировках за рубежом, зачастую были плохо осведомлены об арестах их коллег и друзей и расправах над ними. Доходившая до них информация в большинстве случаев носила неправильный характер, оправдывающий необходимость арестов «врагов народа».

Сейчас это трудно себе представить, но в те времена многие верили, что арестовывают истинных врагов и шпионов, и удивлялись, каким образом тем удавалось так долго носить маску преданных Родине людей. Невиновных – не арестовывают, нет дыма без огня, – крутились подобные заключения в головах тех, кто скоро становились в положение подобных жертв.

Другие полагали, что арестовывают так для профилактики за действительно имевшие место дисциплинарные или служебные нарушения. Подержат их в КПЗ и следственных изоляторах, попугают и отпустят.

А из резидентур в это время поодиночке «вытаскивали» людей, и те покорно отправлялись на Родину, где их ожидали «приёмы без почестей» с выбиванием признания в принадлежности к шпионской деятельности.

Некоторые – вполне обоснованно – считали себя честными и порядочными людьми, которых вообще не должна коснуться никакая кара, никакие репрессии. Другие полагали – так же обоснованно, – что они оправдаются, какие бы несправедливые обвинения им ни предъявляли. Иные просто полагались на судьбу, мол, она справедливо отреагирует на всякие обвинения.

Для всех них честь советского человека и разведчика была превыше всего. Слова Маяковского: *«Читайте, завидуйте, я – гражданин Советского Союза!»* были не пустым звуком, и люди даже помыслить не могли о том, чтобы не явиться домой – на Родину, по вызову, что бы их ни ожидало.

Таких людей, опытных и преданных власти, было подавляющее большинство. Это были честные солдаты сложного разведывательного уже не ремесла, а искусства, длительное время, говоря образно, ходившие по лезвию ножа в своей профессии.

Ещё одна категория зарубежных сотрудников относилась к тем, кто боялся за судьбу своих семей. А бояться было чего.

Дело в том, что ещё в 1929 году был принят «Закон о невозвращенцах». Впоследствии он был включен в Уголовный кодекс Советского государства. Им предусматривалась ответственность членов семей невозвращенцев. Совершеннолетние близкие родственники, проживавшие вместе с этими лицами, подлежали высылке в отдаленные районы Сибири на так называемое «трудовое перевоспитание».

В 1938 году, по инициативе Сталина, было принято секретное дополнение к закону, согласно которому невозвращение и бегство военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов приравнивалось к измене Родине, а поэтому соответственно были усилены кары для их родственников.

Известный разведчик Василий Михайлович Зарубин вспоминал, как на одном из совещаний Берия поднял его и безапелляционно заявил:

«Так, расскажите-ка о ваших связях с фашистской разведкой».

Зарубин сначала опешил, стены поплыли перед глазами, кровь ударила в голову и обожгла сердце, потом известный разведчик, обожаемый Сталиным, обуздал свои нервы и достойно ответил Берии, – кстати, в довольно-таки резкой форме. Он в категорической форме отверг подобные обвинения. Как ни странно, Берия оставил этот разговор без последствий, наверное, знал отношение к нему и его жене вождя. Но Берия в тот момент «нагнал страху» на всех присутствующих на совещании чекистов.

Внутренние потери, т. е. на Родине, среди разведчиков были ощутимыми. Из общего числа сотрудников внешней разведки в Центре и резидентурах в 450 человек было репрессировано 275.

Эти слова, как говорится, в назидание потомкам.

Но вернемся к главному «дирижеру» репрессий проклятого народом «тридцать седьмого».

К середине 1938 года Ежов выполнил свою миссию. Первым признаком того, что его карьера подошла к концу, стало назначение в апреле 1938 года наркомом водного транспорта (пока что по совместительству).

В августе того же года первым заместителем Ежова по НКВД и начальником ГУГБ был назначен Л. П. Берия.

23 ноября 1938 года Сталин вызвал «кровавого карлика» к себе в кабинет и потребовал от «железного наркома» написать соответствующее заявление в Политбюро ЦК ВКП(б) об освобождении его от должности наркома внутренних дел СССР. Думается, немалую роль сыграли в принятии такого решения вождя и уже упоминаемые пасквили двух «бдительных»

начальников НКВД из Ярославля и Казахстана.

«Просьба» его была немедленно удовлетворена.

А 10 апреля 1939 года Ежов был уже арестован так же, как и его предшественник. Ордер на его арест за № 2950 подписал лично его первый заместитель Берия – новый кандидат на «скользкую должность». Он тоже закончит свое пребывание на этой земле печально, но об этом несколько позже.

Существует версия, что в сейфе в служебном кабинете Ежова были найдены заведенные им дела на многих членов ЦК, в том числе на Сталина и Маленкова. Но при этом отсутствовали дела на Молотова, Кагановича, Ворошилова и Хрущева.

Ежов был помещен в подмосковную Сухановскую тюрьму, разместившуюся в здании бывшего монастыря. «Сухановка» или «Объект № 1/10» была особой следственной тюрьмой, из которой редко кто выходил живым. Содержался в одиночной камере размером два с половиной на три метра, где имелась лишь табуретка и привинченные к стене, опускавшиеся только на ночь нары. Несмотря на то, что его тщательно обыскали и переодели, в камере постоянно находился контролер, который следил, чтобы заключенный не попытался покончить жизнь самоубийством. Думаю, и не только для этого. Сталин понимал, что Ежов много знает о его конкретных приказах, как правило, устных, на уничтожение конкретных лиц, а потому постарался держать его под контролем до самого приговора суда.

11 июня 1939 года комиссар госбезопасности 3-го ранга Б. Кобулов подписал постановление о привлечении Ежова к уголовной ответственности.

1 февраля 1940 года было подписано обвинительное заключение по его делу. Суд над Ежовым состоялся на следующий день.

Следствие не в пример Ягоды длилось совсем недолго.

2 февраля того же года Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила Ежова к ВМН с конфискацией имущества.

Через два дня, 4 февраля 1939 года, осужденный Ежов был расстрелян.

* * *

Приход в «органы» Александра Пантелеймоновича совпал с пересмотром сотен, если не тысяч дел на так называемых «врагов народа». Эти жертвы наштамповали наши вожди и их послушные клевреты из местной партийной власти и ретивых сотрудников УНКВД, желающих выслужиться путем откровенного палачества

или бездумного исполнения порой преступных приказов своих руководителей. Были среди них и дела, которые и не стоило бы пересматривать. Это дела на убийц, грабителей, воров, взяточников, мошенников, настоящих шпионов, вредителей, предателей и прочего социально чуждого элемента. Их было тоже много, очень много…

Что же касается «невиновных виновных», ставших «врагами народа», то они рождались в так называемом не правовом, а «плановом» поле, созданном явными дилетантами в чекистском ремесле и человеконенавистниками, обносившимися умом, – Ягодой и Ежовым и им подобными.

Планка разоблачения врагов партии, государства и народа поднималась всё выше и выше. Уже стали появляться среди оперативного состава своего рода «маяки», «передовики» и «ударники» на ниве «разоблачительства социально вредного элемента», «антисоветски настроенных граждан», становящихся затем «врагами народа». Нередко в государствах с жесткой, тоталитарной системой правления наступают времена, когда торжествует безумие. Тогда новые властные эпигоны и их клевреты секут головы и переступившим закон, и самым благородным.

Именно тогда молодой оперативник понял, что осторожность, терпение, а главное – «короткий язык» может спасти его в будущем и позволит выжить в подобных мясорубках, неизбежность появления которых ему подсказывали старшие товарищи.

К сожалению, всё это было в Советском Союзе того периода, и от этой горькой правды никуда «…не спрятаться, не деться».

Слово Святогорову:

…

«…Началась массовая реабилитация людей, арестованных при Генрихе Ягоде и Николае Ежове. В краях и областях создавались специальные группы по реабилитации, куда входили вместе с сотрудниками прокуратуры и оперативные работники областных управлений НКВД. В одну из таких групп по пересмотру дел включили и меня.

Мы целыми сутками, сидя, как

затворники, в кабинетах, разбирали дела репрессированных, – арестованных, находящих под следствием, сидевших по тюрьмам и даже расстрелянных советских граждан. После тщательного изучения каждого конкретного дела мы писали свои мотивированные заключения о виновности или невиновности этих граждан. Последних было больше.

Необходимо заметить, что были среди них и виновные, особенно в совершении чисто уголовных преступлений – грабители, ворюги, бандиты, убийцы… Но попадалось очень много людей невиновных – так называемых политических заключенных – «политзэков».

Решением специально созданных комиссий такие граждане освобождались из-под следствия и даже выпускались из тюрем. А некоторые сотрудники НКВД, которые сфальсифицировали эти дела, арестовывались и впоследствии попадали под трибуналы. К ним нередко применялась высшая мера наказания, и они расстреливались по суду.

Мы боялись одного – исчезновения свободы снова, понимая, ведь когда она исчезает, остается ещё страна, но отечество уже умирает. Слава богу, что Отечество осталось с нами и мы доказали Родине в её тяжелую годину свою любовь и верность…

Помню, я беседовал с директором завода «Коммунар». Спрашиваю у него: «Не понимаю одного, как это вы сознались, что являетесь шпионом?»

А он мне и рассказывает…

Его водворили в камеру, где должен был сидеть только один заключенный, а там человек тридцать. Негде было даже сесть – все стояли спрессованные, как стебли в снопе. Не могли спать – на полу вонючая жидкость, делали всё под себя. А потом следователь требовал: или подписывай все составленные мной протоколы, или назад – в камеру! И люди ломались, подписывая что угодно… Поверьте – это было страшно…

Я по-прежнему считаю Ежова ответственным за совершенные преступления. И полностью солидарен со своим начальником Судоплатовым в том, что нарком был ещё и профессионально некомпетентным руководителем.

Чтобы понять природу ежовщины, необходимо учитывать политические традиции, характерные для нашей страны. Все политические кампании в условиях диктатуры неизменно приобретают безумные масштабы, и Сталин виноват не только в преступлениях, совершившихся по его указанию, но и в том, что позволил своим подчиненным от его имени уничтожать тех, кто оказывался неугоден местному партийному начальству. Руководители партии и НКВД получили возможность решать даже самые обычные споры, возникавшие чуть ли не каждый день, путем ликвидации своих оппонентов…»

* * *

Александру приходилось работать и учиться, учиться и работать над повышением своего профессионального уровня. Как говорится, у него не было времени на медленные танцы в быстротекущей жизни, он понимал, что жить – это двигаться, расти, мыслить. Его девизом того бурного времени были слова: «…и постоянны только камни, жизнь быстротечна, как вода».

Лекции и практические занятия по основам оперативной работы чередовались с активным изучением иностранных языков. Учением такие сотрудники, как он, занимались с усердием, понимая, что каждый из них – кузнец своего счастья. Недаром замечено, сколько и как ты знаешь иностранных языков, столько ты человек, тем более для избранной новой профессии – чекистской с разведывательным уклоном.

В одной из записных книжек у него имелась запись о степени ценности информации, полученной от агента, и её оценке в Центре. Разведданные, как известно, могут носить двоякий характер. Одни из них являются подлинными и раскрывают планы противника, вторые – специально подбрасываются противником для введения другой стороны в заблуждение.

Потом в ходе войны Святогоров не раз встречался с этой оперативной аксиомой. Надо отметить, что спецслужбы гитлеровской Германии зарекомендовали себя мастерами маскировки своих подлинных намерений, высокими специалистами в области обмана и провокаций – дезинформации.

Вообще Александр считал, что экстремальные тренировки обостряют инстинкт самосохранения, оттого на полевых занятиях по стрельбе, топографии и минному делу отдавался полностью. Он буквально срастался с каждым днем учебного процесса.

А счастье личное он и его товарищи видели и искренне воспринимали только в счастье Родины, в её безопасности, в благосостоянии народа. И такая позиция для юношей того времени была не бравадой, не пустым звуком, не квасным патриотизмом. Они росли настоящими патриотами Отчизны, знающими, для чего им эти занятия и знания в ощущающемся приближении предгрозового будущего.

«Каждый человек имеет на земле какое-то предназначение, которого никто другой за него не исполнит, – рассуждал Александр. – Биологическая программа заложена сверху, только надо уяснить её возможности, а затем претворять в жизнь свои тактические и стратегические начертания, тогда получится толк из любой личности. Когда же человек мечется, не знает, куда он направляется, ему никогда не будет попутного ветра…»

Народное предание гласит, что земля может накормить человека, напоить водой из своих родников, но защитить сама

себя она не способна, поскольку это святое дело тех, кто ест хлеб родной земли, пьёт её воду, любуется красотой родной земли. Профессия воина, защитника всегда была почетной на Руси. Это сегодня её затоптали, испохабили, оболгали лжедемократы и властвующие либералы разных мастей, в том числе и с погонами. Чего стоит волкогоновщина в ельцинский период безвременья!

Исторически сложилось так, что нашему народу веками приходилось вести борьбу с чужеземными захватчиками за свое национальное существование. А о том, что цунами войны приближается, и эта гигантская, разрушительная волна неминуемой сшибки народов в Европе непременно накроет страну, догадывались многие.

Святогоров был уверен, что столкновения с фашизмом не избежать, как это понимало и большинство населения страны. В то очевидное время нельзя было оценивать обстановку по-другому. Люди по радио и из газет узнавали, как Гитлер активно поглощает европейские страны – Польша, Чехословакия, Франция, Бельгия, Норвегия и другие, – постепенно аккумулируя экономику этих государств, для расширения своего военного потенциала, нацеленного вовсе не на Британские острова, а на Восток. Этого же желала и сама Великобритания в лице правящей верхушки – трусливого Чемберлена и ярого русофоба Черчилля, всякий раз провоцировавших гитлеровскую Германию к нападению на Советский Союз.

Это было Время войны. А войну можно справедливо сравнить со способом развязывания зубами политических узлов, которые не поддаются языку дипломатии. Честным переговорным языком фашисты не хотели разговаривать, они рвали зубами, как звери, политические узлы, завязанные по их вине в Европе. Многие политики понимали, что любая война – это преступление против человечества, но будущая, с горами накопленного оружия, – есть безумие, по сравнению даже с Первой мировой войной. Гитлеровцы так не считали, судя по первым легким победам. Они верили в своё оружие, в свою предначертанную победу, в своего фюрера, которого, как им казалось, двигало само Провидение. Об этом геббельсовская пропаганда прожужжала уши мировой общественности.

На фоне готовности Германии к походу на Восток перед нашей страной и Красной Армией вставал и рельефно вырисовывался грозный противник в облике сильного вермахта. Нельзя сбрасывать со счета и активно работающих специальных служб фашистской Германии…

* * *

В ходе обучения Александр четко усвоил, с какими органами ему придется встретиться. В секретной тетради он вычертил схему: «Органы разведки Германии». В соответствии с нацистской доктриной завоевания мирового господства, разведывательно-подрывную деятельность против потенциальных противников Германии вели:

– служба военной разведки и контрразведки (абвер);

– внешнеполитическая разведка Главного управления имперской безопасности (РСХА);

– иностранный отдел гестапо, внешнеполитический отдел национал-социалистской партии;

– специальная служба министерства иностранных дел;

– иностранный отдел министерства пропаганды;

– имперское колониальное управление.

Для эффективной борьбы с ними чекистам, особенно молодым, надо было быстрее, шире и глубже постигать азы этой специфической профессии.

Глубоко врезались в память Александру Пантелеймоновичу слова, сказанные однажды одним опытным преподавателем-разведчиком:

...

«…учение без размышления бесполезно, но и размышление без учения опасно. Учитесь так, словно вы постоянно ощущаете нехватку своих знаний, и так, словно вы постоянно боитесь растерять свои знания. Если учиться и не думать – запутаешься. Если думать и не учиться – впадешь в сомнения. Хитрые люди презирают учение, простые преклоняются перед ним, мудрые пользуются им. Так будьте простыми и мудрыми…

Учитесь также прилежно на опыте и ошибках противника. Ваша любовь к Отечеству не должна заставлять вас закрывать глаза на заслуги иностранцев. Напротив, чем более вы любите Отечество, тем более должны стремиться

обогатить свою страну сокровищами, извлеченными не из её недр. Враг тоже учится, – его надо изучать и знать, только тогда можно ждать победы над ним. На чужих ошибках полезнее учиться, чем на своих – так выгоднее во всех отношениях…»

Сегодня, к сожалению, мы извлекаем сокровища из своих недр и отдаем или продаем их, обогащая, мягко говоря, «партнеров».

А ещё он запомнил с того времени висевший в Управлении НКВД агитационный плакат, призывавший к бдительности. Девушка в красной косынке, туго повязанной на голове и закрывающей часть лба, приложив указательный палец правой руки к губам, зорко смотрела на любого созерцающего её снизу. В нижней части плаката крупным красным шрифтом было набрано: «НЕ БОЛТАЙ», а в правом верхнем углу полотнища словно звенели призывные слова:

Будь начеку,
В такие дни
Подслушивают стены.
Недалеко от болтовни
И сплетни
ДО ИЗМЕНЫ.

Прилежный ученик философию своего чекистского гуру запомнил на всю жизнь. Учитель был из той категории, которые считают, что люди учатся, когда они учат. Многому он научился у своих наставников, ещё больше – у своих товарищей по оперативному ремеслу, но более всего, как ни странно, – у своих учеников, ибо жалок тот ученик, который не превосходит своего учителя. Таких учеников за свою долгую службу Родине он выпестовал не один десяток. Немало нужного опыта Александр Святогоров перенял и у противника, который располагал широким арсеналом в деятельности спецслужб – разведки и контрразведки.

Поэтому своим ученикам Александр Пантелеймонович не раз говорил, что противника надо уважать за то, что он беспристрастно вскрывает ваши ошибки, поэтому он гораздо полезнее, чем друг, скрывающий их.

Святогоров справедливо считал, что учение в молодости – это словно резьба по камню, в старости – черчение на песке. Память

стариковская недолговечна. Такова уж физиология. Время не щадит мозги и сокращает извилины…

* * *

В одном из выступлений он упоминал о постулатах одного китайского государственного деятеля о градации и использовании шпионов, которые не раз обсуждались слушателями во время его учебы в далёкие тридцатые годы. В литературе на эту тему автору этих строк удалось найти трактат китайца Сунь-Цзы об использовании шпионов. По всей вероятности, он ссылался на этого китайского мудреца:

«…Вообще, когда поднимают стотысячную армию, выступают в поход за тысячу миль, издержки крестьян, расходы правителя составляют в день тысячу золотых. Внутри и вовне – волнения; изнемогают от дороги и не могут приняться за работу семьсот тысяч семейств.

Защищаются друг от друга несколько лет, а победу решают в один день. И в этих условиях жалеть титулы, награды, деньги и не знать положения противника, – это верх негуманности. Тот, кто это жалеет, не полководец для людей, не помощник своему государю, не хозяин победы.

Просвещенные государи и мудрые полководцы двигались и побеждали, совершали подвиги, превосходя всех других, потому что всё знали наперёд.

Перспективные знания нельзя получить от богов и демонов, нельзя получить и путем заключения по сходству, нельзя получить и путем всяких вычислений. Знание положения противника можно получить только от людей.

Поэтому пользование шпионами бывает пяти видов: бывают шпионы местные, бывают шпионы внутренние, бывают шпионы обратные, бывают шпионы смерти, бывают шпионы жизни.

Все пять разрядов шпионов работают, и нельзя знать их путей. Это называется непостижимой тайной. Они – сокровища для государя.

Местных шпионов вербуют из местных жителей страны противника и пользуются ими; внутренних шпионов вербуют из его чиновников и пользуются ими; обратных шпионов вербуют из шпионов противника и пользуются ими.

Когда я пускаю в ход что-либо обманное, я даю знать об этом своим шпионам, а они передают это противнику. Такие шпионы будут шпионами смерти. Шпионы жизни – это те, кто возвращается с донесением.

Поэтому для армии нет ничего близкого, чем шпионы; нет больших наград, чем для шпионов; нет дел более секретных, чем шпионские. Не обладая совершенным знанием, не сможешь пользоваться шпионами; не обладая гуманностью и справедливостью, не сможешь применять шпионов; не обладая тонкостью и проницательностью, не сможешь получить от шпионов действительный результат. Тонкость! Тонкость! Нет ничего, в чем нельзя было бы пользоваться шпионами.

Если шпионское донесение ещё не послано, а об этом уже стало известно, то и сам шпион, и те, кому он сообщил, предаются смерти.

Вообще, когда хочешь ударить на армию противника, напасть на его крепость, убить его людей, обязательно сначала узнай, как зовут военачальника у него на службе, его помощников, начальника охраны, воинов его стражи. Поручи своим шпионам обязательно узнать всё это.

Если ты узнал, что у тебя появился шпион противника и следит за тобой, обязательно воздействуй на него выгодой; введи его к себе и помести его у себя. Ибо ты сможешь приобрести обратного шпиона и пользоваться им. Через него ты будешь знать всё. И поэтому сможешь, придумав какой-нибудь обман, поручить своему шпиону смерти ввести противника в заблуждение. Через него ты будешь знать всё. И поэтому сможешь заставить своего шпиона жизни действовать согласно твоим предположениям.

Всеми пятью категориями шпионов обязательно ведает сам государь. Но узнают о противнике обязательно через обратного шпиона. Поэтому с обратным шпионом надлежит обращаться особенно внимательно.

В древности, когда поднималось царство Инь, в царстве Ся был И Чжи; когда поднималось царство Чжоу, в царстве Инь был Люй Я. Поэтому только просвещенные государи и мудрые полководцы умеют делать своими шпионами людей высокого ума и этим способом непременно совершают великие дела.

Пользование шпионами – самое существенное на войне; это та опора, полагаясь на которую действует армия…»

Александр Пантелеймонович глубокую философию китайца применял на практике, руководствуясь своими понятиями о добре и зле. Его учило суровое время тактике и стратегии использования своей агентуры в стане противника.

На войне такие уроки поучительны вдвойне.

* * *

За захватом и разгромом Польши пришел черед и других государств на Европейском континенте. Австрийским аншлюсом, оккупацией Франции, Чехии, Югославии, Бельгии, Норвегии и других стран готовился своеобразный плацдарм для нападения на СССР. Как писал Ю. Бондарев, «рейхсминистр Геббельс резко-пронзительным голосом «под фюрера» еженедельно сообщал о предсказанных самим роком победах немецкого оружия, и переполненный зал, вздымая к трибуне руки, чернея нарукавными свастиками, по-бычьи неустанно ревел тысячами глоток: «Зигхайль!» Бледные лбы лоснились. Глаза горели горячечным огнем исступления. В них была неутоленная жажда завоевателей мира. Они пели гимн Хорста Весселя. В нем звучали неистовая преданность кровавому братству СС и разрушительная свирепость новорожденных нибелунгов двадцатого века. На паучье-черных штандартах, символах разрушения и непреклонности, вея смертью, ядовито сверкали незримые полудевизы-полузаклинания: «Германия превыше всего!», «Совесть – химера!», «Убивай, убивай!..»

Активно против Советской России заработали немецкие спецслужбы: военная разведка – абвер, главное управление имперской безопасности – РСХА, управление внешней разведки нацистской Германии. У руля этих разведывательно-диверсионных органов стояли соответственно вышколенные специалисты «плаща и кинжала» – Канарис, Гейдрих и Шелленберг. Но первую скрипку в карательной политике Третьего рейха, конечно же, играл рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер.

Одиозной фигурой в этой тройке был Рейнхард Тристан Гейдрих.

Этот человек был невидимым стержнем, как говорил о нем Шелленберг, вокруг которого вращался нацистский режим. Развитие целой нации косвенно направлялось им. Он намного превосходил коллег-политиков и контролировал их, так же как он контролировал огромную разведывательную машину СД…

Сентиментальный музыкант, романтический моряк, хитрый и жесткий шеф РСХА, прекрасный фехтовальщик, коллекционер женщин, образцовый отец, грациозный наездник и бесстрашный летчик-истребитель – всё это одно лицо, имя которому Рейнхард Гейдрих.

А Гиммлер о своем коллеге добавил:

«Он обладал необычным даром оценки людей и мог предсказать с поразительной точностью поступки не только врагов, но и друзей».

Вот каким зубрам спецслужб пришлось противостоять нашим разведчикам и контрразведчикам в годы войны.

События сороковых роковых постепенно приближались к нашим границам. Уже шел роковой 1941 год. По каменным торцам, по брусчатке, по асфальтным магистралям и гужевым дорогам европейских государств гулко гремели стальные траки мощных танковых колонн вермахта.

Уже властно звучала резкая, лающая немецкая речь коричневых «сверхчеловеков – людей без нервов» на улицах городов и сел Балкан и в песках пустыни на подступах к Александрии.

Уже отборные немецкие дивизии сосредотачивались у границ с Советским Союзом. Это был апогей германского фашизма, подмявшего почти всю Европу и заставившего покоренные в короткое время страны работать на военную машину Гитлера, направленную на восток – главную цель Третьего рейха.

Уже без маскировки гудели дизельные моторы танков и тягачей.

Уже в открытую рыскали в небе над нашей территорией стервятники люфтваффе.

Ветер тщательно подготовленной войны гнал темные тучи скорых боевых действий с запада на восток.

* * *

В последние годы Гитлер страдал неукротимой бессонницей. Работал много – поздно ложился и рано вставал. Хотя до этого и любил понежиться в постели. Были случаи, когда он просыпался ближе к полудню. Как истый аскет в быту и неприхотливый в еде, он утром выпивал стакан молока или фруктового сока, съедал одну или две булочки, ломтик мармелада или фруктовое желе. Как вегетарианец на обед он заказывал вареные овощи. Овощной суп. Омлет из овощей со свекольной ботвой и компот из фруктов.

Утром после приема пищи он гулял, потом садился за письменный стол и просматривал государственные бумаги, собравшиеся за сутки. Этот процесс ему не нравился – он не любил бумаги, презирал их, потому что они были холодны, немы и не способны были слушать фюрера.

После просмотра бумаг – этой настоящей для него пытки фюрер приглашал к себе адъютанта и «тренировался» в ораторском искусстве. Он успевал говорить с подчиненным о политике и бизнесе, об истории и астрологии, о Карле Великом и Наполеоне, о религии и большевиках…

Он любил, когда его кто-то слушает и не возражает ему. А ещё ему нравилось опаздывать на совещания с военными, –

этой привычкой он как бы говорил: пусть знают, как занят их главнокомандующий!

После этого вставал из-за длинного письменного стола, обводил взглядом гобелены, висевшие на стенах его огромного кабинета, подходил к большому глобусу на подставке из черного дерева и мысленно обнимал земной шар.

«Какой он маленький, совсем как футбольный мяч, – рассуждал он, – пни ногой моей победоносной армии, и он покатится в нужную сторону мировых ворот. А вообще планета Земля может и исчезнуть и раствориться в космическом пространстве. Но это случится тогда, когда арии оседлают другие планеты, лучше подготовленные к существованию человека».

Потом его взгляд сосредотачивался на одной шестой суши, занимаемой большевистской Россией, и тут же накачивался мистической ненавистью ко всем её обитателям, независимо от профессии, национальности и вероисповедания. Все люди этой страны для него были нелюдями, которым он вынес один вердикт – уничтожить «брак природы».

Затем он приглашал в кабинет генералитет – руководителей генштаба. Как правило, слушал доклады невнимательно, часто осыпал докладчиков колючими репликами. Когда ему надоедало слушать военного, он прерывал его доклад и разражался мощным, напористым потоком монолога, порой не имеющего никакого отношения к обсуждаемому вопросу. Генералы уже улавливали по мимике и жестам фюрера, когда им стоит замолчать и внимательно вслушаться в разглагольствования вождя нации.

Из-за непропорциональности фигуры – длинный торс и короткие нижние конечности ему приходилось чаще переставлять ноги, поэтому многим его подчиненным казалось, что он вечно спешит. Одевался он скромно – летом облачался в коричневую рубашку, заправленную в военные бриджи, и сапоги. В прохладное время фюрер надевал френч серо-зеленого цвета, а в холодный сезон экипировался в длинное кожаное пальто с широким поясом. Во время пребывания на оборонных заводах и полигонах он любил поднимать воротник плаща. Как ему казалось, в таком положении он казался выше. Военная фуражка с высокой тульей была обязательным атрибутом его одеяния во время поездок по стране и в зоны боевых действий.

Его соратники сверкали орденами, а он носил только два знака отличия – простой солдатский Железный крест, полученный в Первую мировую войну, и золотой значок члена нацистской партии.

Он любил свою резиденцию в Бергхофе, окруженную горными вершинами, покрытыми снегами, зеленью и голым камнем. Здесь,

в резиденции, запрещалось курить и распивать крепкие напитки. Именно тут обговаривались главные военно-экономические проблемы в кругу своих соратников, но принимал окончательное решение по ним, конечно же, сам фюрер. Здесь же зарождались планы европейских агрессий…

* * *

За год до начала войны в кабинете рейхсканцлера собрались нужные для важного совещания люди. Гостями кабинета в «орлином гнезде» были Геринг, Геббельс, фельдмаршал Кейтель, генералы Йодль, Браухич, Гальдер, несколько офицеров оперативного управления штаба вермахта, Розенберг и двое стенографов. Гитлер, как и положено, прибыл с опозданием. Он, ни на кого не глядя, быстро поприветствовал собравшихся соратников лениво приподнятой рукой с открытой ладонью, короткими и быстрыми шажками пересек по диагонали кабинет и, приблизившись к огромному глобусу, заявил:

– То, что вы услышите сейчас, – важная государственная тайна. Это решение продумано мною до деталей и должно стать основой плана «Барбаросса». В форме приказа его оформит Йодль. Война с Россией – это должны вы все твердо усвоить и довести до каждого подчиненного по цепочке – это война особая, она не может вестись по-рыцарски. Эта война идеологических и расовых противоположностей, и её надо будет вести самым резким, самым безжалостным способом. Еврейско-большевистская власть в Советской России должна быть сокрушена окончательно, а её главные носители в лице комиссаров истреблены все до единого. Еврейство и советская власть должны быть уничтожены…

Он говорил всё быстрее и быстрее. Его лающий голос звучал в кабинете всё громче и громче, пока в уголках губ не показалась белая пена. Некоторые его слушающие брезгливо поморщились.

Гальдер быстро перевел свой взгляд с лица бесноватого фюрера на кипу бумаг, лежащих на столе, и подумал:

«Всё, Адольф закипел. Пена уже показалась. Монолог кончится, и сейчас он всех нас разгонит по своим местам работы».

Но прогноз начальника генерального штаба сухопутных войск Германии не оправдался, Гитлер уже спокойным тоном стал возлагать важные задачи на отдельных нацистских бонз.

На этом совещании он нарезал конкретные обязанности. Гиммлеру – проведение «специфических задач» с учетом борьбы с идеологическим противником. Герингу – контроль по

использованию всех экономических ресурсов СССР для немецкой индустрии. Розенбергу – разработка проекта государственного устройства России после победоносного окончания войны, то есть расчленение Страны Советов.

До начала войны оставался один год…

«Барбаросса» в походе

Вечером 21 июня немецкие офицеры получили специальные директивы касательно предстоящих боевых действий. Многие из них приветствовали очередное проявление мудрости и дальновидности фюрера и рассуждали, что Россия – трамплин на пути Третьего рейха к мировому господству.

В полученных директивах оговаривалась коллективная ответственность жителей тех деревень, вблизи которых будут обнаружены партизаны. Тогда же был распространен и печально знаменитый «приказ о комиссарах», согласно которому политруки Красной Армии, коммунисты, евреи и партизаны должны были передаваться в руки СС и тайной полиции – гестапо для их ликвидации. Большинству штабных офицеров и всем офицерам разведки был доведен приказ фельдмаршала фон Браухича от 28 апреля 1941 года, подводящий базу под взаимоотношения между армейским командованием и эсэсовскими зондеркомандами, которые должны будут действовать в зоне ответственности боевых подразделений.

Именно на войска СС и службу безопасности возлагалось выполнение «специальных» задач в заключительной фазе «решительной борьбы между двумя противоположными политическими системами». В конечном итоге так называемый «приказ о юрисдикции» лишал русское гражданское население права жаловаться на действия оккупационной армии и освобождал солдат вермахта от всякой ответственности за совершение преступлений против жителей оккупационных земель, будь то убийство, насилие или грабеж.

Приказ, подписанный 13 мая 1941 года фельдмаршалом Кейтелем, объяснял нацистскую жестокость следующим образом:

«Катастрофа 1918 года и последовавший за ней долгий период страданий немецкого народа, а также борьба против национал-социализма, повлекшая множество кровавых жертв, – вина за всё это ложится на большевиков и тех, кто поддался их влиянию. Ни один немец не должен об этом забывать».

По существу, эти приказы и директивы гитлеровцев были не чем иным, как оправданием массовых убийств…

* * *

С началом Великой Отечественной войны центр вооруженной борьбы переместился с западных фронтов на советско-германский

фронт, где развернулись ожесточенные сражения. Группировка фашистской Германии насчитывала 5,5 млн. солдат и офицеров, более 47 тыс. орудий и минометов, около 4,3 тыс. танков и штурмовых орудий и до 5 тыс. боевых самолетов. Этой мощной армаде вермахта, укомплектованной отборными кадровыми соединениями, противостояли советские войска западных приграничных округов, насчитывающие 2680 тыс. солдат и офицеров, 37,5 тыс. орудий и минометов, 1475 танков «КВ» и Т-34, 1540 боевых самолетов новых типов, а также значительное количество танков и самолетов устаревших конструкций.

Вероломное вторжение агрессор начал мощными группами армий «Север», «Центр» и «Юг», соответственно под командованием фельдмаршалов фон Леeба, фон Бока и фон Рундштедта на трех стратегических направлениях – из Восточной Пруссии – на Ленинград, из района восточнее Варшавы – на Минск и далее на Москву, из района Люблина – на Житомир и Киев. Основную ударную мощь вермахта составляли крупные танковые и моторизованные соединения, применение которых мощными «броневыми кулаками и клиньями», по замыслу их родоначальника генерал-полковника Гудериана, приносило победы на Западе.

* * *

22 июня 1941 года стало для молодого чекиста рубежом, с которого началось восхождение его на пик тонкой и ответственной практической работы и разведчика, и контрразведчика.

Надо отметить, что уже в самом начале Великой Отечественной войны в активную борьбу с немецкими войсками включилось население охваченных военным лихолетьем районов. Это были первые проявления могучего партизанского движения, которое со временем серьёзно потрясёт вражеский тыл. Сообщения об участии населения в борьбе с врагом, партизанских действиях поступали отовсюду.

Вопросы борьбы с противником остро встали и перед госбезопасностью. В первые же дни войны Сталин потребовал развернуть широкую и глубокую разведывательно-диверсионную работу. Для этих целей в НКГБ было сформировано специальное подразделение – Особая группа при Наркомате внутренних дел. Возглавить её было поручено Павлу Анатольевичу Судоплатову. Он писал, что начальникам всех служб и подразделений в системе НКГБ вменялось в обязанность оказывать помощь и

содействие сотрудникам этой группы.

Главными задачами Особой группы были:

– ведение разведывательных операций против Германии и её сателлитов,

– организация партизанской войны,

– создание агентурной сети на территориях, находившихся под немецкой оккупацией,

– руководство специальными радиоиграми с немецкой разведкой с целью дезинформации противника.

Осенью, а точнее в октябре 1941 года, Особая группа в связи с расширенным объёмом работ была реорганизована в самостоятельный 2-й отдел НКВД в непосредственном подчинении Берии. Потом это подразделение расширилось и стало легендарным 4-м управлением НКГБ, засылавшим партизанские формирования, отряды, группы в тыл к немцам, включая в их состав опытных офицеров-разведчиков и радистов.

Не раз Александр вспоминал слова Льва Толстого из романа «Война и мир», где великий гуманист своего времени писал о «поднятой дубине народного гнева» и недовольства нашествием французских войск Наполеона. Эта гневная партизанская дубина долбила и долбила врага до тех пор, «пока не погибло всё нашествие».

Заметно росла бесконечная патриотическая готовность советских людей бить немца с оружием в руках в любых условиях и на любых рубежах…

18 июля 1941 года ЦК ВКП(б) принял постановление «Об организации борьбы в тылу германских войск», что явилось солидным подспорьем и конкретным целевым указателем в организации дальнейшего развертывания партизанских действий.

* * *

В это время за сотни километров от советской границы, в Германии происходили радостные события. На аэродроме Гроссенхайн творилось что-то невообразимое. Сквозь надрывный вой авиационных моторов и режущих со свистом лопастей самолетных пропеллеров прорывались дикие, исступленные выкрики авиатехников и представителей других служб аэродромного обслуживания. Из садившихся «юнкерсов», освободившихся от бомб на советской территории, вываливались летчики и тут же попадали в объятия своих коллег. Героев люфтваффе Геринга подбрасывали в воздух в знак их успешной «работы» и благополучного возвращения…

А в штаб-квартире адмирала Канариса в одном из кабинетов готовилось совещание. Офицеры громко переговаривались, обсуждая первые удачные дни гитлеровского «блицкрига». Один из сотрудников военной разведки Вилли Шмундт расписывал коллеге богатства России и красоту «руссиш фрейлейн» – он уже бывал в Советском Союзе в качестве переводчика при строительстве тракторного завода на Волге – в Сталинграде. Офицер восторгался вкусом русской водки, горячими бедрами красавиц-славянок и просторами России.

«О, русские красавицы, несмотря на холодный климат, всегда горячи, – хихикнул Вилли. – Они любят крепко, очень крепко, так крепко, что можно умереть. Поверьте мне».

Свидетелем этого разговора был двадцатитрехлетний обер-лейтенант абвера Курт Браун. Он уселся поудобнее и с брезгливой благосклонностью продолжал слушать болтовню Вилли Шмундта.

«Для таких скотов, – подумал Браун, – предел мечтаний – дармовая водка и славянские женщины. Впрочем, так и должно быть: избранным – всё, черни – объедки с господского стола. Этим типам хорошо придется потрудиться, прокладывая для элиты нации путь к богатству и могуществу. Не исключено, что своими костями…»

Дальше развить свои размышления не дала резко прозвучавшая команда «Ахтунг!».

Сразу же все смолкли.

В кабинет вошел начальник отдела Абвер-2 полковник Лахузен.

– Господа офицеры! – Голос его звенел на высшей ноте. – Вы являетесь свидетелями и участниками выдающегося исторического события – час назад фюрер начал войну против большевистской России! Да, да, начал. Война уже идет. Россияне бегут по всему фронту. Но это не значит, что наша служба должна стоять в стороне. Вермахт ждет от нас помощи. Возможности противника, надо сказать самокритично, пока мы знаем ещё слабо. Агентурный аппарат недостаточен ни количественно, ни тем более качественно, но мы победим с нашим фюрером…

– Хайль Гитлер! – дружно рявкнули, вскакивая из-за длинного дубового стола, офицеры.

Вскоре после этого совещания на аэродром была направлена группа абверовских диверсантов. Этим головорезам, переодетым в форму советских военнослужащих, надлежало срочно десантироваться с парашютов южнее местечка Яворов Львовской области. В их задачу входило:

– подрыв железнодорожных мостов на участке Львов –

Перемышль,

– вывод из строя линий связи,

– расправа с мирным населением, сочувствующим советской власти, и организаторами колхозов.

В группу входили эмигранты из Прибалтики, польские уголовники и восемь украинских националистов из ОУН Степана Бандеры. Кроме всего прочего им поручалось в тылу Красной Армии ночами, чтобы не привлекать внимание путейцев и чекистов, взрывать железнодорожное полотно, разбирать его звенья и сбрасывать рельсы под мосты, откосы и в глубокие овраги.

С первых дней войны подобные зондеркоманды, спустившиеся с небес, порой сами выбирали себе объекты для диверсий: склады ГСМ и с боеприпасами, военные автоколонны и тыловые подразделения и прочее. Небольшие отряды красноармейцев, выходивших из окружения, тоже часто становились жертвами этих команд.

Захваченные военными контрразведчиками вражеские парашютисты показывали, что их команды укомплектованы в основном выпускниками двух учебных центров – в Тегеле под Берлином и в Квинцзее близ Бранденбурга. Один специализировался на подготовке чисто диверсантов, а другой – диверсантов и террористов. Занятия продолжались шесть месяцев, и выпускники предназначались для действий на территории СССР, и прежде всего на Украине, в Белоруссии и Прибалтике.

И уже 24 июня 1941 года, на третий день войны, Совет Народных Комиссаров СССР принимает специальное правительственное постановление «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе». Территориальные органы НКВД обязаны были создавать на местах истребительные батальоны для уничтожения диверсантов.

* * *

В особом отделе Юго-Западного фронта военные контрразведчики не только боролись с диверсантами путем применения чекистско-войсковых операций, но и осуществляли перевербовку захваченной абверовской агентуры. Анализ работы по этой линии показывал, что германское военное командование и абвер по-прежнему делали ставку на разложение нашей армии, на бредовую идею «пятой колонны», якобы существующей в

Советском Союзе. Это был большой просчет руководителей вермахта и спецслужб Третьего рейха при разработке стратегии войны против Советской России.

«Ступив на нашу землю, – писал известный военный контрразведчик, участник войны, генерал-майор М. А. Белоусов, – гитлеровцы, естественно, начали искать опору своему «новому порядку» среди местного населения и военнопленных. Бесчеловечный и извращенный по своей сути, фашизм стремился растлить всё вокруг себя. От истории никуда не уйдешь – были у советской власти враги явные и тайные, всплыли на поверхность недобитые махновцы и петлюровцы, воспрянули духом затаившиеся бывшие нэпманы и кулаки, польстились на щедрые посулы люди, не имеющие твердых моральных устоев и принципов. Одни рядились в форму полицейских, других захватила жажда наживы, третьи с «парабеллумом» и взрывчаткой за пазухой забрасывались в советский тыл.

Но опять-таки история неопровержимо доказала: не они делали погоду. И даже в период самых «блистательных» побед вермахта их предательские душонки холодил страх неотвратимого возмездия.

И сейчас, перебирая в памяти основные операции, которые проводил в то время (да и потом) особый отдел фронта, я не могу вспомнить ни одной, где бы чекисты действовали обособленно, только своими силами. Везде и всегда у нас были десятки, сотни добровольных помощников…

Осенью 1941 года, когда размеры угрозы, нависшей над нашей страной, осознал каждый советский человек, мы, чекисты, в полной мере оценили, каких замечательных людей воспитал наш строй…

Рабочие и колхозники, школьники и домохозяйки всегда и во всем старались помочь нам…»

Эти слова сказал человек, знавший работу военных контрразведчиков в годы войны не понаслышке. Он прошел всю войну от начала до конца в «шинели оперативного работника».

Заботой советского правительства о повышении качества работы военных чекистов было преобразование в середине июля 1941 года органов военной контрразведки НКО в особые отделы НКВД СССР.

Воинские звания оперативного состава были изменены на специальные звания. Так, звание «младший лейтенант госбезопасности» было равнозначно воинскому – старшего лейтенанта или политрука. Звание «лейтенант госбезопасности» – капитана; «старший лейтенант госбезопасности» – майора; «капитан госбезопасности» – полковника; «майор

госбезопасности» – генерал-майора; «старший майор госбезопасности» – генерал-лейтенанта; «комиссар госбезопасности» – генерал-полковника.

* * *

Первые дни войны оказались для СССР трагичными. Но, как вспоминал А. П. Святогоров, настрой у всех чекистов его подразделения был боевым.

Из воспоминаний А. П. Святогорова:

…

«До глубины души потрясали быстро написанные нашими поэтами и композиторами песни о войне. Особенно часто звучала по радио песня «До свиданья, города и хаты…»

Я её до сих пор знаю наизусть. Слова попали точно в цель. Их приняли наши сердца. Вот только послушайте:

До свиданья,
города и хаты,
Нас дорога
дальняя зовет,
Молодые,
смелые ребята,
На заре уходим
мы в поход.
На заре,
девчата, выходите
Комсомольский
провожать отряд.
Вы без нас,
девчата, не
грустите —
Мы придем с
победою назад.
Мы развеем
вражеские тучи,

Разметем
преграды на пути,
И врагу от
смерти неминучей,
От своей
могилы не уйти.
Наступил
великий час
расплаты,
Нам вручил
оружие народ.
До свиданья,
города и хаты, —
На заре уходим
мы в поход.

Эта песня звучала у нас на привалах партизанки, в вагонах военных эшелонов и даже после войны, когда собирались коллеги на какие-то торжества по квартирам…»

Надо сказать, что песня «До свиданья, города и хаты…» («Походная») была напечатана в газете «Правда» 29 июня 1941 года. Слова песни написал смоленский поэт Михаил Исаковский, а музыку сочинил Матвей Блантер.

По окончании ускоренного курса обучения Святогорова направляют в контрразведывательное подразделение по борьбе с агентурой немецко-фашистских спецслужб, начавшей довольно-таки активно действовать с первых же дней войны на территории Запорожской и других южных областей Украины.

Дело в том, что в этих краях находилась широкая вербовочная база для приобретения фашистами своей агентуры. Здесь проживало большое количество немецких колонистов, которые могли стать и становились, как выяснялось позже, серьезной «пятой колонной» для наших войск. Зов крови, зов предков и соответствующая психологическая обработка делали своё черное дело.

Уже пылали города и села Украины и Белоруссии.

Уже на этих территориях устанавливался «новый порядок», – два страшных для наших людей слова, по буквам которых стекала невинная человеческая кровь. Но этот «новый порядок» не столько пугал наших людей, сколько толкал их на подвиги. Они осознанно уходили в бессмертие – предпочитая смерть жизни на

коленях. Уходили из жизни, как герои без всяких натяжек.

Уже над самым высоким флагштоком в Европе – Эйфелевой башней развевался красный нацистский флаг с черной в белом круге свастикой, похожей на скорчившегося в муках человека.

Уже пали Австрия и Чехословакия, Норвегия и Бельгия, Голландия и Франция, Греция и Югославия.

И казалось, не было такой силы, которая могла остановить гитлеровские полчища. Они броневыми клиньями вбивались в наши просторы Гудерианом, Хёпнером и Манштейном. Наше небо заполонили стервятники Геринга из люфтваффе. Это было опасное время по последствиям, надо прямо признаться, растерянности и отступления. А потому трудно было предположить, чтобы начальник генерального штаба сухопутных сил вермахта смог пророчески написать в своем дневнике:

«Мы недооценили силу русского колосса не только в сфере экономики и транспортных возможностей, но в чисто военной…»

Правда, эти строки стали известны уже после войны. Так же, как и слова, сказанные фельдмаршалом Эвальдом фон Клейстом английскому военному историку Лиддл Гарту о том, что «… уверенность Гитлера в победе была во многом связана с надеждой на то, что немецкое вторжение вызовет политический переворот в России…»

Не получилось!

Тот же Клейст вспоминал ремарку Гитлера Йодлю:

«Нам достаточно стукнуть в русскую дверь, и вся их социальная система немедленно развалится…»

Не получилось!

И всё же уверенность в том, что Советский Союз и его Красная Армия уже разбиты, владела Гитлером и его многими генералами.

* * *

Опьяненные первыми успехами на фронте с ощущением близкой победы гитлеровские спецслужбы, и в частности абвер, сами для себя создали иллюзию «широкого выбора». И действительно, поначалу из темных подворотен к ним хлынула нечисть всех мастей и оттенков, и абверовцы наивно полагали, что источники эти неиссякаемы. Поэтому немецкие разведчики не очень-то заботились об отработке прочных легенд своим новоиспеченным агентам. Видимо, они считали, что если два-три источника их провалится за линией фронта, то в этом большой беды не будет – подобные задания выполнят другие.

Военнопленных горы! Рабочих славян полно в Германии! Некоторые типы из оккупированных территорий тоже не прочь заработать, не говоря уже о советских гражданах немецкой национальности.

Враг стремительно приближался к городу. Начальник местного управления НКВД полковник Леонов проникся к своему молодому подчиненному Александру Святогорову глубокой симпатией, считая его деловым, думающим и смелым работником.

Слово Святогорову:

...

«Восемнадцатого августа немцы подошли вплотную к Запорожью. Оперативный отряд нашего подразделения в количестве 150 чекистов, заранее сформированный по приказу полковника Леонова, начальника местного управления, занял оборону на окраине города. А вокруг сплошная паника. В городе тоже. Из города бежит народ, бегут почти все директора предприятий. Люди ждут сообщения по радио, когда же немцы захватят Запорожье. А они всё не захватывают…

За полтора месяца, пока мы вместе с армией держали оборону города, некоторые предприятия удалось размонтировать и вывезти.

3 октября, когда стало совершенно ясно, что город не удержать войскам, Леонов отобрал десять человек (я был среди них) и поставил оперативникам диверсионно-террористическую задачу: перед отступлением надо успеть взорвать телеграф, телефонный узел, передвижные склады боеприпасов и ГСМ и ещё десяток каких-то оперативно

значимых объектов. Поставленная задача была выполнена, как говорится, «точно и в срок».

Кроме того, мы в ходе подрывных акций уничтожили несколько десятков гитлеровских солдат и офицеров. Они подрывались на заложенных нами минах и фугасах на улицах и в домах, на площадях и в скверах.

Кроме того, до прихода немцев в город мы ещё успели уничтожить и поджечь здание НКВД. Потом уже, поздно ночью, известными только нам тропами выбирались из города. Все мы были в гражданской одежде и имели в своем распоряжении одну машину, десятки раз, наверное, ремонтированный неказистый «фордик»…

Полковник Леонов меня почему-то заметил и сделал своим адъютантом. Вскоре он стал начальником разведки Украины и взял меня в своё управление. Но в феврале 1942 года он погиб при выполнении ответственного боевого задания».

* * *

Вели себя оккупанты в Запорожье как настоящие хозяева, не церемонясь с местным славянским населением. Обращались с горожанами этого крупного украинского промышленного города по-скотски. Требовали 14-часового рабочего дня не только от взрослого населения, но и от детей. Это было время страха и разбоя. За непослушание людей гноили по изоляторам, тюрьмам, отправляли в концлагеря, угоняли на работы в Германию и просто убивали – расстреливали и вешали.

Часто можно было прочесть на заборах и стенах домов приклеенные объявления аналогичного толка – с угрозой расстрела за невыполнение приказов немецких оккупационных властей.

Видя эти людоедские поступки гитлеровцев, Александр не раз вспоминал в детстве прочитанный роман Теодора Драйзера «Финансист» со сценой медленного убийства омаром каракатицы и рассуждения по этому поводу главного героя произведения юного Фрэнка Каупервуда.

Этот эпизод он воспроизвёл почти до мельчайших подробностей, связав его с реалиями наступивших событий.

«Каракатица не могла убить омара – у неё для этого не было никакого оружия. Омар мог убить каракатицу – он прекрасно вооружен. Каракатице нечем было питаться, перед омаром была добыча – каракатица. Существовал ли другой исход? Нет, она была обречена. Так устроена и наша жизнь, так всё живое и существует – одно за счет другого. Омары пожирают каракатиц и других тварей. Кто пожирает омаров? Разумеется, человек. А кто убивает людей массово? Войны! Сильный убивает слабого. Немец сильный. Это видно по темпам нашего отступления. Мы гибнем тысячами. Так неужели враг – это омары, а мы – каракатицы. Думаю, что нет. У нас есть чем защищаться и что защищать. Главное в борьбе – дух непокорности! Он у нас есть, а эта силища – необоримая…»

Интересна одна деталь, именно из этого города произойдет первая утечка информации о готовящейся нацистами военной операции под Курском. Дело в том, что в феврале 1943 года Гитлер прибыл в Запорожье и провел там трехдневное совещание с высшим командным составом. На совещании присутствовали бонзы вермахта – Манштейн, Йодль, Клейст и многие другие военачальники. Гитлер выступил с пространной речью и потребовал от своего генералитета принять все меры для того, чтобы остановить продвижение Красной Армии на запад. Он приказал подготовить летом того же года мощное наступление в районе Орла и Белгорода, которое, по его замыслу, должно будет привести немцев к конечной победе. Вначале он говорил тихо, потом стал всё больше и больше распаляться и, наконец, войдя в неистовство, а скорее в исступление, стал назидательно с выпученными красными глазами итожить свое выступление:

– Мы создали такие танки, такие самолеты и такие орудия, каких до сих пор ни у кого в мире нет и в обозримом времени не будет. Поэтому я решил подготовить и провести грандиозное сражение, каких ещё не знала мировая история. Колоссальной силой оружия, созданного гением немецкого народа, мы окончательно и навсегда уничтожим Красную Армию и сделаем это в самом сердце России…

В этом маньяке, всё ещё одержимом жаждой реванша и мирового господства, казалось бы, не признающем никаких

трезвых расчетов, невежество и сумасбродство сочетались с дьявольской хитростью. Но эта хитрость была не совсем мягкой, а скорее совсем не мягкой по отношению к военным. Он, имевший воинское звание ефрейтор и носивший простой солдатский Железный крест, недолюбливал генералитет, сверкавший орденами и медалями. Он считал, что все поражения на фронтах – «заслуга» исполнителей его разумных приказов, надиктованных Провидением. Он же себя считал стратегом, полубогом, которому предстоит утвердить господство одной страны Германии над всем миром, над всем человечеством, одной нации – немецкой.

Речь, конечно же, шла о будущем сражении под Курском. Он потребовал от военных сделать всё, чтобы подготовительный период этой операции прошел в рамках максимальной секретности. Но так случилось, что через два дня после этого совещания о плане гитлеровцев уже знал Николай Иванович Кузнецов, а затем и Центр…

* * *

Для отряда потянулись дни ожидания – получения очередного указания на проведение других операций. И вот неожиданно по рации Александру Святогорову было приказано – срочно перейти линию фронта и принять неотложные меры по уничтожению военного коменданта города Харькова генерал-майора Георга фон Брауна и собрать конкретные разведданные.

До этого гитлеровский вояка командовал 68-й пехотной дивизией и проживал в так называемом «доме Хрущева». Дело в том, что в этом уютном доме действительно некоторое время обитал первый секретарь Компартии Украины Никита Хрущев.

Чекисты достойно выполнили приказ – незамеченными вышли к цели и вскоре оказались во второй столице Украины.

Слово Святогорову:

…

«Ещё перед тем, как Харьков захватили немцы, нами была создана там довольно-таки широко разветвленная и глубоко законспирированная наша агентурная сеть. Мне поручили через агентуру

получать, а затем сообщать данные о том, как ведут себя немцы, какие здания занимаются под штабы, где размещаются арсеналы с боеприпасами, как охраняется боевая техника, что происходит в оккупированном городе, а также организовать серию диверсионно-террористических актов против оккупантов.

В особняке, где поселился Георг фон Браун, нашей агентурой заблаговременно были установлены два мощных взрывных устройства. Это были мины. Причем одна из них – неизвлекаемая радиомина новейшего образца, разработанная легендарным минером, моим другом Ильей Григорьевичем Стариновым. Он тоже принимал участие в маскировке этих устройств в особняке, а если точнее, то руководил этой закладкой.

Надо отметить, что дом фон Брауна усиленно охранялся, особенно в периоды совещаний и приемов. Через своего человека, работающего у немцев, мы вскоре узнали, что у генерала должны собраться гости. И вот в тот момент, когда в помещение шефа набился цвет немецкого офицерства, раздался огромнейшей силы взрыв. Эхо его разнеслось по всему городу. Под облаком дыма, пыли, кирпичного крошева и обломков, обвалившихся с потолка и со стен, погибло около двух десятков высших офицеров вермахта и спецслужб.

Фашисты заметались в надежде найти исполнителей диверсионно-террористического акта, но безуспешны были их шаги…

Они буквально шалели от

злости в поисках советских диверсантов».

* * *

Город после захвата его немцами больше походил на каменоломню – разваленные стены многоэтажных домов, воронки от бомб во дворах, на улицах трупы коров и лошадей с вздувшимися животами. По городским улицам и пустырям бродили стаи голодных бездомных собак и кошек. Черные обгоревшие остовы печных труб домов местных жителей тяжело задевали психику оперативников. Но они не теряли надежды на победу над врагом, считая любую удачную свою операцию вкладом в святое дело борьбы с оккупантами.

Группа оперативников харьковской резидентуры, в которую входил и Святогоров, обратила внимание на то, что, кроме отлова и направления местных жителей на работу в Германию, в Харькове и его окрестностях зондеркоманды охотились за девушками арийского типа внешности. Мотаясь по городу и области на машинах, они отбирали молодых, сильных, белокурых женщин и направляли их в специальный лагерь, якобы для каких-то расовых экспериментов. Потом их всех вывезли в Германию. Ходили слухи, что девушек определили в публичные дома для офицеров СС и вермахта.

Однако после окончания войны стало известно, что они стали жертвами программы «Лебенсборн». В переводе с немецкого языка это слово означает «источник жизни» или «родник жизни». Так назывался один из проектов Третьего рейха, в рамках которого нацистами проводились селекционные работы по превращению германской нации в расу господ. Официальная идеология национал-социализма особо подчеркивала, что долгом каждой немецкой женщины является рожать расово полноценных детей независимо от того, рождены они в семье или вне брака. Поощрялась беременность от членов СС, как наиболее приемлемых и чистых в расовом и политическом отношении. Накануне родов девушек направляли в один из двадцати специальных родильных домов, где им обеспечивали надлежащий медицинский уход. Там истинные арийки имели возможность тайно производить на свет своих незаконнорожденных детей. В целях секретности сведения о родителях – отцами часто были офицеры СС – хранились в специальных папках отдельно от списков новорожденных, зарегистрированных в местном

городском совете. Многие матери из-за боязни позора или по материальным соображениям отдавали таких детей приемным родителям или вовсе отказывались от них.

Наиболее трагично сложились судьбы этих детей в Норвегии. Нацисты были очень неравнодушны к норвежкам, в жилах которых текла кровь викингов. Высокие белокурые блондинки с голубыми глазами из норвежских фьордов приравнивались к немкам. Поэтому после вторжения немецких войск в эту страну командиры всех степеней всячески побуждали солдат и офицеров к интимным связям с норвежскими женщинами – здоровому арийскому сексу. В послевоенное время как детям, так и их матерям пришлось испытать на себе весь гнев освобожденных соотечественников. Их презирали, и отмечались нередкие случаи физических оскорблений.

Заодно по всей Европе люди из ведомства Гиммлера выискивали и отбирали детей с арийской внешностью и направляли для адаптации в «расово благонадежные» немецкие семьи и приюты. То же делалось и со славянскими девушками, подпадающими под «нужные размеры расового лекала». Правда, их размещали в специальных замках СС.

Нацисты законодательным путем запрещали арийским женщинам делать аборты. Бездетные пары подвергались гонениям и клевете. С января 1934 года они начали массовую стерилизацию более чем четырёх тысяч человек, включая пациентов психиатрических клиник, проституток, преступников, некоторых бедняков и чернокожих немцев. В сентябре 1935 года принимается закон о защите немецкой крови и чести, запрещающий немцам нееврейского происхождения иметь связи с евреями.

С июля 1938 года новое брачное законодательство разрешило арийским девушкам вступать в брак в возрасте шестнадцати лет и упрощало процедуру развода в случае бесплодия партнеров. Гиммлеровская пропаганда освобождала немцев-мужчин от материальных обязательств к будущим матерям и их детям – эту заботу брало на себя нацистское государство.

В октябре 1939 года гитлеровцами запускается программа эвтаназии, в результате которой было умерщвлено более ста тысяч умственно отсталых детей и взрослых.

Шел 1943 год. Мужское население Германии резко пошло на убыль. В марте того же года нацистское руководство с целью борьбы со стремительно падающим уровнем рождаемости устанавливает смертную казнь для врачей, делающих аборты арийским женщинам.

Сама программа «Лебенсборн» делилась на две части:

создание новой расы, которая, по замыслу эсэсовцев, должна была с 2012 года начать вытеснять с Земли всех прочих её обитателей, и системы управленцев, в руки которых перейдет руководство территориями.

«Дети Гиммлера», выращенные в программе «Лебенсборн», пришли во власть и управляют не только финансовыми потоками, но и политическими и идеологическими комбинациями во всем мире.

«Во время Великой Отечественной войны, – писал в газете «Ступени» № 21 2008 года исследователь этой проблемы Рудаков, – перед захватом Харькова немецкая агентура собрала все сведения о девушках определенного типа внешности, проживавших в городе. И как только дивизия СС вошла на территорию Харьковской области, зондеркоманды на мотоциклах объехали все адреса, собрали всех этих девушек в определенном месте и отдали в распоряжение элитных подразделений СС.

Детей, родившихся от этого и подобного ему контактов, немцы вместе с матерями переправили в Германию, где им делалось переливание плазмы крови, предварительно заговоренной. Вот из этих малышей и растили будущую новую расу… В момент расцвета (гиммлеровского ведомства. – *Авт.*) у СС было 117 замков, где проходило воспитание этих детей… замки были построены на местах *силы* – то есть в местах выхода энергии, оказывающей мощнейшее воздействие на человека, его психику и способности…

После войны новые немцы ушли на запасные базы в Латинской Америке, на Ближнем и Среднем Востоке и в Средиземноморье».

Действительно, в этих краях после сорок пятого года появилось много полузакрытых и закрытых немецких колоний с замками, окруженными неприступными бетонными заборами. Нельзя исключать того, что там прятались и крупные фашистские военные преступники. Тому подтверждение выход израильской разведки на Эйхмана, его задержание и этапирование в Израиль для суда.

Со слов Судоплатова, в 1942 году Сталин получил письмо от молодого ученого-физика, специалиста по ядерным реакциям, будущего академика Флёрова, который обращал внимание на подозрительное отсутствие в зарубежной прессе с 1940 года открытых научных публикаций по урановой проблеме, а это, по его мнению, свидетельствовало о начале работ по созданию атомного оружия в Германии и других странах. Флеров предупреждал, что немцы могут первыми создать атомную бомбу.

В этот же период от нашей резидентуры, действовавшей в

оккупированном Харькове, в состав которой входил и Святогоров, пришло сообщение, что бывший советский политэмигрант Ф. Хоутерманс прибыл в Харьков с какой-то специальной, секретной миссией. После уточнения через агентуру цели его визита стало ясно – предатель прибыл для получения дополнительных данных в украинском головном физико-техническом институте об использовании в военных целях советских исследований по проблемам ядерной энергетики и, в частности, урана.

Хоутерманс в этот период становится фактически одним из руководителей харьковского физико-технического института.

Кроме всего прочего агентура проинформировала чекистов, что предатель прибыл в Харьков облаченным в «эсэсовскую форму».

Об этих материалах были срочно проинформированы наши ученые-ядерщики в лице Капицы и других специалистов по расщеплению урана.

Есть все основания полагать, что к добыванию этих материалов приложил руку и разведчик Святогоров, у которого была на связи в Харькове именно в это время агентура, близко стоящая к научной сфере.

* * *

Несколько слов хочется сказать о забытом современниками «минном боге» минувшей войны полковнике Илье Григорьевиче Старинове (1900–2000), о котором у Александра Пантелеймоновича сохранились самые яркие воспоминания. С ним он общался до последних дней жизни своего учителя.

Родился Илья Григорьевич в селе Войново Болховского района Орловской губернии в семье железнодорожного служащего. В РККА находился с 1918 года. В 1922 году окончил Школу военно-железнодорожных техников в Воронеже. По линии 4-го управления РККА в 1930–1933 годы занимался подготовкой партизанских кадров в Киеве и Харькове, разрабатывал и внедрял новые виды мин. Потом поступил в Военно-транспортную академию РККА, которую окончил в 1935 году. С 1936 по 1937 год воевал в Испании, помогая республиканской армии уничтожать эшелоны с боевой техникой, взрывать мосты, ангары с боевой техникой, склады с оружием и железнодорожное полотно. Там же он передавал накопленный опыт испанским товарищам по оружию.

По возвращении в Москву оказался под следствием за связь с

так называемыми «врагами народа». Как известно, многие участники интернациональных бригад из числа советских военнослужащих незаслуженно обвинялись в проведении шпионской деятельности в пользу фашистской Германии. Время всеобщей подозрительности давало о себе знать. Оно ломало судьбы многих честных людей.

Это были годы кровавой «ежовщины», уже упоминаемой выше, жестокости исторической судьбы и исторического испытания народа. Создавалось впечатление, что исполнителей бесчеловечности – чиновников, как правило, трусливых, людские слезы и кровь не трогали, а радовали. Круг жертв репрессий с каждым месяцем углублялся и ширился. Главный удар был направлен в сторону граждан, самостоятельно мыслящих, не боявшихся сказать правду начальству и отстаивающих её логикой умозаключений и праведных поступков.

Многие мужественные люди, в том числе и сам Старинов, попали тогда под жернова репрессий НКВД. К счастью, дело в отношении Ильи Григорьевича было прекращено благодаря заступничеству наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова, знавшего его как честного и порядочного человека. Эта приятная неожиданность подарила ему в дальнейшем интересную и долгую жизнь, полезную людям и государству.

В течение 1938–1940 годов он начальник Центрального научно-испытательного железнодорожного полигона РККА. Участник советско-финляндской войны.

С началом войны Старинов, будучи руководителем оперативно-инженерной группы, действовавшей в составе Западного и Южного фронтов, являлся организатором постановки минных заграждений, ловушек и подрыва важных объектов при отступлении наших войск.

Командовал он и 51-й инженерной бригадой специального назначения на Калининском фронте. Являлся помощником начальника Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД). Трижды забрасывался в тыл к немцам. Во время войны создал специальные фугасы: ПМС – поездную мину Старинова и АМС – автомобильную мину Старинова.

После войны он занимался разминированием территории в Германской Демократической Республике, а затем преподавал в различных учебных заведениях МВД и КГБ СССР.

Слово Святогорову:

...

«Старинов для меня был не только учителем в диверсионных делах, но и человеком, у которого слово не расходилось с делом. Это была Личность! Порядочность и смелость, чувство долга и патриотизм, скромность и стремление к достижению поставленной цели – были его светящимися гранями, которые не афишировались им, они проявлялись в делах и поступках.

За выдающие заслуги перед Родиной он трижды представлялся к высшей награде государства – Героя Советского Союза, и пять раз к присвоению генеральского звания. Но по неизвестным причинам заслуги моего друга И. Г. Старинова не были должным образом оценены политическим руководством страны.

Видно, властям что-то не нравилось в этом прямолинейном, технически грамотном и смелом человеке, для которого авторитетом были только два понятия – правда и совесть.

Недаром говорят, что чистая совесть – самая лучшая подушка для человека».

* * *

В городе Харькове на расставленных народными мстителями минах подорвалось ещё несколько вражеских автомашин. Кроме того, по их наводкам активно поработала в те страшные дни для Отчизны и наша авиация – бомбы попадали точно в цель. От этих ударов погибли сотни гитлеровских солдат и офицеров.

И вот 14 ноября 1941 года на стенах домов и заборах города с целью острастки местных жителей появилось «Объявление коменданта г. Харькова о расстреле 50 советских граждан и аресте ещё 1000 граждан». Десятки людей были повешены якобы

за связь с партизанами.

В объявлении, в частности, говорилось:

...

«В результате взрыва российских мин в Харькове сегодня погибли немецкие солдаты и офицеры. Это есть доказательство того, что население на повторные просьбы и приказы немецких вооруженных сил активно сотрудничать в разминировании не откликается.

Немецкие вооруженные силы теперь вынуждены будут быть беспощадными. Так, сегодня были казнены 50 членов коммунистической партии.

Кроме этого, арестовано 1000 человек в качестве заложников. В случае дальнейших выступлений против немецких вооруженных сил 200 из них будут расстреляны.

Запрещенное время для жителей города Харькова устанавливается от 16.00 до 6.00 часов.

Кто в этот период будет находиться на улицах или площадях без соответствующего удостоверения – будет расстрелян. Каждый житель Харькова лично своей жизнью отвечает за безопасность немецких вооруженных сил…»

Харьков, 14 ноября 1941 г. Комендант города.

Но уютнее и теплее в городе для захватчиков не становилось. Вообще во все времена оккупант постоянно чувствовал свой грех, переходящий в страх перед «дамокловым мечом» возмездия со стороны народа, который он хотел закабалить. То же самое происходило и с гитлеровцами.

Непрошеных гостей возбуждает только вооруженная стая подельников. Это так похоже на волков. Стая смелела,

свирепствуя на «своей» территории. Но фашистов-волков продолжали убивать, подрывать, поджигать охотники – народные мстители.

Дубина народного гнева гвоздила и гвоздила супостата, нарушавшего людской покой и отнимавшего кров и кровь у горожан, лишая их мирного труда, здоровья и жизни.

После справедливого возмездия в Харькове над комендантом города генералом фон Брауном отряд Святогорова, то вливаясь в партизанские отряды, то действуя самостоятельно, выполнял специальные указания Центра по ведению диверсионно-разведывательной работы на территории Украины и Белоруссии. Не раз смерть держала партизан-разведчиков в своей пасти. Как говорится, не глотала, но и жить спокойно не давала.

В этот период, во время одной из операций по подрыву неприятельского эшелона, среди всякого рода покореженной военной техники Святогоров наткнулся на кипу пропагандистской нацистской литературы. В одном из иллюстрированных журналов он обратил внимание на текст выступления фюрера. Его заинтересовало одно людоедское высказывание Гитлера:

...

«Мы оказались перед необходимостью сократить число местных жителей. Эта мера представляет собой часть нашей миссии по сохранению германского народа. Нам надо развивать методы уничтожения людей…

Я имею в виду ликвидацию целых расовых групп. Мы уже делаем это. Грубо говоря, я вижу в этом свою задачу. Жизнь сурова, значит, и мы должны быть суровы. Если я бросаю элиту немецкой нации в пекло войны и делаю это без жалости и сожаления, значит, я тем более имею право устранить с лица земли миллионы людей низшей расы, которые размножаются, как грибы».

Александр перевел текст партизанам. Один из них взорвался:

– Хрен тебе нас всех перевешать и перестрелять. Еще немного, и тебе, австрийский капрал, придется болтаться на суку. Но перед этим мы обязательно провезем тебя, Адик, в клетке по стране, как зверя, а может, и по всему миру. Россию тебе не одолеть! Сгинешь в этих просторах вместе со своим вермахтом.

Все одобрительно зашумели…

Была обнаружена и пачка листовок с названием «Памятка немецкому солдату». В ней говорилось:

…

«У тебя нет ни сердца, ни нервов. На войне они не нужны. Уничтожь в себе всякое чувство сожаления и милости – убивай всякого славянина, всякого русского. Не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девушка или ребенок – убивай!»

«С этой «сверхчеловеческой мразью» нам надо поступать так же, – подумал Святогоров, – убивать, убивать и убивать… Они к нам пришли со смертью, – не мы к ним! Они порушили наши дома, а не мы! Они посеяли зло на нашей земле, а не мы на их территориях! Они провозгласили идею уничтожения некачественного народа! А потому – смерть за смерть! Никакой пощады, никакого милосердия к гадам!»

И месть партизанская продолжала крошить неприятеля. На минах мстителей подрывались гитлеровские паровозы, утаскивавшие за собой под откосы вагоны и платформы с личным составом, боевой техникой и боеприпасами. Взлетали в воздух мосты и водокачки. Уничтожались представители местной оккупационной администрации, военнослужащие вермахта и предатели, совершившие конкретные особо опасные государственные преступления против своего народа в ходе карательных операций, особенно по зонам партизанской активности.

Небольшой, мобильный и хорошо подготовленный отряд Александра Пантелеймоновича Святогорова принимал участие и в захватах «языков» из числа, как правило, офицерского состава противника…

* * *

Долгожданное освобождение столицы Украины пришло 6 ноября 1943 года. Взору наших солдат-освободителей и самого Святогорова предстал совершенно опустошенный город. Создавалось впечатление, что здесь произошло мощное землетрясение, разрушившее всё, что созидалось столетиями. Тротуары и целые улицы были завалены битым кирпичом от рухнувших стен зданий. Ветер гонял пыль от кирпичного и бетонного крошева. Бегали, скуля, местные собаки с обгоревшими боками и перебитыми лапами. Люди скользили, как тени, в страну под названием «Никуда». В городе ещё много горело домов. Черные клубы дыма гигантскими шурупами ввинчивались в ноябрьское хмурое небо над украинской столицей.

Сразу же в Киев вернулось партийно-советское начальство. Возвратилось и руководство НКГБ, которое тут же развернуло активную агентурно-оперативную работу, так нужную воинам наших фронтов и местному населению по ликвидации бандитских формирований, в том числе и по вылавливанию всякой уголовной нечисти: воров, грабителей, разбойников и мародеров.

Война ведь продолжалась, хотя уже коричневое воинство гитлеровского вермахта, дико сопротивляясь, медленно и неохотно покидало территорию Советского Союза, которую оно называло ещё недавно «жизненным пространством», а руководство Третьего рейха готовилось переселить на эти необозримые просторы своих колонистов с «чистой арийской кровью».

Красная Армия, словно мощным поршнем, выдавливала оккупантов за пределы Родины. Гитлеровские войска под сокрушительными ударами наших дивизий и народных мстителей – партизан откатывались всё дальше и дальше на запад. Наступал неминуемый час справедливой расплаты для оккупантов. В конечном счете, каждый человек, каждая армия, каждое государство и каждый его руководитель должны заплатить конкретной порцией вины за свои совершенные преступления и злодеяния… Так было, и так должно быть всегда. За преступления надо отвечать!

* * *

Возглавлял Наркомат госбезопасности Украины энергичный генерал-майор Савченко Сергей Романович. Звание генерал-лейтенанта он получит только в победном 1945 году. Это был высокопрофессиональный оперативник, хорошо знающий

разведку и контрразведку, партизанское движение и диверсионное ремесло, прекрасно понимающий, что надо делать дальше, в ближайшей перспективе, и как задействовать разведывательно-диверсионные подразделения в текущий момент противостояния со всё ещё довольно сильным противником.

По телефону он вызвал в кабинет одного из начальников подразделения НКГБ Украины полковника Ивана Даниловича Сидорова.

– Иван Данилович, лавина войны скоро покатится в сторону Западной Европы. Я не думаю, что Гитлер смирится только с оборонительными действиями войск. По данным военной разведки и информации от нашего руководства из Москвы, он не прочь снова отдать приказ войскам и возвратиться в Советский Союз. Кроме того, с учетом его нынешнего плачевного положения, я так полагаю, фюрер заставит руководителей спецслужб активней применять испытанное оружие тотального шпионажа, диверсий и террора – свою агентуру.

– Сергей Романович, переход немцев к новой коварной тактике подтверждают и задержанные в последнее время вражеские агенты. Большинство из них окончили специальную школу в Польше, расположенную где-то в окрестностях Люблина, – заметил Сидоров. – Недавно я знакомился с такими материалами, о которых докладывал и вам. Но точного места её дислокации мы до сих пор, к сожалению и нашему стыду, не знаем.

– Помню, помню, как же не помнить… В связи с этим прошу подготовить мне небольшую обобщенную справку по этим документам. Я имею в виду – по заявлениям всякого рода очевидцев, опросам и допросам разоблаченной агентуры… Хочу посоветоваться с Москвой. Срок – неделя. Хватит?

– Да! Вполне, Сергей Романович.

– Ну, тогда с Богом. Больше задерживать не смею, как говорится, за работу.

* * *

Иван Данилович Сидоров уже несколько дней подряд изучал накопленный фактический материал, связанный с показаниями засланной и разоблаченной гитлеровской агентуры в освобожденные от фашистов районы и в части Красной Армии.

Рабочие дни были напряженными – сутки спрессовывались в один сплошной день – ранний приход на службу, папки с аналитическими справками, короткое время на обед, и снова за

стол с кипой новых бумаг. Часто приходилось возвращаться к заявительским документам бдительных граждан. Он внимательно перечитывал страницы отчетов партизанских разведчиков, стенограммы и протоколы допросов всякого рода пособников врага: агентов, диверсантов, террористов, старост, полицаев и пр. Сидоров был немногословен – его слова молчаливо просили, предлагали, приказывали, советовали в конкретных документах.

Снова и снова он вглядывался в оперативную карту, что занимала почти всю стену кабинета, рассматривая десятки условных обозначений и цифр. Будто живые свидетели, они рассказывали, откуда и куда была заброшена фашистская агентура, её конкретные установочные данные и клички. Указывали пути их продвижения, даты и места задержания, документальную оснащенность и диверсионно-шпионскую экипировку.

От пунктов высадки лазутчиков тянулись жирные черные нити, исчерченные черным карандашом, через линии фронтов далеко на запад к их разведывательно-диверсионным центрам.

Одна из таких линий упиралась в крупный польский город Люблин, где по предположению полковника и согласно показаниям задержанных агентов, должна находиться гитлеровская спецшкола. Однако точного адреса этого шпионско-диверсионного гнезда он тогда не знал. Так вот на конце этой черной линии стоял жирный вопросительный знак, словно указывающий хозяину кабинета на важную неразрешенную проблему.

«А чтобы разорить это гнездо, надо знать, кто стоит за этим диверсионно-шпионским центром, что за птенцы там сидят за столами и какие пакости они готовят войскам, – рассуждал опытный сотрудник госбезопасности. – Сейчас главное – найти нужных людей, способных решить задачу разведки, а если повезёт, то и уничтожения этого фашистского гнезда…»

Ровно через пять дней Иван Данилович доложил генералу Савченко обобщенный документ. В качестве приложения к нему придавался план агентурно-оперативных мероприятий с предложениями заброски двух опытных разведчиков в тыл, в один из наших партизанских отрядов, действующих в районе Люблина.

На следующий день Сергей Романович снова беседовал с полковником Сидоровым. Генерал сообщил, что Москва, в частности Павел Анатольевич Судоплатов, дала согласие на проведение операции с отправкой в партизанский отряд имени Железняка, действовавшего на территории Польши, в Залещанских лесах, двух опытных чекистов-разведчиков: майора Александра Пантелеймоновича Святогорова и капитана Анатолия

Григорьевича Коваленко…

* * *

В небольшом кабинете полковника Сидорова было тихо. Оперативному дежурному он приказал найти названных офицеров и направить к нему. Затем Иван Данилович, немного ослабив поясной ремень, портупею и расстегнув верхнюю пуговицу гимнастерки, поднялся из-за стола. Он тихо подошел к большому окну и открыл одну из его створок. Свежий майский воздух, настоянный на запахах сирени, хлынул в его небольшой кабинет. Из окна хорошо были видны бело-розовые свечи киевских каштанов, которые по-особому украшали древний город – некогда главный город Киевской Руси. Вдруг над высоченными деревьями полились могучие, малиновые звуки сохранившихся киевских колоколов близко расположенной церкви. Они лились со звонницы через отворенное окно и как-то незаметно завладели всем его существом. Наплыли воспоминания далёкого детства, когда его бабушка водила в храм на литургию в честь Пасхи. Звук этих колоколов напоминал угасшие голоса колокольни из детства, разрушенной вместе с храмом в конце двадцатых годов.

«В этом набатном звоне есть что-то торжественное, зовущее на благое дело, – размышлял офицер. – Колокольный «малиновый» звон развивался в России как народное искусство, как своеобразный музыкальный эпос нашего народа. Не зря иноверцы боролись с верой, храмами и колоколами. Разрушали в первую очередь звонницы. Вина пастырей в том, что их глас не услышал народ. Значит, плохо работали, а порой и компрометировали себя земными грехами. А уж при ненавистном царизме последних лет жирели и считали себя чуть ли не наместниками Бога на земле. Колокольный звон способен оттаять души людей, замерзших на войне. Недаром Сталин, в отличие от Ленина, стал снисходительней к православию и обратился в начале войны к народу по-христиански – «братья и сестры»!..

Мысль о колоколах выключилась из сознания так же быстро, как и пришла. Легкий весенний ветерок зашелестел бумагами на столе, парусами надул шторы, пробежал по толстому красному ковру с незамысловатым зеленым узором. Палас покрывал почти весь пол, сложенный из дубовых и кленовых дощечек, закрывая прекрасный паркетный узор. Он иногда даже сожалел, что этот пылеулавливатель – огромное ковровое шерстяное изделие перечеркивает произведение искусства из дерева.

Среди стопок фронтовых газет, которые он просматривал, ему бросился в глаза очередной плакат. Советский солдат в зимней форме с винтовкой в руках как бы высыпал из левой ладони шесть стреляных гильз. Боец улыбался на фоне багрового неба над захоронениями фашистов. Под самодельными деревянными крестами с воздетыми нацистскими шлемами покоились непрошеные гости. Внизу плаката красовался призыв:

«Бей так:
что ни патрон —
то враг!»

Полковник посмотрел вверх на небо. Под синим небесным куполом медленно проплывали легкие снежно-белые, как лебеди, облака. Где-то над городом послышался шум пролетающих тяжелых самолетов. Это ровным строем шли наши бомбардировщики в западном направлении. Они несли майские «горячие подарки» упорно сопротивляющимся гитлеровцам.

«Скорее бы закончилась война… Бойцы – солдаты, офицеры и генералы, а с ними и партизаны устали уже – хочется всем домой, в свои очаги, в свои семьи. Народ на пределе сил, – рассуждал про себя полковник. – Столько пережить! Столько потерять! А сколько ещё сегодня живых воюющих станут павшими?! Сколько осиротеет детей, сколько мужей потеряют жены, дети – отцов, внуки – дедов!?

Вермахт сопротивляется, он ощетинился всей злостью обреченных на гибель. Шпионы, террористы и диверсанты активизировались, а ещё вдобавок под ногами болтаются оуновцы и уповцы. Бандеровцы, наигравшись с немцами, нынче истребляют не только селян по селам и хуторам, лояльно настроенных к советской власти, но докучают и нашим войсковым тыловым частям и подразделениям и даже отдельным небольшим гарнизонам…»

Его мысли прервал стук в дверь. Он быстро поправил гимнастерку и застегнул её воротник – перед подчиненными он всегда «застегивался на все пуговицы». Уважал устав и того же требовал от подчиненных. Нет, здесь не было никакой солдатчины, а была элементарная опрятность.

– Разрешите?

В дверях стояли чуть выше среднего роста, черноволосый, с приятным прищуром добрых глаз майор Александр Святогоров и стройный, приземистый, широкоплечий блондин капитан Анатолий Коваленко.

Майор попытался, как старший по званию, по-военному отрапортовать о своем прибытии.

– Садитесь, садитесь… я же вас вызывал, – предложил полковник и сразу же обрисовал обстановку и план предстоящей оперативной командировки в Польшу для проведения операции под кодовым названием «Люблин».

Гости кабинета внимательно слушали полковника Сидорова.

Не обошлось без шутки, направленной в адрес Анатолия, который был заядлым рыбаком и специалистом в приготовлении ухи и излюбленного блюда, судака по-польски.

– Сегодня, несмотря на стремительное продвижение нашей армии на запад, в наших делах нас расстраивает многое, мало что утешает. Спецслужбы противника активизировали заброску своей агентуры, диверсантов и террористов. Одним из белых пятен для нас является Люблинская разведшкола. Она нас очень интересует. Туда надо проникнуть нашей агентуре, и эта миссия поручается вам… Там, в Польше, наверное, трудно будет без судака? – засмеялся в конце беседы полковник.

– Перебьемся, а может, и поймаем судачка, – ответил с хитринкой капитан, прямо глядя в глаза начальнику.

– Надо непременно поймать, и не одного судачка, а рыбу, как говорится, покрупнее.

Успев обговорить все детали предстоящего мероприятия, троица после телефонного звонка отправилась к генералу на первичный доклад и инструктаж.

Подрывники-диверсанты

Стремительное продвижение немецко-фашистских войск в глубь страны с захватом городов и поселков заставило руководство страны предпринимать превентивные меры. Они сводились к тому, чтобы не допустить вторичного использования гитлеровцами некоторых зданий, сооружений и предприятий.

Призывы Кремля к отпору противника и уничтожению всего того, что он мог использовать для себя, воспринимались как приказы.

В августе 1941 года враг подходил к столице Украины Киеву. Надежды на то, что город советские войска смогут удержать, с каждым днем крошились, как не до конца опаленный кирпич.

На указание Сталина, обнародованное в речи от 3 июля 1941 г. о действиях на занятой врагом территории: *«…создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог. Порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов, обозов…»* – живо откликнулись многие советские люди, и гражданское население, и военнослужащие.

Надо отметить, что некоторые руководители, даже высокого уровня, стали порой слепо выполнять этот совет вождя, не считаясь с объективными обстоятельствами. Иногда их указания отличались элементарной некомпетентностью в постановке задач. Недаром же говорится, что мудрец велик и в маленьких делах, бездельник и глупец мал и в самых великих или заставь дурака богу молиться, он и лоб разобьёт.

Ученик легендарного генерала Д. М. Карбышева – «бог партизанской, рельсово-дорожной войны» Илья Григорьевич Старинов готов был выполнить эти указания, но умно, через постановку мин собственной конструкции и там, где это диктовала военная обстановка без ущерба для мирного населения.

Об этом он собирался лично доложить товарищу Сталину. Два дня Илья Григорьевич дожидался своей очереди, но так и не был принят вождем, загруженным решением других более важных вопросов, связанных с внезапным вторжением чужой и сильной армии в его страну.

И всё же Сталин узнал о желании Старинова встретиться с ним. Он тут же дал указание своему личному секретарю Поскребышеву направить специалиста-минера к начальнику Главного Политического Управления (ГлавПУра) и одновременно

заместителю народного комиссара обороны (НКО СССР) – Мехлису Л. З.

Замнаркома прочитал докладную записку высокого профессионала в минном деле и, как обычно он это делал, когда ему что-то не нравилось, не сдержавшись, грубо оборвал его короткие пояснения к докладу, а потом и вовсе бестактно закричал:

– Как ты смеешь писать такую чушь? Пытаешься своей глупостью загрузить занятого важными делами вождя. Вникни, ты никудышный стратег – в плен сдаются армии, рушатся фронты, страна стоит на краю гибели, а ты какими-то диверсиями хочешь остановить движущуюся лавину войск вермахта. Выброси эти бредовые идеи из своей головы. Скоро немец подойдет к Москве – надо думать об обороне, собирать силы, а ты талдычишь о каких-то своих минах.

Поначалу тень растерянности легла на усталое лицо гостя, на черные круги вокруг опухших от бессонницы глаз с синюшными мешками под ними. От реплики Мехлиса на скулах Старинова заходили рельефные желваки. Он посмотрел на раскрасневшееся лицо с высокой шапкой черных как смоль курчавых волос и выпученными, как при базедовой болезни, глазами заместителя наркома и про себя подумал:

«Эх, и дурак же ты! Полнейший профан! Ни хрена не разбираешься, а комментируешь! Да, действительно, невежество – лучшая в мире наука, она дается таким людям всегда без труда и никогда не печалит душу. Подобные люди всё знают! Они всё умеют! Они всё якобы прогнозируют! Но такая дерзость – ублюдок невежества. Часто для таких типов Правда становится очень тяжелым бременем. Особенно она таковой кажется, когда её приходиться нести вот таким головотяпам. А он ведь, этот человечек, сидит за важным государственным столом. Вот уж действительно, дела нарушаются, когда имущество оказывается у скупых, оружие у трусливых, а власть у слабых или дураков».

Старинов не мог отбиться, как от назойливой осенней мухи, от охватившего ощущения полного недовольства собой из-за невозможности трахнуть по лбу этого зарвавшегося чиновника или резко ответить ему на глупость – как-никак, заместитель наркома обороны Союза!

На совести этого «человечка» в ранге представителя Ставки будет со временем много пролитой – безвинной крови солдат и офицеров Красной Армии, которых расстреливали без суда и следствия по его указанию. И он лично вмешивался в судьбы людей, даже путем лишения их жизни из личного табельного оружия.

О преступлениях этого палача из военных политработников сегодня много написано, но немало подобных фактов глубоко спрятаны в архивах, – советские власти не желали их обнародовать. Его мотание по войскам напоминало то, чем занимался в период Гражданской войны небезызвестный «Красный Бонапарт» – Лейба Троцкий. Его специальный поезд – «Поезд председателя Реввоенсовета» сеял смерть по России, наводил ужас в рядах красноармейцев и их командиров. Расстрелы за ошибки были обыденностью.

То же самое вытворял и Мехлис. Надо отметить, что он сам чуть было не попал под расстрел за бездарное руководство в Крымской оборонительной операции как представитель Верховного командования. Но кто-то же замолвил за него словечко Иосифу Виссарионовичу?! Кто? Не будем гадать, со временем историки разберутся, докопаются до истины.

Что же касается реакции Старинова, то это был момент, когда его тело едва справилось с душой, которая подверглась сильнейшей эмоциональной нагрузке. Кулаки зачесались, но он сдержался, хотя по натуре был горяч в отстаивании справедливости и защите того, что он хорошо знал.

Было бы не в кабинете замнаркома, а на фронте, – в репу бы наглый кучерявый обязательно схлопотал. Старинов не переносил пошлости и хамства. С подчиненными был внимателен и тактичен.

* * *

Как говорится, поговорили антиподы – и разошлись каждый со своим мнением. Но время не терпит пустоты. Её надо было заполнять конкретными действиями – реакцией на критическую обстановку для страны, в которой советские города падали к ногам фашистов, как кегли при удачном попадании шара.

И всё же профессионалом-подрывником был успешно осуществлен с использованием новейших радиоуправляемых фугасов ряд минно-заградительных операций в Киеве и Харькове. Санкции на их проведение давали начальник Генштаба Красной Армии маршал Б. М. Шапошников и командующий Юго-Западным фронтом, после смерти генерал-полковника М. П. Кирпоноса, маршал С. К. Тимошенко.

Первая операция с массовым использованием радиоуправляемых мин была начата в 1941 году в Киеве. Взрывчатку подрывники заложили под все электростанции, объекты транспорта и связи, некоторые административные

здания и другие городские объекты, которые могли быть использованы нацистами. Немцы ещё только просачивались мелкими группами в город, как в воздух взлетели мосты через Днепр…

Фашисты бросились искать мины, но взрывы продолжались. Взрывались магазины и отели, театры и рестораны и именно в тот момент, когда там находились оккупанты. Взлетели на воздух ломбард, цирк, консерватория – всего 940 административных и жилых зданий!

Десятки тысяч киевлян остались без крова и имущества, а сам город, как скажут потом дотошные историки при исследовании этого вопроса, потерял лицо, лишившись многих своих архитектурных достопримечательностей. Но, к сожалению, такое лицо у любой войны! Тем более той – самой кровопролитной из истории войн, прошедших на Земле. Война – всегда потери, это несчастье в увеличенном масштабе!

Но тут надо отметить одну правду, которую сегодня не хотят воскрешать некоторые политики и псевдоисторики. Да, взрывали наши диверсионные команды здания, но со временем на них повесили и те объекты, которые были разрушены немцами при бомбометании, артиллерийских обстрелах и минировании. Были и такие обвинения, тем более в период «перестроечных» горбачевских и «реформаторских» ельцинских времен, когда прошлое всячески опошлялось, становилось объектом огульного критиканства, потрошилось под желания новых властителей расколовшейся Красной Империи и по указке из-за океана клинтонов и бушей.

* * *

Есть надобность напомнить, что вопросы по организации партизанского движения на случай войны были предметом серьёзного внимания военно-политического руководства страны. Специалист по истории партизанских войн А. Ю. Попов писал, что в период с 1924 по 1936 год шёл интенсивный процесс подготовки «специальных сотрудников» для ведения партизанской борьбы как на территории СССР, так и за её пределами.

Эта подготовка включала:

– создание тщательно законспирированной и хорошо подготовленной сети диверсионных групп и диверсантов-одиночек в городах и на железных дорогах к западу от линии укрепленных районов;

– формирование и всестороннюю подготовку маневренных партизанских отрядов и групп, способных действовать в незнакомой местности, в том числе за пределами страны;

– переподготовку командного состава, имевшего опыт партизанской борьбы в Гражданской войне, и подготовку некоторых молодых командиров в специальных партизанских учебных заведениях;

– отработку вопросов партизанской борьбы и борьбы с вражескими диверсионными группами на специальных и некоторых общевойсковых ученьях;

– совершенствование имеющихся и создание новых технических средств борьбы, наиболее пригодных для применения в партизанских действиях;

– материально-техническое обеспечение партизанских формирований.

Учеба такого контингента проводилась в специальных школах, учебных пунктах и на сборах, различных по величине, по структуре и по способам конспирации. Обычно брали туда коммунистов и комсомольцев в возрасте от 20 до 40 лет. В целях строжайшей конспирации их под различными предлогами «исключали» из партии и комсомола, и они «устраивались» на работу, где должны были действовать на случай вторжения противника.

Готовили контингент с учетом взаимозаменяемости, т. е. со знанием двух-трех специальностей.

Так, состав группы численностью 10–12 человек выглядел примерно так: 2–3 радиста, 3–4 подрывника, 3–4 стрелка, 1–2 фельдшера, 1–2 химика, 1–2 электрика, 2–3 водителя, фотографа, оружейника, переводчика, а в некоторых отрядах были даже лётчики. Все должны были уметь плавать, ездить на велосипедах, ходить на лыжах.

К концу обучения радисты могли не только принимать, передавать, шифровать и расшифровывать радиограммы, не только устранять неисправности в радиостанциях, но и из имеющихся в продаже деталей самостоятельно собирать приемно-передающую радиостанцию. Диверсионные группы иногда подключались к участию в общевойсковых учениях, где тренировались применять на особо режимных объектах так называемые «нахальные мины», установка которых занимала менее 30 секунд.

Оперативниками Транспортных отделов ОГПУ активно вербовалась агентура на железных дорогах к западу от линии тыловых укрепленных районов. Приобретались негласные источники из подготовленных к диверсионной деятельности

специалистов-железнодорожников, без которых не мог обойтись противник: стрелочники, дежурные по станциям, паровозные машинисты, связисты, путевые рабочие и т. д.

Они, используя самодельные мины замедленного действия, зажигательные и подручные материалы и инструменты, могли бы совершать диверсии, оставаясь вне подозрения контрразведки противника.

* * *

После обучения на каждого подготовленного диверсанта закладывался один или несколько складов с оружием, боеприпасами, минно-подрывными и зажигательными средствами, а также продовольствия.

Например, общее количество заложенных материальных средств на Украине и в плавнях Бессарабии составило сотни тонн. В некоторых районах в 1930–1933 годах было заложено больше средств, чем там получили партизаны за всё время Великой Отечественной войны. Это, в первую очередь, относится к районам вокруг населенных пунктов Украины – Олевска, Славуты, Овруча, Коростеня.

Но… к великому сожалению, по недомыслию, а может, и по чьему-то злому умыслу большинство этих баз с оружием, боеприпасами и взрывчаткой было уничтожено накануне войны. В 1937–1938 годах была разрушена и сама система подготовки партизанских кадров.

Главной причиной стала смена военной концепции, не допускавшая ведение войны на собственной территории. А затем практически все партизанские кадры были уничтожены в результате репрессий 1937–1938 годов. Была ликвидирована сеть партизанских школ во главе с компетентными руководителями. Были расформированы партизанские отряды и группы.

Таким образом, отказ от военной доктрины, предусматривающей возможность партизанской войны и разрушение системы подготовки к ней, несомненно, сказался в начальный период Великой Отечественной войны. Неумолимая логика первых дней войны показала ошибочность подобного подхода.

Правда, власть вовремя спохватилась и самокритично оценила обстановку. Совместным Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 29 июня 1941 года, впервые после Гражданской войны, предписывалось формировать диверсионные

группы. Но это было потом, а пока шло массированное наступление немецко-фашистских захватчиков…

* * *

О том, что немецкий фашизм верил в свою победу над СССР, общеизвестно. Итоги Версаля забылись, но история имеет обыкновение повторяться, потому что её никто не слушает. И вот уже взятие Москвы с её последующим уничтожением отражается в ряде таких документов, как:

а) «Указание ОКХ о порядке захвата Москвы и обращении с её населением»,

б) «О предстоящем занятии немецкими войсками Москвы», 3. «Дешифровка телеграммы № 1052 МИД Германии германскому посольству в Лиссабоне».

Приведу их тексты:

1. «Группе армий «Центр» 12 октября 1941 г.

Главное командование сухопутных сил приказало:

…

«Фюрер вновь решил, что капитуляция Москвы не должна быть принята, даже если она будет предложена противником. Моральное обоснование этого мероприятия совершенно ясно в глазах всего мира. Так же, как и в Киеве, для наших войск могут возникнуть чрезвычайные опасности от мин замедленного действия. Поэтому необходимо считаться в ещё большей степени с аналогичным положением в Москве и Ленинграде.

То, что Ленинград заминирован и будет защищаться до последнего бойца, объявлено по русскому радио.

Необходимо иметь в виду серьёзную опасность эпидемий. Поэтому ни один немецкий солдат не должен вступать в эти города. Всякий, кто попытается

оставить город и пройти через наши позиции, должен быть обстрелян и отогнан обратно.

Небольшие незакрытые проходы, предоставляющие возможность для массового ухода населения во внутреннюю Россию, можно лишь приветствовать. И для других городов должно действовать правило, что до захвата их следует громить артиллерийским обстрелом и воздушными налетами, а население обращать в бегство.

Совершенно безответственным было бы рисковать жизнью немецких солдат для спасения русских городов от пожаров или кормить их население за счет Германии.

Чем больше населения советских городов устремится во внутреннюю Россию, тем сильнее увеличится хаос в России и тем легче будет управлять оккупированными восточными районами и использовать их.

Это указание фюрера должно быть доведено до сведения всех командиров».

2. О предстоящем занятии немецкими войсками Москвы.

...

«Главное командование приказывает всем подчиненным ему местным группам в случае предполагаемого взятия немецкими войсками г. Москвы в течение 24 часов поднять вместе с государственным знаменем – флаг со свастикой, а также в честь этого события должны звонить колокола наших церквей в течение получаса.

О времени поднятия флага и колокольного звона главное командование сообщит точно.

Главное командование уже сейчас заботится о том, чтобы местное руководство о времени было поставлено в известность руководством области в течение 4 часов, так чтобы поднятие флага и звон начался неожиданно и одновременно во всей области…»

3. Дешифровка телеграммы № 1052 МИД Германии Германскому посольству в Лиссабоне». 11 декабря 1941 г.

…

«Наши операции 1941 г. в значительной степени ослаблены быстрым наступлением снежной зимы и холодного периода. Отдельные, ещё не законченные операции будут продолжены.

После больших побед в сентябре и октябре наши войска при сознательном напряжении всех сил достигли, преодолевая превосходящего как в живой, так и в материальной силе противника, цели, поставленной перед началом кампании.

У неприятеля отняты наиболее важные для вооруженных сил экономические и военные центры. Поставленная перед войсками задача – разгромить массу красных войск в глубине страны – в результате боев этого года в значительной мере выполнена.

Военная мощь противника сильно ослаблена превзошедшими все ожидания потерями в живой и материальной силе. Между тем

цель – окончательно уничтожить военную мощь русских – стоит ещё на повестке дня.

Задачей германских войск зимой 1941–1942 г.г. будет охрана оккупированных областей путем создания фронта обороны с максимальной экономией сил, с тем чтобы под его защитой усилить и освежить восточные войска для выполнения поставленной перед ними на весну 1942 г. задачи, а также произвести новое разделение оккупированных областей и их экономическое использование.

Необходимое для этого планомерное отступление отдельных головных частей, продвинувшихся в результате наступления далеко вперед, уже частично проведено, например, у Ростова, частично начато восточнее Тулы, северо-западнее Москвы и у Тихвина.

Вражеская пропаганда попытается представить это отступление, которое при данных метеорологических условиях сопряжено с определенными потерями в материальной части (взрыв замерзших орудий и автомашин), как победу Красной Армии. Вы должны с сознанием своей силы энергично, но вежливо воспротивиться этому.

В особых случаях следует указать на то, что Москва как таковая большого значения для германского командования не имеет, что давление на Москву должно было лишь вынудить противника бросить в бой свои последние резервы.

Эта цель достигнута.

В упорных боях противнику нанесен большой урон. В результате

германских атак Москва очищена, во-первых, как столица страны от властей, во-вторых, от всей сравнительно важной военной промышленности. Результатом этого является нарушение работы вражеских административных и военных учреждений.

У Ленинграда мы полностью достигли своей цели – отрезать Ленинград, употребив на это небольшое количество войск. Промышленные предприятия города продолжают планомерно уничтожаться огнем нашей артиллерии. Свирепствует голод и заразные болезни».

Думается, читатель способен оценить уровень и степень ожидаемой жестокости вермахта при захвате столицы и гротеск, особенно последнего документа фашистских властей.

* * *

В рассекреченном сегодня документе за подписью заместителя начальника УНКВД по городу Москве и Московской области майора госбезопасности А. В. Петрова под названием «Отчет о создании агентурно-осведомительной сети для проведения разведывательной и диверсионно-террористической деятельности в тылу противника» от 3 ноября 1941 года указывалось, что для проведения этой работы в тылу противника:

…

«…переведено на нелегальное положение по городу Москве – 28, по Московской области – 11 оперативных работников…

А всего подготовлено для этих целей по Москве – 553 человека, по Московской области – 123.

Из общего количества оставшейся агентурно-осведомительной сети озадачены:

а) по сбору разведывательных сведений – 241 человек;

б) по совершению диверсионных актов – 201 человек;

в) по совершению террористических актов – 81 человек;

г) по распространению провокационных слухов и листовок – 153 человека.

Вся агентурно-осведомительная сеть проинструктирована на самостоятельные действия в случае потери связи. Оперативный состав, переведенный на нелегальное положение, и часть агентуры обеспечены запасом продовольствия на 2–3 месяца.

Для осуществления связи с оперсоставом и агентурно-осведомительной сетью установлены пароли».

В Москве планировалось с помощью подрыва нескольких взрывных устройств уничтожить Адольфа Гитлера во время его посещения Кремля.

Кроме того, готовилось минирование более десятка крупных советских городов – крупных промышленных центров и осуществление «специальных мероприятий» – «Д» (диверсии) в отношении заводов и мест возможного обитания захватчиков.

И всё же немцы пронюхали содержание этих мероприятий. Уже в начале февраля 1942 года в отчете штаба немецкой полиции безопасности и СД о положении в СССР говорилось о факте создания нелегальных боевых организаций НКВД в Москве:

...

«…Особую организационную форму партизанского движения представляет нелегальная боевая

организация НКВД в Москве. Она была создана на случай оккупации Москвы немецкими войсками и имеет целью проведение актов саботажа и террора.

В различных районах города оборудованы явки на частных квартирах, где каждый боевой отряд может быть снабжен всем необходимым. Там были приготовлены среди прочего оружия взрывчатые вещества, яды, немецкие и русские деньги, а также немецкая военная форма…

На вероятных направлениях нашего прорыва в город на крышах домов и других строений, а также в квартирах, расположенных на верхних этажах многоэтажных зданий, планируется использование снайперов для уничтожения генералов и офицеров вермахта, а также высокого гражданского чиновничества из Берлина…»

Из анализа нашего и немецкого отчетов видно, что Москва тоже могла быть тылом, то есть оккупированной фашистами. Многие боялись оставаться в столице. Паникёры делали своё дело. Слабые духом и трусы сдавались на милость обстоятельствам, предавались панике, человеческая нечисть – мародерничала. Поэтому дезертировали не только военные с поля боя, но и чиновники – государственные мужи, покидая свои тёплые кабинеты.

Так, в решении Исполнительного комитета Московского городского Совета депутатов трудящихся от 17 октября 1941 года, подписанном его председателем В. Прониным, говорилось:

…

«…Тяжелая обстановка работы в прифронтовых условиях не размагничивает наших товарищей, а

наоборот, советские люди спокойно и напряженно работают над обеспечением нормальной жизни нашего города.

В этих условиях особо преступным, противогосударственным поведением является факт дезертирства из Москвы председателя Мосгорпромсовета тов. Пасечникова и начальника Управления по делам искусств тов. Фрумкина, которые бросили свои предприятия на произвол судьбы…

За дезертирство т.т. Фрумкина и Пасечникова предать суду Военного Трибунала, как дезертиров…»

Многие тогда считали, что Москву придется оставить, как это было в 1812 году. Но органы государственной безопасности упорно занимались своей работой. Минировались части помещений и в союзной столице – в Москве: в Доме правительства, Большом театре, храме Василия Блаженного, Елоховском соборе и на других объектах культуры…

Но если в Москве для подрыва предназначались только отдельные сооружения и здания, то подступы к ней – поля, леса, деревни, посёлки и города уже упоминаемый выше «всезнающий» Мехлис планировал в ходе массовых взрывов превратить в сплошную выжженную пустыню. Он задумал поработать по площадям, – «плотно» заминировать всю территорию Подмосковья и в нужное время взорвать фугасы.

Заместитель наркома обороны снова вызвал к себе Старинова и решил поделиться своими «продуманными» планами поистине чудовищного масштаба. Минер пришел в ужас от предлагаемых прожектов невежды! В своей книге «Записки диверсанта» Старинов вспоминал:

…

«К сожалению, надо признать, что дома поджигались партизанами, выполнявшими приказ Сталина «Гони немца на мороз!» Но мне

вспоминается наша война с Финляндией в 1939–1940 годы. Финны при отходе эвакуировали 99 процентов своего населения.

Мы приходим в село, а населения нет. Часть домов приведена в негодное состояние, часть заминирована минами замедленного действия. Продрогшие и измотанные солдаты набивались в такие дома по 50—100 человек. Когда дома взрывались, мало кто оставался в живых. После этого мы уже старались подальше держаться от любых зданий и сооружений…

И вся армия мерзла в палатках. Да, финнам удалось выгнать нас на мороз. А теперь, когда мы решили воспользоваться их опытом, что получилось? Стали поджигать деревни, в которых жили свои же крестьяне! Немцы говорят:

«Посмотрите, что делают большевики! Вас поджигают! Помогите нам охранять ваши деревни!»

Старинов был категорически против таких поджогов и подрывов. Он считал, что население захваченных немцами территорий не виновно в том, что оно оказалось под оккупантами. Виновно в таких ситуациях всегда руководство страны, его армия, но не простой народ. Такая позиция профессионала-минера раздражала некоторых руководителей в Москве. С таким подходом был не согласен Мехлис, к которому Сталин почему-то относился, особенно в начальный период войны, с полным доверием и прощал ему многие как незначительные просчеты, так и роковые ошибки, тянувшие по своим последствиям и ущербам на преступления.

Старинов и Святогоров считали, что в этой борьбе с противником надо оставаться человеком по отношению к своим людям, страдающим от оккупационного режима, особенно при массовых диверсионных акциях.

– Останешься человеком, если будешь переживать боль чужую, как свою, – часто напутствовал Старинов своих

подчиненных.

Это было его жизненным кредо до последних минут пребывания на этой земле, когда уставшее сердце ветерана остановилось. Это случилось 18 ноября 2000 года в 16 часов 50 минут. Он прожил 100 лет, три месяца и 15 дней. За свою вековую жизнь разведчик-диверсант участвовал в четырех войнах, лично пустил под откос 18 вражеских эшелонов, а на сконструированных им минах подорвано около 12 тысяч фашистских поездов. ПМС – противопоездная мина Старинова признана самым эффективным подрывным средством Второй мировой войны.

Кстати, говоря о политике «выжженной земли», о чем сегодня пишут некоторые недобросовестные борзописцы, следует в заслугу Сталина поставить то, что в своих личных указаниях, направленных на фронт на имя члена Военного Совета Юго-Западного фонта Н. С. Хрущева, руководитель СССР, узнав о «смелых распоряжениях партийца при лампасах», писал о недопустимости уничтожения водопроводов, считая, что пострадает население от этого варварства.

Кроме того, он верил, что неприятеля всё равно Красная Армия выбьет из городов, а потом придется вкладывать средства в восстановление коммунального хозяйства. Такие операции он считал недопустимыми с чисто экономических и даже нравственных позиций, зная, что война не очень любит моральных сентенций.

Вместе с Ильей Григорьевичем в одной из упоминаемых уже операций в Харькове был задействован чекист-разведчик киевлянин Александр Святогоров. Они познакомились ещё до войны на украинском Полесье в городе Ровно. Это было на занятиях в школе Украинского штаба партизанского движения, где готовились диверсионные кадры на случай агрессии Германии.

Слово Святогорову:

...

«Несмотря на тревожную предэвакуационную обстановку, воздушные налеты, рабочие Харькова быстро наладили серийное производство сложных противопехотных и противотанковых мин. Мины

закладывались так, что со стороны казалось, будто саперы строят дзоты или какие-то другие оборонительные укрепления. По приказу Старинова только в некоторые из сотен скважин устанавливали мины, остальные заряжали холостыми пакетами…

Дело усложнялось тем, что за нами следили вражеские лазутчики, которые наводнили город. Были среди них и инициативники, желающие преподнести старателям «нового порядка» плоды своих «бдительных наблюдений». Старинов то и дело отмечал, что около некоторых секретных скважин появляются неизвестно откуда взявшийся булыжник, заломленная ветка или зарубка на дереве.

Среди объектов, подлежащих минированию… был и дом на улице Дзержинского, под № 17, известный в то время всем харьковчанам. Там в сентябре-октябре 1941 года жил первый секретарь ЦК КП(б) Украины Никита Хрущев. У нас был расчет на то, что в этом привлекательном и удобном особняке поселится кто-либо из высшего немецкого командования. Но Хрущев наотрез отказался выезжать из дома: дескать, это вряд ли останется незамеченным, возникнут подозрения – и операция будет провалена.

Никита Сергеевич не изменил своего решения, даже когда на станции Харьков-1 под паровозом неожиданно сработал замыкатель замедленного действия, установленный на месяц.

Пришлось вести работы в доме при Хрущеве.

24 октября фашисты ворвались в город…

Военным комендантом Харькова был назначен генерал-майор Георг фон Браун – командир 68-й пехотной дивизии (кстати, кузен известного создателя ракет ФАУ-1 и ФАУ-2 Вернера фон Брауна, который со временем оказался в США)».

* * *

Сначала важный фашист жил в небольшом домике на окраине города, а когда немецкие саперы проверили «особняк Хрущева», то нашли так называемую «блесну», которая была специально «замаскирована» таким образом, чтобы вражеские саперы её бы обязательно обнаружили. Вторая мина была спрятана более надежно – на глубине полтора-два метра, а поэтому добраться до неё они не смогли. Именно она и сработала в нужный момент – т. е. в нужном месте и в нужное время, – 14 ноября 1941 года. Но вот что было интересно – Старинов в это время находился в Воронеже, за 300 км от Харькова. Именно оттуда в 4.20 он скомандовал: «Взрываем мину номер два!» Эффективность дистанционного подрыва заинтересовала гитлеровскую разведку, которая сразу же приняла энергичные меры по розыску образца «минной радиостанции», а также самого Старинова.

Браун с двумя десятками старших офицеров отправились на вечный отдых к праотцам… Для них война закончилась. А перед этим такой же миной был подорван штаб 68-й пехотной дивизии вермахта.

Кстати, тайна радиоуправляемых мин так и осталась для фашистов за семью печатями. Только через двадцать лет после войны, когда дистанционно с помощью радиосигналов начали управлять даже космическими кораблями, в печати впервые было упомянуто о Воронежской радиостанции «ВР-25» и её первом испытателе Илье Старинове.

В историко-публицистическом альманахе «Лубянка» – выпуск № 4 в статье спецназовца Суродина В. И. «Профессор Старинов – «бог партизанской войны!» упоминается эпизод:

«Минно-подрывная операция «Западня», проведенная группой полковника Старинова в Харькове, стала первой значительной

операцией такого рода в истории войн. Произошедшее было весьма серьёзным, да к тому же гибель фон Брауна нельзя было скрыть. Доложили Гитлеру, который поинтересовался, как погиб генерал.

– Радиомина, мой фюрер, – объяснил генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель.

– Кейтель, какая чушь – в роте, в полку не имеют нужных радиосредств, а радиомины есть, – взорвался Гитлер.

– Мой фюрер, это так.

Следующий вопрос был адресован Канарису.

– Кто и когда разработал в России радиомину?

– История такова – испытательный образец радиомины был изготовлен для морского ведомства харьковским профессором Пальчиковым накануне Первой мировой войны. Немецкая разведка пыталась осуществить его вербовку сразу после революции, но он от предложения отказался. Агент-боевик его ликвидировал. Далее работу над радиоминой продолжил инженер Бекаури. Но в 1938 году он пал жертвой молоха репрессий. В настоящее время работу по проекту «Радиомина» ведет инженер Файнберг.

Прервав Канариса, фюрер спросил:

– Кто он – немец, еврей?

Руководитель абвера уточнил:

– Еврей.

– У нас есть радиомины?

– Нет, мой фюрер.

– Сколько потребуется времени для их изготовления?

– Минимум три месяца необходимо для изготовления образца, – ответил Шахт.

– Хорошо, через три месяца покажите мне образец.

Через три месяца Гитлеру предъявили два образца радиомин.

– Можем ли поставить их на поток? – спросил Гитлер.

– Это можете решить только вы, мой фюрер, – произнес Шахт.

– Почему?

– На её изготовление требуется столько платины, серебра, золота, вольфрама и молибдена, что для нас это непосильно. Если вы разрешите использовать эти металлы, с таким трудом получаемые через Швецию, то техническое задание будет выполнено.

Фюрер, обращаясь к Кейтелю:

– Какое значение имеет мина для исхода войны: тактическое, оперативное или стратегическое?

– Тактическое, мой фюрер.

– Тогда поставим её на поток, когда норильский никель будет

у нас, и массово применим радиомины в США. Шахт, ведите НИОКР и о результатах докладывайте мне каждые шесть месяцев. Кто исполнитель операции в России? – поинтересовался Гитлер.

– Старинов, – доложил Канарис.

– Кто такой?

– Участник гражданской войны в Испании, полковник.

– Что говорят пленные? Сколько их?

– Тридцать два человека. Характеризуют его как квалифицированного специалиста».

* * *

Сегодня наши дети и внуки восторгаются действиями техасских рейнджеров, насмотревшись голливудских боевиков, забывая о подвигах своих дедушек и бабушек. Это они лихо ломали и, в конце концов, сломали хребет самой сильной армии мира – вермахту.

Это они ценою собственной жизни прокладывали нашему поколению мосты в мирное, безоблачное завтра, которое совсем не таким оказалось сегодня.

Это они вершили такие дела в ходе «рельсовой войны», аналогов которым в мировой практике военного искусства до сих пор не найти.

И вот уже в книге Н. Шварёва «Нелегалы внешней разведки» автор встретил философско-практичные откровения Старинова о современности:

…

«Помимо душевного покоя, поддержки близких, уверен, человеку необходимо много трудиться, делать добро людям, быть полезным своему обществу. Человек жив, пока нужен другим. Пока есть силы, пишу, излагаю свой опыт и знания для потомков. Душа рвется в Чечню, чтобы помочь нашим ребятам. Ведь многое из моего опыта могло бы пригодиться, но, к сожалению, сегодня почему-то не востребовано.

Например, я бы рассказал, как делать «светлячки» – дешевые сигнальные мины, с помощью которых можно было бы отучить боевиков передвигаться по ночам. Есть немало и других боевых «секретов», которые незаслуженно забыты. Уйдет моё поколение – кто о них расскажет?»

Звучит это как справедливый упрек властям, затащившим народы на постсоветском пространстве путем обмана в махрово криминальный капитализм с его безработицей и социальными издержками! Всё хорошее, что было, они тоже попытались забыть, проигнорировать, растоптать…

Слава богу, потихоньку страна выбирается из горбачевско-ельцинских наработок.

* * *

9 мая 1943 года в штабе немецкой группы армий «Центр» разыгрались драматические события. Генерал-фельдмаршал Гюнтер фон Клюге так рассвирепел от доклада начальника тыла своей группировки генерала Шекендорфа о нападении партизан на железнодорожные станции и транспорты на дорогах Украины, что вытащил пистолет и выстрелил в направлении коллеги по вермахту, но, к счастью своему, не попал в цель.

Командующий в буквальном смысле осатанел, узнав, что за последние четыре дня партизанами было уничтожено одиннадцать составов, перевозивших из Западной Европы под Курск личный состав и боевую технику.

– Смею доложить, господин фельдмаршал, что по сравнению с тылами группы армий «Юг» у нас положение благополучнее, – оправдывался, словно издеваясь, Шекендорф. – Там за последнюю неделю выведено из строя сто двадцать пять железнодорожных составов.

– Что вы прикрываетесь чужой цифрой! Наши потери колоссальны. Это надо признать и сделать соответствующие выводы, – орал, выпучив глаза, разгоряченный нацист с фельдмаршальскими погонами.

– Приму действенные меры…

– Немедленно, срочно, – опять кипятился Клюге.

В своем дневнике в этот день шеф фашистской пропаганды

Йозеф Геббельс напишет:

«Опасность со стороны партизан растет с каждой неделей. Они полностью завладели огромными территориями в оккупированной России».

А генерал Китцингер докладывал в гитлеровскую ставку «Волчье логово» в Растенбург:

«В районе Здолбуново положение драматичное. Активность партизан неудержимо растет… Все железнодорожные узлы забиты из-за невозможности использовать линии».

Гитлер негодовал, перечитывая подобные шифровки…

В ночь на 3 августа 1943 года 167 советских партизанских отрядов, действовавших в фашистском тылу, нанесли одновременный удар по железнодорожным коммуникациям противника. Действия партизан развернулись на огромной территории протяженностью 1000 километров по фронту и 750 километров в глубину немецкой обороны. В операции приняло участие почти 100 тысяч человек. Эта операция стала настоящим кошмаром для гитлеровцев, но она была всего лишь прелюдией для дальнейших действий народных мстителей.

По имеющимся данным, 31 августа командование корпуса немецких охранных войск внесло в свои архивы такие сведения:

«…только за первые два дня операции было произведено 6684 взрыва, что в 30 раз превысило их количество за предыдущий год».

Оккупанты вынуждены были снимать рельсы на железнодорожных линиях Западной Европы и доставлять их на Восточный фронт.

Второй этап «рельсовой войны» был проведен 19 августа 1943 года под кодовым названием «Концерт». Он был нацелен на выведение из строя подвижного железнодорожного состава врага.

Третий этап – операция «Пустыня» проводился в период сентября – ноября по разрушению системы водоснабжения на железнодорожных коммуникациях. В ходе проведения этих трех операций движение немецких эшелонов по железным дорогам сократилось на 40 процентов! Тендеры паровозов остались без воды, а значит, котлы – без пара, колёса – без движения.

* * *

Следует вспомнить, что назревала битва на Курской дуге с последующим танковым сражением под Прохоровкой. Именно эти три партизанские операции затруднили и практически если не сорвали, то отрицательно повлияли на перегруппировку

гитлеровских сил в разгар боев в этих местах, что, в свою очередь, позволило Красной Армии перейти в контрнаступление.

Но вернёмся к богу рельсовой войны И. Г. Старинову.

После вышеупомянутой беседы Гитлера с верхушкой Третьего рейха фюрер поручил Геббельсу – министру пропаганды разработать через своих «спецов» дезинформационные материалы по компрометации Старинова и передать их любыми путями советской военной контрразведке…

Одной из идей Ставки была «рельсовая война». Партизан прямо нацеливали на подрыв железнодорожного полотна. Но взорванные рельсы путейцы противника быстро восстанавливали. Поэтому Старинов предложил с помощью его мин подрывать в первую очередь эшелоны – ущерб от такой работы был более значимый. Центральный штаб партизанского движения с идеей «главного диверсанта» СССР согласился.

За четыре года Старинов организовал подрыв 256 средних и малых мостов. Его «адские машины» пустили под откос более 12 тысяч военных эшелонов!!! За сравнительно короткое время противнику был нанесен значительный ущерб в живой силе и боевой технике.

Уроки полковника Старинова хорошо усвоил его ученик майор Святогоров, действовавший под псевдонимом Зорич во время прицельных командировок в Польшу и Словакию.

К сожалению, оба героя войны остались не замеченными советским руководством, что говорит о забывчивости чиновничества. А может, о скромности самих офицеров – наград себе эти герои не вымаливали. Они остерегались доведения скромности – этого самого порядочного качества в характере человека – до степени унижения. Есть и третья версия – они никогда не смотрели в рот начальству и говорили то, что было на самом деле, и делали то, что считали во благо Родины.

А ведь эти два героя минувшей войны могли стать Героями Советского Союза! Они эту награду заслужили мужеством, потерянным здоровьем и пролитой кровью за освобождение Отечества и Европы от коричневой чумы.

Как рождаются псевдонимы

В просторном кабинете руководителя НКГБ УССР генерал-майора С. Р. Савченко было светло и уютно.

Хозяин кабинета родился в 1904 году в городе Скадовск Днепровского уезда Таврической губернии в семье крестьянина. Окончил земское училище и гимназию. Работать пришлось на разных участках: ночным сторожем и конторщиком, ездовым и приёмщиком зерна, разнорабочим и завскладом.

За плечами Сергея Романовича лежал огромный чекистский опыт, начавшийся с далекого 1921 года, когда он стал оперуполномоченным особого отдела Николаевской губернской ЧК. С 1924 года – курсант Высшей пограничной школы, после окончания которой возглавил оперативный отдел штаба погранвойск на румынской границе. До 1939 года служил в пограничных войсках. Одно время преподавал в пограничном училище. В 1940 году перешел на оперативную работу. В 1941 году – заместитель НКГБ УССР. С середины сентября 1941 года до начала января 1942 года фактически возглавлял НКВД Украины, поскольку нарком В. Т. Сергиенко, попав в окружение под Киевом, проявил трусость и был отстранен от исполнения служебных обязанностей.

Савченко полтора месяца инкогнито жил в оккупированном Харькове, а затем вышел в расположение советских войск. С 7 мая 1943 года по август 1949 года – нарком Государственной Безопасности (ГБ), а с марта министр ГБ УССР. Потом стал заместителем начальника разведывательного управления МГБ СССР. С сентября 1949 по январь 1953 года начальник советской внешней разведки, где получает звание генерал-лейтенанта. В ноябре 1951 года одновременно назначается заместителем МГБ СССР.

5 января 1953 года он освобожден от должности начальника внешней разведки, но до 11 марта оставался на должности заместителя министра.

В связи с тем, что в ходе реорганизации органов государственной безопасности, проведенной после смерти Сталина, МГБ влилось в МВД и внешняя разведка организационно стала Вторым Главным управлением МВД, 17 марта 1953 года Савченко назначается первым заместителем начальника внешней разведки.

В сентябре того же года переведен на должность начальника одного из управлений этого министерства.

Он награжден орденами Ленина (трижды), Красного Знамени

(четырежды), Кутузова 2 ст., Богдана Хмельницкого 2 ст., Красной Звезды, а также медалями. Сергей Романович удостоен почетного ведомственного звания «Заслуженный работник НКВД».

В феврале 1955 года, в период хрущевской «прополки» старых кадров, уволен в запас с трактовкой в приказе – «по служебному несоответствию». Получалось, что вчера он успешно руководил внедрением нашей агентуры в стан противника, а сегодня он уже не соответствует этой должности. Такое было то время, не лучше оно и сегодня – каждый вождь тащит и расставляет своих не столько по уму, сколько по принципу верности, землячества и родства.

Он в конце сороковых и начале пятидесятых лично утверждал проведение основных разведывательных операций в США и в Великобритании. В 1955 году ушел на пенсию.

Скончался генерал в 1966 году.

Именно в период его руководства органами госбезопасности на Украине были проведены ряд крупных диверсионных операций против немцев. В ходе одной из них был спасен город Винница…

Девизом министра были слова: смысл жизни – обучение. Только в полученных и хорошо усвоенных знаниях: от методов работы и до закрепления легенды поведения, он видел залог успеха разведчика и контрразведчика в проводимых ими операциях. И ещё, со слов Святогорова, он считал, что несчастен тот человек, который не делает того, что он может, и берется за то, чего он не понимает. Таких людей он считал опасными в чекистском коллективе. Но видно, история нас ничему не учит, – идут повторы прошлого до сих пор…

* * *

20 января 1944 года в тыл противника для проведения специального оперативного мероприятия наркоматом ГБ УССР был выведен разведчик Николай Порай-Кошица под псевдонимом Мельник. Боевой офицер ещё Первой мировой войны, кавалер двух Георгиев, он добровольно взялся исполнить рискованное задание чекистов. Отлично владея немецким языком, представился фашистам царским офицером – белогвардейцем и непримиримым врагом советской власти. Это артистическое перевоплощение Николая прошло довольно-таки успешно – немцы поверили славянину. Ему удалось пристроиться поставщиком водки при фашистской автоколонне, возившей боеприпасы на один из арсеналов. Вскоре он узнал место расположения склада с десятью тоннами взрывчатки и семью

тоннами мин. Он выяснил и цель завоза туда взрывчатых веществ – уничтожение города Винница. А через несколько дней поисков он же раздобыл у напившихся фрицев взрыватели – выпросил под предлогом глушения рыбы…

31 января 1944 года город потряс страшной силы взрыв. Образовалась воронка в 50 метров в диаметре и 7 метров глубины…

В своем донесении в Центр и в ЦК КП(б)У С. Р. Савченко указывал:

…

«В ходе выполненной агентом «Мельником» диверсии враг не только лишился подрывных средств – погибло до 100 немецких военнослужащих, включая всю команду саперов, прибывших разрушить город и в нем нашедших могилу…»

Немецкая комиссия, проводившая расследование, пришла к выводу – взрыв произошел из-за небрежности в обращении с боеприпасами. Спаситель города со временем получит лишь орден Отечественной войны 2-й степени…

* * *

Через пять минут после вызова в кабинет вошли трое чекистов – полковник, майор и капитан.

Полковник Сидоров доложил сущность предстоящей разведывательно-диверсионной операции под кодовым названием «Люблин». Он тут же заметил, что майор Святогоров будет работать под псевдонимом «Зорич», а капитан Коваленко становится «Гурским».

– Товарищ майор, вы летите старшим в группе из двух человек. Задачу уяснили? – поинтересовался Сергей Романович.

– Так точно, товарищ генерал. Мы получили подробный инструктаж и план дополнительного обучения, которое проведут с нами специалисты различных служб, – ответил бойко майор Святогоров.

– А как чувствуете оба – я имею в виду в первую очередь

морально-психологический настрой? Справитесь с заданием? Как здоровье? Будут ли самоотводы? – осыпал подчиненных дежурными вопросами нарком госбезопасности Украины.

Оба офицера почти хором заверили его в том, что задание постараются выполнить обязательно, – здоровье в порядке, а наработанный опыт за предыдущие годы войны позволяет успешно справиться с решением поставленных задач.

– Вам поручили ответственное дело, и вы, я больше чем уверен, сможете его выполнить. Вы же профессионалы в своем деле, не так ли?! И не квасные какие-то там, а настоящие патриоты. Каждый из нас может быть любым, но не надо забывать, что все мы люди одного Отечества, попавшего в беду. В великих делах нужно стараться не столько создавать события, сколько пользоваться теми, которые представляются порой внезапной и быстро меняющейся обстановкой.

В операции «Люблин» придется организовывать проникновение своей агентуры в разведывательные органы противника: в гестапо, в школу, готовящую шпионов и диверсантов, узнавать от них о новых методах и приемах работы против частей Красной Армии. А если коротко – заниматься нейтрализацией немецкой агентуры. Одно из главных требований к вашей работе – выуживать через агентуру секретные сведения, так необходимые армии и политическому руководству страны.

Вашей базой будет советский партизанский отряд имени Железняка. Руководство и личный состав отряда вас ждут – готовятся достойно встретить. А от вас мы ожидаем интересной оперативной информации. Радиосвязь Центра с партизанами-железняковцами налажена и ни разу не подводила. В передаче интересных данных нам вы должны смело пользоваться возможностями их радиостанции, потому что этот отряд наш – чекистский.

Связь в разведке – всему голова! Без связи нет разведки!

Кстати, как мне известно, в последнее время именно в этом отряде что-то не заладилось с соблюдением конспирации – участились провалы ранее намеченных операций. Видно, внедрился к ним вражеский лазутчик, а может, и не один. «Выкуривать» оборотней – это тоже одно из звеньев в цепи ваших заданий…

Порученное вам дело – жеребец живой и сильный, править им нужно умеючи, взнуздывать надо крепко, а то он вас одолеет, понесет не туда, куда вы намеревались поскакать. Действия врага надо предупреждать, а не идти по следам его преступлений, – инструктировал офицеров, а скорее напутствовал, седой генерал, добродушно улыбаясь. – А пока даю вам сутки для общения с

семьями, а потом – начнется этап непродолжительной, но интенсивной и широкоплановой подготовки. Но семьям никаких подробностей. Понятно?

– Ясно, товарищ генерал, – хором отчеканили оба офицера.

После такого «разжеванного» генеральского монолога офицерам стало всё предельно ясным. Они знали, куда их забрасывают и зачем, не знали только когда!

Офицеры были готовы выполнить приказ руководства.

* * *

Александр Пантелеймонович дома рассказал жене Елене Ивановне и матери Прасковье Александровне, что собирается в длительную командировку, естественно не раскрыв никаких подробностей предстоящей работы за линией фронта. Таков удел разведчика – и для домашних существо его работы тайна. Как говорится, чего не должен знать твой враг, не говори того и другу. В его памяти осели на благодатную почву и проросли слова полного понимания факта о необходимости сбережения тайны в разведке, как ни в каком другом роде деятельности, сказанные однажды ещё в Запорожье его первым наставником оперуполномоченным Смешко:

Тайн хранить не умеет глупец и бахвал,
Осторожность поистине выше похвал,
Тайна – пленница, если ее бережёшь ты,
Ты у тайны в плену, лишь её разболтал.

Эти слова он запомнил на всю жизнь.

– Саша, как долго она продлится – эта твоя командировка? – тревожно спросила супруга.

– Леночка, как только добьем эту фашистскую гадину, так сразу же я и приеду. У меня хорошее предчувствие, а интуиция твоего супруга, как ты знаешь, никогда ещё его не подводила.

Думается мне, осталось этому коричневому зверю жить недолго. Он на издыхании.

– Но раненый зверь, как известно, опасный, – подметила Елена Ивановна.

– Ничего, Красная Армия его здорово теснит, загоняя в берлогу… теснит с явным ускорением, – оптимистически заметил

Александр. – Руководство доверило мне важную задачу, и её я должен решить. А там и до берлоги Гитлера, может, с коллегами доберемся…

Любил он образные выражения.

Мама Прасковья Александровна, внимательно слушая рассказ сына о новом месте его службы, сначала немного заволновалась, а потом даже украдкой всплакнула. Смахнула передником набежавшую слезу и долго не могла говорить из-за душившего её за грудиной «комка слабости», как она выражалась. Но затем всё-таки собралась с мыслями и выдала такие ёмкие слова-пожелания, что они поразили сына:

– Так и служи, дорогой сынок. Служи не славы ради, а чести для. Остальное всё обязательно придёт! По-другому в нашей семье никогда не получалось. Все мужчины отличались верностью земле родной! Благословляю тебя, Сашко, на подвиг…

Потом мать трижды перекрестила его.

Сын не ожидал услышать от матери этих негромких слов, ставших для него напутственным набатом и даже афоризмом. Он был буквально потрясен её разумными и патриотическими словами.

В последний ужин перед командировкой долго горел свет на кухне…

Сборы были недолги. Попрощались, обнялись, поцеловались – и в путь-дорогу.

Но дорога пролегала у Зорича теперь не по земле, а по воздуху с приземлением на парашюте.

* * *

После краткосрочных занятий с офицерами по стрельбе, основам радиодела, диверсионных операций, прыжков с парашютом и прочее в партизанский отряд имени Железняка полетела телеграмма:

…

«28 мая принимайте гостей и груз. Район села Воля Верещенская. Опознавательный знак – пять костров, расположенных по пятиугольнику».

На одном из последних инструктажей полковник Сидоров предупредил майора Зорича и капитана Гурского, что при приземлении они обязаны будут сразу же потушить два костра. Это сигнал для второго вслед идущего за ними самолета. Второй транспортник сбросит им и партизанам «необходимый комплект». В нём должны находиться электробатареи, рация, оружие, боеприпасы, взрывчатка, медикаменты, продовольствие и обмундирование.

Победа была близка, и каждому из чекистов хотелось внести в её достижение и свою лепту за линией фронта, в чужих странах, – поучаствовать в острых чекистско-войсковых и агентурно-оперативных операциях. Для этого они учились, служили, давая присягу на верность Родине.

* * *

Автору этих строк довелось в течение почти двадцати лет курировать подразделения ГРУ Генштаба Вооруженных Сил СССР и встречаться со многими ветеранами-разведчиками минувшей войны. Была такая встреча и с генерал-майором В. А. Никольским, работавшим в армейской разведывательной группе (АРГ) в одном из районов Польши.

АРГ Никольского была аналогичной группе Зорича в Люблине. На этой встрече он заметил о существовавших некоторых сложностях зафронтовой засылки разведывательно-диверсионных групп и даже частых проколах, а то и провалах этой работы на территории Польши:

«Ещё до окончания войны нам стало известно, что почти все наши группы были уничтожены противником вскоре после приземления. Оправдались наши худшие опасения, высказывавшиеся в свое время руководству.

Посылка относительно многочисленных АРГ из числа советских людей, не знающих немецкого языка, являлась фактически авантюрой. Группы были слишком малы, чтобы защитить себя и вести разведку боем, и слишком велики для маскировки и укрытия в культивированных лесах Западной Польши и Восточной Пруссии.

Широкие просеки, разветвленная система лесных объездчиков, совершенные средства связи с телефонами не только в квартирах, но и на дорогах, покрывающих густой сетью всю страну, давали возможность по малейшему сигналу любого немца о появлении советских парашютистов направлять карательные отряды полиции и фольксштурма на броневиках,

транспортерах с собаками в любой пункт, где могли скрываться наши люди.

В таких облавах зачастую принимали участие все немцы, способные носить оружие. Проводились так называемые «хазенягд» – охоты на зайцев, где в качестве зайцев выступали или бежавшие из лагерей военнопленные, или обнаружившие себя разведчики…

Из 120 героев, направленных нами из Бреста и Кобрина в Польшу, в живых осталось всего около десяти человек, с трудом выживших до прибытия в район их выброски советских войск…

Были случаи гибели разведчиков при их транспортировке за линию фронта. Наши самолеты, как правило, «воздушные трамваи» – «Ли-2», подбивали зенитчики противника и его ночные истребители».

Эти слова характеризуют ту сложную оперативную обстановку, с которой должен был встретиться руководитель чекистской группы майор Зорич.

В одном из приказов, подписанном генерал-фельдмаршалом Вильгельмом Кейтелем от 23 июля 1941 года, говорилось:

…

«Учитывая громадные пространства оккупированных территорий на Востоке, наличных вооруженных сил для поддержания безопасности на этих территориях будет достаточно лишь в том случае, если всякое сопротивление будет караться не путем судебного преследования виновных, а путем создания такой системы террора со стороны вооруженных сил, которая будет достаточна для того, чтобы искоренить у населения всякое намерение сопротивляться…

Командиры должны изыскать средства для выполнения этого приказа путем применения драконовских мер».

* * *

Забрасываемые в тыл врага разведывательно-диверсионные группы зачастую вырастали в крупные партизанские отряды и даже соединения. Наряду с проведением чисто боевой деятельности они создавали в захваченных противником городах резидентуры, обеспеченные радиосвязью с Центром. Агентура, находящаяся на связи у резидентов, вела наблюдение за передвижением войск по бездорожью, железным дорогам и автострадам, отслеживала поведение и действия оккупационных властей и их пособников, совершая против них диверсии и террористические акты.

В ходе приближения советско-германского фронта к границам европейских стран движение Сопротивления нацистам в них существенно нарастало.

С начала 1944 года радисты партизанских соединений, бригад и отрядов стали принимать указания Центра:

...

«С приближением фронта, не дожидаясь дальнейших распоряжений, двигаться на запад».

С весны 1944 года на территорию стран Восточной Европы на помощь их борющимся народам один за другим уходили омсбоновские бригады И. Золотаря, Е. Мирковского, А. Рабцевича и других командиров. Центральный штаб партизанского движения, в свою очередь, направил в сопредельные страны отряды и соединения П. Вершигоры, М. Наумова, И. Борана, В. Чепиги, М. Неделина, С. Санкова, В. Галицкого, И. Яковлева и других народных мстителей.

В январе – мае 1944 года в Люблинское воеводство Польши по частям стали прибывать партизанские соединения имени Александра Невского под командованием В. Карасева и отряд особого назначения «Охотники» Н. Прокопюка.

Появление на территории Польши и Словакии мощных партизанских соединений меняло обстановку в партизанском движении этих стран. Этот процесс повлиял на активизацию деятельности местных партизан, их количественный рост и качественные преобразования. Он вселял веру в победу над врагом.

У народных мстителей теперь расширялись возможности по добыванию планов гитлеровского командования. А также захвату оружия и боеприпасов путём смелых налетов, подрывов и

разгромов складов, арсеналов и вражеских эшелонов. Более ощутимыми стали удары по общему для всех народов Европы врагу – гитлеровскому фашизму.

Но чем больше наносилось ущерба вермахту, тем жестче отвечало гитлеровское руководство на действия наших партизан.

Карательная акция – одна из крупнейших за всю войну – была разработана в Кракове в резиденции гитлеровского наместника в Польше Франка. В разработке её принимал участие рейхсминистр Восточных территорий Розенберг. Она проводилась под кодовым названием «Штурмвинд-1» и «Штурмвинд-2». В ходе боевых действий против партизан фашисты бросили три фронтовые дивизии общим количеством более 30 000 человек.

Но все потуги нацистов были безрезультатными. Разгромить партизан фашисты не смогли.

В целом весной 1944 года в Польше, кроме партизан Армии Крайовой и Армии Людовой, действовало 7 соединений и 26 отдельных отрядов советских партизан.

Их общая численность достигала 12 000 человек.

* * *

Жесточайший приказ Кейтеля по борьбе с унтерменшами безжалостно проводился в жизнь. Так называемые эйнзатцгруппы осуществляли карательную работу на территории Советского Союза, а затем и в Польше под нацистским девизом, сформулированным Борманом:

…

> *«Славяне должны на нас работать. Если они нам более не нужны, они могут умереть. Это нас не должно волновать».*

Поэтому он считал, что обязательные прививки и медицинское обслуживание немецкими врачами представляются излишними, а рост славянского населения нежелателен. Он должен сокращаться по мере его *«…использования и изношенности»* .

У генерал-губернатора Польши Ганса Франка, бывшего личного адвоката Гитлера, – «хозяина» управляемой им страны

было аналогичное мнение.

«Польшей следует управлять лишь путем утилизации страны, путем беспощадной эксплуатации и вывоза всех запасов, сырья, машин, фабрично-заводского оборудования и т. д., которые необходимы для немецкой военной экономики; путем привлечения всех польских рабочих для работы в Германии; сокращения польской экономики до абсолютного минимума, необходимого лишь для физического существования населения; закрытия всех учебных заведений, особенно технических училищ и колледжей, с тем чтобы предотвратить рост новой польской интеллигенции. С Польшей будут обращаться, как с колонией. Поляки станут рабами великого германского рейха…

Сельскохозяйственные рабочие польской национальности отныне не имеют права предъявлять жалобы, посему никакие жалобы не будут приниматься ни одним официальным органом…

Произвольное изменение условий найма строго воспрещается. Сельскохозяйственные рабочие должны трудиться столько, сколько потребует предприниматель. Продолжительность рабочего дня не ограничивается. Каждый работодатель имеет право применять телесные наказания по отношению к своим рабочим… Если возможно, они должны быть выселены из жилых домов и размещены в конюшнях и т. п.

Никакие угрызения совести не должны лимитировать такие действия…

С Польшей надо обращаться, как с колонией. Поляки станут рабами Великой Германской империи».

Эти слова, сказанные палачом польского народа 3 октября 1939 года, стали, по существу, программой его деятельности на период руководства Польшей и её ограбления. Франк методично разрушал Польшу как национальное образование и эксплуатировал её людские и материальные ресурсы в интересах Германии, стремясь превратить её в придаток нацистского государства. Он отдал приказ о тайном вывозе из Польши в Германию огромного количества продовольствия, обрекши местных граждан на вымирание от голода. Еврейское население по его приказу загонялось сначала в гетто, а потом поголовно уничтожалось. Это потом на Нюрнбергском процессе на вопрос обвинителя, – принимал ли он решения на уничтожение евреев, – Франк лукаво заметил:

…

«Я никогда не слышал, в

письменной или устной форме или намеков на истребление евреев. Я никогда не обладал никакой частной информацией об истреблении евреев. Я даю честное слово, что впервые услышал все эти вещи после окончания войны».

Как говорится, комментарии излишни. Он в данном случае работал под дурачка, считая, что народ слеп и на процессе ничем не возразит нацистскому бонзе.

Обворовывали Польшу в государственном масштабе не столько вермахт, сколько части СС, подчиненные Гиммлеру. Соблазнился на личный грабеж и сам Франк, похитивший из национального музея Кракова мировой шедевр картину Леонардо да Винчи «Дама с горностаем», написанную великим мастером в 1484 году. Захлёбываясь в поросячьем визге, вызванном радостью от украденного выдающегося полотна, Франк планировал его присвоить для собственной галереи. И всё же сначала картина была помещена в берлинский музей кайзера Фридриха (ныне Музей Боде). Но в этом хранилище она долго не задержалась.

В 1940 году Ганс Франк приказал вернуть картину в свою резиденцию – в Краков. А в конце войны полотно было обнаружено на вилле Франка в Баварии и возвращено в Польшу.

Не отставала от него и его супруга, любившая посещать музеи и магазины для «прихватизации» понравившихся товаров и изделий из драгоценных металлов и камней.

Свою подлую и поганую жизнь Ганс Франк закончил как злодей, признанный виновным в военных преступлениях и преступлениях против человечности. И естественно получил по заслугам. Франк был повешен в Нюрнберге 16 октября 1946 года.

Для фашистов народы оккупированных стран, в том числе и Польши, были подобны скоту. Гиммлер, прибыв с инспекцией в Познань, в секретном обращении к офицерам СС 4 октября 1943 года изрек:

...

«Процветают ли нации или погибают голодной смертью, подобно скоту, интересует меня лишь постольку, поскольку мы используем их в качестве рабов для нашей

культуры. В противном случае они не представляют для меня интереса».

А на совещании в своем полевом штабе он же 12 мая 1944 года заявил, что одной из серьёзных ошибок руководства Третьего рейха было крайне либеральное отношение к славянам. Лучшим решением славянского вопроса, как считал палач, было копирование еврейского холокоста – то есть поголовное и систематическое его уничтожение.

Они намеревались полностью ликвидировать очаги исторического панславизма – Краков, Прагу, Варшаву и другие подобные им центры в конце войны. Это утверждение Гиммлера полностью поддерживал Кальтенбруннер, считавший, что по своей природе славянин не просто туп, но и сентиментален. А поэтому вид пепелищ будет соответствующим образом формировать будущее поколение славян. Крушение очагов исторической культуры как раз и станет формой крушения духа непокорных славянских наций. И это изрекали представители Германии – одного из цивилизованных народов мира. Вот как может деформировать психологию идеология исключительности нации!

Одна истина прорезалась в словах тирана – действительно «непокорных», а скорее непокоренных народов.

* * *

Транспортный военный самолет «Ли-2» на одном из армейских аэродромов под Киевом принял двух оперативников, экипированных для парашютирования. Военные летчики ещё раз проинструктировали чекистов, как и когда нужно прыгать, хотя им уже доводилось болтаться на стропах во время учебных занятий.

– Прыгать будете, как только услышите звонок и увидите, как загорится зеленая лампочка. Ну а кто первый из вас, решайте уж сами, – повторил один из пилотов. – При приземлении прикажите партизанам срочно погасить два костра – это условный знак с земли для пилотов второго самолета: «Встретили свои». Только после этого вам сбросят нужный груз.

Вскоре взревели два сильных мотора. Транспортный самолет выкатился на взлетную полосу, развернулся, остановился, а потом резко прибавил обороты двигателям. Винты с увеличивающимся свистом стали резать воздух, чтобы через некоторое время потянуть за собой дюралевую сигару фюзеляжа.

И вот, казалось бы, неуклюжее тело «аппарата» слегка дрогнуло и с резко нарастающей скоростью побежало по взлетной полосе. Через несколько минут днище транспортника проглотило с каким-то хрустом и стуком в свою утробу шасси, и самолет стал стремительно набирать высоту. Дойдя до потолка примерно в четыре тысячи метров, машина взяла курс на запад. Она настойчиво двигалась в сторону Польши, где шли боевые действия на море, в воздухе и на земле.

Мысли у оперативников крутились по одной и той же орбите – на этой земле им, двум советским разведчикам, придётся решать свои важные задачи вместе с коллегами по партизанскому отряду.

За воздушным кораблем неотступно следовал второй его собрат с оперативным грузом.

Линия фронта встретила самолеты струями разноцветных трассирующих пуль и разрывами зенитных снарядов. Потом небо стали обшаривать, словно вытянутые прямые щупальца огромного спрута, мощные лучи прожекторов. Летчик первой машины бросил её сначала в левый вираж, потом – в правый, чтобы выбраться из-под ненужной опеки световых столбов, пытавшихся прицепиться к самолету. Пилот понимал, что опасен тот миг, когда прожекторы возьмут его машину в перекрестье лучей. Немцам поймать наши самолёты не удалось – пилоты на такие задания отбирались опытные, не однажды пересекавшие линию фронта.

Зорич, прислонившись к холодному плексигласу иллюминатора, внимательно наблюдал за морем огней. Его худощавое лицо озарял бледно-голубой лунный свет. В расширенных глазах искорками играли холодом далекие звезды и горячие земные вспышки. Через минут двадцать самолет благополучно пересек мерцающую теперь рваными пунктирами линию фронта. Благодаря логике находиться в военном воздушном корабле, подвластном, как и вся жизнь на войне, прихоти судьбы, ему было совсем не страшно.

«От неожиданности, как от судьбы, – не уйти, – рассуждал он, – но надежда спастись реальная – парашют рядом. Оружие тоже».

И всё же ощущение тревоги не покидало его, вызывая понятный дискомфорт глубоко в душе. Он прекрасно понимал одну непреложную истину: когда поддаешься страху перед ужасом, начинаешь ощущать ужас страха, а это для мужика, тем более воина, – постыдно. Нет ничего страшнее страха.

Это он, «противненький страшок», во все времена порождал неприятное чувство неизвестной и ожидаемой беды.

Это он, предательский страх, делает умных людей – глупыми, а сильных – слабыми.

Это он обезоруживает воинов…

Александр верил почему-то в удачный исход их оперативного путешествия по воздуху и всячески успокаивал своего слегка побледневшего напарника. В кромешной тьме летчики только по одним им известным приметам и времени полета отыскали квадрат высадки.

Сопровождающий пилот перед прыжком ещё раз внимательно осмотрел снаряжение партизан-парашютистов и, зацепив вытяжные кольца парашютов за специальный трос, подошел к двери. Чекисты стали ждать последней команды. И вот прозвучал звонок, а затем загорелась сигнальная зеленая лампочка. Один из пилотов рывком открыл дверь. Струя свежего воздуха ворвалась в самолет. Первым в черную бездну за дверным провалом бросился Зорич, а за ним полетел Гурский. Теперь уже жесткая и тугая струя пронизывающе холодного воздуха ударила в лица парашютистов. Свист. Шум. Рывок вверх – это выстрелили стропы, вытянутые куполом парашюта. Разведчики почувствовали, как их тела в плотной обвязке ремнями подскочили вверх, и в ночном небе распустились два светлых тюльпана. Несмотря на то что лямки туго сдавили грудь, сознание обрело приятное чувство безопасного полета. Они висели под темными шелковыми куполами и бесшумно скользили вниз, к своим товарищам на польской земле.

К своим ли? – и такие вопросы задавали себе оба парашютиста. Вскоре тишина стала властвовать вокруг, так как рокот удаляющегося самолета постепенно затихал. От глотка холодного воздуха Александр даже поперхнулся и закашлялся. Уши заложило. Он открыл рот для выравнивания давления на перепонки.

Им нужно было забыть на некоторое время свои настоящие фамилии – Александр Пантелеймонович Святогоров и Анатолий Григорьевич Коваленко. Теперь они стали соответственно: майор Зорич и капитан Гурский.

Покачиваясь в свежем ночном воздухе на парашютах, они сверху прекрасно видели земную оранжевую панораму с пятью очагами огня, увеличивающимися по мере приближения к земле. Темные купола парашютов властно держали воздух…

Приземлились Александр и Анатолий почти одновременно и сразу же затерялись среди орехового кустарника, густо разросшегося на опушке смешанного леса. Лес сумрачно молчал, и только приглушенный крик кем-то потревоженного филина говорил о ночной жизни в лесном массиве.

Правда, Зорич чуть было не угодил в центр пылающего сигнального костра. Порыв ветра понес его в направлении бушующего огня, жадно пожиравшего ветки соснового лапника. В последнюю минуту он успел справиться с ситуацией. В результате активной и разумной работы стропами его отнесло чуть в сторону.

Освободившись от парашютов, разведчики перевели автоматы на боевой взвод, насторожились и стали внимательно прислушиваться и всматриваться. Вот хрустнула ветка. Глаза быстро освоились с темнотой. В пистолетах «ТТ» патроны были загнаны в стволы.

А вдали прямо на них по поляне ещё бежали на фоне горящих костров размытые тени вооруженных людей. Их топот неумолимо приближался.

«Свои или ловушка?» – подумал майор, но сразу же отогнал эту вторую – крамольную мысль.

– Кто старший? – четко спросил майор Зорич у прибывшей четверки неизвестных граждан.

К нему подошел усатый партизан: «Я, товарищ майор!» Обменялись паролями и только после этого обнялись.

– Распорядитесь, чтобы как можно быстрее были погашены два костра, и приготовьтесь к приему грузов, – скомандовал Зорич.

Партизаны стали помогать Александру и Анатолию собирать и складывать купола и стропы парашютов.

Усач снова подошел поближе к чекистам и невозмутимо спросил:

– Майор Зорич? Капитан Гурский?

– Так точно! – последовал ответ.

* * *

Перед ними стоял невысокий с хорошей военной выправкой человек в офицерской форме.

– Начальник штаба партизанского отряда имени Железняка старший лейтенант Жданов! – отрекомендовался представившийся офицер. – Командир отряда погиб в последнем бою с карателями. Ближайший план таков – наша боевая тачанка доставит вас в расположение штаба, а я подожду второй самолет и приму груз. Много ли его там?

– Восемнадцать мешков, – ответил Зорич.

– И всё нам?

– Да!

– Ну, теперь дадим откушать немцу нашего «красного» перца. Почувствует враг его крепость и крутизну – слёзы брызнут. Поймет фашист, на что способны партизаны с добрым запасом нового вооружения и боеприпасов. А то в боепитании возникли проблемы, – радовался Жданов, как ребёнок, принимавший гостинцы у гостя.

Майор Зорич и капитан Гурский сдали почту и сразу же отправились к радистам готовить шифрованную телеграмму в Центр.

Начальник партизанской радиостанции Николай Колесник сердечно поздравил чекистов с прибытием на базу. Для сеанса связи радист быстро выбрал глухую балку рядом с густо заросшей кустарником вырубкой. Сориентировавшись по компасу, он указал партизанам, в какую сторону натянуть антенну, что и было быстро сделано. После чего Николай настроил передатчик на нужную волну. Ключ в руках радиста уже стучал, и слабый рабочий свет от лампочки на панели рации говорил, что сигналы понеслись в эфир, вырываясь из радиопередатчика. С промежутками в две-три минуты Николай посылал и посылал в сторону Центра свои позывные, а затем высказал просьбу киевской стороне выйти на экстренную связь.

Когда же Николай перешел на режим приёма, Центр сразу же лаконично ответил:

– Слышим хорошо… Слышим хорошо… Передавайте текст. Мы готовы принять!

Николай, виртуозно работая ключом, стал отстукивать одну за другой группы точек и тире…

Вообще, разведчики-радисты – это особое племя людей. Их, как говорится, отбирали для этого важного дела в разведке *поштучно* на добровольной основе, просеивали через густое сито специальных проверок органами государственной безопасности. Кадровый аппарат и руководители подразделений неоднократно проводили собеседования – своеобразное тестирование с ними на предмет выявления их волевых качеств и профессиональной пригодности. И даже после всей этой проверочной работы они имели право отказаться от участия в РДГ с вылетом в тыл противника.

Михаил Болтунов – член Союза писателей России и член Международной ассоциации писателей-баталистов и маринистов, автор очередной книги «Невидимое оружие ГРУ», писал, говоря о ельцинском периоде существования России:

«Я часто думаю сегодня, когда в нашей стране попраны честь и совесть, а проявление патриотизма стало чуть ли не поводом для насмешек над человеком, что означало тогда добровольно

пойти в разведчики-радисты для юноши или девушки.

В юном возрасте самим шагнуть в тыл врага, имеющего мощнейшую карательную систему, оснащенную моторизованной подвижной передовой пеленгаторной техникой? Пойти в леса и болота, где на сотни верст враги, где нет соседа ни слева, ни справа, а голос Большой земли – лишь мерцающий писк «морзянки»?

Это могло означать только одно: великое самопожертвование во имя Родины. Понимаю, режут слух высокие слова. Понимаю, кое-кто из нынешней молодежи верит в них не больше, чем в сказку. А ведь всё это было с нами, с нашей страной, с дедами тех, кто и в мирную-то армию идти не хочет. А фронт…

Не дай бог нам с кем-нибудь воевать. Остается лишь надеяться, что и на завтра судьба припасла мир. Ибо смею утверждать: к войне мы теперь не готовы.

Правда, мы и в сорок первом не очень были готовы. Но дух народа был крепок».

Действительно, жизнь духа выше жизни плоти и независима от неё. Не плоть, а дух делает человека человеком, так же как дух народный поднимает силы страны на невиданную высоту. Только высокое патриотическое чувство способно на воспроизводство героизма, мужества и стойкости. Оно не знает таких понятий, как тяжесть задания, трусость, малодушие и предательство. Разве можно согласиться с подлостью активно тиражируемого сегодня недругами России, свившими теплые гнезда в СМИ, лозунга, что патриотизм – прибежище негодяев?

* * *

Итак, первое коротенькое сообщение из глубокого вражеского тыла от Зорича и Гурского полетело в Киев в адрес НКГБ Украины:

…

«Сидорову.
Находимся в обусловленном районе. Грузы приняты!
Зорич
».

Партизаны отряда обступили небесных посланцев и

интересовались буквально всем: как живут люди, происходит ли восстановление разрушенных фашистами предприятий, городов и сел, что слышно об открытии второго фронта союзниками, какие цены на продукты и виды на урожай ожидаются в новом победном году? Вопросы, вопросы, вопросы…

А в то, что следующий год будет овеян Великой Победой, теперь верили все. Они его «приближали, как могли», громя фашистов и огнестрельным оружием, и фугасами, и внедренной к противнику своей агентурой.

После этого руководство отряда предложило «небесным гостям» поесть и отдохнуть.

Не было предела удивлению Гурского, когда среди праздничных блюд, приготовленных партизанами Жданова, он увидел на столе… судака по-польски. Этот жест поверг Гурского в изумление. Его лицо покраснело от приятной неожиданности, а затем растянулось в ухмылке. Он был в тот момент похож на кота, заметившего открытую банку со сливками.

– О какой конспирации может идти речь, когда о твоих слабостях, Толя, знают люди даже на таких расстояниях! – засмеялся уставший Зорич.

Захохотали и партизаны.

* * *

На следующий день командование отряда обрисовало оперативную обстановку в ближайшем окружении достаточно глубоко. Она была пёстрой и динамичной. В зоне отряда действовало много польских патриотических групп и отрядов. Все они именовали себя народными мстителями, где слово «помста» – мщение было определяющим. Одна часть из них принадлежала Армии Крайовой (АК) и подчинялась польскому правительству в Лондоне во главе с авантюристом Миколайчиком, сторонником западной модели построения жизни в Польше после окончания войны и яростным противником сближения с Советским Союзом.

Конечно, у личного состава советского партизанского отряда с ними была главная точка соприкосновения, влияющая на единение, – бить фашистов, надругавшихся над польским народом.

В этот период в отряд пришел бывший пограничник, захваченный в плен во время боевых действий в Крыму при защите Севастополя москвич Владимир Георгиевич Волостнов. Потом он был вывезен немцами в Польшу. Из концлагеря, организованного фашистами под городом Бяла Подляска, ему с

другом удалось бежать. Добыв в бою оружие, он вступил в польский партизанский отряд. С появлением в этом районе в феврале 1944 года советских партизанских отрядов он перешел в отряд имени Железняка…

Как писала его дочь Наталья Волостнова:

«В этом отряде он был назначен командиром взвода тяжелого вооружения, состоящего из миномётов и противотанковых ружей. Пригодился опыт ведения огня из минометов на ходу, полученный в Севастополе. В Польше советским партизанам приходилось вдвойне трудно, потому что часто случалось предательство местного населения. Однажды отец и группа разведчиков решили переночевать в деревне. Хозяева сказали, что фашисты далеко, и пустили в дом. А позже сами привели немцев.

Отец неудачно выпрыгнул из дома и был схвачен. Фашисты привязали его к столбу, притащили охапку сена и подожгли. Спасли его подоспевшие разведчики, приведшие группу «подмоги» – помощи. До конца жизни у папы на теле остались следы верёвки, которой он был прикручен к столбу. В Польше он партизанил больше года, но вспоминал об этом периоде редко. После войны ни разу не воспользовался случаями посетить Польшу, долго не мог слышать немецкую речь, сквозь неё в ушах сразу звучал лай овчарок, которыми травили военнопленных, и польская речь ухо тоже не ласкала.

Однако Польша подарила ему настоящих друзей из советских партизан, с которыми он прошел потом партизанскими тропами Польши и Словакии. А вот Словакию отец называл своей второй родиной…»

* * *

Именно в отряде имени Железняка в Польше под Люблином Володю Волостнова заметил Зорич, и при второй командировке в Словакию он возьмет его в отряд «Зарубежные» в качестве начальника штаба разведывательно-диверсионной группы. Но это будет потом…

И всё-таки более крупные отряды действовали от имени Армии Людовой (АЛ). Они состояли в основном из рабочих и крестьян и ратовали за создание новой народной Польши в союзе с восточным соседом Советской Россией и с её победоносной Красной Армией.

Самые большие партизанские отряды в Польше возглавляли офицеры разгромленной польской армии полковники Сатановский и Корчинский, осуществлявшие постоянный обмен

различной политической и военно-разведывательной информацией с советскими разведывательно-диверсионными группами.

Агентура партизан активно работала как в самом Люблине, так и в его окружении – местечках Парчеве, Жешуве, Грубешуве и других населенных пунктах.

Ценные сведения от советских и польских партизан не раз помогали частям Красной Армии наносить прицельные удары по врагу. Особенно эти сведения удовлетворяли наших летчиков – они качественно бомбили вражеские объекты. Их бомбы находили нужные цели без «штурманской доводки». Сбрасывались «небесные гостинцы» прямо в «десятки» – на указанные партизанами скопления личного состава, боевой техники и арсеналы с боеприпасами…

* * *

Активизация гитлеровцами карательных операций в районе прошлого Люблинского воеводства была сопряжена с одним интересным обстоятельством. Дело в том, что в это время проходила активная фаза испытаний нового «чудо-оружия», «оружия особого назначения», «оружия возмездия». Так гитлеровцы нарекли пуски самолетов-снарядов «Фау-1» и ракет «Фау-2» – детища Вернера фон Брауна и его компаньонов. Стартовые площадки размещались на испытательной станции под названием «Пенемюнде-Ост», расположенной в северной части острова Узедом близ рыбацкой деревушки Пенемюнде.

Именно с этой территории были проведены сотни пусков ракет «А-5» и «А-4». Они были несовершенны, поэтому четко не стабилизировались и падали с большими отклонениями от целей. Но так как ракетные проекты Брауна были засекречены, то на охрану полигона и поиски упавших изделий бросались силы из ведомства Гиммлера. В связи с этим активно велась вербовочная работа и насаждалась агентура, работавшая в первую очередь против местных партизан.

А так как часто в ходе испытаний ракеты залетали на территорию Польши, англичане через польское правительство в Лондоне поставили задачу добыть данные о тактико-технических характеристиках ракет. Ракеты исчезали обычно в северо-восточном направлении и, по расчетам специалистов из числа партизан, должны были падать в районе Сидльце, восточнее Варшавы, в излучине Буга.

Варшавский центр послал в этот район группу разведчиков.

С помощью местных жителей они собрали необходимые сведения. Руководство этими поисковыми группами было поручено партизанскому командиру Ежи Хмелевскому – специалисту по вопросам авиации. Крестьяне сообщили ему, что в деревне Рейовиц, недалеко от Люблина, загадочный взрыв среди бела дня разрушил массивное здание. После этого взрыва в деревню примчались два грузовика с немецкими солдатами, которые разогнали всех любопытных, сфотографировали и обмерили воронку и тщательно собрали все металлические осколки.

Вот почему в районе Люблина так много функционировало жандармских постов и карательных отрядов…

* * *

Как-то в разговоре с Зоричем и Гурским Жданов поделился одним секретом:

– Что-то в последнее время нам не везёт – неудачи стали часто преследовать отряд. Немцы буквально организовали охоту на нас. Создается впечатление, что о предстоящих наших операциях они знают заранее. Порой каратели идут след в след – почти наступают на пятки… Ноченьки да ноженьки, слава богу, только и спасают партизан.

– Не проник ли к вам шпион? – обеспокоенно спросил майор у начальника штаба, исполнявшего должность командира отряда, помня слова, сказанные начальником отдела в Киеве перед заброской в Польшу. Он тогда предупреждал о вероятности проникновения в отряд лазутчика.

Жданов задумался. Видно было, что этот вопрос его серьёзно волновал – ведь гибли его люди, всё чаще и чаще натыкаясь на засады и попадая в эпицентры облав.

Посмотрев внимательно на собеседников – Александра и Анатолия, он вместо ответа предложил:

– Вы опытные оперативники – разведчики и контрразведчики в одном лице. Вам, как говорится, и карты в руки! Помогите нам найти этих мерзавцев – оборотней. Иначе мы можем потерять ещё больше людей. Теперь вы в нашей семье… Мы вам, как можем, поможем. Как говорится, без разведки наш отряд слеп…

– А без контрразведки беззащитен, – не дал договорить Жданову Зорич, вставив эту фразу.

– Согласен!

Вскоре руководство отрядом имени Железняка принял на себя опытный руководитель партизанского движения С. З. Барановский. А начальник штаба А. С. Жданов остался его

первым заместителем.

* * *

Зорич и Гурский четко представляли, что может случиться, какие печальные последствия могут наступить, если быстро не разобраться с возникшей серьёзной ситуацией, опасно нависшей над отрядом. Терпеть дальше работу предателя или предателей нельзя было и преступно по своей сути. Они понимали, что безразличие в данной ситуации – опора слабости, а нетерпение – гибель силы. Для небольшого партизанского отряда деятельность «кротов» смерти подобна, тем более в тесном вражеском окружении.

Вначале тень растерянности легла на усталое лицо Зорича – впервые он так близко ощутил работу вражеского лазутчика. Поэтому чекист не мог отбиться, как от назойливого слепня на пляже, от охватившего ощущения полного недовольства собой: и спешить и медлить нельзя было.

И вдруг он почувствовал смутное озарение, будто ухватил все время ускользавшую догадку. Он быстро достал из полевой сумки блокнот и набросал карандашом довольно простую проверочную комбинацию. Она отражала реалии нахождения партизан в данном районе. Зорич победно улыбнулся и позвал Гурского.

– Анатолий, я, кажется, вышел на уровень решения головоломки, – улыбался Александр.

– Какой?

– Основной… По вычислению оборотней – абверовских или гестаповских «кротов». Одним словом – вражеских лазутчиков.

– Готов услышать перл разработки.

– Ну, так слушай…

Чекист исходил из того, что в условиях строгого режима службы в партизанском отряде не может быть шпиона-одиночки. Ведь каждый его шаг контролируют бойцы и командиры. У вражеского лазутчика должен быть связной из числа местных жителей – отряд же дислоцировался рядом с деревней Волей Верещинской. Именно местные крестьяне только и могут свободно передвигаться, покидать партизанскую зону, посещать другие села и даже город Люблин, где находились карательные службы немцев: гестапо, шпионская школа и штабы нескольких воинских и специальных частей СС.

– Согласен, Александр… Всё сложное – гениально просто, но до этой простоты, как говорится, надо дойти холодным умом, а потом и конкретным действием.

– Я думаю, капкан на шпиона или шпионов скоро должен сработать. Наживка пахучая и закреплена крепко, – пружина нашего капкана тугая. Не вырваться.

Слово Святогорову:

…

«Решили мы провести элементарную оперативную комбинацию. Предложили Жданову по тревоге поднять отряд – сделать имитацию передислокации его штаба и подразделений в другой район. Приказали через отдельных командиров на марше никому из партизан не отлучаться. Специально выделенные дозорные группы, замаскировавшись в кустарниках, внимательно наблюдали за селом. Им вменялось в обязанность – всех, кто будет выходить или выезжать из Воли Верещинской, задерживать и немедленно доставлять в штаб. При этом обращать особое внимание на поведение задержанных и их возможные подозрительные действия.

В тот же день мы задержали несколько человек из числа местных граждан. Среди них была супружеская чета панов Филонских. Посадили мы этих поляков в партизанскую землянку. Так вот жена Аделия долго молчала в землянке, а потом начала корить мужа, что попались, мол, по-дурацки, смешно. Что их перехитрили русские. Обыскали супругов и нашли записку от одного из местных партизан – Тадеуша Сметинского, адресованную в Люблин некой пани Зосе».

Кстати, эта дама, как потом выяснилось, была хозяйкой

шикарной люблинской пивной, в которой часто бывали знатные люди города, бизнесмены, немецкие офицеры, в том числе и сотрудники немецких спецслужб. В этой же пивной находилась и… явочная квартира местного гестапо. А Зося работала на местное подразделение государственной полиции, являясь одновременно и агентом, и содержательницей явочной квартиры, и хозяйкой «почтового ящика». Но всё это выяснилось со временем.

Вот текст обнаруженной записки:

…

«Моя милая Зося!

Скоро месяц, как мы с тобой не виделись, да и удастся ли мне в ближайшее время побывать в Люблине, ещё не знаю. Сейчас я очень занят.

К нам издалека прибыли, как я писал раньше, два знатных гостя, привезли много всяких подарков. Наверное, загуляем так, что эхо пойдет по всей округе. Может, и к тебе наведаемся.

Будь готова встретить, как положено.

Т.С

».

Зорич приказал радисту Славе Бондарю срочно передать по рации Жданову приказ – немедленно арестовать Тадеуша Сметинского, а отряду срочно возвращаться на базу. Через некоторое время пришел неожиданный ответ, который ещё круче закрутил обстоятельства по поиску предателей:

…

«Отряд напоролся на засаду карателей. Мы приняли вынужденный бой. Сметинский сначала отстал, а потом пытался бежать к карателям. Он был убит

партизаном Вицеком Шамко».

По прибытии партизан на базу многие обстоятельства этого убийства стали прорисовываться четче. Одна за другой выдвигались версии и тут же отпадали как нереальные. Эти важные вопросы для безопасности отряда глубоко обсуждались с Барановским и Ждановым, которые полностью были согласны с действиями Зорича.

«Почему шпиона убил именно Шамко? – задавал себе вопрос Зорич, но ответа никак не находил. – Судя по обстоятельствам, как мне докладывали, он это сделал как бы в естественной ситуации – уничтожил предателя, намеревавшегося переметнуться к немцам.

Информация от других источников говорила, что Шамко буквально охотился за ним. А может, просто хотел избавиться от ненужного свидетеля? Тогда, какого свидетеля? Чем они были связаны друг с другом? Почему это не сделали другие партизаны, наверняка находившиеся рядом с жертвой? Шамко, Шамко, кто он? Как и когда появился в отряде? При каких обстоятельствах и с кем? Всё это надо выяснить – да поскорее!»

Рассуждения ходили и ходили по кругу предположений на основе всё поступающих свежих данных. Майор понимал, что мысли походят на перелетных птиц, если их не наловить сейчас, по горячим следам, то есть вероятность, что их никогда не поймаешь – далеко и безвозвратно улетят. А потому он собирал и собирал по крупицам все попадающие подозрительные данные на Шамко и отправлял их плавить в горячий тигель мыслей внешне холодной головы. Там они выливались в нужную логическую форму.

Наблюдения и аналитическая работа дали положительный результат. По дополнительно полученным материалам становилось ясно, что выстрел Шамко в Сметинского не случаен и явно не мотивирован патриотическим чувством…

Вскоре второй агент был разоблачен. Его попросили рассказать всю правду об убийстве. Сначала он утверждал, что застрелил Сметинского как предателя, пожелавшего сбежать «с поля тяжкого боя» к противнику. Он даже пытался хорохориться, мол, расправился с предателем, но когда Зорич стал уличать убедительными доказательствами его преступных деяний и замаячила угроза расстрела, то агент гестапо сразу же растаял и поплыл, как студень на теплой кухне. Надеясь выторговать и выпросить себе право на жизнь, разоблаченный немецкий лазутчик с собачьей преданностью ловил каждый взгляд, каждый жест допрашивающего его майора.

Но у Зорича уже были неопровержимые данные, что убийство произошло не так, как обрисовывал его убийца.

– Почему вы посчитали его за предателя? – неожиданно строго спросил Зорич.

Шамко заволновался и ничего вразумительного не ответил, хотя и пытался перечислить ряд признаков подозрительного поведения своей жертвы.

– А эти признаки, названные вами, разве не видели другие партизаны?

– Не знаю…

Однако в ходе перекрестного допроса засланный агент всё-таки «раскололся», хотя и пытался защищаться. Назвал свой псевдоним – «Вольф» (Волк). Повел он себя сразу же неискренне. Стал юлить, лгать, доказывая, что он был слепой исполнитель чужой воли. Главным предателем и шпионом, мол, был Тадеуш Сметинский, который руководил им по заданию гестапо…

О перевербовке агента не могло быть и речи.

После стремительного следствия по горячим следам преступления состоялся партизанский суд, который приговорил шпиона к высшей мере наказания – расстрелу.

Приговор привели в исполнение тут же на краю оврага сами партизаны. По всем правовым основам сделали: зачитали приговор, объявили, в чем обвиняется осужденный, какой ущерб нанес он отряду вместе с подельником, сколько погубил людей, а потом дали волю стволам…

Возмездие свершилось.

После этого Зорич подумал:

«Большое дело сделали – вытащили две такие глубоко засевшие занозы в теле партизанского отряда. Вот как в жизни интересно, сотворим что-нибудь невероятное, порой невозможное, но удачное, потом оглянемся и поразимся: как же мы это сделали? Вот что такое дух, помноженный на логику мыслей и старание довести дело до конца».

Слово Святогорову:

…

«В партизанском отряде имени Железняка мы быстро освоились и начали проводить свои операции…

Мы искали и затем из подобранных кандидатов готовили нашу агентуру, сочиняли им легенды

прикрытия. У нас в отряде были специалисты по подделке и изготовлению немецких документов.

Причем качество их было таково, что никто из агентов в Люблине и других городах Польши не провалился при проверке этих липовых удостоверений немецкими патрулями. Они были идеальными по исполнению.

С отряда агенты уходили на задания с целью разведки, совершения диверсионных и террористических актов справедливого возмездия над фашистскими главарями и предателями…»

Мстительность в агонии

Начальник 12-го отдела «Иностранные армии Востока» при генеральном штабе сухопутных войск вермахта генерал-майор Рейнгард Гелен уже более четверти века верой и правдой служил разным правительствам – сначала Веймарской республике, затем гитлеровскому Третьему рейху, – хотя поначалу и не испытывал к нацистам особых симпатий, считая резкую радикализацию их политического курса крайне опасной для ещё не окрепшей Германии после позорного Версаля.

В то же время, воспитанный в казарменном духе, он безоговорочно принимал любую верховную власть государства – независимо от политического устройства – гитлеровскую в том числе. Он черпал удовольствие в самом процессе работы, не оглядываясь, на кого ему приходится трудиться.

В детстве хилый и узкогрудый, он достиг роста всего 160 см, с нездоровой, желтоватой кожей и близорукими глазами. В школе же ценили ребят сильных, ловких, выносливых. Поэтому он часто замыкался в себе, держался особняком, страдая комплексом неполноценности. Но время показало, что отсутствие накачанных мускулов не всегда дает проездной билет на поезд, идущий в сторону станции под названием «Карьера». Такой проездной приобретают люди за ум, интеллект, знания. И он такой билет получил.

Гелен с безоглядной преданностью служил Гитлеру до самого конца, хотя скорее всего уже давно понимал, что война проиграна и что в этом поражении во многом повинен сам фюрер, который не внимал разумным советам своих опытных в военном деле генералов и адмиралов. И, самое главное, фюрер не особо доверял донесениям руководителя разведывательных операций против Советского Союза, а уповал только на свое Провидение.

И всё же главным делом жизни Рейнгарда Гелена, которому он посвятил себя целиком и до конца, была борьба с коммунизмом-большевизмом и Советским Союзом. Поэтому он в конце войны легко сменит хозяев, чтобы иметь возможность продолжить свой крестовый поход на Восток.

В 1945 году он сдастся американцам – представителям военной разведки США (РУМО). Вскоре генерал разведки и его организация попали под крыло Аллена Даллеса. И это не случайно: Гелен собрал целый архив на объекты Советского Союза – его Красную Армию, разведывательную сеть, экономический и человеческий потенциал – и в результате сосредоточил в своих руках бесценный материал. Кроме того, он

был мастером закулисных интриг и подрывных операций. Такие люди нужны были США: стали отчетливо прорисовываться контуры холодной войны.

Со временем он учредил свою штаб-квартиру в Пуллахе под вывеской представительства промышленной компании, а различные отделения, такие, как шпионские школы и центры подготовки кадров, действовали как филиалы или мастерские фирмы. Всю свою жизнь Гелен намеренно создавал вокруг себя завесу секретности, скрывающую от посторонних глаз как его профессиональную деятельность, так и личную жизнь. Даже самые пронырливые репортеры и корреспонденты не смогли выведать, где он живёт, имеет ли семью, детей. Те немногие фотографии, увидевшие позже свет, изображают его молодым офицером в майорском звании. В немецкой прессе его называли не иначе как «Человек в тени», «Человек тысячи тайн», «Теневой генерал», а одна из штутгартских газет охарактеризовала Гелена как «Никому не известный глава шпионского ведомства». Но это всё будет потом – после печальной для германского народа, но не для Гелена войны.

А мы вернемся в 1944 год.

Как известно, в поле зрения Гелена находилась оперативная разведка на советско-германском фронте.

И вот Гелен с молодым, тридцатичетырехлетним начальником 6-го (иностранного) управления имперской безопасности (РСХА) («Аусланд СС»), бригаденфюрером СС, шефом внешней разведки Вальтером Шелленбергом уже несколько дней работал над новым вариантом оперативного плана «Цеппелин» по активизации работы выпускников разведывательно-диверсионных центров и школ.

Шелленберг учился в Боннском университете. Сначала на медицинском, затем на юридическом факультетах, где вступил в НСДАП и СС и был завербован одним из преподавателей в качестве негласного сотрудника СД. Как агент секретной службы проявил себя с положительной стороны. По его доносам были арестованы несколько десятков противников нацистского режима. Одних посадили в концлагеря, других расстреляли, а нескольких по его доносам вздернули на виселицах.

Своей деятельностью он обратил на себя внимание Гейдриха, который предложил ему в 1934 году работу в штате возглавляемой им службы безопасности СС (СД). Шелленберг, проявив незаурядный талант теоретика и аналитика, разрабатывал многочисленные и разнообразные акции. Он принял личное участие в похищении двух британских агентов в приграничном голландском городке Венло и доставке их в

Германию с целью доказать причастность британской разведки к покушению на Гитлера 8 ноября 1939 года.

Подчинялся он непосредственно Гиммлеру, к которому имел доступ в любое время суток. Многолетнее соперничество Шелленберга с абвером закончилось тем, что в 1944 году армейская разведка, возглавляемая адмиралом Канарисом, была ликвидирована по приказу Гитлера, обвинившего шефа абвера в военных неудачах последних лет.

Именно в это время министр иностранных дел фашистской Германии фон Риббентроп загорелся идеей физического уничтожения Сталина. Шелленберг вспоминал:

...

«Риббентроп встал и, подойдя ко мне, с очень серьёзным видом потянул меня в угол…

– Нужно убрать Сталина…

Риббентроп объяснил мне, что весь режим в России держится на способностях и искусстве одного человека и этим человеком является Сталин».

Конечно же, он понимал, что Гитлер, в случае удачного решения этого вопроса, будет доволен. Он знал оценку фюрера советского вождя. В частности, рейхсканцлер признавался:

...

«Сила русского народа состоит не в его численности или организованности, а в его способности порождать личности масштаба Сталина.

По своим политическим и военным качествам Сталин намного превосходит и Черчилля и Рузвельта.

Это единственный мировой политик, который достоин уважения.

Наша задача – раздробить

русских (читай: «советских». – А.Т.) так, чтобы люди масштаба Сталина больше не появлялись».

Конкретным доказательством серьёзности намерений фашистского руководства по физическому устранению Сталина было задержание 5 сентября 1944 года в районе деревни Самуйлово Кармановского района Смоленской области двух агентов-террористов, подготовленных рижской командой «Цеппелин» – Норд. Ими оказались бывшие советские граждане П. И. Таврин и Л. Я. Шилова.

Агентов перебросили через линию фронта на самолете вместе с мотоциклом. Транспортное средство нужно было им для быстрейшего отрыва от места приземления аварийного самолета, который не мог уже взлететь из-за аварии. Ехавшие на мотоцикле оказались: мужчина в кожаном летнем пальто, с погонами майора, имевшего четыре ордена и Золотую Звезду Героя Советского Союза, и женщина в шинели с погонами младшего лейтенанта.

При задержании майор предъявил удостоверение личности на имя Таврина Петра Ивановича – заместителя начальника отдела контрразведки «Смерш» 39-й армии 1-го Прибалтийского фронта…

В ходе следствия выяснилось, что Таврину была поставлена основная задача – убить Сталина из пистолета с отравленными и разрывными пулями или выстрелом из ручного гранатомета – «панцеркнаке» бронебойно-зажигательным снарядом. Выстрел должен был производиться из рукава пальто или пиджака. А дальше предполагалось в суматохе быстро покинуть помещение и отсидеться на одном из двух известных террористам конспиративных адресов в Москве.

Руководители органа СД в Рижской школе диверсантов проинструктировали агента, что террористический акт он должен совершить во время нахождения советского руководителя на каком-либо торжественном заседании или собрании. Пройти на такое массовое мероприятие, как заверяли немецкие учителя, майору со Звездой Героя Советского Союза, тем более сотруднику «Смерш», особых трудностей не составит.

Но случился облом и для самолёта, и для агентов…

При личном обыске террористов, а также досмотре мотоцикла, на котором следовали Таврин с радисткой Шиловой, было обнаружено:

– 3 чемодана с разными вещами,

– 4 орденские книжки,

– 5 орденов: орденов Ленина – 2, а также Красного Знамени, «Александра Невского», Красной Звезды,

– 2 медали «За отвагу», Золотая Звезда Героя Советского Союза и гвардейский значок.

Кроме того, было изъято 428 400 рублей, 116 мастичных печатей, 7 пистолетов, 2 охотничьих ружья, 5 гранат, 1 мина и реактивная установка «панцеркнаке» с зарядами.

Террориста Таврина готовили основательно. С ним встречался и проводил дважды инструктажи в Берлине сам Отто Скорцени – освободитель Муссолини. Но и на старуху бывает проруха – не учли специалисты СД одной детали – расположили на груди террориста награды в нарушение правил их ношения, что сразу бросилось в глаза чекистам при его задержании.

После ареста Таврина и Шиловой контрразведчики разработали радиоигру под кодовым названием «Туман», закончившуюся 9 апреля 1945 года.

По приговору Военной Коллегии Верховного Суда СССР немецкие террористы были расстреляны только в 1952 году.

* * *

Начиная с 1942 года Шелленберг пытался вплоть до самого конца войны склонить Гиммлера к идее сепаратного мира с западными державами. Эту идею как довольно серьёзный прагматик и реалист он вынашивал давно, так как понимал, что затеянный поход на Восток и война на два фронта – это конец Германии.

30 апреля 1945 года Шелленберг был смещен Кальтенбруннером со всех занимаемых постов, однако новый глава немецкого государства после смерти Гитлера гросс-адмирал Дениц подтвердил полномочия Шелленберга на ведение переговоров. Адмирал ещё надеялся договориться с противником, которого хотел поскорее увидеть в облике союзника в борьбе с ослабленной войной Советской Россией.

И всё же в 1948 году Шелленберг был арестован и судим американским трибуналом. Суд приговорил его к шести годам лишения свободы. По состоянию здоровья бывший шеф политической разведки был досрочно освобожден в 1951 году и умер от рака в марте 1952 года в итальянском пансионе города Турина…

* * *

Вальтер Шелленберг в какой-то степени тоже был сторонником Гелена в объективной оценке обстановки, сложившейся к лету 1944 года. Он не верил ни в какие чудеса, точно зная, куда ведёт Третий рейх Адольф Гитлер. В его голове постоянно горели, как сигнальные лампочки, слова, сказанные фюреру Лавалем:

…

«Господин Гитлер, вы ведете великую войну для того, чтобы создать новую Европу. Однако вы должны прежде создать новую Европу для того, чтобы вести вашу великую войну».

Он понимал, как и Гелен, что новая Европа скоро будет создана, но теперь на обломках Третьего рейха. Шелленберг так же, как и его старший коллега, видел себя в служении делу своей родины, а не фюреру, которого так же боялся, как и другие его сподвижники…

Планом под кодовым названием «Цеппелин» предусматривалась, с учетом тяжелой обстановки на Восточном фронте, предельная активизация разведывательно-диверсионной операции в тылу Красной Армии.

Этот грандиозный план действий определял более широкое внедрение непосредственно в войска Красной Армии и особенно её тыловые подразделения и объекты своей агентуры не только с разведывательными целями, но и с массированным проведением диверсионных и террористических актов.

Гитлер в ярости набрасывался на крупных военных начальников и руководителей спецслужб. Порой он не мог подавить дрожи отвращения от бесед с некоторыми, как он считал, «глупцами при генеральских званиях».

Он стращал их, он требовал от них, он приказывал им – ужесточить меры по подавлению сопротивления «народных мстителей», которых фюрер называл «лесными бандитами», воюющими не по правилам войн в обход всяких международных конвенций.

Смешно и дико – как будто его войска воевали по правилам ведения войн?! А бывают ли правила даже у справедливых, оборонительных войн? Главное правило обороняющейся стороны – как можно больше нанести урона противнику, причем, всеми

средствами борьбы с тем, чтобы самим потом перейти в контрнаступление.

В послевоенных мемуарах, уже будучи тяжелобольным человеком, Шелленберг, перечитывая свои дневниковые записи периода войны, нашел такую фразу:

…

«Для меня ясно, что Сталин и другие русские лидеры, используя партизанские части, систематически развивают ту форму войны, которая являет собой – ожесточенность, свойственную обеим воюющим сторонам.

Русские воспользовались жестокостью, с которой немцы вели войну, в качестве идеологической основы действий партизан…

Если нам суждено проиграть эту войну, то причиной проигрыша будет не недостаточный военный потенциал; причиной будет духовная неспособность наших руководителей. У нас нет настоящих руководителей…

У него (Гитлера. – А.Т.) отсутствуют качества государственного деятеля. Как бы я ни хотел думать иначе, но я всё более склоняюсь к выводу, что Сталин умеет делать эти вещи лучше.

Подумайте, что пришлось перенести его системе в течение последних двух лет, и каким авторитетом он пользуется в глазах народов…

Он стоит невообразимо выше всех лидеров западных держав, и если бы мне позволено было высказаться по этому вопросу, мы заключили бы соглашение с ним в кратчайший срок.

Это был бы удар для зараженного проклятым лицемерием Запада…»

Что ж, сказано откровенно. Но нужно понять, что Шелленберг образца 1944 года находился под пристальным вниманием своего шефа Гиммлера, а Гитлера ослушаться он не имел права.

А поэтому действовал в связке с Геленом.

* * *

Армейские части снимались с фронтов. Они то и дело бросались на проческу лесных массивов, деревень и хуторов Польши, где фиксировались следы пребывания партизан, как польских, так и советских, в виде боевых столкновений или выходов в эфир наших радиостанций.

Для гитлеровских спецслужб широкомасштабный план «Цеппелин» ставил в короткое время решение ответственной задачи: организации тотальной «зафронтовой войны» – массовой заброски своей агентуры в тыл стремительно продвигающейся на запад Красной Армии.

Теперь уже не сотни, а тысячи шпионов, диверсантов и террористов, словно тучи саранчи, днем и ночью стремились проникнуть на территорию ослабленной войной страны, чтобы не только собирать военно-политическую информацию, но и разрушать, травить, взрывать, убивать…

Иногда, а порой и нередко, это им удавалось.

В разведывательной работе немцы, особенно в конце войны, не гнушались даже вербовкой подростков. Их готовили по специальным программам в разведывательно-диверсионных школах наряду со взрослыми отщепенцами.

Так, в сентябре 1943 года всесильный хозяин Главного управления контрразведки НКО «Смерш» В. С. Абакумов докладывал своему недавнему шефу Л. П. Берии об арестах правоохранительными органами подростков-диверсантов, завербованных германской военной разведкой.

В документе говорилось:

«В первой декаде сентября с.г. органами СМЕРШ, НКВД и НКГБ арестовано 28 агентов-диверсантов германской военной разведки в возрасте от 14 до 16 лет, переброшенных немцами на сторону Красной Армии на самолетах.

Из числа арестованных 15 явились добровольно с повинной, а остальные были задержаны в результате организованного

розыска.

Как показали арестованные, они имели задание от германской разведки совершать диверсионные акты по линии железных дорог, идущих к фронту, путем вывода из строя паровозов, для чего они были снабжены взрывчатым веществом, которое должны были подбрасывать в угольные штабеля, расположенные у железнодорожных станций.

Диверсанты были снабжены взрывчатым веществом специального состава, по внешнему виду похожим на куски каменного угля…»

После Сталинграда и Курска гитлеровское командование столкнулось с массовыми фактами предательства своей агентуры из числа завербованных советских военнопленных. А ведь к 1943 году немцам служили почти один миллион наших граждан. Агентура абвера, почувствовав перемену ветра в продолжающейся войне, стала отказываться от выполнения заданий на советской территории и сдаваться – приходить с повинной в органы военной контрразведки.

И вот после 1943 года абвер выступил с предложением использовать в разведывательно-диверсионной работе детей от 12 до 14 лет, которых набирали из детдомов, приютов, лагерей и направляли в специальные школы. В глубоком немецком тылу в маленьком провинциальном городке Гемфурт внезапно раздалась русская речь. Это были не военнопленные, а русские мальчишки. Их привезли сюда из детдомов и концлагерей, чтобы подготовить из них группы диверсантов для заброски в тыл Красной Армии. Там наши подростки превращались в маленьких диверсантов. Они носили советскую униформу вплоть до пилотки. Проблема была лишь в отечественных сапогах. Отсутствовали малые размеры, – приходилось на занятия ходить в немецкой обуви. Они учились кидать гранаты, минировать железнодорожные пути, на станциях подбрасывать взрывчатку в угольные бункеры паровозов. Руководил школой диверсантов под названием «Особая команда Гемфурт» шеф русского легиона при Абверкоманде-203 Фриц Бухгольц. Именно в его доме и располагалась эта школа. Сейчас в этом доме живут родственники Бухгольца.

В первом наборе малых диверсантов участвовал предатель Юрий Евтухович, в последующем арестованный и осужденный после войны. По заданию военной разведки Германии он объездил детдома в Минске, Смоленске и Орше и обманным путем набрал нужный для абвера контингент. Всего им в спецшколе было подготовлено 110 подростков-диверсантов.

Первая заброска выпускников школы за линию фронта

произошла в ночь с 31 августа на 1 сентября 1944 года в количестве 25 человек. В вещмешке каждого диверсанта была еда, водка, сахар для заброски в бензобаки машин, зажигательные ампулы и по 3–4 куска угля, внутри которых находилась закамуфлированная взрывчатка. Никакого оружия у них не было.

Самолет без опознавательных знаков выбросил юных парашютистов в относительно обширный район железнодорожных узлов Ржев, Тула, Курск. Немцы ждали результатов диверсий – взрывов, поджогов, выведения из строя техники. Но мальчишки словно растворились в советском тылу. Только трое смельчаков пришли с повинной и сдались органам военной контрразведки. Это была пощечина абверу. Руководителей Абверкоманды-203 хотя и обескуражил этот факт, но они не отказались от своей идеи, – подготовили ещё несколько групп.

Теперь мальчишек стали стращать, что за выполнением их заданий будут следить проверенные люди. В инструктаже всем говорили: «Вам надлежит обязательно вернуться, если вы хотите сытой и красивой жизни в будущем. В противном случае вас постигнет кара».

Юные диверсанты второй заброски почти все, выполнив задания, вернулись назад к немцам.

* * *

Для усиления разведывательной работы против советских войск и партизан Рейнгард Гелен тщательно инструктирует своего сотрудника – особо уполномоченного обер-лейтенанта Штенка. Ему поручается создать в разведывательной школе близ города Люблин (Польша) несколько специальных хорошо вышколенных и преданных шпионско-диверсионных групп для заброски в тыл Красной Армии.

– Сегодня нам надо менять не только тактику, но и стратегию в борьбе с большевизмом и его армией в глубоком тылу. Я имею в виду территории Урала, Мордовии, Коми, куда советская власть выслала сотни тысяч раскулаченных русских, украинцев, эстонцев, латышей, казаков. Среди этой массы нам надо глубоко и предметно поработать. Недовольные советские граждане – это наш практически готовый к действию потенциал. Поэтому в среде этих граждан надо создавать мощные резидентуры. А через них поднимать обиженных на борьбу с большевистской властью. Необходимо сделать всё для того, чтобы запылали стачки и восстания. Это нам по силам, – убеждал подчиненного Гелен.

И вот уже двухмоторный бомбардировщик, переоборудованный под транспортный самолет на шесть человек, «Юнкерс-88А-4», выкрашенный под цвет камуфляжа, круто поднялся в небо. Развернувшись над окраиной Берлина, машина взяла курс на Люблин.

Штенк уважал своего шефа за усидчивость, напористость и реализм в делах. Он считал его высоким и требовательным профессионалом, хорошо знающим предмет своего ремесленничества на ниве разведки и контрразведки, а также проведения подрывных акций в тылах Красной Армии – диверсий и терактов.

«Да, только так и надо действовать, – рассуждал офицер германской разведки. – Необходимо русских прессинговать по всем направлениям за линией фронта. Война против России не может вестись по-рыцарски. Как правы индусы в одном из своих воинствующих фольклорных опусов, – не упускай врага, хотя бы он молил о сострадании; не навлекай беды, убей того, кто был однажды вреден. Так надо действовать и нам сегодня для спасения рейха, который уже почти стоит на коленях перед красным медведем.

Надо встать с колен и мстить, мстить и мстить врагу».

* * *

Эти его слова были не чем иным, как вспышкой мстительности при агонии, в которой пребывала гитлеровская Германия в конце советско-германской кампании. Блицкриг, предусмотренный планом «Барбаросса», с треском уже не проваливался, а явно провалился. Так, во всяком случае, считали некоторые, число которых множилось в геометрической прогрессии, реалисты, трезвомыслящие политики и генералы вермахта.

Берлин превратился в груды развалин. Одна за другой исчезали из жизни дивизии вермахта – их перемалывали чудовищной мощи жернова советской военной машины, набирающей всё большие и большие обороты.

Как бы ни старались фашистские бонзы, мотаясь по частям и шпионско-диверсионным школам, приободрять будущих защитников рейха, преподавателей и слушателей, что от них зависит победа в войне и перелом скоро наступит, вера в чудо таяла, как воск на солнце.

В круговерти постоянных воспоминаний и роившихся планов работы в разведшколе обер-лейтенант не заметил, как самолет

пронесся над западной окраиной польского города, круто развернулся над хвойным лесом и плавно пошел на посадку. Через мгновение он вошел в сектор посадочной полосы, будто прошитой по бокам короткими и яркими стежками десятков точечных фонариков, и стал медленно, почти осторожно, к ней приближаться. Пассажир скорее услышал, чем ощутил мягкое касание о бетонку посадочной полосы губастых колес шасси.

Штенк взглянул в иллюминатор – трехлопастный винт левого мотора заметно снижал обороты и скоро прекратил вращаться. Он неожиданно замер. Только теперь обер-лейтенант разглядел забавную черно-желтую цветовую гамму лопастей винта. Самолет остановился. Лётчик открыл люк, и берлинский важный для Люблина пассажир по трапу медленно спустился на землю аэродрома.

Встречал столичного гостя представитель гестапо в Люблине штурмбаннфюрер Аккардт. Это был среднего роста человек, совсем не крепкого телосложения, с треугольным лицом, как говорят в народе, «топориком книзу». Над верхней губой и под тонким крючковатым носом висели усы «а-ля Гитлер». Рядом по стойке «смирно» стояла эсэсовская охрана в черной униформе и такого же цвета пилотках с серебряными черепами на них.

– Хайль Гитлер! – первым поприветствовал вскинутой кверху рукой Штенк своего встречающего.

– Хайль Гитлер! – вяло и даже небрежно, как показалось обер-лейтенанту, ответил Аккардт.

«Ох, эти гестаповские выскочки! – размышлял Штенк. – Надутые, как индюки у моей тётушки в Баварии. Куража больше, чем сути. Самое вредное – это чурбан, которому власть вскружила голову. Мне говорили, что он доктор права и еще специалист в каких-то науках. Неудивительно, что большое количество знаний, не будучи в силах сделать человека умным, часто делает его тщеславным и заносчивым, а потому до глупости смешным. Именно из этого гнезда сей птенец, возомнивший себя чуть ли не местным божком. С такими амбициями недолго и наломать дров».

Рядом с самолетом почти у самого трапа стоял, отливая иссиня-черным цветом, надраенный по этому случаю до блеска, бронированный автомобиль марки «Опель-Капитан», рядом с которым нетерпеливо переминался водитель. Когда он заметил приближающихся пассажиров, любезно открыл дверцы кузова. Два офицера небрежно плюхнулись в машину на задние мягкие сиденья, обшитые матово-черным хромом. Захлопали дверцы, и автомобиль, вырулив за пределы взлетно-посадочной полосы, стремительно помчался по автобану в сторону города. Вскоре

автомашина остановилось у серого двухэтажного здания, напоминающего небольшой замок. Это был главный корпус Люблинской разведшколы.

– Я должен вас покинуть, – неожиданно заметил Аккардт. – У меня сегодня срочная встреча. Завтра мы обговорим подробности моего плана.

Аккардт действительно спешил на встречу с начальником военной разведки и контрразведки 24-й дивизии, уполномоченным шефа абвера адмирала Канариса гауптманом Вальтером Файленгауэром, обладавшим важными данными о подготовке диверсантов в разведшколе.

Встреча назначалась на одном из секретных полевых аэродромов 8-го авиационного корпуса 4-го воздушного флота люфтваффе…

Что же касается битого фашистского генерала Р. Гелена, то он после войны был обласкан руководством ФРГ и вскоре возглавил разведывательную службу со штаб-квартирой в Пулахе.

* * *

У крыльца мрачного здания Вальтера Штенка встретил начальник школы гауптман Пауль Критц. После традиционного рейховского приветствия во славу фюрера он провел берлинского гостя в кабинет и усадил в низкое и неудобное, как показалось берлинскому гостю, кресло. Он в самолете насиделся в таком же положении. Они знали друг друга уже несколько лет.

– Дорогой Пауль, – обратился Штенк к начальнику школы с длинным и нудным монологом, – я приехал не инспектировать твою работу и не контролировать тебя, а помочь твоему, так необходимому сегодня нам всем – фюреру, рейху и вермахту, – заведению в выработке новой тактики. Стратегия у нас остаётся прежняя, хотя и она несколько корректируется с учетом складывающейся обстановки на Восточном фронте. И должна претерпеть существенные изменения с учетом происходящего на фронтах.

Думаю, ты уже знаешь, что Гиммлер объявил тотальную войну Советам на незримом поле битвы. Нам надо сегодня, как никогда в прошлом, серьёзно помочь солдатам и офицерам вермахта, которые теряют драгоценную арийскую кровь. Тысячи наших героев погибают ежедневно на полях Восточного фронта, в том числе и по причине слабости работы нашей агентуры.

Именно сегодня мы должны прибегнуть к массовости, широкой масштабности применения наших кадров, обучающихся

в школе. Нам необходимо здесь готовить не только «глаза и уши» – разведчиков, но, прежде всего, диверсантов и террористов – это наши специфические танки, наши орудия и наши самолеты, а может, даже посильнее оружия вермахта.

Наша задача – максимально увеличить количество и качество акций за линией фронта. Надо разрушать железнодорожные пути и взрывать воинские эшелоны, идущие к фронту, подрывать железнодорожные мосты и другие военные объекты на железных дорогах, выводить из строя паровозный парк, организовывать вооруженные налёты на автотранспорт, промышленные и военные объекты в районе действий наших групп.

При отступлении нашу агентуру следует использовать как факельщиков и подрывников по поджогу населенных пунктов и подрыву советских коммуникаций. Агентуру разведывательно-диверсионных команд – ягдкоманд надо смелее использовать с целью разложения и склонения военнослужащих Красной Армии к измене Родине. Это надо делать через распространение антисоветских листовок, проведение устной агитации на переднем крае обороны при помощи радиоустановок. Максимально активизировать борьбу с партизанами. Тыл советский должен гореть. Для этой цели надо закладывать базы и хранилища оружия, боеприпасов и продовольствия для оставшейся нашей агентуры за линией фронта.

Принимать в школу следует проверенных людей со знанием немецкого, польского, русского и украинского языков. В то же время надо всячески обеспечить безопасность участников операций. Не гнушайтесь подростков – это дополнительный элемент самосохранения.

– Вальтер, ты прав. Несколько недель тому назад мы выбросили в районе Смоленска десяток наших «малышей» с новейшими портативными фугасами. В школе мои специалисты создали угольные мины-камуфляжи. Адские машины, вмонтированные в ком антрацита или торфяного брикета, не вызывают подозрения. Их трудно распознать даже специалисту.

Уголь и брикет воруется в России на железнодорожных складах местными жителями. Топливо крадут для топки в домах, поэтому его таскают в сумках и ведрах, мешках и даже в портфелях, что создает положительный фон для конспирации. Мы это приняли во внимание и прекрасно используем. Кусочек такого «уголька», заброшенного на тендер паровоза, – и дело сделано – локомотив с гарантией окажется под откосом вместе с составом. А в перевернутом эшелоне – танки, пушки, боеприпасы, бензин и личный состав… Каково? А на поле боя, чтобы уничтожить эту боевую технику, сколько надо потратить бомб, снарядов и мин!

– Прекрасно, прекрасно… Я об этом «изобретении» обязательно доложу в Берлин, – вскинул потеплевшие глаза Штенк на начальника школы…

Когда Пауль Криц на минуту отлучился по просьбе шифровальщика, у гостя появилась пауза, которую он заполнил тут же раздумьями.

Одиночество в кабинете бросило Штенка в философию. По радио звучала бравурная музыка. Неожиданно поплыла знакомая «Песня о свастике»:

Свастика в белом круге
На огненно-красной основе
Освобождает весь мир…

Шенк любил внутренние монологи. Сегодня берлинец почему-то стал рассуждать о борьбе людей за власть, за место под солнцем:

…

«Большинство людей слишком увлечено сталкиванием вниз своих братьев, чтобы затем по их трупам взбираться повыше. И делают это они с настоящим каннибализмом и варварством в современной промышленной и торговой жизни. И всё для того, чтобы следовать по иному – своему пути. В спецслужбах такая же картина.

Таким образом, люди будут продолжать поедать других и быть поедаемыми. Они будут убивать и сами падать жертвами убийства, угнетать и быть угнетаемыми, ненавидеть и быть ненавидимыми.

Люди, которые так поступают по отношению к другим и находят в этом удовольствие, подпадают под действие закона причин и следствий настолько, что сами втягиваются в пущенный ими в ход механизм, который рвет их на части, тогда как они рассчитывали участвовать в

растерзании других. Такова матрица нашей жизни, таков стереотип действий человечества во все времена. Человек человеку – волк, а не друг. И это касается любого народа… Тем более в военное время. Человек человеку друг, товарищ и брат – это не что иное, как коммунистические иллюзии, химера, запущенная в обиход для использования неполноценными расами».

Потом его мысли вновь переключились на служебную тематику. Он переживал по поводу возросшего количества случаев невозвращения своей агентуры из советского тыла.

Вскоре скрипнула дверь, и вошел весь красный начальник школы, туго перетянутый по талии широким офицерским ремнем. Он извинился за прерванную беседу.

«Видно, Пауль получил хорошенькую взбучку от начальства, – подумал Вальтер. – Что ж, такое время сейчас, и должность ответственная. Того и гляди, что тебя укусит кто-то из коллег».

Штенк быстро переключился на собеседника.

Затянувшееся обсуждение служебной тематики плавно перетекло в воспоминания о сытых и богатых впечатлениями довоенных временах. Чего только стоили вчерашние живые картинки, – политические фанфары прихода фюрера к власти в 1933 году, огни салютов Берлинской Олимпиады 1936 года, победоносная война с Польшей 1939 года, легкие победы в Австрии, Чехословакии, Франции и других европейских странах. Отсутствие проблем с питанием, – магазины ломились от товаров. Гитлер удовлетворил желания немецкого обывателя, подарив ему дешевый «народный автомобиль». Хватало рабочих мест. Появились приличные заработки… Война разорила быт.

Находясь во власти воспоминаний, они на мгновения отошли от суровых будней и немного расслабились…

* * *

Люблинская разведывательно-диверсионная школа гитлеровцев давно находилась в поле зрения советских органов госбезопасности. Ещё 27 августа 1942 года, была подписана В. С. Абакумовым директива НКВД СССР № 359 «О принятии мер

по розыску и аресту агентов немецкой разведки, обучавшихся в разведывательно-диверсионной школе в местечке Яблонь Люблинского воеводства (Польша)».

Эта ориентировка, по существу, была разослана нескольким адресатам:

– начальникам особых отделов фронтов, 7-й отдельной армии и резервных армий, флотов, флотилий, военных округов и специальных лагерей;

– начальникам оперативных управлений Наркомата внутренних дел СССР, контрразведывательным управлениям (КРУ), управлениям экономической и транспортной контрразведки (ЭКУ и ТУ);

– руководству 4-го Управления НКВД СССР;

– начальнику Управления войсками НКВД по охране тыла действующей Красной Армии.

Особые отделы, в свою очередь, директиву размножили и довели её содержание до особых отделов армий и корпусов.

В указанной директиве говорилось, что особыми отделами НКВД Калининского и Сталинградского фронтов в июле и августе 1942 года арестованы агенты германской разведки, обучавшиеся в школе по подготовке разведчиков и диверсантов, находящейся в местечке Яблонь бывшего Люблинского воеводства, и переброшенные на нашу сторону с диверсионными и разведывательными заданиями.

23 июля с.г. на участке действий 30-й армии Калининского фронта перешли на нашу сторону и явились с повинной бывший командир взвода 301-го стрелкового полка 48-й стрелковой дивизии И. П. Заливин и бывший командир роты 784-го стрелкового полка 227-й стрелковой дивизии Г. Н. Шульский.

Заливин и Шульский на допросе показали, что, находясь в плену у немцев, они в числе других военнопленных, отобранных из разных лагерей, в мае 1942 года были доставлены в лагерь, находящийся в местечко Освец близ города Бреславь, где были завербованы германской военной разведкой. Затем прошли обучение в Яблоньской школе по подготовке диверсантов и разведчиков и были переброшены на нашу сторону в район городов Клин и Солнечногорск с заданием взрывать железнодорожные мосты и линии, склады и предприятия, поджигать на поле хлеб, разрушать телефонную и телеграфную связь и осуществлять террористические акты над работниками НКВД.

О лицах, подготавливаемых к переброске, сообщил также явившийся с повинной 9 августа 1942 года в Особый отдел НКВД Сталинградского фронта агент Шкарупин.

Направляя в органы списки агентов, прошедших подготовку в этой школе, ранее переброшенных и готовящихся к переброске, директива предлагала принять меры к розыску и аресту перечисленных в списке агентов. При обнаружении указанных германских агентов и диверсантов немедленно сообщить в Управление особых отделов НКВД СССР, где так же, как и в 4-м Управлении НКВД СССР, организован централизованный учет всей выявленной агентуры.

Нужно отметить, что в директиве диверсионная школа в местечке Яблонь была ошибочно отнесена к органам немецкой военной разведки. В действительности эта школа была создана в марте 1942 года имперским управлением безопасности Германии, а конкретнее, его разведорганом «Цеппелин».

Подробные данные о разведоргане «Цеппелин» и его структуре, руководящем составе, подразделениях, готовящих агентуру, были получены лишь в 1943 году, вот почему в Киеве о ней практически ничего не знали. Это были изъяны информационной работы в органах НКВД и НКГБ СССР в результате ведомственного скупердяйства. Только с образованием «Смерша» в 1943 году военная контрразведка стала мощным органом, сосредоточившим в своих руках весь объем подобной информации.

* * *

От внешнего мира школу отделял высокий кирпичный забор с тремя рядами колючей проволоки, забранной в трехрядную спираль. На углах стояли вышки с часовыми. Ночами дополнительно по периметру выпускали на цепи сторожевых собак, которые могли свободно передвигаться на тросах от одного угла к другому. Территория РДШ делилась на две части: особая и административная. В особой зоне располагались штаб, учебные корпуса, казарма, плац, спортгородок, небольшая типография, радиостанция и гауптвахта.

В административной части находились квартиры в общежитии для офицерского состава и инструкторов-преподавателей, гараж для автомашин и бронетранспортеров, мастерские и многочисленные складские помещения.

На следующий день в школу прибыл начальник гестапо Люблина штурмбаннфюрер СС Аккардт. Он словно разъяренный зверь в клетке, бодая головой воздух, бегал по кабинету начальника школы и выкрикивал ругательное слово – «Швайне, швайне, швайне!»

Вот уж истинно – война превращает отдельных людей в озлобленных животных.

– Ваши учителя тут – бестолковые. Грязные свиньи, бараны тупоголовые. Только и знают, что яйца чесать да жир на животах нагуливать. Уже больше двух недель от моих агентов не поступает информации. Я же с твоего одобрения внедрил их в отряд Железняка.

Он говорил короткими, рублеными фразами, резким, лающим, как у обозленной собаки, голосом. Вот уж действительно, у ярости вместо крови – пылающая желчь.

Затем он, сверкнув глазами в сторону Крица, спросил:

– Что с ними? У меня такое предчувствие, что они явно провалились. Провалились или сбежали? Живы ли? Надо срочно готовить замену. Мы ведь в неведенье – не знаем, что творится в отряде. Чувствуется, что к партизанам прилетели какие-то важные птицы. Может, это представители разведки или контрразведки из Центра. Не случайно наши посты ПВО зафиксировали появление двух советских самолетов…

Штенк пытался успокоить взбесившегося гестаповца, но он просто не прореагировал на замечания представителя Берлина.

На следующий день Аккардт получил последнее, посмертное, сообщение от агента Тадеуша Сметинского:

…

«В отряд прилетели с Большой земли майор Александр Зорич и капитан Анатолий Гурский. Несмотря на свою важность и высокие звания командование отрядом они на себя не взяли. Наверное, прибыли с каким-то особо секретным заданием.

Нужно немедленно, любой ценой, уничтожить этих двух разведчиков. Жду ваших указаний. 23».

Цифру «двадцать три» он умышленно написал размером в два раза выше букв. Спешил агент довести до своего хозяина информацию о прилете в отряд двух советских офицеров.

Видно, собственной шкурой чувствовал предатель, что Зорич и Гурский не дадут ему и его сподвижнику Шамко, ставшему его убийцей, долго шпионить в партизанском отряде – выйдут на их

след и разоблачат…

* * *

После этого Аккардт поехал в школу для отбора надежного агента. Он рассказал Штенку и Крицу, что от обергруппенфюрера СС Крюгера из Кракова им получена шифровка. В ней говорилось о необходимости срочно поменять тактику использования выпускников «Цеппелина» и, в частности, Люблинской разведывательно-диверсионной школы.

– До последнего времени, – говорил Аккардт, – выбрасывались мелкие группы по 3–4 человека, которые в лучшем случае могли повредить рельсы и на некоторое время вывести из строя какой-нибудь железнодорожный перегон. Такая тактика не оправдывает себя в настоящее время. Теперь надо готовить к выброске крупные отряды для диверсионных целей. Крюгер по этому поводу был на совещании в Берлине. Там ему настойчиво рекомендовали организовывать группы к заброске численностью до ста человек.

Десантирование только таких групп может принести конкретный результат. Не надо забывать об экономии авиатоплива и сокращении самолёто-вылетов. Тут и забота о ресурсе авиадвигателей налицо…

Аккардт предложил, что следует направлять подобные, пусть меньшие, отряды и из Люблинской школы в районы Волги и Камы с тем, чтобы одновременно по команде взрывать мосты через эти реки и отрезать таким образом на некоторое время Урал от фронта. А это уже стратегическое использование выпускников!

* * *

И всё же одну из операций в школе Криц готовил по старой схеме. Создали четыре группы диверсантов по пять человек в каждой. Им ставилась задача оседлать четыре узловые железнодорожные ветки, ведущие к станции Сарны, что на Ровенщине. А потом по сигналу одновременно взорвать рельсовое полотно с четырёх сторон.

– Подъездные пути к этому крупному железнодорожному узлу из четырёх магистралей надо срочно уничтожить. Через так называемый «сарненский крест» идут поезда с боевой техникой и личным составом на фронт, – напутствовал руководителей групп начальник школы. – После этого советское командование долго

не сможет пользоваться важнейшими коммуникациями, ежедневно, если не ежечасно питающими фронт. Не забывайте, что такая крупная диверсия вызовет одновременно и панику среди мирного населения.

Руководители групп дружно закивали в знак согласия с руководителем, предложившим такую «интересную» для них работу.

После этого группы должны были соединиться в условленном месте и в дальнейшем самим выбирать себе объекты для диверсий: склады с горючим и боеприпасами, военные автоколонны, мосты, линии связи. Срок отводился на эту операцию десять дней. После её завершения они должны были перейти линию фронта и возвратиться в люблинскую «альма-матер».

Подобная операция готовилась и по узловой станции Здолбуново.

Но это были планы Крица. Для окончания подготовки групп нужно было время. Но его по не зависящим от них причинам не оказалось…

Надо отметить, что, несмотря на некоторые изменения в тактике действий в советском тылу, немецкое верховное командование и его спецслужба – абвер по-прежнему пока главную ставку делали на разложение нашей армии и на бредовые идеи «пятой колонны», якобы существующей в Советской России. Это был большой промах руководства Третьего рейха при разработке плана «Барбаросса» против нашей страны. Опираясь на всякого рода социально чуждые большинству советского народа элементы, руководители немецкой разведки не увидели, как говорится, за деревьями леса. С первых дней нападения гитлеровцев на СССР война для наших людей стала всенародной – не Второй мировой, а Великой Отечественной войной.

Бесчеловечный и извращенный фашизм стремился растлить и растоптать всё и всех вокруг себя. Но от правды никуда не денешься – враги были у советской власти. Но они не могли сделать «погоды» для вермахта, СС, СД и абвера и создать мощную «пятую колонну». Её просто не существовало, хотя на стороне немцев было много «хиви» – прислужников из числа наших военнопленных и других категорий советских граждан.

* * *

Генерал войск СС и полиции, обергруппенфюрер Фридрих

Вильгельм Крюгер был одним из руководителей оккупационного режима в Польше. Участник Первой мировой войны. Он принимал непосредственное участие в подавлении коммунистического движения в Германии. В 1920–1923 годах работал в издательствах. В 1924–1928 годы – директор мусоросжигательной фабрики в Берлине. Вскоре был уличен в коррупции и уволен с работы по статье за взяточничество. В 1929 году вступил в НСДАП, а в 1931-м – принял командование группой СА «Восток». С 1936 года – инспектор пограничных частей СС. С 4 октября 1939 года высший руководитель СС и полиции в генерал-губернаторстве, ближайший соратник Г. Франка, с которым постоянно вступал в конфликты. Фактически он подмял его под себя, заняв специально для него учрежденный пост статс-секретаря по вопросам безопасности в правительстве генерал-губернаторства.

В период с 1939 по 1944 год являлся главным руководителем всей системы нацистского террора в Польше.

С 20 мая 1944 года – командир 6-й горнострелковой дивизии СС «Норд». В 1945 году назначен высшим руководителем СС и полиции в Вене, где покончил жизнь самоубийством. Палач побоялся нести ответственность за уничтожение сотни тысяч поляков и польских евреев.

* * *

В заключительной фазе беседы Аккардт неожиданно обратился к начальнику школы:

– Дай-ка мне список на пять-десять самых надежных и смышленых твоих учеников. Я с ними сам поработаю.

В списке семи кандидатов: трёх русских, грузина, двух поляков находился один украинец. Выбор пал на Ивана Макарука – агента, значащегося под номером «35». Он больше всех понравился Аккардту.

Гестаповец долго и скрупулезно изучал дело кандидата в агенты. Потом вызвал его на беседу. Малоросс ему почему-то сразу же приглянулся – спокойный, рассудительный, исполнительный молодой человек, а самое главное – женатый, и супруга оказалась под боком. В любое время может стать заложницей, в случае, если муж проштрафится где-то или предаст его – начальника гестапо, практически хозяина всего Люблина.

В одной из бесед он проверил его память, глубину понимания обстановки и знаний тонкостей советского уклада жизни. После двухнедельного этапа каждодневной работы с агентом гестаповец

тщательно проинструктировал его, а потом неожиданно, задав вопрос в лоб, спросил:

– Иван, ты можешь выполнить одно очень важное задание? По моим соображениям, его я могу поручить только тебе.

– Какое задание, господин офицер? – удивился слушатель школы.

– И простое, и непростое… Надо проникнуть в отряд Железняка и там осесть с целью получения для нас нужной информации. Ты должен быть в отряде нашими «глазами и ушами». Кроме того, по нашей команде обязан будешь ликвидировать двух прибывших офицеров – майора Зорича и капитана Гурского. А потом, если возникнут подозрения, покинуть лагерь и прийти к нам. За эту работу я обещаю тебе хорошо заплатить или помочь приобрести квартиру в городе.

– Не знаю, справлюсь ли? – откровенно ответил украинец.

– Надо справиться… Я верю в твои возможности. Поверь мне, опытному разведчику и контрразведчику.

– Попробую… попытаюсь… – бубнил себе под нос Иван.

– Я думал, ты скажешь, – выполню, а слышу какое-то немужское блеяние, – озлился Аккардт и с сардонической улыбкой назвал его «мямлей».

– Выполню! – неожиданно гаркнул Макарук.

– Вот это по-военному…

Так был завербован агент-террорист, которому ставилась задача не только проведения разведывательной работы, но и физического устранения двух советских офицеров, прибывших с Большой земли.

* * *

Как-то в селе, где базировался партизанский отряд, появился неизвестный парень, – как выяснилось, оказался украинцем из Волыни. Назвался он Иваном Макаруком. О себе народным мстителям рассказал, что недавно сбежал из гестаповских застенков. А теперь ему захотелось отомстить оккупантам, а потому искал встречи с партизанами, чтобы вместе воевать против гитлеровцев. Забыть издевательств над ним и его семьей, мол, он не может.

С «беглецом из гестаповских застенков» переговорил Александр Пантелеймонович. Разговор получился, оснований не верить пришельцу не возникло.

И всё же за новичком майор Зорич приказал неотступно следить, фиксируя его возможно подозрительные моменты в

поведении. Однажды партизаны решили устроить банно-прачечный день. Они с желанием отправились на небольшую местную речку с довольно чистой водой. Соскучился народ по воде – плавали, плескались, мылись и стирали в реке, наслаждаясь по-летнему солнечным днем… Одним словом – отдыхали, что практически для фронтовой жизни было в диковинку и своеобразным раем среди окружающего их ада.

Макарук аккуратно сложил свою одежду – брюки и рубаху, положив их на видное место – бугорок, густо поросший высоким бурьяном. Рубаху сверху прикрыл полностью брюками. Сосед по купанию, заядлый курильщик Владимир Степанов, случайно потянул рубашку новичка, думал найти там в кармане сигаретку или папиросу. На этот жест самовольства партизана Макарук, как ошпаренный, выскочил из воды, явно чем-то перепуганный, и чуть было не бросился на «курильщика-стрельца» с кулаками.

– Ты чего копошишься в моей одежде? – закричал Макарук.

– Курить захотелось.

– Спросил бы… Я не курю.

– Ну, прости ради бога…

Итак, новичок повел себя явно неадекватно.

Об этой забавной и непонятной реакции новоприбывшего на привычные действия партизана было сообщено чекистам.

По указанию Зорича командир отделения под видом проверки чистоты верхней одежды личного состава попытался проверить и рубаху Ивана, но тот категорически отказался показать воротник. Доложили об этом инциденте Зоричу.

– Приведите его ко мне в палатку.

Вскоре появился и нарушитель уставной дисциплины.

На скулах майора рельефно заиграли желваки, брови сдвинулись к переносице, и он тут же ожег допрашиваемого испепеляющим взглядом.

Зорич не растерялся – одним рывком стянул рубаху с сопротивленца. Макарук сразу же побледнел. Его лоб и виски покрыл холодный пот, он задрожал весь и… признался, что является агентом гестапо. А заслан он в отряд для проведения шпионско-диверсионной… и террористической деятельности.

Как свидетельство своей принадлежности к гестаповской агентуре Иван дрожащими руками не оторвал, а резким движением отодрал воротничок рубахи. На внутренней его части была проштампована цифра «35» с печатью местного органа гестапо. Это был своеобразный пароль-пропуск. В случае внезапного задержания агента другими представителями немецкой власти он мог предъявить этот «вездеход» и его бы никто не посмел задержать.

На допросе Иван Макарук подтвердил главное, что, кроме сбора разведывательной информации, ему поручалось ликвидировать двух офицеров – гостей из Большой земли, якобы недавно прибывших в отряд.

– Кого же ты должен был уничтожить? – спросил Александр Пантелеймонович.

– Двух прилетевших на самолете советских офицеров-чекистов – майора Зорича и капитана Гурского, – ответил испуганным, дрожащим голосом неожиданно легко и быстро разоблаченный агент-террорист. Создавалось впечатление, что в нем уже шла борьба мотивов, а его признание чем-то напоминало явку с повинной.

«Налицо взаимоотношение истины и реальности, – философствовал Александр. – Реальность зависит от того, кто её воспринимает, в то время как истина – это ответ на вопрос, какова реальность на самом деле. Реальность воспринимается, истина распознается. Воспринимая реальность существования оборотня, мы распознали истину его разоблачением. Случайность – может быть, даже наверняка. Но счастливая случайность чаще всего находит того, кто меньше всего на неё рассчитывает… Даже такая своевольная дама, как Случайность, любит думающих, независимо какого пола…»

И тут Зорича осенила мысль – «…эта случайность ведь реальный шанс пробраться в разведшколу, «поиграть» с гестапо и начать через нашего агента, если он окажется действительно нашим, осуществление операции «Люблин». Вот оно, чекистское счастье – само прилетело в руки и показывает, с чего конкретно надо начинать. Счастье – в предчувствии счастья! Это смысл жизни разведчика! А с другой стороны, при чем тут смысл жизни – это сама многогранная жизнь!»

Офицер начал играть на национальных чувствах – заговорил с ним на украинском языке, который знал в совершенстве. Да и до этого он по-южному «гакал», а тут вообще стал для Макарука «щырым украинцем».

О себе агент рассказал, что обманным путем его втянули в это «поганое ремесло» – сказался материальный фактор, а потом под угрозами физического устранения его вместе с женой, проживавшей в селе недалеко от Люблина, он был отправлен на учебу в школу.

Чекист несколько дней «проникал» в душу агента, изучая его как человека и взвешивая «за» и «против» в его личностной структуре. Зорич хорошо усвоил истину – недоглядишь оком, заплатишь боком.

Поэтому он проводил с ним глубокие воспитательные беседы.

На конкретных примерах показывал украинофобскую политику немецкого фашизма и его карательной системы. Говорил о стравливании нацистами трёх соседних славянских народов – украинцев и поляков, украинцев и русских.

Что касается первых, – он считал, что поводом к противостоянию послужила давнишняя вражда между украинскими и польскими националистами, оспаривающими верховенство на смешанных украинско-польских территориях Волыни, Полесья и Холмщины. Рассказал о подробностях гитлеровского плана «Ост» по искоренению славянских народов, мешающих установлению «нового порядка» в Европе.

– Я знаю, немцы как украинцев, так и поляков считают за нелюдей, за быдлоту, – подтвердил Иван. – Много раз не только слышал, но и видел это их скотское отношение к нам. Почему я – украинец – оказался в Польше? Меня бы убили там свои же христопродавцы – бандеровцы на Волыни, только из-за того, что у меня жинка полька по национальности. Такое «предательство» не прощалось нашими националистами, и мы вынуждены были с полячкой покинуть хутор, а вскоре пришлось сбежать с родного края. Я каждый раз молюсь, чтоб поскорей окончилась война, и мы могли бы вернуться в оставленный дом, к родственникам.

– А тут что, спокойнее? – поинтересовался майор.

– Никто, кроме немцев, нас здесь не «чипае» – не трогает, – последовал ответ Ивана Макарука. – Пудрят мозги, что скоро Советскую Россию они разобьют и Украина станет свободной. И такие селяне, как я, смогут свободно возвратиться на родину.

В ходе неоднократных бесед Зорич всё больше проникался к нему, склоняясь к мысли, – он не подведёт, он будет нашим сторонником, потому что чист душой и помыслами. И вот, несмотря на короткое время изучения, майор поверил искренности Ивана. Он был уверен, что этот украинец не предаст, как не предал свою молодую супругу, и все договоренности с ним будут Иваном четко выполнены…

Перевербовка агента, если её можно так назвать, прошла довольно-таки успешно.

– Ну, ты быстро его распотрошил. Раскололся он, как орех, до самой попы, – заметил Гурский. – Понимаю, его превосходительство, господин случай помог!

– Случайность, случайность… Знаешь, счастливая случайность чаще всего находит того, кто меньше всего на неё рассчитывает. Молодцом оказался и наш «заядлый курильщик» Володя Степанов.

– Проявил реально глубокую бдительность.

– Да! Надо подумать о его поощрении. Такие люди, я бы

сказал, штучные!..

После нескольких глубоких инструктажей Зорич снабдил перевербованного, теперь уже своего агента, заманчивой и трудно перепроверяемой для немцев дезинформацией…

В конце беседы Александр ввернул украинскую пословицу:

– Ну, что, Иван, шо було – бачылы, шо буде – побачэмо!

– Заверяю вас, товарищ майор, шо побачэмо добрэ дило! (что увидим доброе дело. – *Авт.*), – подытожил и успокоил оперативника теперь уже его негласный помощник.

* * *

Вскоре с ворохом всякого рода «оперативной туфты» Макарук отправился в Люблин для встречи со своим шефом-вербовщиком, гестаповцем Аккардтом.

При встрече с фашистом агент подтвердил информацию о прибытии в отряд двух офицеров с Большой земли: майора Зорича и капитана Гурского, назвал ложную численность «железняковцев» и раскрыл данные о «боевых намерениях» партизан. Указал на объекты их внимания и даты вероятных боевых вылазок. Кроме того, с «печальной миной на устах» подтвердил провал агента «Вольфа» – Шамко, заметив при этом, что следствие вели именно эти два офицера – Зорич и Гурский. Аккардту он рассказал подробности убийства Шамко своего якобы коллеги Сметинского.

Болезненная гримаса исказила лицо гитлеровца, глаза округлились, щеки побледнели, а уши стали пунцовыми. Он тяжело задышал.

– Откуда ты знаешь его псевдоним?

– Он всё рассказал чекистам, – искренне ответил «агент».

– Где Шамко сейчас? Под арестом? Что с ним? – взрывался вопросами побледневший гестаповский начальник.

– Нету Шамко… Уже, к превеликому сожалению, он на том свете. Его тут же партизаны расстреляли, как шпиона. Как мне рассказывал сослуживец по отряду, после короткого следствия и такого же суда-трибунала его вывели на опушку леса и застрелили беднягу возле оврага, – скривился, словно от искреннего переживания за судьбу своего «коллеги», Иван и испытующе посмотрел на шефа.

– Собаке собачья честь – не суди, да не судим будешь. Не он судья! – рявкнул Аккардт, а потом спросил: – На сколько тебя «отпустили»?

– На два дня. Для встречи с женой, за одеждой и кое-какими

харчами, там с этим делом у них бо-о-о-льшие проблемы, – спокойно ответил Макарук.

– В Люблине не крутись. Могут случайные люди засечь. Немедленно отправляйся к себе домой в деревню. Тебя подбросят на машине. Завтра встретимся у пани Зоси ровно в шестнадцать, – я думаю, ты найдешь её ресторанчик?

Затем он стал подробно растолковывать, как найти ресторан.

– Теперь найду. Когда-то я бывал в тех местах, даже возле него, – да-да, припоминаю.

– Ну вот и хорошо… Там у меня есть комната. Пройдешь через черный ход на второй этаж – третья дверь слева. Если меня не будет – подождёшь в коридоре. Но этого, я так думаю, не случится. Я буду тебя ждать – приду заранее…

И действительно за Иваном вечером пришла легковая машина. Его гестаповец-солдат отвез на край села и не проводил из салона, а скорее – выбросил, как зайца из мешка в чисто поле. Он шел впервые робко не по своей, а чужой, недавно приютившей его с женой земле и всё время пригибался, как будто хоронился от своих соседей. Пробирался огородами, преодолевая колючие кустарники домашней ажины – ежевики и ломкой малины.

Лениво лаяли собаки по крестьянским дворам. Пахло прелой соломой и навозом с хозяйских дворов. На болоте и у пруда квакали лягушки. Иван вздрогнул, когда неожиданно услышал громкое ржанье соседского коня. Над горизонтом из-за черной полосы леса поднимался огромный красный шар вечерней луны, от чего, казалось, стало ещё темнее.

Вот и милая хатка, ставшая ещё роднее после разлуки с женой. Он подошел на цыпочках к окну и подушечками пальцев тихо побарабанил по стеклу. Тут же колыхнулась занавеска, как будто кто-то стоял у окна.

Через мгновение в сенях зашуршали босые ноги Марыси – милой Марысечки. Так он называл свою любимую. Дверь отворилась. Жена бросилась тигрицей на плечи Ивана и буквально впилась в его губы. Он, в свою очередь, долго не отпускал её. Слёзы радости полились из глаз. Крепко обнявшись, они вошли в светелку. Она хотела зажечь каганец и стала искать в темноте на выступе русской печки коробок со спичками.

– Не надо, Марысечка, посидим без света. Я утром должен покинуть дом… Так надо, так надо…

Ничего он ей не сказал об идейной переориентировке, о задании партизан-разведчиков, только обнадежил, что скоро закончится война, и они вернуться на Родину – в их многострадальную Волынь, где будет новая власть, которая защитит людей от дурацких кровавых шабашей между славянами.

– А когда она закончится? – задала глупый вопрос Марыся.

– Скоро, числа не могу знать, но скоро, по сравнению с тем, сколько она уже идет.

– Ох, как уже все надоело… Да поможет нам Дева Мария!

– Согласен, Марысечка, согласен!..Помогут нам с тобой одинаково почитаемые нами и Дева Мария, и Иисус Христос…

Охота на Эриха Коха

Ещё в Киеве нарком госбезопасности УССР генерал-майор С. Р. Савченко, ставя оперативные задачи Зоричу, предупредил его, чтобы он был готовым совершить возмездие над палачом украинского народа гауляйтером Восточной Пруссии и рейхскомиссаром Украины Эрихом Кохом. Генерал несколько раз подчеркивал, что такую задачу им поставила сама Лубянка.

Это был тот случай, когда слова Макиавелли о том, что, вынося приговор, нужно руководствоваться человеколюбием, осмотрительностью и милосердием, полностью игнорировались как моралью, так и совестью. Игнорировались потому, что чекисты имели дело с лютым зверем в человеческом облике, уничтожившим сотни тысяч ни в чем не повинных мирных граждан в Украине и Польше.

Зорич помнил слова, сказанные генералом Савченко при инструктаже по Коху:

– Такую задачу нам поставил Центр и наш руководитель генерал Судоплатов. У Павла Анатольевича с исполнителя особый спрос. У него давно руки чешутся на этого мерзавца и проходимца. Его позиция однозначна – палач Кох должен быть или пленен, или уничтожен. Позорно не наказание, а преступление. Осень приходит после весны и лета не потому, что ей так вздумалось, а потому, что там, где не было посеяно зерно и не расцвели цветы, не дождешься урожая. Я надеюсь на урожай – ты его должен собрать. Зерно и цветы – это победы нашей армии. Коху некуда деваться – ему остается только прятаться…

По полученным данным, после освобождения города Ровно – гитлеровской столицы оккупированной Украины – он якобы сбежал в Восточную Пруссию, а затем переместился в Польшу. Во всяком случае, скоро следы особо опасного военного преступника обнаружились на польской земле.

Выполняя это сверхсекретное задание, Зорич постоянно отслеживал информацию о перемещениях кровавого палача Украины. Для этой цели чекисту пришлось одно время даже действовать от имени повстанца – офицера Ваффен СС 14-й гренадерской дивизии «Галичина», созданной и официально оформленной 28 апреля 1943 года специальным «Актом» немецкого губернатора Галиции Вехтера.

Кстати, присяга для личного состава дивизии была такая же, как и для других добровольческих объединений:

...

«Я служу тебе, Адольф Гитлер, как фюреру и канцлеру германского рейха верностью и отвагой. Я клянусь, и буду покоряться до смерти. Да поможет мне бог!»

Идея действовать от имени украинских «эсэсманов» возникла в голове майора тогда, когда к нему в отряд стали часто «наведываться» битые и обманутые вояки этого фашистского карательного соединения.

Мало их вышло тогда в июле 1944 года из «бродовского котла» – настоящего пекла, куда их умышленно кинули струсившие и запаниковавшие в конце войны гитлеровские командиры, не желавшие положить свои животы на алтарь нереальной победы сумасбродного фюрера. Бросили украинцев, в основном галичан, в огненный ад только для своего прикрытия. Телами львовских, тернопольских, волынских и ровенских мужиков, а также из других западноукраинских регионов, они выстилали пути к своему не отступлению, а настоящему позорному бегству.

По рассказам «говорливых галичан», немцы их использовали под Бродами в качестве «пушечного мяса». На своих танках и автомашинах гитлеровцы драпали, прорываясь через советские позиции, выходя из окружения. Бежали сами – без «союзников». Украинских вояк, даже раненых, положенных на танки, скатывали, словно бревна, с брони коваными сапогами. Не помогли они и оставшимся без боекомплекта здоровым солдатам и офицерам дивизии. Они были брошены на произвол судьбы, а точнее, чтобы погибнуть от пуль, осколков и под гусеничными траками советских тридцатьчетверок, стремительно рвущихся в сторону Львова.

Один украинец, родом из посёлка Яворов, что на Львовщине, как будто распропагандированный «советами», прямо заявил:

«Готов с оружием в руках теперь драться с немчурой. Она нас подло обманула с державой, объявленной во Львове 30 июня 1941 года. Посадили нашего вождя Бандеру под арест, а под Бродами нас прямо-таки «кинули»…

Подлейше предали нас.

Немцы бросили наше войско под пули и гусеницы красных.

Русские «катюши» там поработали так, что земля после такой «вспашки» стала «красной кашей».

А если бы вы знали, пан майор, сколько там было раздавлено

наших хлопцив. Нет, перемолото наших пацанов гусеницами и советских, и немецких танков. И всё это по вине Гитлера и местных фашистских командиров. Они же улепетывали без оглядки, спасая свои шкуры. Нас там крепко надули».

Такая информация заинтересовала майора Зорича. После штабного совещания и соответствующего отбора действительно в партизанский отряд имени Железняка были приняты несколько десятков разочаровавшихся в гитлеровцах «галичан». Кстати, прозревши, они мужественно потом воевали с карателями, а некоторые даже получили правительственные награды за совершенные мужественные поступки… Вот уж действительно, войны зависят от славы, и часто ложь, которой поверили, становится истиной. Теперь оуновцам не хотелось делить «славу» побежденных пополам с фашистами. Такая «истина» им была не нужна. Они искали выход из создавшегося положения, и он был только в сотрудничестве с советскими партизанами, среди которых было много и своих земляков – украинцев.

* * *

«Заслуги» Эриха Коха в раздувании украинско-польского конфликта в своё время были достаточно широко освещены в историко-документальной литературе. Но в последнее время эта тема местного противостояния между украинцами и поляками на Волыни и в Галиции в годы нацистской оккупации приобретает всё большую актуальность.

И даже совместное заявление бывших президентов Польши и Украины Квасьневского и Кучмы от 11 июля 2003 года, в общем-то, не снизило накала споров. Бывший президент Украины Виктор Ющенко пытался провести через парламент закон о признании Украинской Повстанческой Армии (УПА) воюющей стороной во Второй мировой войне против немцев, а ветеранов ОУН-УПА обеспечить льготами и пенсионными надбавками за счет государственного бюджета.

Пару лет тому назад Львовская областная власть подарила «ветеранам» УПА десятки автомобилей «Таврия». Все старания журналистов выяснить источники финансирования такого подарка оказались напрасными. В Ивано-Франковской области неоднократно делались попытки предоставить льготы также и ветеранам дивизии СС «Галичина». В этом же областном центре существовал музей Советской Армии. Он был продан под реконструкцию, а богатая экспозиция бесследно исчезла. В центре Львова молодежь радостно фотографируется в нацистской форме

и поговаривает, не назвать ли одну из площадей в честь фюрера в пику россиянам.

Но это уже приметы сегодняшних дней.

Польша дипломатическими путями всячески препятствовала подобным инициативам украинских «оранжевых» властей, вскормленных Западом. Пока проблема решается политическими средствами, историки пытаются разобраться в феномене УПА и 14-й дивизии Ваффен СС «Галичина», стараются тщательно исследовать причины и предпосылки резни в Западной Украине в 1943–1944 годах.

При этом следует заметить, что волынская трагедия началась не в традиционно националистической Галиции, откуда организация украинских националистов в предвоенные годы черпала большинство кадров, а на территории более спокойной православной Волыни. Именно здесь зарождалась Украинская повстанческая армия (УПА), в том числе и как сила с антипольским вектором противостояния.

Волынян – как украинцев, так и поляков – довел до остервенения рейхскомиссар Украины, махровый украинофоб Эрих Кох. В период с 1942 по 1944 год непосредственный начальник «коричневого короля Украины» Эриха Коха министр Восточных земель Альфред Розенберг нередко апеллировал к Гитлеру на непослушание со стороны своего подчиненного.

Розенберг открыто критиковал Коха за его недопустимую жестокость к местному населению, что, по его мнению, постоянно создавало напряженность в установлении порядка в тылу борющихся войск вермахта, снижало безопасность путей снабжения войск и не давало возможности максимально использовать хозяйственный потенциал оккупированной Волыни и Ровенщины.

В секретной докладной записке от 15 января 1944 года, составленной чиновником Восточного министерства Бройтигамом и направленной в Берлин лично Альфреду Розенбергу, прямо говорилось, что из-за недостатков в руководстве Рейхскомиссариата «Украина» резко активизировалось партизанское движение, радикализировался украинский национализм, ширятся межэтнические конфликты.

В этой записке были такие пояснения:

...

«…Всё чаще случаются убийства как украинцев, так и поляков. Какие-

то темные силы и отбросы общества жируют на низменных инстинктах и подстрекают людей к межнациональной войне и резне.

Под влиянием непрекращающейся агитации вражеских агентов всё чаще происходят случаи, когда крестьянские низы утрачивают здоровое отношение к необходимым повинностям военного времени…

Всё чаще происходят вооруженные выступления против украинской полиции как одного из носителей порядка.

Наконец, в Галиции появились украинские партизанские отряды, пришедшие с востока, которые пытаются сознательно «волынизировать» Галицию, т. е. создать такую ситуацию, которая сегодня наблюдается на Волыни, – ситуацию полного хаоса, уничтожения и разрухи всей украинской жизни…

Кто обостряет и разжигает межнациональную польско-украинскую борьбу, тот вредит украинскому делу и помогает большевизму…

Сегодня Волынь – это одно большое пепелище, сотни сожженных сел, многие тысячи человеческих жертв…

УПА на территории Галиции начала антипольский террор…»

Альфред Розенберг полностью разделял оценку ситуации, изложенной в записке своим подчиненным Бройтигамом. Он знал Россию не понаслышке, – родился в Ревеле (нынче Таллин), окончил ревельское Петровское реальное училище, учился в Рижском политехническом институте, а в январе 1918 года окончил Московское высшее техническое училище (МВТУ) с дипломом первой степени как «дипломированный инженер-архитектор». А потом зов крови призвал податься в Германию…

17 июля 1941 года на основании указа Гитлера «О гражданском управлении в оккупированных восточных областях» под руководством Розенберга было сформировано Имперское министерство оккупированных восточных территорий. Ему подчинялись рейхскомиссариаты оккупированных республик и областей СССР.

После окончания войны бежал на север Германии в распоряжение фленсбургского правительства наместника фюрера гросс-адмирала Карла Деница. По воспоминаниям состоявшего в этом правительстве рейхсминистра Альберта Шпеера, там он вынашивал идею распустить нацистскую партию. 23 мая 1945 года был арестован союзниками во Фленсбурге вместе с членами кабинета министров Карла Деница.

В качестве одного из главных военных преступников предстал перед судом Международного военного трибунала в Нюрнберге, где был приговорен к смертной казни через повешение. 16 ноября 1946 года приговор был приведён в исполнение. Кстати, Розенберг был единственным из десяти казненных, который отказался произнести на эшафоте последнее слово.

Но вернемся к его взаимоотношениям с Эрихом Кохом. Даже несмотря на то, что Кох ходил в любимчиках у Гитлера, Розенберг не раз отрицательно высказывал и самому фюреру, и другим вождям Третьего рейха, что неправильная оккупационная политика гауляйтера дорого обходится вермахту и самой Германии. Жестокость порождает еще большую жестокость со стороны противника…

Реакция Гитлера ясна – Кох оставался до последних дней войны на своем посту.

* * *

Несколько слов не лишним будет сказать о послужном списке рейхскомиссара Украины.

Эрих Кох (19.6.1896—12.11.1986 гг.) получил торговое образование. Он являлся участником Первой мировой войны. С 1919 года работал на железной дороге. Вскоре стал членом Добровольческого корпуса штурмового батальона Гейнца. С 1922 года член НСДАП, одной из партийных организаций промышленного Рура. В 1923 году участвовал в антифранцузских акциях в Рейнской области, являлся ближайшим сотрудником махрового нациста А. Шлагетера, вместе с которым был арестован французскими властями.

22 марта 1926 года он вступил в восстановленную НСДАП,

тесно сотрудничал с Г. Штрассером.

В 1926 году он уже заместитель гауляйтера Рура. С 1.10.1928 по 8.05.1945 года гауляйтер Восточной Пруссии. С 1929 года член ландтага (парламента) Восточной Пруссии, руководитель фракции НСДАП в этом представительном органе. За свои леворадикальные поначалу взгляды получил кличку «Эрих Красный». Он в это время тесно сотрудничал с немецкими социал-демократами. Затем быстро переориентировался и «покоричневел» и к началу войны успел сделать большую карьеру.

В 1930 году основал печатный орган «Прусскую газету», в которой пропагандировались нацистские идеи. С 14.09.1930 года депутат рейхстага. В сентябре 1933 года он становится обер-президентом Восточной Пруссии, а с 1.09.1939 года имперским комиссаром обороны 1-го военного округа.

С 1941 по 1944 год – рейхскомиссар Украины.

Интересная деталь – ему предлагали стать рейхскомиссаром России, но он упорно не соглашался, словно чувствовал, что Россию оккупировать им не удастся. Тогда в ситуацию вмешался сам Гитлер, послав его на Украину, где Кох прославился откровенным и неприкрытым геноцидом украинского народа.

По природе отличался крайней жестокостью, чем выделялся даже на фоне других деятелей оккупационного режима. В годы войны за грубый и жестокий стиль руководства удостоился от товарищей по партии, да и среди некоторых представителей высших нацистских кругов прозвища «Второй Сталин». Являясь махровым ненавистником украинского населения, он считал, что Украина – чисто территориальное, а не национальное понятие. Он пытался стравливать славян между собой, не говоря уже о евреях. По этому поводу Эрих Кох высокопарно изрекал:

...

«Мне нужно, чтобы поляк при встрече с украинцем убивал украинца и, наоборот, чтобы украинец убивал поляка.

Если до этого по дороге они пристрелят еврея, это будет как раз то, что мне нужно…

Некоторые чрезвычайно наивно представляют себе германизацию. Они думают, что нам нужны

русские, украинцы и поляки, которых мы заставили бы говорить по-немецки.

Но нам не нужны ни русские, ни украинцы, ни поляки. Нам нужны плодородные земли!

О евреях и речи не может быть!»

Гауляйтер не допускал даже минимальных компромиссов с явными союзниками – украинскими националистами, объективно содействуя тому, что некоторые из них, в конце концов, пошли на конфронтацию с нацистами, особенно в конце войны.

Столицей рейхскомиссариата Украины Эрих Кох выбрал не Киев, а Ровно – понятно, подальше от фронта – более спокойно. Рейхскомиссариат «Украина» размещался в здании бывшей гимназии, в которой, кстати, учился великий русский писатель Владимир Короленко. Это здание находилось на бывшей улице Калинина, которую гитлеровцы после оккупации Ровно переименовали в Шлоссенштрассе. Здесь же Эрих Кох разместил и свою личную резиденцию, утопающую в деревьях большого парка, с цветниками и фонтанами, клумбами и дорожками, беседкой и бассейном с подогреваемой водой.

На территории рейхскомиссариата располагались также дополнительные сооружения: вилла для адъютанта, медпункт, кухня, казарма для личной охраны и псарня для дрессированных собак, возглавляемая обер-ефрейтором Шмидтом. Именно знакомство с ним помогло Николаю Кузнецову и Валентине Довгер встретиться с Кохом.

Для безопасности в саду рядом с беседкой были сооружены мощный бетонный бункер, подземные переходы, бомбоубежище, пулеметные гнезда и специальные наблюдательные посты. В окружении виллы днем и ночью дефилировали переодетые в гражданское платье всякого рода филёры от эсэсовских и до гестаповских служб.

По натуре являясь трусом, он даже в своей столице – Ровно бывал не часто. Как правило, показывался в ней наездами, – остальное время отсиживался в родовом гнезде на территории Восточной Пруссии. За период его почти трехлетнего правления на Украине было уничтожено около 4 млн. жителей, 2,5 млн. депортировано в Германию в качестве «остарбайтеров». Такое поведение объяснимо боязнью широкого партизанского движения на Ровенщине и Волыни.

* * *

На одном из совещаний в Ровно 5 марта 1943 года он безапелляционно заявил:

...

> *«Мы народ господ и должны жестко и справедливо править. Я выну из этой страны всё до последнего.*
>
> *Мы должны осознать, что самый мелкий немецкий работник расово и биологически в тысячу раз превосходит местное население».*

За жестокость «коричневого короля» Украины, как уже говорилось выше, критиковал даже министр оккупационных территорий Востока сам Альфред Розенберг, призывая его «быть не таким зверем с украинцами».

Не случайно советские органы государственной безопасности поставили задачу разведчику Николаю Кузнецову на устранение кровавого палача Украины.

Обер-лейтенант Пауль Зиберт, в образе которого выступал наш разведчик (в партизанском отряде его знали по фамилии Грачев), 25 мая 1943 года оказался в ровенской резиденции рейхскомиссара Украины вместе с патриоткой нашей Родины, бесстрашной партизанкой Валей Довгер, которую он выдавал за свою невесту-немку. Прибыл Николай Иванович на прием якобы для получения благословения на брак с любимой женщиной.

На самом деле разведчик готовился осуществить возмездие. Однако привести приговор в исполнение Кузнецову не удалось – при беседе присутствовала многочисленная охрана, которая не спускала глаз с посетителей вместе с натренированными на людей немецкими овчарками.

Об этом эпизоде так вспоминал командир взвода партизанской разведки Борис Черный:

«Он сидел перед Кохом – он, советский разведчик, с пистолетом в кармане. Он мне, помню, рассказывал – у него в брюках лежал небольшой пистолет со специальными пулями.

Исключено было даже руку сунуть в карман. А ещё его надо было вытащить, взвести, нацелиться. А тут и овчарки. Да нет, ничего бы не получилось… Они умели охранять».

Не случилось удачи в совершении возмездия – не было счастья, но несчастье помогло. Как описывал в документальной

повести начальник разведки отряда «Победители» А. Лукин, основанной на рассказе Н. И. Кузнецова, Кох спросил обер-лейтенанта:

...

«– Где вы были ранены?

Последовал «чистосердечный» ответ:

– Под Курском, господин рейхкомиссар. В связи с ранением я вынужден временно, до полного выздоровления, служить в тылу. С нетерпением жду возвращения на фронт, чтобы помочь моим друзьям по оружию и отомстить коммунистам за пролитую ими мою кровь.

– О, скоро вы получите удовлетворение за свою рану. Фюрер готовит большевикам сюрприз как раз в том районе, – произнес Кох».

* * *

От неожиданности Кузнецов чуть не привстал – на стуле стало неудобно сидеть. Не может быть – или он ослышался? Нет, это действительно произошло. Это слово слетело с уст довольно-таки осведомленного человека. Подумать только – сам рейхскомиссар Украины и гауляйтер Восточной Пруссии Эрих Кох в случайном разговоре с каким-то обер-лейтенантом выболтал стратегическую военную тайну о намеченной гитлеровской ставкой важной операции!

Едва ли Кох подозревал, что его беседа с одним из обычных посетителей с точностью до одного слова в тот же вечер станет известна вначале командованию отряда, а затем и Центру – Лубянке и Ставке Верховного Главного Командования.

Пройдет некоторое время, и в мемуарах о Второй мировой войне битых гитлеровских генералов Типпельскирха и Цейтлера наш читатель сможет встретить «чистосердечное признание» о том, что гитлеровцы ещё в 1943 году поняли, что секрет

тщательно охраняемой и хорошо подготовленной операции «Цитадель» был заблаговременно раскрыт командованием Красной Армии, советскими разведчиками и в первую очередь Николаем Ивановичем Кузнецовым.

После окончания Второй мировой войны Кох бежал во Фленсбург, где, по свидетельству рейхсминистра Альберта Шпеера, явился к новому рейхспрезиденту Карлу Деницу и потребовал предоставить в его распоряжение подводную лодку, чтобы уплыть на ней в Южную Америку, на что получил категорический отказ.

После этого Кох четыре года успешно скрывался в британской зоне оккупации, выдавая себя за бывшего майора в запасе Рольфа Бергера. Всё это время Кох занимался сельским хозяйством, жил в основном на доходы от небольшого участка сада и огорода.

Кох был арестован британцами 24 мая 1949 года в Гамбурге и в начале 1950 года передан польскому правительству.

19 октября 1958 года его судили и 9 марта следующего года приговорили к смертной казни. Вскоре приговор был заменен пожизненным тюремным заключением по причине слабого здоровья Коха. По польским законам того времени казнить разрешалось только здоровых преступников. В заключении Кох прожил ещё 27 лет и умер в тюрьме Барчево в 1986 году в возрасте 90 лет.

Интересна одна деталь – правительства УССР и СССР никогда не добивались его выдачи для суда за преступления, которые он совершил как рейскомиссар в Украине. Почему?

* * *

Вот как пояснял события по разведывательному поиску и попытке ликвидации Коха последователь обер-лейтенанта Пауля Зиберта майор Александр Зорич.

Слово Святогорову:

...

«Начиналось всё это таким образом. В августе 1944 года под Бродами дивизию СС «Галичина» разгромили советские воины. Это всем известный исторический факт. Так вот, остатки этой дивизии

оказались на территории оккупированной немцами Польши. К нам на партизанскую базу приходили группы солдат и офицеров из этой разгромленной украинской дивизии СС. Они говорили примерно так:

«Вот мы пришли к вам добровольно. Вот наше оружие. Да, мы служили немцам, но со временем поняли, что они нас дурят, постоянно обманывают нас и лгут нам по многим вопросам жизни на Украине. Построить самостийную Украину они никогда нам не позволят. Нашего вождя Бандеру и его близких сподвижников они арестовали. Вы поверьте нам, и мы вам будем помогать и огнем, и словом…»

И я со своим помощником Толей Коваленко отбирал из них наиболее пригодных ребят и привлекал к своим операциям.

При этом и я, и они действовали под прикрытием того, что мы бойцы дивизии СС «Галичина».

В этот же период я охотился за Эрихом Кохом. Он был гауляйтером Восточной Пруссии и рейхскомиссаром Украины. В городе Ровно был его штаб. К нему подбирался Николай Кузнецов. Думаю, всю правду о нем в силу определенных обстоятельств общественность узнает не скоро.

Так вот, после гибели Кузнецова мой начальник генерал Савченко, посылая меня в Польшу, подчеркнул: одна из твоих главнейших задач – разыскать и ликвидировать Эриха Коха.

Обычно нам давали задания, отпечатанные на машинке, но на

этот раз оно было написано от руки. То есть было настолько сверхсекретным, что его не доверили даже машинистке.

В то время Эрих Кох из Ровно уже сбежал в Восточную Пруссию, а оттуда он должен был прибыть в Краков, в резиденцию Ганца Франка, находившуюся в замке под названием Вавель.

Мы заслали в замок своего смелого и дерзкого разведчика Болеслава Матеюка по кличке «Лех». Он был католическим священником – ксендзом, и в этой резиденции вскоре настолько смог втереться в доверие к его окружению, что стал своим человеком. Ему многое и многие из окружения Коха доверяли.

Через некоторое время Болеслав дал нам подробнейшую схему замка. Четко обрисовал расположение комнат, в которых должен был расположиться Эрих Кох.

К сожалению, один из моих агентов по кличке «Электрик» оказался предателем и выдал противнику наши планы. Потом мы его задержали и ликвидировали. Он был расстрелян по приговору партизанского суда. Но всю операцию пришлось нам тогда срочно сворачивать.

Так что Эриха Коха ни Кузнецову, ни моей группе, к сожалению, ликвидировать не удалось.

А дальнейшая судьба этого палача украинского народа сложилась вот как. Он оказался долгожителем. После войны, оставшись в живых, Кох начал симулировать сумасшествие, потому что знал – умалишенных не

расстреливают… Его допрашивали и по Янтарной комнате. Я больше чем уверен, это он вывез Янтарную комнату и знал её судьбу!

Знал, где она находится, но не сказал…

Дожил до 1986 года и умер естественной смертью в тюрьме».

Следует заметить, что в замке Вавель похоронены знатные люди Польши – короли, писатели, поэты, художники и другие выдающиеся личности. Захоронили там и погибшего 10 апреля 2010 года президента Леха Качиньского с супругой Марией, погибших в авиакатастрофе под Смоленском. Они летели поклониться праху польских офицеров.

Отбывая пожизненное заключение в польской тюрьме, Эрих Кох много раз намекал, что готов указать, где спрятал янтарный клад известной комнаты, в обмен на личную безопасность и свободу. Но человек, длительное время властвуя над другими, как правило, утрачивает чувство собственной свободы. Зачем она была ему нужна? Он её потерял навсегда с потерей Третьего рейха, которому ревностно служил.

«Я заявляю, – говорил он, – что готов после амнистии уехать к себе на родину и в Калининграде предпринять всё возможное, чтобы Янтарная комната была найдена».

Следует заметить, что он даже дал соответствующее письменное обязательство следователю Леонарду Нувелю. Однако реакции якобы со стороны польских властей не последовало. Советское руководство тоже загадочно молчало и по непонятным причинам не потребовало у поляков преступника, совершившего столько злодеяний на Украине. Да и судьба Янтарной комнаты должна была бы заинтересовать Москву. В ответ опять гробовое молчание.

Чего тут больше: безразличия или, может, знания о том, что под видом Эриха Коха скрывается двойник, с которого ничего не выжмешь? Или он уже всю информацию слил полякам, передав им то, что долгое время искали советские власти?

Но вот интересный момент – на одном из сайтов в Интернете автор нашел материал с докладом Н. И. Кузнецова своему начальству от 25 декабря 1943 года по поводу неожиданного отлета Эриха Коха из Ровно:

…

«Улетел мой германский коршун. События на фронтах и шум, поднятый нами в городе, здорово напугали хищника. Он и рождественский вечер, не дождавшись 25 декабря, устроил 22-го, и уже на следующий день – был таков. Посылаю вам газету с отчетом об этом вечере…

Кажется мне, что Кох больше сюда не вернется. Удастся ли вообще поймать его, чтобы, наконец, он ответил за все свои злодеяния?»

Перечитывая текст этого сообщения, трудно отвязаться от мысли, что между Кузнецовым и Кохом существовали какие-то «неформальные» отношения. Небезынтересна в связи с этим дальнейшая судьба Эриха Коха. После войны он бесследно исчез, хотя его активно разыскивали наша контрразведка и спецслужбы союзников.

В конце 40-х годов Эриха Коха неожиданно обнаружили, как уже говорилось выше, в британской зоне оккупации в Германии. Нацистского преступника англичане почему-то этапировали в Польшу, где он сел на скамью подсудимых в Варшаве. Есть данные, что трибунал отряда Дмитрия Медведева «Победители» приговорил Эриха Коха к смертной казни ещё в 1942 году.

Постаревший, сгорбившийся, неприметный, словно облезлый кот, этот военный преступник, пославший на смерть и уничтоживший миллионы советских и иностранных граждан, на суде изображал из себя раскаявшегося и слабоумного грешника, пытаясь таким образом вызвать к себе сочувствие и даже понимание.

А вот как описывает заключительную фазу судебного процесса над палачом Кохом в повести «Человек, который не знал страха» югославский писатель Бранко Китанович:

«Любопытный эпизод произошел на этом процессе, когда давал показания в качестве свидетеля поляк Юзеф Курьят, бывший разведчик отряда «Победители».

– За преступления против украинского, польского, русского, еврейского, литовского, белорусского, чешского, словацкого, молдавского и эстонского народов наш отряд в сорок втором году осудил Эриха Коха на смерть.

Этот приговор должен был привести в исполнение Николай Иванович Кузнецов, известный в отряде как Николай Васильевич

Грачев, а в Ровно он действовал под видом немецкого офицера Пауля Вильгельма Зиберта. Вот здесь, – Курьят поднял вверх книгу, изданную в Польше под названием «Где старший лейтенант Зиберт?» – об этом подробно написано.

При упоминании имени Пауля Зиберта бывший слуга Гитлера съёжился. Сквозь дымку навороченных событий перед его глазами, наверное, возник облик энергичного обер-лейтенанта. Он вспомнил светловолосого и сероглазого офицера-фронтовика, навестившего его с фрау в Ровно.

– Пауль Зиберт! Прошу высокий суд прервать на несколько дней процесс и дать мне возможность ознакомиться с книгой о Пауле Зиберте.

В своем последнем слове бывший гауляйтер сказал такое, что вызвало оживление в зале. Он заявил:

– Прошу высокий суд принять во внимание мою гуманность: ведь я сохранил жизнь Паулю Зиберту.

Варшавский суд приговорил «гуманного» гитлеровского военного преступника к смертной казни, замененной пожизненным заключением».

Однако поиски правды о судьбе Коха продолжались с трудом, так как информации о нем в советских газетах практически не было. В Интернете дата смерти престарелого Коха дается с разбросами от 1959, 1983 и до 1986 годов. Вообще, в отличие, скажем, от Гесса, заключенного в западногерманской тюрьме Шпандау, наша печать о Кохе после войны почему-то старалась не вспоминать. Правда, в одной из газет бывшей ПНР однажды появилась заметка, поведавшая о том, что в тюремной камере палача установлен цветной телевизор, а сам обитатель предпочитает сгущенку без сахара и ему даны прочие послабления режима.

Версия о сотрудничестве Коха с советской разведкой во время войны иногда всплывала в некоторых западных исследованиях. В годы горбачевской перестройки руководство КГБ СССР заявляло, что личное дело Николая Ивановича Кузнецова является государственной тайной и будет рассекречено лишь только в 2025 году.

Что же касается всех этих данных, историки пока тоже молчат, а россияне уже завершили создание копии Янтарной комнаты. Теперь судьба старого объекта стала не так интересной для журналистов – появился точный его «слепок»! Для кладоискателей же – всё ещё впереди.

Хотя кто знает, может, Янтарную комнату и найдут, как и обретут со временем ответы на выше поставленные вопросы.

* * *

Надо отметить, что 1944 год серьёзно потряс фашистскую Германию с её армией – вермахтом. Советские войска неудержимо рвались вперед и гнали гитлеровцев на запад. И вот выходами народных мстителей в освобожденные районы начали пользоваться бывшие изменники, – опомнившиеся полицаи, смирившиеся с участью проигравших власовцы, гоноровые бандеровцы, перепуганные старосты, бургомистры и даже агенты врага.

Они зачастую под видом партизан нападали на недавних бывших хозяев, чтобы как-то продемонстрировать свою лояльность к советской власти. Примыкали к партизанским соединениям, где не всегда имелись возможности проверить этих людей должным образом.

В последующем некоторым из таких лжепартизан удавалось замести следы своих злодеяний и прожить рядом с честными и порядочными людьми, ветеранами войны многие годы.

По такой же схеме самосохранения работали и некоторые немецкие бонзы, которые понимали, что их ждет в скором будущем. Они зачищали контакты с американцами и англичанами и видели свое спасение за водами Атлантического океана в теплых странах Латинской Америки, где издавна находились большие группы немецкого этноса. Там можно было легко затеряться. Об этом подумывал и сам Эрих Кох, над которым уже поднялся меч возмездия и затягивалась петля его ловли, о чем было сказано выше.

Подрыв разведшколы

В Германии осенью 1944 года Гитлер, оправившись от многочисленных потрясений последнего времени, казалось, немного пришел в себя. И действительно за эти годы явно проигрывающейся войны на голову фюрера навалились, а скорее обрушились, страшные события:

– крах операции «Тайфун» по взятию Москвы с первым крупным поражением немцев в войне и серьёзными стратегическими последствиями в ходе зимнего 1942 года отступления войск вермахта;

– Сталинградское окружение фашистской группировки и реализация советским командованием операции «Кольцо» с 19 ноября 1942 года по 2 февраля 1943 года с гибелью 6-й армии Паулюса и потерей более 330 тысяч гитлеровских солдат и офицеров;

– снятие блокады Ленинграда 18 января 1943 года;

– разгром гитлеровских войск на двух направлениях: на Курской дуге в летнюю кампанию 1943 года и в ходе Львовско-Сандомирской операции с 13 июля – 29 августа 1944 года;

– успех операции Красной Армии под кодовым наименованием «Багратион» в Белоруссии с 23 июня по 29 августа 1944 года;

– открытие второго фронта в ходе проведения нормандской операции «Оверлорд» англо-американскими войсками с 6 июня по 24 июля 1944 года;

– вытеснение вермахта за пределы СССР и вступление воинов Красной Армии на территории некоторых европейских стран;

– и, наконец, заговор против фюрера с прямым покушением на его жизнь.

Взрыв бомбы, заложенной под столом, застиг фюрера врасплох. Это произошло 20 июля 1944 года в 12 часов 42 минуты в зале совещаний летнего флигеля полевой ставки верховного командования Германии «Вольфшанце» («Волчье логово»), находящейся возле города Растенбурга в Восточной Пруссии. Исполнителем покушения являлся начальник штаба Резервной армии полковник вермахта граф Клаус Шенк фон Штауффенберг.

Гитлер мог, конечно, и погибнуть. Но ему всегда везло в тех сорока двух покушениях на его жизнь. Фюрер и на сей раз отделался легкими увечьями – испугом, царапиной на ноге да разодранными брюками, которые наци № 1 с удовольствием демонстрировал Муссолини, как бы подчеркивая, что он тоже

«понюхал пороха» в этой его второй войне с русскими. Кроме всего прочего после этого взрыва он оглох на одно ухо и усилились симптомы паралича правой руки.

На совещании присутствовало 24 человека. Бомба убила личного стенографиста Гитлера. Умерли от ран, несовместимых с жизнью, военный чиновник Брандт, начальник генерального штаба люфтваффе генерал Кортен, начальник отдела кадров ОКВ генерал Шмудт. Двое были тяжело ранены – представитель Геринга в ставке Гитлера генерал Карл Боденшатц и адъютант фюрера Боргман. Взрыв повредил им барабанные перепонки и обжег руки.

Канцлер и фюрер в одном лице теперь точно знал, кто его друг среди политиков и военных, а кто враг. Знал и то, что с теми генералами, которые остались ему верными, он ещё может устоять в противоборстве со Сталиным.

Ещё повоюет! Это ему подсказывало его Провидение, а он в небесную подсказку маниакально верил, постоянно и активно подогреваемый бункерными шептунами.

Что же касается предателей – то они наказаны: одни расстреляны, другие повешены, третьи сожжены в крематориях или отправлены в концлагеря. Ненадежных, разуверившихся военных и слабых морально он решил удалить из штабов разных степеней и штаба верховного главнокомандования (ОКВ).

Вождь нации, каким он себя считал и каким всё ещё продолжали, как думал фюрер, считать многие соотечественники его Третьего рейха и соратники из окружения, понимал – это уже не те люди, которые были до 1941 года, но и не открытые враги. В категориях друзей и полностью преданных соратников они тоже подвизаться не смогут, потому что напуганы неимоверным давлением «восточного поршня», неумолимо приближающегося к границам центральных земель рейха, а также появлением войск англо-американского альянса у западных границ Германии. Этот животный страх и опустошенность он читал в глазах многих прибывающих для докладов фронтовиков, – как правило, командиров среднего звена, в основном дивизий. Близкое окружение и командующие армиями и группами армий умело скрывали суровую реальность.

В его голове никогда не роились мысли сожаления о массе погубленного собственного народа. Он в последнее время даже успокаивал себя, часто говоря сам себе:

«Не умершего надо оплакивать, а рождающегося для тяжелой борьбы с невзгодами жизни. В метрических свидетельствах пишут, где человек родился, когда он родился, и только не пишут, для чего он родился. Счастливы те, кто не родились: они

не могут ничего претерпеть от настоящего и ничего не ожидают от будущего».

И всё же он, цепляясь за жизнь когтями новых фантомных прожектов, надеялся на мифический поворот событий на фронтах в свою пользу. Недаром говорится, что войны превращают отдельных людей в озлобленных животных. Наверное, это сравнение вполне применимо и к фюреру.

К Гитлеру пришла очередная бредовая мысль – нужно остановить победоносное шествие войск западных союзников Советской России путем полной реорганизации своих вооруженных сил, а затем предпринять мощное наступление, которое привело бы к разгрому англо-американских войск.

Прежде всего он создал «фольксштурм» – юных защитников рейха от англо-американских войск, успешно атакующих части вермахта Западного фронта. Здесь он чувствовал, что может не справиться с англо-американским нашествием.

Затем, прочесав германские госпиталя, фюрер выкачал оттуда «уставших» от войны – дезертиров, легко раненных, выздоравливающих и просто отлынивавших от военной службы на передовой. Из этой категории своих сограждан он составил довольно приличное войско. Назначение его было одно – поддержать воюющих на Западном валу. Он всё уже просчитал. Надо признаться, что память на цифры у Гитлера, как у всякого шизофреника, была кошмаром для окружающих. Он хорошо помнил отдельные детали давних разговоров, забываемые для нормального человека цифры и номера телефонов, погоду в дни бесед и прочие, казалось бы, мелочи для нормального человека.

А ещё нужно отметить, что вообще вожди привыкли эксплуатировать проклятую человеческую надежду – эту лесть дураков. Человеческая надежда одна из благороднейших вер в возможность осуществления чего-то радостного, благоприятного, победоносного. Проклятою матерью дураков делают её те, кто эксплуатирует чистейшую веру человеческого сердца. Конечно, можно остановить, убить, растоптать эту прямо-таки дикую, а скорей – дичайшую эксплуатацию из всех эксплуатаций, какие есть в мире. Но к кому обратиться? Где найти такого заступника?

Для разговора на эту тему он нашел объекты обращения. Таковыми оказались – Кейтель и Гиммлер… Они никогда ему не возражали, а принимали на веру все указания своего патрона, считая их пророческими. Он им верил, особенно первому, до последнего своего часа, хотя и считал его справедливо слабовольным человеком. Гиммлер и Геринг его предадут, но это будет потом – в апреле – мае 1945 года.

С Кейтелем и Гиммлером фюрер, как всегда, предавшись

бредовым размышлениям, с удовольствием разглагольствовал об очередной надежде:

– Эта новая моя армия остановит союзников на западе. Дивизии же Восточного фронта должны работать там, где они освоились. Ещё ничего не потеряно! Понимаете, ничего не по-те-ря-но! – На фоне высказанных слов фюрер даже несколько приободрился. Речь и глаза его стали выразительнее, они внезапно округлились и ожили, а потому засверкали желанием убеждать.

К нему отчасти вернулся его старый задор и, казалось бы, на некоторое время покинувшая его энергетика оратора – словоблуда и мистика. Он даже пытался улыбаться и подшучивать. Но это были уже натянутые гримасы обреченного человека в войне на собственную казнь.

Эту мысль он принимал только на мгновение, а потом на целые сутки отгонял её прочь, заигравшись, как ребёнок, в свои игрушки с картами, генералами и чиновниками. Эти два лакея, не отличавшиеся ораторскими изысками, умели его слушать и слышать, вовремя поддакивать и дежурно улыбаться, натягивать гримасу печали, когда был опечален хозяин.

Они были представителями толпы, а как говорится, вообще люди необразованные в глазах толпы кажутся более убедительными, чем образованные. Что бы ни говорил Гитлер, – его слова воспринимались этими адептами нацизма как советы умника.

* * *

И всё же физически фюрер производил на гостей впечатление подавленного и сломленного человека: с большими отеками на лице, синюшными «мешками» под глазами, дрожащими кистями вечно потных рук. Он был заметно сгорблен, обессилен и нервозен. Левую руку теперь он прятал за спину, потому что она предательски подергивалась. В ходьбе появилось старческое шарканье подошвами сапог или ботинок.

– Вы совершенно правы, мой фюрер! По Советам надо ударить, и мы дадим сражения таких масштабов, что большевикам мало не покажется. Наши самые стойкие армии, воюющие на востоке, сегодня находятся в состоянии подобно сжатой пружине, которая готовится после вашего приказа с силой распрямиться и отшвырнуть наглого противника.

Я больше чем уверен, Красная Армия выдохлась людьми, оружием и боеприпасами. Она заметно в последние недели

приостановила скоростной темп продвижения в нашу сторону. Тылы её отстали, и войска Советов испытывают затруднения в боеприпасах и горючем, – облобызал холуйски фюреровскую эскападу лукавый Кейтель.

– Всё сейчас надо максимально использовать, использовать для коренного перелома в войне! Он может наступить – и наступит! Я уверен! Эту уверенность я хочу передать и вам. Моё Провидение меня не подводило – не под-во-ди-ло!!! Эффективнее следует контролировать отдачу промышленности и сельского хозяйства. Принудительный труд, концлагеря, разведчиков, террористов, диверсантов надо использовать мак-си-маль-но… Да, да, – максимально! – кричал хозяин кабинета скорее горящим безумием глаз, чем, как обычно, лающими устами. – Ничего ещё не ясно… ничего ещё не потеряно. Армия не существует для мира, она предназначена для триумфального применения в войне. Сегодня она споткнулась, чтоб завтра подняться и победить!

– Полностью согласен с вами, мой фюрер, – почти хором, как выученное стихотворение, по-школярски гаркнули Кейтель и Гиммлер.

– Надо пройтись по тылам Красной Армии. – Фюрер повернул голову в сторону Гиммлера: – Где армады ваших обещанных хваленых диверсантов и террористов? Вы мне называли цифру своих асов мокрых дел с тремя нулями. Назвать её? – Гиммлер поник головой, словно приготовился на плахе к гильотине. – Но ощутимых результатов я пока не вижу. Сейчас нужно множить диверсионно-разведывательные школы. Контингента для такой работы в концлагерях хоть отбавляй.

Количество сегодня может помочь качеству. Многие лагерные сидельцы – дармоеды, отдыхающие в бараках. Зря только протирают штаны от безделья, а вдобавок рейх ещё обязан их одевать, обувать и кормить. Если это балласт, то у него нет права на дальнейшее существование в период всеобщей экономии. Балласт должен быть сброшен за борт с корабля под названием «Германия» и уйти в небытие – на дно, на дно, на дно! Я же говорю о других категориях – наших сторонниках поневоле: адаптировавшихся советских военнопленных, скомпрометировавших себя перед московской властью или обиженных нашей властью германских представителях, в которых можно и нужно вдохнуть патриотические чувства…

Фюрер закашлялся то ли от волнения, то ли от аллергии, может, от простуды. В последнее время его прессовала ангина. Он в категоричной форме приказал Гиммлеру усилить заброску в советский тыл своих подопечных. Потом резко поднялся, почти

вскочил с кресла, словно подброшенный снизу мощной пружиной и, скрестив руки на груди, стал быстро переставлять свои коротенькие ножки. Он метался по кабинету из угла в угол, что-то нашептывая себе под нос.

К нему возвращалось дурное расположение духа, внезапно сменившее проблески непонятно отчего взявшейся эйфории. Такие минуты он предпочитал ни с кем не делить.

– Вы свободны, – буквально по-змеиному прошипел хозяин кабинета.

Кейтель и Гиммлер, словно напуганные взмахом палки, как собаки с поджатыми хвостами, заспешили, чуть ли не обгоняя друг друга, к выходу. В коридоре быстро разошлись – у каждого была своя дорога к «спасению» разрушающегося храма под названием Третий рейх. Кроме того, у них были ещё конкретные прожекты, которые надо было согласно приказам фюрера быстро реализовывать в дела.

Генерал-фельдмаршал приостановился и задумался. Ему вспомнился почему-то бравурный доклад генерала Гудериана, отрицавшего опыт позиционной войны, предусматривающейся старым планом Шлиффена. Он ратовал за активное использование бронетанкового маневра с мощными ударными клиньями, рассекающими оборону противника. Гудериан докладывал об этом фюреру в урожайном на быстрые победы 1940 году, как раз сразу после окончания французской кампании в присутствии Кейтеля, Шпеера и Йодля.

Тогда Гитлер сказал:

«Теперь мы показали, на что способны. Поверьте мне, мой Кейтель, по сравнению с французской кампанией поход против России будет просто игрой на ящике с песком…»

«Нет, нет, этот поход, к великому сожалению, не стал игрой в песочнице, он не только слишком затянулся, а развернулся на сто восемьдесят градусов и направлен противником теперь в нашу сторону, – подумал про себя Вильгельм Кейтель. – Новые начинания фюрера не спасут Германию от поражения. То, что он предлагает, – это чушь собачья. Но что я могу сделать – его не переубедишь. Он стал ещё упрямей, чем был раньше. Он стал капризно-больным».

Самое удивительное было в том, что этими крамольными мыслями поделился сам с собой человек, которому приходилось находиться длительное время рядом с Гитлером и подчиняться его воле. Это был генерал-фельдмаршал, по существу, начальник штаба всего верховного главнокомандования вермахта (ОКВ), правая рука фюрера в военных вопросах, его ближайший, доверенный советник во всех агрессивных начинаниях. Он был

его трусливым подкаблучником и верным слугой. Он был его тенью! Но Кейтель, хотя и плыл по течению обстоятельств, ещё был загипнотизирован волей канцлера – своего хозяина. И всё же чувство реальности чаще стало стучать в сознание Вильгельма. Но раб по характеру, по натуре остается таковым даже с изменением обстоятельств.

* * *

Несколько более конкретных слов надо сказать о Люблинской разведывательно-диверсионной школе (РДШ). Она была создана на территории Польши для обучения агентуры из числа как советских военнослужащих, так и гражданских лиц в марте 1942 года близ Люблина в местечке Яблонь. Разместилась в бывшем замке графа Замойского.

Официально орган именовался «Особая часть СС». В школе велась подготовка агентов-диверсантов, радистов и разведчиков. Кадры поступали из особых так называемых «предварительных» лагерей для русских и зондеркоманд «Цеппелин», где осуществлялась фильтрация военнопленных. Там шло их поверхностное изучение как военными разведчиками, так и представителями тайной государственной полиции – гестапо.

По количественному составу одновременно в школе находилось до двухсот вышколенных активистов, которым гестапо оказало доверие быть в качестве курсантов этого учебно-боевого заведения фашистской Германии. Слушателям преподавался курс ведения разведки в советском тылу, особенности проведения диверсионной работы, радиодело, специфика совершения террористических актов против командования, партийного и советского актива. Диверсанты изучали минно-подрывное дело. На близлежащем полигоне то и дело ухали взрывы «учебных» мин, заложенных под железнодорожное полотно и специальные для этой цели строения.

Срок обучения в школе составлял от трех до шести месяцев. По окончании курса обучения формировались группы по 3–5 человек с придачей радиста с аппаратурой.

Агентура периода 1944 года забрасывалась главным образом в районы Москвы, Ленинграда, Смоленска, Северного Урала и Крыма с заданиями по добыванию глубинной разведывательной информации, осуществлению диверсий на железных дорогах и оборонных предприятиях, совершению терактов над представителями советского высшего командования.

Диверсантам также рекомендовали осуществлять массовое отравление населения, используя это в качестве способа возбуждения недовольства к советской власти. Для этого диверсанты снабжались сильнодействующими ядами и взрывчатыми веществами. Наиболее приемлемыми объектами для этих целей служили колодцы, водохранилища, водораспределительные узлы и т. п.

Разведчикам поручались такие задания, как сбор сведений – о местах дислокации формирующихся воинских частей, крупных арсеналов с оружием и боеприпасами, об ангарах с боевой техникой, продовольственных складах и железнодорожных перевозках.

Ставились задачи по распространению антисоветских листовок, для чего некоторые группы из забрасываемой агентуры РДШ снабжались портативными шапирографами и специальной бумагой.

Агентуре, направляемой в северные районы СССР, рекомендовали устанавливать связь с местными репрессированными гражданами, заключенными, гуляющими на свободе, переселенцами из числа националистов разных мастей и другим недовольным советской властью контингентом для создания из них повстанческих отрядов.

Перед заброской агентура снабжалась различными документами, комплектами чистых бланков и крупными денежными суммами.

Экипировка выпускников-практиков обычно состояла из формы советских военнослужащих, с соответствующим вооружением и комплектами фиктивных документов, а также запасной гражданской одежды.

До 1943 года переброска агентуры осуществлялась самолетами с Псковского и Смоленского аэродромов люфтваффе. Потом, по мере отступления немцы стали использовать аэродромы на территории «коричневого» рейха и его сателлитов. Обычно сначала выбрасывались на парашютах «первопроходцы», которым ставилась задача освоения с местностью, а затем им поставлялось материально-техническое обеспечение в тюках и помощники.

Вот типичный пример одной из таких операций, проведенной офицерами военной контрразведки «Смерш». В конце лета 1944 года на территорию Навлинского района Брянской области был заброшен большой отряд из 34 человек во главе с опытным разведчиком Михаилом Хлудовым, бывшим лейтенантом Красной Армии, завербованным германской разведкой в 1942 году. Он не раз «наведывался» в тоге лазутчика в наш тыл. Принимал участие

в боях с партизанами, дважды был награжден гитлеровцами медалью «За храбрость». Диверсанты отряда «проработали» около месяца, но были выслежены оперативниками и разгромлены в одном из боев.

Учитывая большое значение, которое противник придавал работе отряда, а также возникшую в связи с задержанием диверсантов возможность проведения важных контрразведывательных мероприятий, армейские чекисты приняли решение о включении радиостанции отряда Хлудова в радиоигру. Она получила наименование «Десант».

В ходе радиоигры легендировались широкие возможности создания надежной опорной базы с последующим развертыванием подрывной деятельности. Для этого отряду требовались люди, продовольствие, вооружение. В ответ на радиограмму с просьбой о помощи немецкий разведывательный центр сообщил:

...

«Михаилу. Готовим к отправке много питания, оружия, боеприпасов, обмундирования. Кроме того, вышлем ещё группу в количестве семнадцати человек. Примерно через неделю ждите самолеты. Старший брат».

2 сентября последовало сообщение о том, что 3 сентября между часом и двумя ночи будут сброшены с самолета парашютисты, оружие, одежда и продовольствие. На площадке в указанное время предлагалось зажечь два сигнальных костра, а при приближении самолета размахивать горящим факелом.

И вот наступили минуты напряженного ожидания. Ровно в полночь низко-низко над поляной на бреющем режиме, с выключенными моторами, прошел самолет. Затем неожиданно, взревев винтами, машина взмыла над лесом. Со второго захода самолет выбросил тридцать тюков с грузом и десять парашютистов. Все они были задержаны.

Допрошенные на месте приземления парашютисты показали, что на следующий день после их выброски прибудет самолет с основным грузом и двумя сопровождающими. В следующую ночь противник действительно сбросил семьдесят два тюка и двух агентов, задержание которых обошлось без стрельбы.

В сброшенных тюках (общий вес около шести тонн) находились десять ручных пулемётов, девятнадцать автоматов, семьдесят три винтовки и пистолета, миномёт с боеприпасами, двести шестьдесят ручных гранат, свыше двадцати семи тысяч патронов, более семисот килограммов взрывчатки, бикфордов шнур, саперные ножницы, телеграфные когти, три телефонных аппарата, одиннадцать катушек телефонного провода, различный строительный инструмент, запасная радиостанция, бланки фиктивных документов, обмундирование на двести человек, большое количество продовольственных концентратов.

Перед отрядом Хлудова германская разведка поставила конкретные задачи, изложенные в письменной директиве:

– взорвать два железнодорожных моста через реку Десну в районе Выгоничей (для ориентировки были присланы карты местности и аэрофотоснимки);

– нападать на автомобильный и другой транспорт, идущий по грунтовым и шоссейным дорогам;

– посылать разведку в лесной массив южнее Могилева, чтобы установить возможность безопасного размещения там лагеря диверсантов;

– использовать присланные взрывчатые вещества для подрыва железных дорог и воинских эшелонов в радиусе пятидесяти-ста километров от места расположения лагеря, диверсии проводить только на важных железнодорожных магистралях…

Именно такую информацию о засылке выпускников школы в Люблине в наш тыл собирала агентура Зорича. Потом сведения с установочными данными передавались в Центр для более «предметной» работы с «небесными пришельцами».

* * *

Созданная Зоричем и его боевыми друзьями агентурная сеть вскоре начала приносить оперативные плоды. Разведчики теперь имели свои «глаза и уши» во многих жизненно важных по значимости объектах немецкой администрации города и воинских частях. Через внедренную агентуру в Люблинскую разведшколу и её ближайшее окружение стали поступать данные о точном месте дислокации её главного корпуса, пропускном режиме, количестве обучающегося личного состава и схемах расположения кабинетов.

Агентуре Зорича удавалось выяснять клички, а иногда и точные фамилии преподавателей учебных классов, слушателей, количество набранного контингента, установочные данные на

шпионов и диверсантов, готовящихся к заброске в тыл Красной Армии, а также заброшенных и прочие данные.

Надо отметить, что майору Зоричу в это время не раз приходилось облачаться в форму немецкого унтер-офицера для выполнения неотложных разведывательных заданий. Он неожиданно появлялся в Люблине и вел себя так безукоризненно, так классно играл роль «фронтовика с Востока», что ни разу его не останавливал ни армейский патруль местной комендатуры, ни тем более офицеры гестапо. Он встречался со своей агентурой и таким образом. Это были кратковременные личные встречи.

Одному из агентов чекистской РДГ была поставлена задача – заполучить снимок контингента школы. Именно на такой кратковременной встрече групповой снимок слушателей и преподавателей школы вскоре передал майору Зоричу его агент в Люблине.

На случай проверки с целью выяснения личности «унтер-офицера» в городе он знал, что его прикроют и сами безукоризненно исполненные документы, и товарищи, готовые в любое время прийти ему на помощь, идущие параллельным курсом где-то рядом с ним или за ним.

Выполнив конкретное задание, Зорич тут же возвращался на базу.

* * *

Многие колеблющиеся из числа обучающихся курсантов – власовцы, полицаи, бургомистры, старосты и другие предатели, реально чувствуя финальные аккорды войны, понимали, что Германия на грани поражения и надо искать покровителей на востоке. Вера в силу германского оружия и крепость политического режима постепенно таяла. Эти люди прекрасно осознавали, что никакого чуда не произойдет, если даже и появится у Гитлера новое сверхоружие, о чем любили на лекциях и практических занятиях хвастаться преподавали – офицеры СС и абвера.

Именно из подобного «разбалансированного воинства» приобреталась и, самое главное, качественно готовилась Зоричем и его людьми агентура, работавшая «челночно». Она выбрасывалась в тыл Красной Армии, выходила через переданные ей пароли на армейских контрразведчиков и, выполнив «задания», возвращалась вновь в школу для «отдыха от тяжелой работы», получения новых задач и поручений от гитлеровских наставников, считавших себя гуру в вопросах тайных операций.

Одним из таких «понятливых» выпускников школы был, как уже упоминалось выше, разоблаченный в партизанском отряде имени Железняка, удачно перевербованный, а затем снова внедренный в школу агент, ставший потом квалифицированным разведчиком Иван Макарук. Работали в этом направлении и другие источники группы Зорича.

О подрыве школы Александр Пантелеймонович вспоминал:

…

«В этом суперсекретном заведении гитлеровцы готовили для засылки в нашу страну диверсионные группы… Так вот, это осиное гнездо – Люблинскую диверсионную школу – нам и было поручено Центром уничтожить. Мои люди проникли в неё, всё разузнали, а когда в школу прибыл шеф Люблинского гестапо Аккардт… мы провели серьёзную боевую операцию. Всё разгромили, почти всех перестреляли, захватили документы и несколько инструкторов школы, которые на допросах дали ценные показания…

К сожалению, Аккардта живым тогда взять не удалось…»

После разгрома школы агент-разведчик Иван Макарук на очередной встрече довел до гестаповца Аккардта дезинформацию, разработанную группой Зорича, о том, что есть возможность, в связи с уходом основных боевых подразделений партизан «на задание», захватить базу партизанского отряда вместе с его штабом. Кроме того, при этом «легко решалась» и давняя, крайне важная для гестаповца проблема – ликвидация двух советских разведчиков: Зорича и Гурского.

Аккардт, потирая руки от удовольствия, решил подуточнить некоторые важные вопросы:

– Ты говоришь, что боевые группы будут направлены на выполнение различных заданий – так я понимаю тебя? – нахмурился офицер.

– Так точно… Я слышал это от самого Зорича, – пояснил

агент.

– Куда направляются партизаны? Место проведения операций? Сколько их уйдет? – поинтересовался гестаповец.

– Не знаю… руководство отряда строго засекретило эти данные. Знаю только одно – все боевые подразделения покинут лагерь для проведения какой-то очень важной операции.

– А где будет сам Зорич?

– В штабе… он на задание не пойдет. Его друг Гурский будет тоже с ним. Их берегут – они же представители Центра. То, что они не будут участвовать в операции, я точно выяснил – случайно подслушал в палатке служебный разговор, позволивший мне сделать такой вывод. Они, возможно, станут заниматься моим вычислением, – с грустинкой кисло улыбнулся Иван.

– Какая охрана штаба, где заслоны и заминированные поля или площадки, как расположены землянки и палатки, что и кто в них находится, имеются ли склады с оружием и боеприпасами? – интересовался гестаповец с желанием скорейшего отмщения за разгром разведывательно-диверсионной школы.

Затем он выдвинул ящик письменного стола и вытащил из папки сероватый лист бумаги и вместе с остро заточенным химическим карандашом подсунул его Макаруку.

Аккардт попросил нарисовать ему схему боевого охранения штаба отряда, участки минирования, а также место расположения землянки, в которой вероятней всего будут находиться советские офицеры.

Иван долго что-то рисовал, чертил, подписывал, изредка поплевывая на грифель химического карандаша. И вот, когда «объективная работа» в эскизе была закончена и внимательно изучена гестаповцем, двоим разнополюсным «стратегам» стало ясно, что действия по отмщению за гибель своих коллег по школе непременно должны наступить. Но результат в уме у каждого был свой – диаметрально противоположный, только он не разглашался нашим агентом, а вот гестаповец в планах выложился полностью.

Аккардт поблагодарил Макарука за проделанную большую полезную работу, которая должна завершиться разгромом надоевших уже ему партизан. Фашисту казалось, что на практике будет так же легко, как и на бумаге, изрисованной его агентом…

* * *

Выпроводив агента за двери конспиративной квартиры, он тут же позвонил своему заместителю Гансу Кельнеру.

– Ганс, дай команду сотрудникам прибыть на совещание в мой кабинет.

– На какое время? – уточнил заместитель.

– В двенадцать ровно.

– Есть…

На совещании азартный фашист дал команду срочно сформировать карательный отряд и двинуться указанным им маршрутом в район села Воля Верещинская. В конце беседы Аккардт заметил:

«Мои боевые друзья, у нас есть реальный шанс разгромить надоевшую группу красных бандитов во главе с Зоричем. Штаб завтра будет оголен – обороняться по-настоящему у них нечем и некому. Да поможет нам бог! В случае удачи нам обещаны Краковом высокие награды! В этом меня заверил сам наш шеф – Крюгер.

Он благословил меня и вас всех по телефону на проведение этой акции. Я не сомневаюсь в нашем успехе. Крюгер придает большое значение борьбе с партизанами. Не случайно шеф пообещал наградить отличившихся в предстоящем походе. А он, как вы все знаете, слов на ветер не бросает».

Специалисты «допросов с пристрастием и пыток» с удовольствием зашушукались, потирая руки – такого случая классно повоевать с явно ослабленным противником им давно не доводилось. Они заранее живо представляли, как ловко окружат горстку партизан и перебьют их из пулеметов и автоматов. Забросают землянки и палатки гранатами. А за такую победу их обязательно поощрят – наградами, подарками, благодарностями и повышением в должностях с присвоением очередных воинских званий. Картины рисовались фантастические.

В эту карательную экспедицию руководитель Люблинского гестапо забрал почти всех своих оперативных сотрудников. Помогали, конечно, и некоторые полицейские. Но он всё же не пожелал брать лишних людей. Считал – таким образом, больше наград достанется его людям.

Партизаны, естественно, все остались на своих местах, хотя и имитировали перемещение из лагеря. Это сделали, как говорится, для отвода чужих глаз, понимая, что могут быть «глаза и уши» противника как в отряде, так и в ближайшем окружении.

А с другой стороны, партизаны подготовились к достойной встрече непрошеных гостей: отрыли дополнительные окопы, соорудили индивидуальные ячейки. Траншеи связали ходами сообщений, а на главном направлении появления противника образовали «огненный мешок» – поставили с флангов пулемётчиков и автоматчиков, глубоко зарывшихся в землю и

замаскировавшихся дубовыми ветвями. В густых кронах деревьев «на седлышках» – удобных ветках у стволов пристроились снайпера отряда. Это на случай, если «невыдержанные» гестаповцы решатся побежать с поля боя.

Таким образом, партизанский лагерь подготовился «гостеприимно» встретить надменных и коварных непрошеных гостей.

В одном из интервью в середине 60-х годов по этому поводу Зорич конкретизировал операцию такими словами:

...

«Июньской порою 1944 года в боевой операции против гитлеровских карателей был ликвидирован весь состав Люблинского гестапо во главе с штурмбаннфюрером Аккардтом.

Перед этим удалось подставить ему несколько наших людей, которые были внедрены в диверсионно-разведывательную школу в Люблине. Особенно активно работал в этом направлении наш агент Иван Макарук.

От него же фашист «узнал», что есть возможность захватить партизанский штаб в селе Воля Верещинская, какой якобы имеет недостаточную охрану.

Аккардт, как говорится, словно голодная рыба, клюнул на эту приманку и охотно встал во главе карательной экспедиции. Ещё бы: начальство из Кракова пообещало ему за победу Железный крест из рук самого фюрера!

Крест в этом бою, конечно же, палач получил, но не железный…»

* * *

В боевом столкновении с партизанами погиб весь личный состав Люблинского гестапо. А было это так.

Когда колонна гитлеровцев по узкой гористой тропе втянулась в «огненный мешок», по фашистам, как и было задумано руководством отряда, дружно ударили в упор и с флангов пулеметчики. Мобильные группы партизанских автоматчиков добивали мечущихся карателей, которые оказались на голой местности – широкой просеке. Метко в тот летний день стреляли народные мстители. Они уничтожили всех тех фашистов, которые попались на удочку Зорича – Макарука при подходе их к базовому форпосту у села Воля Верещинская.

Ни одному карателю не удалось уйти живым – ни одному! Убегающих с поля боя достали пули снайперов…

Под простреленными стволами сосен лежали мертвые гестаповцы. В зеленых папоротниках покоились изодранные в клочья тела непрошеных гостей. Это были результаты работы осколков наших гранат и мин. Даже смолистый аромат расщепленных пулями и осколками молодых сосенок не мог заглушить удушливо-приторный, тлетворный запах быстро разлагающихся на жаре трупов. Смерть величественно и безмолвно властвовала в овражках, на гористых склонах и в лесу. Один из партизан обнаружил у убитого гестаповца, переодетого в штатское, с развороченной брюшиной, овальной формы металлический знак, вывалившийся из кармана и болтавшийся на цепочке. Он представлял собой своеобразный медальон, изготовленный из какого-то слегка посеребренного сверху сплава. На лицевой стороне стоял личный номер сотрудника и полное название гестапо – «Секретная государственная полиция». На обратной стороне был изображен немецкий орел, сидящий на обрамляющем свастику венке.

Подобные медальоны нашли и другие партизаны.

– Что это? Что они обозначают, эти «металлические блинчики»? – обратился один из бойцов – участник боя к майору Зоричу.

– Это их номерные знаки. Сотрудники гестапо, переодетые в штатское, всегда носят при себе такие личные знаки – вездеходы и опознаватели. Обокрали мы Германию на металл, – улыбнулся майор. – Побежденным не оставили даже слез, чтобы оплакать поражение. Некому!

Все засмеялись…

* * *

На вопрос, знал ли Зорич о деятельности группы майора Вихря в Кракове, разведчик пояснил:

...

«Мы работали приблизительно одновременно. В Кракове действительно работал майор Вихрь со своей группой. Однако мы были настолько законспирированы, что даже не пересекались. Только после войны я познакомился с Вихрем – Евгением Степановичем Березняком. Он действовал в Кракове как капитан Михайлов под псевдонимом «Голос». А майором стал «с помощью» Юлиана Семенова.

Как-то писатель сказал при встрече Березняку, что хочет написать о нем книгу, однако руководство военной разведки не дало согласия – сами сняли документальную ленту «Теперь их можно назвать».

А через некоторое время на телеэкраны вышел художественный фильм «Майор Вихрь», снятый по одноименному роману Семенова. Там и были отражены многие эпизоды деятельности группы Березняка.

Семенов воспользовался правом на художественный вымысел и создал образ Вихря. Правда, по воле писателя вся группа Вихря в конце фильма гибнет. Вскоре после премьеры фильма в «Известиях» появилась статья «Майор Вихрь жив», где говорилось, что прототип героя Евгений Березняк живет в Киеве. И Евгения Степановича засыпали письмами: просили поведать, как было на самом деле. Тогда он написал книгу «Пароль «Dum

Spiro», рассказав о действиях своей группы».

* * *

Автор считает, что действия отряда Зорича по проникновению в Люблинскую разведывательно-диверсионную школу и её последующее уничтожение заслуживают не меньшего внимания, чем хорошо раскрученные советскими СМИ подвиги других героев разведки в период Второй мировой войны.

Но вернемся к последствиям разгрома партизанами гестаповского отряда под командованием Аккардта.

В Краковской штаб-квартире секретной государственной полиции по этому поводу был объявлен двухдневный траур. На центральном здании гестапо Кракова висели приспущенные алые флаги со свастикой, увитые черными лентами. Это была настоящая трагедия, в которой погиб не только главный дирижер, но и весь хор исполнителей.

Разъяренный бесславным концом целого подразделения гестапо рейхсфюрер СС и начальник германской полиции Гиммлер вызвал в Берлин из Кракова высшего руководителя СС и полиции на востоке обергруппенфюрера СС Крюгера. Ему предстояла внушительная головомойка за потерю Люблинской РДШ и гибель местных гестаповцев во главе с их предводителем Аккардтом.

Крюгер изворачивался как мог, на что Гиммлер рявкнул:

– Хватит себя скоблить. Вспомни слова нашего великого немца – Бисмарка: никогда столько не лгут, как во время войны, после охоты и до выборов. Виновным полностью считаю Аккардта, но и часть твоей вины я тут вижу. Не надо оправдываться ложью!

Санкции последуют после моего разговора с фюрером…

Похищение Файленгауэра

Самая важная тайна та, которую не раскрывает носитель этого секрета или его свидетель. Пока человек таит и хранит свою тайну от других, она его помощница, а когда он её выпускает, он становится её пленником. Обладателем большой тайны – важных абверовских секретов являлся для Зорича личный представитель адмирала Фридриха Вильгельма Канариса – мэтра военного шпионажа – гауптман Вальтер Файленгауэр. Он был на хорошем счету и у гестапо – по всей вероятности, был агентом государственной политической полиции.

Гауптман прибыл в Люблинскую разведшколу не для читки лекций, не для поднятия авторитета руководства школы, а с чисто прагматичными намерениями. Ему была поставлена конкретная задача – отобрать самых надежных слушателей по профилю диверсионной работы, с последующей их заброской в конкретные тылы Красной Армии.

Вальтер часто присутствовал на занятиях с курсантами школы. Особенно любил посещать практические занятия, где, по его разумению, «откровенно раскрывалась душа и ум слушателя», смекалка будущего диверсанта, его потенциальные возможности и способности, то есть где он видел «конкретного человека в конкретном деле», как любил говорить этот абверовец.

Файленгауэр на занятиях всегда сидел молча, внимательно слушая ответы обучающихся слушателей. Иногда он вел записи в небольшом кожаном блокноте с вытисненным на его обложке серебристым нацистским партийным значком. Его внимание привлекали люди, знающие русский, украинский и польский языки, которые он тоже знал в совершенстве. С некоторыми кандидатами в супердиверсанты он беседовал, как говорится, с глазу на глаз, устанавливая личностные отношения, дополнительно изучая более глубокие параметры характеристики курсанта, к которому закралось какое-то недоверие или, наоборот, появились симпатии.

Зная в совершенстве все три славянских языка, он мог психологически глубоко проникать в души будущих диверсантов, шпионов и террористов. Определял потенциальные возможности каждого, с кем беседовал «по душам», предварительно понимая, на что способен конкретный кандидат в роли «зафронтового парашютиста».

Ему нередко телефонировали из Берлина представители военной разведки и контрразведки. Иногда, особенно на первых порах работы в школе, звонки приходили и от самого адмирала

Канариса, а потом и от нового шефа полковника Ганзена и даже от крутого и свирепого нового начальника РСХА Кальтенбруннера, забравшего в свою организацию расформированную военную разведку и контрразведку – абвер после ареста его бессменного руководителя адмирала Канариса.

Всех этих руководителей интересовало всегда одно и то же – они справлялись, как идет работа, какие трудности он встречает на месте, с какими конкретно результатами возвращаются «патриоты рейха». Особое внимание обращалось на тщательность отбора кандидатов.

Однажды шеф из Берлина прислал шифротелеграмму, в которой, в частности, говорилось:

«Наш фюрер озадачен слабой, а порой необъективной отдачей разведчиков, работающих на военных коммуникациях противника, в тылу Красной Армии, а также участившимися случаями измен. Всё это является результатом некачественного подбора контингента.

С учетом разрастающегося движения лесных бандитов – партизан и городских разбойников – подпольщиков необходимо усилить работу по внедрению нашей агентуры в эти советские организации.

Мы теряемся в догадках об ожидаемых направлениях основных ударов советских войск. Прошу и требую усилить работу на железнодорожном транспорте, на станциях и в депо – мало стало диверсий на стальных магистралях, оборонных заводах, арсеналах и складах с боеприпасами…»

Файленгауэр внимательно прочел довольно-таки обширную шифровку и подумал:

«Половина нарезанных задач невыполнима таким контингентом разведчиков и диверсантов, каких мы забрасываем за линию фронта. Они ведь тоже нос держат по ветру, понимая, в какую сторону дуют ветры перемен и паруса каких кораблей надувают. Этого не понимают только наши вожди. Мой шеф – чистый прагматик, прекрасно знающий, что и к чему – зачем же он пишет такую глупость. А, может, осторожничает потому, что боится фюрера? Сейчас Гитлер зол, как растревоженный или раненый вепрь».

И всё же к лету 1944 года вместе с начальником школы они направили в тыл нашей армии более десяти групп, как им казалось, кристально чистых, проверенных диверсантов. От большинства из них он не получил ни одной информации – они почему-то упорно молчали. Одни попадали сразу «с небес» в руки наших воинов, другие отправлялись с повинной в подразделения «Смерша».

Некоторые, наиболее вышколенные и преданные нацистам из-за того, что были «замараны кровью», возвращались в школу, уставшие и измученные всякого рода стрессами. Они докладывали результаты своей работы, отдыхали, затем снова инструктировались и экипировались по-новому. После недельной разрядки обреченные вновь отправлялись на полевой аэродром, чтобы десантироваться из самолетов для выполнения очередного заказа опытного в делах разведки и диверсий абверовца из Берлина.

Были и такие, которые уже работали на советскую военную контрразведку «Смерш». Они приносили в школу оперативную «туфту». Дезинформация в спешке проглатывалась ответственными за конкретного агента и отправлялась в Берлин. Такого «засланного казачка» снова отправляли за линию фронта, которая неумолимо приближалась к рейху.

Имея в разведшколе, на период её функционирования, несколько проверенных агентов, Зорич мог получать, как уже говорилось выше, полные установочные данные и клички на заброшенную агентуру, места её десантирования, задания, что, естественно, облегчало задачу бороться с тайным врагом нашим военным контрразведчикам.

* * *

Вот как сам Александр Святогоров рассказывал об этой смелой операции по пленению важного гитлеровского секретоносителя – представителя абвера в Люблинской ДРШ:

…

«В июле 1944 года разведчик нашего отряда поляк Станислав Рокич, в совершенстве владеющий немецким языком, по нашему заданию проник в фашистскую разведшколу как гауптман Фридрих Краузе.

Он познакомился с немецкой машинисткой и переводчицей Таисией Брук, от которой получал довольно интересную информацию.

От неё же он узнал, что в Люблин прибывает личный

представитель адмирала Канариса, именитый абверовец Вальтер Файленгауэр, очень опытный разведчик. Мы все понимали, что важную птицу Берлин зря сюда не пришлет. Вместе с ним приехала и его личный секретарь Зофия Зонтаг – его давняя любовница, которая оказалась хорошей знакомой Таисии Брук.

И у нас возникает смелый план. Гауптман Краузе срочно «объясняется в любви» своей «невесте». Назначается помолвка, на которую Таисия Брук приглашает Зофию Зонтаг.

Мы доподлинно знали, что Файленгауэр страшно ревнивый человек, а потому не отпустит на вечеринку Зофию одну и, возможно, приедет с нею. Наш расчет тогда полностью оправдался. Хотя мне и пришлось потратить на это лжеобручение несколько тысяч злотых – «улов» был значителен…

Конечно, нам хотелось осуществить операцию без единого выстрела, чтобы не поднимать лишнего шума и не привлекать внимание посторонних. Но стрелять всё же пришлось. Мы сняли охрану, ворвались в дом, где как раз в разгаре была вечеринка с обильной попойкой. Там его мы и «стреножили»…

Он оказался одним из организаторов операции под кодовым названием «Сатурн». Именно под его непосредственным руководством готовились для заброски в наш тыл наиболее жизнеспособные и проверенные диверсионные группы.

О них он полностью рассказал. Вскоре все эти уже засланные группы были ликвидированы благодаря его

информации…»

* * *

Плененного представителя Канариса гауптмана Файленгауэра разведчики передали армейцам фронтового уровня. С ним работали через переводчиков офицеры и генералы штаба 1-го Украинского фронта. Фашист действительно оказался одним из организаторов операции под кодовым названием «Сатурн». Кстати, с материалами допросов знакомился и сам командующий фронтом Иван Степанович Конев.

Напрасно немецкие руководители военной разведки строили иллюзии и тешили себя надеждами в отношении стойкости и выдержки своих кадров. Только лишь на первом допросе Файленгауэр произнес высокопарную фразу вроде того, что «честь немецкого офицера спецслужбы не позволяет ему выдавать секреты», а затем у него сработал инстинкт самосохранения и он «потёк».

Опасаясь за свою жизнь, абверовец полностью раскрылся и сообщил данные, которые представляли несомненный интерес для советского военного командования фронтового уровня.

В частности, он рассказал о том, что берлинским руководством принято решение об изменении стратегии использования диверсионных групп. В ходе допросов он подтвердил, что гитлеровская разведка в системе подготовки агентуры «Цеппелин» решила отказаться от направления мелких групп. Ставка сделана на выброс целых отрядов по 50–70 человек для совершения крупных диверсий в районы Волги и Камы. Цель – взорвать одновременно мосты через эти реки и отрезать, таким образом, Урал от тылового снабжения Красной Армии.

Под его непосредственным руководством готовились для заброски в наш тыл диверсионные группы. Несколько уже было заброшено. О них он рассказал всё подробно, что помогло военным контрразведчикам частично задержать диверсантов, а сопротивляющихся ликвидировать.

Он достаточно подробно остановился на стремлении немцев организовать серию антисоветских восстаний в национальных районах СССР, в частности, в Калмыкии. Сегодня есть все основания думать, что радиоигра военной контрразведки «Смерш» под кодовым названием «Арийцы» имела прямое отношение к показаниям фашиста.

Как писал А. Север в книге «Смерть шпионам!», игре

предшествовала произведенная около поселка Утта в Калмыкии выброска на парашютах с немецкого самолета «Ю-290» диверсионного отряда численностью в 24 человека под командованием капитана абвера Эбергарда фон Шеллера (Кваста). Отряд должен был стать авангардом «Калмыцкого корпуса доктора Долла» (десантный корпус, образованный из калмыков, перешедший к немцам, под командованием доктора Долла – сотрудника абверкоманды-101 зондерфюрера СС Отто Верба). Калмыцкие пособники фашистов должны были объединить уже имевшиеся в Калмыкии повстанческие отряды и начать большое восстание, попутно организуя диверсии. Эту операцию под названием «Римская цифра два» готовило подразделение абвера «Валли-1».

Отряд фон Шеллера должен был организовать радиоцентр для передачи сообщений забрасываемых на восток СССР немецких агентов и авиабазу для последующего приема немецких самолетов с вооружением, боеприпасами и продовольствием.

Шеллер успел сообщить в разведцентр радиограммой об успешном приземлении. Видимо, он не знал пословицы «Не говори гоп, пока не перепрыгнешь». Посты воздушного оповещения ПВО сразу же зафиксировали немецкий десант.

На место посадки прибыли самолеты-«истребители» с опергруппами управлений НКВД и НКГБ Астраханской области. Самолет был подожжен, немцы начали отстреливаться, в итоге 3 летчика и 4 бойца отряда были убиты, 6 летчиков и 6 диверсантов, в том числе и Шеллер, взяты в плен, 14 диверсантам удалось скрыться.

С захваченными диверсантами начали работать смершевцы. Доложили наркому внутренних дел Берии, курировавшему все спецслужбы СССР. Ознакомившись с первыми протоколами допросов, 26 мая он обратил внимание на то, что немцы не знают о прошедшем недавно выселении калмыков. Предположив, что «есть остатки бандитов из калмыков, с которыми немцы будут связываться», он распорядился в записке Абакумову составить план совместной работы «Смерша» (под руководством заместителя Абакумова Павла Мешика) с начальником отдела борьбы с бандитизмом НКВД А. М. Леонтьевым и его сотрудниками Свириным и Лукьяновым, а также Михайловым (НКГБ).

В тот же день Абакумов и Леонтьев представили план операции, получившей название «Арийцы». Уже 29 мая начальник ОКР «Смерш» базировавшегося в Харькове ПВО Южного фронта Юшкевич получил указание организовать, совместно с командованием ПВО, наблюдение на трассе возможного пролета

самолетов из оккупированной немцами Румынии в Калмыкию и Казахстан.

Фон Шеллер, которому за его колоритную раздвоенную бороду в стиле генерала Скобелева смершевцы дали псевдоним Борода, и радист обер-лейтенант Ганс Ганзен – соответственно Колонизатор, были завербованы. Причем Шеллер, хорошо знавший русский язык, добровольно предложил свои услуги. Все они были привлечены к участию в радиоигре.

Первую радиограмму чекисты отправили 30 мая 1944 года. В ней достоверные сведения об уничтожении самолета и гибели части диверсантов сочетались с дезинформацией об укрытии Шеллера (Кваста), Ганзена и других в поселке Яшкуль.

Немцы послали для проверки и получения подтверждения данной информации самолет, которому военные чекисты дали возможность благополучно вернуться на свою базу. Таким образом, гитлеровцы убедились в правдивости Кваста. Вскоре, стремясь побудить абверовцев к активным действиям, Шеллер и Ганзен передали в центр подготовленную чекистами «дезу» об установлении связи с вымышленным антисоветским калмыцким отрядом Огдонова (85 человек).

В результате в ночь на 12 июня 1944 года на заранее условленном месте в поселке Песчаный близ города Яшкуль в замаскированные ямы «приземлился» немецкий самолет «Ю-290», с которого ранее были выброшены 5 парашютистов… и 20 грузовых тюков. Начался захват самолета, во время которого сгорела его часть и погибли 3 пилота, остальным лётчикам удалось бежать. Через трое суток их захватили в лесу. Во время последовавшего сеанса радиосвязи немцам было сообщено о «неприбытии» самолета, возникла версия его гибели.

В начале июля радиоигра была перенесена в город Енотаевск Астраханской области, в районе которого якобы действовал отряд Огдонова.

В начале августа, когда стало очевидно, что у немецкой стороны возникли сомнения в правдивости получаемой информации, началось завершение радиоигры. Немцам было сообщено о разгроме отряда Огдонова…

Итогом игры стала гибель 12 и захват 21 немецкого диверсанта и летчика, а также информация о существовании, структуре, вооружении и базировании в немецких ВВС разведывательно-диверсионной эскадрильи КГ-200.

Кроме этого, от Файленгауэра была получена информация о дьявольском методе, разработанном бывшим комиссаром криминальной полиции в Штутгарте неким Виртом, по использованию евреев для уничтожения своих единоверцев.

Описание этой методики направлялось в разные отделения и отделы государственной полиции, расположенные в оккупированных странах. Попали они и в Польшу, и в частности в отдел гестапо города Люблин.

Суть его заключалась в том, что Вирт выбирал из среды заключенных-евреев некоторое число уголовников, которым обещал всякого рода блага при условии, что они найдут среди заключенных подручных, готовых на любую работу.

Таким образом он отобрал около пяти тысяч мужчин и женщин, которые получили не только надежду спасти свою жизнь, но и право участвовать в ограблении заключенных. Им-то и было поручено уничтожение своих несчастных соплеменников.

Среди лесов и равнин восточной Польши создавались замаскированные лагеря уничтожения. Они строились для отвода глаз, как потемкинские деревни, то есть для того, чтобы у прибывших складывалось впечатление, что их доставили в какой-то город или крупный населенный пункт.

Поезд прибывал на бутафорский вокзал, и, когда сопровождающая команда и персонал поезда уходили, двери вагонов открывались. Евреи выходили на платформу. Их тут же окружали члены еврейских отрядов, и комиссар Вирт или кто-то из его подручных произносил речь. Он говорил настолько проникновенно, настолько убедительно, что слушающие его соплеменники никак не могли узреть лукавых чертиков, прыгающих у него в глазах:

...

«Евреи!

Вас привезли сюда для того, чтобы здесь поселить, но, прежде чем образовать новое еврейское государство, вы должны, естественно, обучиться какой-нибудь новой профессии. Без эффективного производства не родится здоровое, крепкое государство.

Здесь вас и будут обучать, и каждый из вас обязан выполнить свой долг. Прежде всего каждый должен раздеться, такое уж здесь правило, чтобы ваша одежда была дезинфицирована, а вы вымылись и не

заносили в лагерь насекомых и разного рода болезни кожи.

Всё это делается для вашего же блага, для вашей безопасности».

Прибывших евреев в «учебный центр» строили в колонну. На первой остановке отделяли мужчин от женщин, и в соответствующих раздевалках они должны были оставить свои шапки, пиджаки, рубашки, брюки, юбки, блузки, обувь и даже носки. На каждую вещь им выдавался номерок. Все эти операции, проводимые евреями из команды Вирта, не вызывали у вновь появившихся здесь людей недоверия. И они послушно продвигались, подгоняемые своими единоверцами-предателями, чтобы у них не оставалось времени задуматься.

Наконец несчастные люди прибывали на последнюю остановку, оформленную как банное помещение. Туда входила одна группа, двери закрывались, и в камеру впускался газ. Через определенное время особая команда выносила тела несчастных через другие двери и кремировала их, тогда как другая группа вступала в зал.

Вирт без особых затруднений организовал применение этой системы, поскольку раньше он занимался уничтожением неизлечимых душевнобольных в соответствии с декретом об эвтаназии.

Полученные им «великолепные» результаты и стали причиной того, что имперская канцелярия выбрала его для столь ответственного поручения.

Именно благодаря пленению абверовца Файленгауэра разведчиками группы Зорича советскому командованию стали известны эти факты.

Вместе с тем нацист осветил некоторые подробности покушения на Гитлера 20 июля 1944 года и взаимоотношений руководства военной разведки и укрепляющейся гиммлеровской машины террора.

От берлинского гауптмана была получена конкретная информация о передислокации конкретных соединений в район полосы боевых действий 38-й армии 1-го Украинского фронта.

* * *

Об абвере он сообщил, что Гитлер отдал распоряжение ещё в феврале 1944 года – военную разведку передать в Главное

управление имперской службы безопасности (РСХА) под начало брутального юриста Кальтенбруннера. В составе этого управления был организован единый отдел «военной разведки», который возглавил полковник Ганзен.

Действительно 12.02.1944 года под грифом «Совершенно секретно» Ставка фюрера издала приказ № 1/44, в котором от имени фюрера говорилось:

...

«Приказываю создать единую разведывательную службу рейха путем объединения внешней разведки, СД, военной разведки и контрразведки.

Возлагаю общее руководство вновь созданной организацией на рейхсфюрера СС Гиммлера…»

Следует заметить, что немецкий разведывательный и контрразведывательный орган абвер в переводе («Отпор», «Защита», «Оборона») был организован ещё в 1919 году после подписания позорного Версальского договора. Он функционировал на правах отдела военного министерства Германии и официально значился как контрразведывательный орган рейхсвера. В действительности с самого дня возникновения абвер вел активную разведывательную работу против Советской России, Великобритании, Франции, Польши, Чехословакии и других стран.

Эта работа проводилась через так называемые крыши: группы абверштилле при штабах приграничных военных округов, а также через официальные германские дипломатические представительства и торговые фирмы за границей. Часто для этой работы привлекали журналистов и коммерсантов.

Абверштилле в разное время возглавляли:

– генерал-майор Гемп (1919–1927 гг.),

– полковник Швантес (1928–1929 гг.),

– полковник Бредов (1929–1932 гг.),

– вице-адмирал Патциг (1932–1934 гг.),

– адмирал Канарис (1935–1943 гг.),

– полковник Ганзен (с января и по июль 1944 г.).

В связи с переходом фашистской Германии к открытой подготовке по развязыванию войны на Европейском театре

военных действий в 1938 году была произведена реорганизация абвера. На базе этого органа было создано Управление «Абвер-заграница» при штабе верховного командования вооруженных сил Германии (ОКВ), которому ставились разведывательные задачи против конкретных стран. В соответствии с задачами были созданы отделы:

– Абвер-1 – разведка,

– Абвер-2 – саботаж, диверсии, террор, восстания, разложение противника,

– Абвер-3 – контрразведка,

– Аусланд – иностранный отдел,

– ЦА – центральный отдел.

В июне 1941 года для организации разведывательно-диверсионной и контрразведывательной деятельности против Советского Союза в Управлении «Абвер-заграница» на советско-германском фронте учреждается специальный орган, условно именовавшийся штаб «Вали», полевая почта 57219…

* * *

Итак, Канарис был выведен за штат, отправлен в отпуск, а после отдыха получил пост начальника штаба особого назначения, ответственного за ведение торговой и экономической войны…

Но это было временное прибежище заподозренного в заговоре против Гитлера адмирала – яркой многогранной личности, тонкого интеллектуала, в течение многих лет совмещавшего карьеру блестящего военно-морского офицера и разведчика.

Это он сумел создать в период с 1935 по 1944 год широко разветвленную шпионскую сеть в странах Европы, Азии, Америки и Африки.

Это он заслужил даже у всесильного шефа Главного управления имперской безопасности Рейнгарда Гейдриха уважительное прозвище «старый лис», который в конце концов пришел на путь не столько борьбы, сколько проявления недовольства гитлеровским режимом.

Это он стал, в конце концов, объектом зависти со стороны гестаповских и эсэсовских высокопоставленных сотрудников.

Внешне, несмотря на свежесть лица, он выглядел старше своих лет из-за полностью седых волос. Из-за седины и его огромного опыта работы в разведке за Канарисом закрепились клички – «Седой старец», «Седой», «Белый мудрец».

Это можно было легко понять, потому что Канарис зрелостью

своих решений и эмоциональной сдержанностью производил впечатление мудрого, а потому всегда спокойного человека, что нередко раздражало Гитлера, отличавшегося холерическим темпераментом.

Для справки:

...

«Во второй половине воскресного дня 23 июля 1944 года Канарис был арестован штандартенфюрером Шелленбергом. Его вывезли и поместили в подвале большого административного здания гестапо на Принц-Альбрехтштрассе.

Потом из-за постоянных авиационных бомбежек Берлина и стремительного продвижения советских войск к германской столице заключенных перевезли в концентрационный лагерь Флоссенбюрг, над воротами которого было справедливо написано: «Оставь надежду…» Отсюда выйти живым мало кому удавалось».

Канарис попал в вышеупомянутый концентрационный лагерь 7 февраля 1945 года.

Этот лагерь был построен в небольшой долине, окруженной смешанным лесом, недалеко от городка Вейдена и вблизи старой государственной границы, разделяющей Баварию и Чехию.

В полночь с 8 на 9 апреля бывший глава военной разведки и контрразведки, вернувшись с допроса, длившегося много часов, рассказал своему соседу Лундингу:

...

«Это, я думаю, был мой последний допрос…

Я умираю за свое отечество, за свой многострадальный народ с чистой совестью. Вы как офицер

поймете, что я лишь выполнял свой долг перед отечеством, когда пытался противиться преступному безрассудству, с которым Гитлер ведет Германию к гибели.

Всё было напрасно, потому что теперь я знаю, что Германия погибнет, я знал это ещё с 1942 года».

Вот как описал канун казни Канариса немецкий писатель Карл Хайнц Абжаген в книге «Адмирал Канарис»:

...

«Около 6 часов утра в бункере началось оживление. Во дворе ещё было темно, но электрические лампы ярко освещали двор. Лундинг услышал, как его соседа вызвали и вывели из камеры. Перед камерой с Канариса сняли наручники и кандалы. Со звоном они упали на пол. Затем его повели по направлению к канцелярии. Многие другие заключенные были тоже туда приведены. Отчетливо были слышны грубые голоса и ругань эсэсовцев. Потом резко прозвучала команда: «Раздеться!»

Это был верный знак, что узников из канцелярии поведут на казнь, потому что эсэсовцы убивали своих жертв голыми».

9 апреля 1945 года после мучительных допросов, избиений и пыток адмирал Канарис – бывший шеф всемогущей военной разведки был повешен. Таким же образом там было совершено более 700 казней немцев, которые оказались вредными, а поэтому и не нужными агонизирующей власти.

Нацисты с удовольствием вешали своих преданных когда-то гитлеровскому режиму высокопоставленных клевретов. Правда, не минули этой позорной казни и сами палачи.

* * *

Вскоре после того, как войска Красной Армии освободили Люблин, диверсионно-разведывательный отряд, выросший из небольшой группы Зорича, стал оценивать свою деятельность для будущего доклада вышестоящему руководству.

Через некоторое время Центр потребовал эти данные. Они у разведчиков уже были готовы.

В Центр полетела шифровка с конкретными результатами зафронтовой работы. В ней говорилось, что в целом отрядом было ликвидировано более 700 гитлеровцев, уничтожено 30 танков, 20 автомашин с радиостанциями и обслугой, подорвано 12 фашистских эшелонов, 7 мостов, 8 складов с боеприпасами и горюче-смазочными материалами, разоблачены десятки фашистских наймитов – шпионов и провокаторов. И это кроме собранной и переданной в Центр ранее разведывательной информации.

Это был, пусть небольшой, «скромный», как часто говорил Зорич, но всё же вклад отряда в дело великой Победы над фашизмом.

* * *

Местные власти жестоко карали тех, кто посягал на жизнь любого подданного Третьего рейха. Выступая на заседании политических руководителей НСДАП в Кракове 15 января 1944 года, «хозяин» Польши Ганс Франк по этому вопросу сказал:

...

«…Я не постеснюсь заявить, что если будет убит один немец, то будет расстреляно до ста поляков…»

А на заседании правительства Франка в Кракове в это же время обсуждались «архиважные» вопросы:

1. Есть ли целесообразность проводить казнь по возможности там, где было совершено покушение на какого-либо немца,

2. Не является ли возможность организации особых мест для казни, так как установлено, что польское население стекается к доступным местам казни, набирает в сосуды пропитанную кровью землю и несет в церкви.

Реакцию немцев на похищение берлинского гауптмана долго не пришлось ждать. Высший руководитель СС и полиции на Востоке со штаб-квартирой в Кракове издал следующий приказ, копии которого разослал во все округа. В нем говорилось:

…

«Положение с обеспечением безопасности в генерал-губернаторстве ухудшилось настолько, что отныне следует применять самые решительные средства и принимать наистрожайшие меры против виновников покушений и саботажников не немецкой национальности.

Рейхсфюрер СС с согласия генерал-губернатора Франка приказал, что во всех случаях, когда совершены покушения или попытки покушения на немцев или когда саботажники разрушили жизненно важные сооружения, должны быть расстреляны не только схваченные виновники, но, кроме того, должны быть казнены также все родственники – мужчины, а родственники по женской линии – женщины и девушки старше 16 лет – направлены в концентрационный лагерь…»

Но партизаны не обращали внимания на грозные слова этого фашистского рескрипта – предупреждения, выдержками из которого были обклеены стены домов и заборы Люблина. Они горели бесстрашием – этим хладнокровием страха, которое ощущение близкой победы загоняло куда-то глубоко внутрь.

Народные мстители продолжали свое священное дело борьбы с фашизмом. Отряд имени Железняка настолько разросся, что в конце войны превратился в соединение.

Именно в этот период ощущался рост его активности и, конечно же, наступательный порыв. Летели под откос поезда,

подрывались на минах автомашины и бронетранспортеры, взрывались шахты, ликвидировались гитлеровские пособники и уничтожались полицейские, солдаты и офицеры вермахта в ходе проведения ими карательных экспедиций против партизан.

Уже никто не мог остановить, словно катящуюся с горы на огромной скорости многотонную снежную лавину, сметающую на своём пути любые препятствия, лавину всенародной мести за унижения человеческого достоинства, поругание родной земли и жестокость политики озверелого фашизма.

И наконец, пришла долгожданная победа для этих мест. Она пришла словно первая весенняя гроза, смывшая грязь нацистской нечисти и захламленность от пережитой суровой зимы под названием Оккупация.

Под натиском воинов Красной Армии и партизанских соединений, а также отрядов местной самообороны немецко-фашистские полчища были отброшены на запад. Вскоре наши войска очистили всю территорию Люблинского воеводства. На заседании штаба партизанского соединения имени Железняка было принято решение пройти победными колоннами – походным маршем через освобожденный город Томашув.

Бойцы, как могли, подготовились к этому торжественному, а потому радостному, мероприятию – почистили и отремонтировали обувь, одежду, личное оружие.

И прошли по центральной улице города – гордые, смелые, счастливые, с чувством исполненного воинского долга…

Давняя встреча

Не помню, кто-то сказал, есть музыка, которую понимают, которой наслаждаются только те, кто прошел большую половину своего жизненного пути. Это музыка, так сказать, внутренняя, умственная, и лишь одна душа схватывает её немые аккорды, – это музыка воспоминаний.

Как говорится в одном из любимых романсов Зорича, «это было недавно – это было давно…» – всё зависит, с каких позиций подходить к измерению пройденного пути. Для размера человеческой жизни – много, а для исторической эпохи – мало. Вот уж действительно: воспоминание – это род встречи!

Это было в далеком теперь уже 1965 году.

Во время учёбы на третьем курсе 1 факультета Высшей школы КГБ при СМ СССР по заданию редколлегии стенной газеты «Чекист» автора с коллегами по перу направили взять интервью у генерал-майора запаса Алексея Никитовича Асмолова – легендарного героя партизанской войны на территории Чехословакии. Сегодня это две суверенные страны – Чехия и Словакия.

В ту пору генерал жил в «сталинском» доме на Комсомольском проспекте Москвы почти напротив церкви св. Николая Угодника. Сегодня автор обитает по соседству с прежним домом генерала. К великому сожалению, ветерана уже нет с нами – он ушел из жизни 3 сентября 1981 года.

Как бы интересно было поговорить с ним с высоты нынешнего времени, увязав то, что автор услышал в Киеве от его собрата по оружию легендарного Зорича. Увы, как говорится, что имеем – не храним, потерявши – плачем. Но автор кое-что сохранил, как будто предчувствовал, что будет мысленно идти вместе с Зоричем его боевыми дорогами.

Он заглянул в свой дневник, который, к счастью, вел почти ежедневно в пору молодости, и нашел там две приклеенные черно-белые фотографии и следующую запись:

«11 декабря 1965 года.

По заданию редколлегии стенгазеты «Чекист» (автор тогда был её редактором. – *А.Т* .) я с друзьями-коллегами по перу и учебе отправились взять интервью у «генерала со «Львом». «Бородача». Так называли легендарного русского героя-партизана чехи и словаки – бывшего начальника Главного штаба партизанского движения в Словакии. Гитлеровцы, изводясь в ярости и злобе, из-за активных действий подопечных руководителя партизанским движением, прозвали его «черным

генералом», хотя он был тогда всего лишь только полковником.

Правительство ЧССР за помощь в поддержке Словацкого национального восстания наградило его высшим чехословацким орденом – «Золотым Львом».

Алексей Никитович Асмолов в дальнейшем руководил партизанскими отрядами и движением Сопротивления на территории Чехословакии.

Он пригласил нас в свой небольшой кабинет, превращенный в домашний музей – сувениры, награды, вымпелы, грамоты…

После интересного и многочасового рассказа о деятельности чекистских разведывательно-диверсионных групп и организованных вокруг них партизанских отрядов он показал нам фотоальбомы с запечатленными событиями тех лет. Генерал также остановился на подробностях Словацкого национального восстания.

Много мы узнали об участии перешедших на сторону патриотов воинов словацкой армии в борьбе против немецко-фашистских оккупантов и режима диктатора, марионетки нацистской Германии Йозефа Тиссо.

Говорили и о высоком подъеме патриотизма советских людей в годы военного лихолетья. Он связал его живучесть с достойным воспитанием в молодежных организациях: среди октябрят, пионерии и комсомолии.

– С детства он прививается, – заметил генерал, – а потом растет и делается с годами мудрее. Настоящий, живой патриотизм не тот, который суетится и чванится в торжественные минуты, а тот, который ежедневно и неутомимо заботится об общем благе. И самое главное, – не бахвалится этим качеством, не выставляет его напоказ.

А помните, как сказал по этому поводу Виктор Гюго, – чем дальше я продвигаюсь на моем жизненном пути, тем проще я становлюсь и тем большим патриотом всего человечества я себя чувствую.

Затем мы попросили его надеть мундир с орденами и медалями и сфотографироваться с нами. Он сначала отказывался, мол, не при форме я, а потом под нашим напором любезно согласился «сняться по пояс», так как брюки у него были цивильные. Мундир был очень тяжел от почетного металла…

Тогда я впервые увидел орден «Золотого Льва».

Все это повествование автор воспроизводит по дневниковой записи.

* * *

А теперь, как происходила встреча.

Предварительно позвонив и получив приглашение, мы в точно назначенное время прибыли к генералу – знали о его пунктуальности, да и сами этому учились в чекистском вузе. Нас встретил среднего роста, ещё не по годам крепкий, широкоплечий хозяин дома, одетый в черные идеально выглаженные «со стрелочками» брюки и белую рубашку. Черно-белый контраст в одежде придавал встрече элемент какой-то важности и торжественности.

Генерал провел нас в свой кабинет, превращенный в настоящий музей. Здесь стояли на полках, комодах, этажерках разнообразные сувениры, а на стенах висели картины, грамоты, фотографии и прочие памятные его сердцу предметы. В основном это были подарки от чехословацких друзей. Особенно мне понравился бронзовый макет танка «Т-34» – советской броневой грозы для фашистов. Его сделали рабочие одного из оборонных заводов Чехословакии. Кстати, уменьшенная копия боевой машины запечатлена на одной из фотографий.

Нас, естественно, интересовали события, связанные с его участием в минувшей войне, двадцатилетний юбилей Победы в которой мы отпраздновали недавно, получив первую правительственную награду – юбилейную медаль «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Почувствовав в нас искренних слушателей, хозяин дома собрался, оживился, и вот уже полился интересный рассказ:

...

«Вообще-то у меня военная косточка. Начинал я с чисто военной службы, а потом стал чекистом, кстати, военным контрразведчиком, и партизаном, и педагогом. С самого начала войны мне по поручению Военного совета Северо-Западного фронта приходилось заниматься организацией партизанской борьбы в тылу врага в полосе действий войск нашего фронта. У вас может возникнуть вопрос: почему?

Дело в том, что после окончания Военной академии имени Фрунзе в 1939 году я был направлен на работу

в органы НКВД. Война меня застала в Прибалтике в должности заместителя начальника Особого отдела Прибалтийского особого военного округа… Был «особистом», чему и вы посвятили свою жизнь. Гордитесь этой профессией – она нужная нашему государству.

Это было нелегкое время – войска с тяжелыми оборонительными боями отступали и отступали. Нужно было что-то делать, что-то срочно предпринимать. Ждали инициатив Москвы, но столица некоторое время, – несколько дней – молчала. Создавалось впечатление, что в Кремле наши руководители несколько подрастерялись.

И вот наконец появилась совместная директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 года. В ней указывалось на необходимость, помню до сих пор, как любимое стихотворение, слова «создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для взрывов мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов и т. д.

В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия».

Находясь во Пскове, 3 июля 1941 года я прослушал выступление Сталина с призывом немедленно организовывать партизанские отряды в занятых врагом районах. Знаете, выступление излучало энергию, направляло к действию и на меня сильно подействовало…

В составе управления Северо-Западного фронта срочно был создан партизанский отдел. Меня назначили его начальником с

непосредственным подчинением Военному совету фронта. И работа закипела…

Уже к 15 октября 1941 года в полосе действия фронта было создано 68 партизанских отрядов, но для них не хватало оружия, боеприпасов, обмундирования, достаточного количества продовольствия, а тем более фуража, отсутствовали средств радиосвязи и минно-взрывной техники.

Активно протекала работа по организации партизанских отрядов в Ленинградской, Новгородской, Псковской областях, на Валдае и в других местностях. Для борьбы с вражескими диверсантами – парашютистами создавались истребительные батальоны, которые со временем, после отхода наших войск, превращались в партизанские отряды, где спасалось местное население от угона в Германию…

Партизаны в известной мере дезорганизовали руководство боевыми действиями войск противника, затруднили подтягивание его пехотных частей к вырвавшимся вперед танковым дивизиям, мешали перегруппировке частей и соединений, доставке горючего, боеприпасов, уничтожали живую силу и военную технику врага. Действуя главным образом на коммуникациях рвущихся к Ленинграду немецко-фашистских войск, партизаны вносили значительную лепту в ослабление их наступательных возможностей.

Без преувеличения можно сказать, что партизаны помогли советским войскам остановить врага у стен Ленинграда.

В начале августа 1941 года командующий группой армий «Север» генерал-фельдмаршал Лееб вынужден был утвердить план, предусматривавший контрпартизанские меры в масштабе всей группы».

Хочется несколько слов сказать об этом довольно-таки посредственном и амбициозном командующем, вместе с тем отличавшемся смелостью и чувством собственного достоинства. Это о нем как-то фельдмаршал Зигмунд Вильгельм Лист заметил: «Попробуй фон Лееб хоть раз улыбнуться, у него наверняка бы треснуло лицо».

И действительно, генерал-фельдмаршал Вильгельм Йозеф Франц фон Лееб слыл суровым, замкнутым человеком, известным своими моральными принципами. Он был потомственным военным. Его войска приготовились уже к штурму города, как в самый последний момент вмешался Гитлер.

12 сентября 1941 года фюрер приказал Леебу не брать город с боем, а только окольцевать его блокадой, чтобы измором заставить воинов, местных жителей и власть капитулировать.

Это решение Гитлера стало одной из величайших его ошибок

за всю войну. В городе оказались блокированными тридцать советских дивизий. Фельдмаршал Лееб был в ужасе от непродуманного решения фюрера. К этому времени он уже открыто выражал свое недоумение – ему казалось, что Гитлер поставил своей целью погубить германскую армию. Очередное крупное советское наступление началось 7 января 1942 года. Группа армий «Север» оказалась под огнем одиннадцати советских армий. Им противостояли тридцать одна обескровленная дивизия Леeба. Его основная 16-я армия несла чудовищные потери главным образом от обморожения, что нередко приводило к ампутации ног у солдат. Из-за нехватки теплой одежды и одеял раненые замерзали в течение суток десятками, а то и сотнями на временных пунктах послеоперационной «реабилитации»…

16 января 1942 года терпение Леeба иссякло, и он попросил отстранить его от командования. Буквально на следующий день его сменил генерал-полковник фон Кюхлер.

Лееб вернулся на родину в Баварию и больше не участвовал ни в каких боевых операциях. В конце войны фельдмаршал был арестован союзниками. В октябре 1948 года семидесятидвухлетнего гитлеровского вояку суд приговорил к трем годам лишения свободы как второстепенного военного преступника. Выйдя из тюрьмы, фон Лееб удалился в город Хоэншвангау, находящийся недалеко от Мюнхена, живописно расположенный на лесистом холме меж двух озер: Альпзее и Шванзее со знаменитым замком – резиденцией короля Людвига Второго Баварского, в его родной Баварии, где и умер 29 апреля 1956 года. Ему было 79 лет.

Многие военные историки считают, что, будь у фельдмаршала развязанными руки, он с большой степенью вероятности ещё в сентябре 1941 года взял бы Ленинград…
Но прошедшее не признаёт сослагательного наклонения!

* * *

Запомнился автору (потому что записан в дневник) тогда один ответ генерала Асмолова на заданный вопрос о конкретной результативности партизан. Он рассказал такую историю. Партизаны, кроме известной «рельсовой войны», стали применять так называемые «огненные мешки» через использование всевозможных засад, ловушек, древесных эскарпов из спиленных и поваленных особым способом деревьев. Это давало ошеломляющий результат. Немцы больше всего боялись

окружения. Однажды, со слов Алексея Никитовича, к нему принесли несколько неотправленных писем, обнаруженных у убитых солдат и офицеров вермахта. Через переводчика прочли текст.

Первое письмо предназначалось матери погибшего в столицу Баварии – в город Мюнхен.

Автор неотправленного письма, в частности, писал, что россияне почему-то воюют не по правилам, без соблюдения международных конвенций, что страшную силу представляют лесные бандиты под названием – «партизанен». Не случайно его полк перебросили с фронта на уничтожение этих стремительно размножившихся «лесных тараканов», как он их называл в послании родительнице. На фронте противник – один, писал он, впереди, а здесь враг повсюду. Любой камень, любое дерево, любая яма может выстрелить, бросить гранату или обрушить удар кулаком по голове…

Во втором письме с адресатом в Берлин другой фашист бахвалился родителям, что русские города в начале кампании словно кегли падали к нашим ногам, а теперь «эти кегли-города» стоят, как примерзшие. Мужественно обороняются посёлки, деревни и хутора. Жаловался на славянский дурацкий климат с неимоверной «холодрыгой» и опять недобрыми словами вспоминал лесных разбойников – партизан. Этот немец уже называл их муравьями, которые могут обглодать до косточек и слона, сколько бы он их ни топтал и ни давил.

Сетовал, что им местное командование не выдаёт теплую одежду, без которой тут не повоюешь. Писал, что «в России очень трудно ориентироваться. Приходится шествовать, как по пустыне, из-за невообразимых просторов. Плывёшь и видишь одно и то же: холмы, поля, реки – реки, холмы, поля…

Дороги осенью превращаются в болота. Но однажды утром всё вдруг замёрзло. Температура упала почти до минус сорока градусов. Танки наши встали, смазка в подшипниках и топливо в двигателях загустели так, что боевые машины нельзя было не то что завести, а сдвинуть тягачом с места. Сама природа нас разоружила.

И ещё – одно из главных заклинаний у русских – убей фрица!

Везде я видел листовки с этим призывом к совести: «Убей фрица! Убей фрица! Убей фрица!»

Мне порой, кажется, что сам лес кричит им об этом и требует от каждого дерева, от каждой ветки, от каждого пенька, чтобы они выстрелили по нас…»

На вопрос, как генерал оказался в Чехословакии, Асмолов ответил, что к осени 1944 года бурные события назревали в

Словакии.

...

«Войска 1-го Украинского фронта, завершив Львовско-Сандомирскую операцию и захватив важный плацдарм на Висле, нацелились на берлинское стратегическое направление, а левым крылом совместно с войсками 4-го Украинского фронта вели бои в предгорьях Карпат…

Вспоминая события тех дней, следует заметить, что характерными особенностями Словацкого восстания, о котором было объявлено по радио из Банска-Быстрицы 29 августа 1944 года, были, с одной стороны, активные действия партизанских отрядов и диверсионно-парашютных групп, заброшенных штабами партизанского движения, а с другой – быстрый рост и активизация местных партизан.

Главный штаб восстания находился в Банска-Быстрице. Его чехи и словаки с любовью называли «партизанское велительство».

Численность и боеспособность и тех, и других возрастала так быстро, что их даже не всегда можно было должным образом вооружить. Армия «словацкого государства» с предателем Тиссо разлагалась на глазах, поэтому гитлеровцы, понимая опасность прорыва фронта с этой стороны, стали «накачивать» своими войсками братиславского сателлита. Германское командование бросило против повстанцев 8 дивизий, в том

числе бронетанковые части. Но сопротивление народа не ослабевало. Словацкие и чешские трудящиеся знали, что у них есть верный и надежный друг – Советский Союз, который никогда не оставит их в беде.

Первые советские десанты были переброшены через фронт ещё в июле 1944 года. Рабочие и крестьяне – все патриоты с чувством искренней дружбы и братской любви принимали советских парашютистов-партизан.

Всего в Словакию было послано 24 партизанские группы, в составе которых находилось несколько сот человек. Это дало в условиях благоприятно сложившейся обстановки большой эффект».

* * *

Алексей Никитович, будучи по природе скромным человеком, мало говорил о своей роли в оказании помощи восставшим словакам. Он больше касался военно-политической обстановки, боевых действий армейских частей и партизан, называл фамилии отдельных советских и чехословацких патриотов и их конкретные дела. Об этом периоде борьбы народных мстителей в горах Словакии он посоветовал почитать тогда в только что вышедшей книге Бориса Тартаковского «Смерть и жизнь рядом».

В заключение интересной встречи мы попросили «генерала со «Львом» сфотографироваться с нами при «форме». Он долго не соглашался, но гости своей молодой напористостью и журналистской «приставучестью» вынудили его «переоблачиться», что и запечатлели на фотографии…

Автору очень хотелось как можно быстрее ознакомиться с рекомендованной генералом книгой. В художественной библиотеке Высшей школы КГБ, что в то время располагалась в начале Ленинградского проспекта у станции метро «Белорусская», к его приятному удивлению, он нашел это произведение. Прочитал залпом, ещё не зная, что эта книга окажется своеобразным историческим мостиком между Алексеем

Асмоловым и Александром Святогоровым, да ещё через столько лет. Прошло ведь полстолетия!!! Ужасно, как быстро пролетел такой кусище времени. Вот что и как писал в предисловии к этой книги Бориса Тартаковского Алексей Никитович, подписавши его – «Генерал-майор А. Н. Асмолов, бывший начальник Главного штаба партизанского движения в Словакии», об Александре Пантелеймоновиче Святогорове – майоре Зориче:

...

«На рассвете 17 октября 1944 года со стороны Карпат появился самолет. Его уже с полуночи ожидали на аэродроме «Три дуба» близ Банска-Быстрицы. В самолете находилась десантная группа майора Зорича. Эта группа впоследствии явилась ядром советско-словацкого партизанского отряда, который после сформирования прорвался в тыл немецких войск, наступавших на освобожденный район, и развернул боевые операции на вражеских коммуникациях в районе Братиславы.

Я хорошо помню Зорича. Среднего роста, с хорошей выправкой, подвижный и ловкий, он производил впечатление опытного, волевого и отважного человека. В то же время он проявлял большую предусмотрительность и осторожность. Он пришел ко мне в пилотке и сером, видавшем виды плаще.

Хотя предыдущая ночь была опасной, на худощавом лице майора не было заметно следов усталости и возбуждения. Черные усы явно старили его, и я спросил, сколько майору лет.

– Тридцать один, товарищ полковник, – охотно ответил он. – Самый старый в группе. А так все

молодежь, комсомолия.

Он начал говорить о своих товарищах, и видно было, что он знаком не только с анкетными данными своих людей…

С некоторыми из них он уже делил тяготы военной жизни, партизанил в польских лесах, куда был сброшен с парашютным десантом. В группе Зорича были представители многих национальностей, люди разных профессий…

Отряд майора Зорича, как и другие партизанские отряды и соединения, действовавшие в Словакии, нанес противнику немалый урон. Партизаны разгромили 4 немецких воинских штаба, взорвали железнодорожный мост, сожгли 4 склада с боеприпасами и горюче-смазочными материалами, уничтожили 2 паровоза и 31 железнодорожный вагон, 29 автомашин и 5 немецких полевых радиостанций.

Взяли в плен 54 солдата и 18 офицеров, уничтожили в боях около 400 немецких солдат и офицеров. Разведчики отряда разоблачили 10 шпионов и 8 тайных агентов гестапо.

Среди трофеев Зорича – 47 подвод с боеприпасами, 89 лошадей, 3 зенитных орудия, 7 пулеметов и многое другое…»

Встреча с генералом Алексеем Никитовичем Асмоловым, человеком скромным, мужественным с высоким накалом не выказываемого в пышных возгласах и фразах патриотического чувства, осталась для автора памятной на всю жизнь. В оценке привязанности к слову «родность» он исходил, по всей видимости, из бердяевского постулата о том, что любовь к своему народу должна быть творческой любовью, творческим

инстинктом. И менее всего она, эта родность, означает вражду и ненависть к другим народам.

Доказательством того может служить отданные Алексеем Никитовичем лучшие годы и здоровье служению Родине, поделенному на помощь славянским соседям – словакам в освобождении их земли от коричневой чумы.

Карпатско-Дуклинская операция

В летней кампании 1944 года войска Красной Армии развернули на широком фронте активные наступательные действия, и к осени почти вся территория Советского Союза была освобождена от немецко-фашистских захватчиков. Советские войска 1-го Украинского фронта к концу августа 1944 года вышли к предгорьям Карпат, успешно завершив Львовско-Сандомирскую операцию, захватив важный плацдарм на Висле, нацеливаясь на берлинское стратегическое направление.

Войска же 4-го Украинского фронта своим левым крылом вели изматывающие бои в Карпатах. Личный состав был сильно утомлен после отражения танковых контратак противника на львовско-сандомирском плацдарме. Пауза в боевых действиях для войск была крайне необходима. Она вытекала из необходимости подтянуть тыловые части и подразделения, наладить работу фронтовых коммуникаций, подвести боеприпасы, горюче-смазочные материалы, продовольствие, снабдить войска боевой техникой и подготовить их к завершающей фазе Великой Отечественной войны.

Однако обстановка сложилась так, что войскам 1-го Украинского фронта надо было принять срочные меры по оказанию помощи национальному вооруженному восстанию словацкого народа, начавшемуся 29 августа 1944 года. Немцы, как обороняющая сторона, занимали господствующие высоты в горах, что вызывало затруднения.

По мнению командующего фронтом И. С. Конева, лобовые атаки могли начаться только при крайней необходимости и соответствующей подготовке, когда никакого пути обхода позиций противника не было. Советских воинов ждали с нетерпением восставшие словаки. О тех события подробно и объективно изложено в книге Густава Гусака «Свидетельство о Словацком национальном восстании».

На просьбу словацких товарищей советская сторона сразу же по-деловому откликнулась. Москва оперативно переправила воздушным путем 24 организаторские группы, в составе которых находилось несколько сот профессионалов разведчиков-диверсантов для организации массового партизанского движения.

Вскоре они, эти группы, переросли в настоящие партизанские отряды и даже соединения. Оккупация Словакии, по просьбе диктатора Тиссо, вызвала гнев и возмущение самых широких слоев населения. К ним примкнули некоторые патриотично настроенные словацкие воинские части. План восстания был

разработан Военным центром. Основной проблемой восставших являлось отсутствие тесного взаимодействия между воинскими подразделениями и партизанскими отрядами, а также не было, из-за недоговоренностей с Москвой, четкой координации действий с Красной Армией, которая ещё только подходила к Словакии, ведя тяжелые бои с ещё сильным и яростно обороняющимся противником.

Для объединения действий партизанских сил 16 сентября 1944 года был создан Главный штаб партизанского движения Словакии. В состав штаба вошли К. Шмидке (начальник штаба), Р. Сланский (от ЦК КПЧ), полковник А. Н. Асмолов, переброшенный из штаба партизанского движения Украины в качестве заместителя начальника штаба.

И уже к середине сентября на освобожденной территории была образована повстанческая армия, которую возглавил коллективный орган – Военный центр. Но у восставших не хватало оружия и боеприпасов, поэтому их взоры были обращены в сторону российского друга, каким для них являлся Советский Союз. Несмотря на тяжелый период – враг яростно сопротивлялся в предчувствии своей гибели, – советская сторона помогала чем могла своим славянским братьям.

* * *

2 сентября 1944 года в письме начальник чехословацкой военной миссии в Советском Союзе писал уполномоченному СНК СССР по иностранным военным формированиям на территории нашей страны:

...

«С радостным волнением встретил я известие об историческом решении Советского правительства оказать помощь чехословацким войскам и партизанам, борющимся в решительном бою против банд германских оккупантов и против фашистского, квислинговского словацкого правительства… выражаю Вам глубокую

благодарность за братскую помощь в самый важный момент. Наиболее настоятельная потребность выявляется в противотанковом оружии, автоматах и пулеметах и в зенитном оружии. Прошу доставить следующие виды оружия: автоматов – 1000, противотанковых ружей – 300, зенитных пулемётов – 50, легких пулеметов – 300, тяжелых пулеметов – 100.

Употреблению советского оружия обучат словацких бойцов чехословацкие воины и партизаны из СССР… С каждым видом оружия надо доставить три боекомплекта боеприпасов. Кроме того, имеется настоятельная потребность в 1000 кг взрывчатки с соответствующими запалами.

Дальше: 1000 противотанковых мин, 20 радиостанций. Весь материал может быть доставлен на аэродром «Три дуба» в 7 км на север от города Эволен.

Аэродром будет во время прибытия самолетов освещен в виде буквы «Т» в направлении приземления. Самолеты могут на аэродром приземлиться, их будут ожидать. Аэродром удерживается крепко в наших руках…»

Эта безвозмездная помощь была скоро оказана словацким повстанцам. В этот же период из вражеского тыла в штаб 1-го Украинского фронта прибыл на самолете командир партизанского соединения имени Чапаева В. И. Ягунов и доложил оперативную обстановку в Восточной Словакии руководству фронта – Коневу, Крайнюкову и Соколовскому.

2 сентября 1944 года Ставка Верховного Главнокомандования, рассмотрев предложения командующего 1-м Украинским фронтом и одобрив их, отдала директиву:

«Командующему 1-м Украинским фронтом. В связи с

активизацией партизанского движения в Словакии и развертыванием вооруженной борьбы отдельных регулярных частей и соединений Словацкой армии против немецких захватчиков Верховный Главнокомандующий приказал…»

Дальше шел перечень мероприятий, состоящий из 4 пунктов, о подготовке и проведении операции на стыке 1-го и 4-го Украинских фронтов Красной Армии. Директиву подписал генерал армии Антонов 2 сентября 1944 года в 18.00.

В операции участвовали 38-я армия в составе шести стрелковых дивизий, усиленная 17-й артиллерийской дивизией прорыва, двумя танковыми бригадами (70 танков), 1-м гвардейским кавалерийским корпусом, двумя бригадами РС М-31, двумя полками РС М-13 и 1-м Чехословацким корпусом.

В тот же день Ставка отправила директиву и командованию 4-го Украинского фронта с задачей 8 сентября организовать наступление на красно-дуклинском направлении правым флангом 1-й гвардейской армии и выйти на границу Словакии, где соединиться со словацкими войсками и партизанами, ведущими борьбу с фашистами. Приказывалось свои действия согласовать с действиями 38-й армии 1-го Украинского фронта.

* * *

На этом направлении фашисты сосредоточили большие силы:

– 1-ю танковую армию под командованием опытного генерала Хейнрици,

– 545, 208-ю и 68-ю пехотные дивизии,

– учебный батальон резервного главнокомандования,

– 1004-й охранный батальон,

– усиленную роту 611-го охранного полка

– и батальон 96-й пехотной дивизии.

На преодоление Карпатского хребта нашим войскам отводилось трое, максимум – четверо суток с последующим соединением со словацкими войсками и партизанами. Основная задача для прорыва первого дня обороны противника ложилась на плечи воинов 38-й армии.

Гигантская пружина войны на этом участке сжалась до предела. Обе стороны сосредоточили массу оружия. Гитлер понимал, что это одно из главных сражений сорок четвертого года.

А пока на передовой царила непривычная, обманчивая тишина. Окопы, отороченные колючей проволокой, будто вымерли, и только в глубине тыловых порядков за молодым

сосняком пробивались и таяли едва заметные сиреневые дымки полевых кухонь. Казалось, что стороны по взаимной договоренности взяли передышку, и лишь изредка зловещее безмолвие прерывал хлесткий звук одиночного выстрела снайпера, и раскатистое эхо ещё долго потом гуляло по каньонам и напоминало о затаившейся среди холодных и равнодушных горных хребтов её величестве госпоже Смерти.

Та и другая стороны устали, но всё равно знали, что день противоборства, час атаки непременно наступит.

И этот день наступил!

Утро 8 сентября выдалось солнечным, поэтому после более чем двухчасовой авиационной и артиллерийской подготовки воины армии, 25-го танкового корпуса, 1-го гвардейского кавалерийского корпуса и 1-го Чехословацкого армейского корпуса, воодушевленные тем, что идут на выручку восставшим словакам, дружно пошли в атаку. Атакующий порыв, и они уже углубились на 14 километров в глубь вражеской обороны. Гитлеровцы, достаточно умело используя преимущества гористой местности, оборонялись ожесточенно, нередко переходя в контратаки. Но силовой поршень доблестных советских воинов неумолимо двигался вперед, выдавливая постоянно перегруппирующиеся части и подразделения вермахта…

Бои были ожесточенными, о чем красноречиво свидетельствовали многочисленные щербатые выбоины на каменных отрогах и скалах и большие воронки от разорвавшихся снарядов и бомб на мягкой земле.

11 сентября в район Дуклинского перевала противник срочно перебросил к участку прорыва главные силы 8-й танковой дивизии, 101-ю горнострелковую, 544-ю и 78-ю пехотные дивизии. Они пришли на помощь обороняющимся войскам 357-й пехотной дивизии. Завязались жесточайшие бои – противник понимал, что взятие Дуклы – это открытие шлагбаума на стержневые европейские столицы – Берлин, Будапешт и Вену.

Большой переполох в стане врага произвели глубокие рейды в его тылы 1-го гвардейского кавалерийского корпуса, 5-го и 6-го гвардейских кавалерийских полков. Правда, войска 1-го гвардейского кавкорпуса чуть было не попали в танковое окружение, но с боями вышли на соединение с частями 38-й армии. Кавалеристам приходилось даже сражаться в яростных рукопашных схватках с горными стрелками из батальонов «Эдельвейс».

Победоносное наступление наших войск в Словакию встревожило эмигрантское чехословацкое правительство Бенеша в Лондоне. Министр иностранных дел этого правительства

Я. Масарик в связи с успешными событиями наших войск на фронте телеграфировал в Москву своему послу З. Фирлингеру:

...

«Президент Бенеш от своего имени и я от имени министерства иностранных дел и национальной обороны просим телеграфировать, кто ходатайствовал, чтобы русские предпринимали карпатское наступление. Если это случилось в Москве, я снимаю с себя всякую ответственность».

Получалось так, что «лондонские сидельцы» не желали наступления нашей 38-й армии и 1-го Чехословацкого корпуса и выхода их на территорию Словакии. Они не хотели, чтобы Красная Армия способствовала успеху Словацкого национального восстания. Для них Словакия была неотъемлемой частью Чехии, и только они, по их разумению, не воюя, а отсиживаясь в теплых кабинетах британской столицы, могли распоряжаться судьбами своего воюющего на родной земле народа.

* * *

Тяжелые и затяжные бои шли с переменным успехом по преодолению отрогов Дуклинского хребта. Особенно тяжело было наступать на перевале танкистам, пробираясь через горные проходы, теснины и дефиле. К этому времени войска Красной Армии стали ощущать нехватку бензина и дизельного топлива – солярки. Не случайно командующий фронтом Иван Степанович Конев отправил в Ставку Верховного Главнокомандования шифротелеграмму такого содержания:

...

«Операция 38-й армии принимает напряженный характер. Перед армией действует свыше пяти пехотных дивизий, три танковые дивизии с общим количеством до 200 танков и

самоходных орудий. Действия нашей авиации ограничены из-за отсутствия горючего. Отпущенный лимит 20 тыс. тонн полностью израсходован. В связи с этим прошу отпустить фронту 30 тыс. тонн дополнительно».

Вскоре этот вопрос Ставкой был оперативно решен. Наступление наших войск приковывало к действиям в Карпатах всё большие силы противника, что лишало его возможности обрушить всю свою мощь на борьбу со словацкими повстанцами. И всё же после того, как частями и соединениями 38-й армии генерал-полковника К. С. Москаленко, 1-го и войсками 4-го Украинских фронтов были взломаны первая и вторая оборонительные полосы противника, перед ними встала ещё более сложная задача – прорвать оборону линии Арпада, сооруженную на каменистых утесах Главного Карпатского хребта.

Выполнять её надо было ускоренными темпами, не дав противнику дополнительно подтянуть свежие силы и закрепиться на хорошо укрепленной системе мощных долговременных сооружений.

6 октября воины 1-го Чехословацкого армейского корпуса генерала Людвига Свободы, 67-го стрелкового и 31-го танкового корпусов 38-й армии полностью перешли в наступление и овладели Дуклинским перевалом. Чехословацкий корпус вступил на землю своей родины. С тех пор дата 6 октября отмечалась как национальный праздник – день создания Чехословацкой народной армии.

Именно в этот день Людвиг Свобода отправил письмо Коневу, в котором писал:

«Командующему 1-м Украинским фронтом Маршалу Советского Союза И. С. Коневу.

В исторический момент перехода границы Чехословацкой республики примите, господин маршал, пламенный боевой привет от всех офицеров, унтер-офицеров и солдат 1-го чехословацкого армейского корпуса в СССР. Мы счастливы, что в составе войск 1-го Украинского фронта под Вашим командованием мы первые из состава чехословацкой заграничной армии вступили на родную землю. Мы вступили на родину плечом к плечу со славными воинами Красной Армии, которых наши народы встретили как освободителей от ненавистного фашистского ига…

Чехословацкий народ вечно будет чтить память тех, кто отдал

свою жизнь за его свободу, за счастье его сынов».

Потом он в одной беседе скажет, что мы были сильны одной мыслью – не столько нуждались в помощи друзей, сколько в уверенности, что эту помощь мы обязательно получим. В этом правда того времени…

* * *

В память о победе на Дуклинском перевале, где гремели ожесточенные бои, поставлен монумент из серого камня. Следует напомнить, что эти места помнят ещё храбрость сражавшихся русских воинов в предательски проигранной Первой мировой войне. Здесь сражались и два предка автора казаки – дед по отцовской линии – рядовой Петр и его родной брат поручик Павел Терещенко.

Карпатско-Дуклинская операция проводилась в то время, когда Красная Армия завершала изгнание гитлеровцев за пределы нашей Родины. Она ознаменовала собой начало борьбы за равноправие чешского и словацкого народов, воины которых вместе сражались в рядах армейских частей и партизанских отрядов.

В Карпатско-Дуклинской операции на фронте 50–60 километров в полосе только 38-й армии 1-го Украинского фронта в сражениях с обеих сторон участвовало 30 дивизий, до 4000 орудий, свыше 500 танков и около 1000 самолетов. Подобной концентрации войск в горных условиях не было за всю историю войн в мире.

События осени 1944 года заложили, казалось бы, прочный фундамент послевоенного сотрудничества и дружбы наших народов. Но по злой воле политиканствующих недальновидных партийных бонз народы Чехии, Словакии и России оказались к концу XX века по разные стороны политических баррикад. Но это приметы уже сегодняшнего смутного времени. И Чехия, и Словакия в Евросоюзе и в военно-политическом блоке НАТО, а Советский Союз – победитель во Второй мировой войне, оказался побежденным теми же политиканами-предателями в ходе Третьей – холодной войны.

Красная Империя – мощнейшая сверхдержава развалилась не сама, как сегодня утверждают псевдоисторики, её развалили сверху, а народ тупо промолчал, поздно выстрелив по чиновникам-ренегатам результатом референдума 17 марта 1991 года. Но поезд единой страны летел уже без тормозов. Он мчался к рельсам, разобранным горбачевской «перестройкой». Именно

так не стало великой страны, которую можно было поставить на новые рельсы и заставить работать в условиях с разными формами собственности и рынка.

Скоро от неё убежали бывшие страны – участницы Варшавского договора и союзные республики, ставшие самостоятельными суверенными государствами. Россия сегодня одна – в «гордом одиночестве». Она в настоящее время, как Иисус Христос, несущий свой крест на Голгофу. Высокому московскому чиновничеству пора понять, что РФ не СССР, а отсюда и соответствующее выстраивание внешней политики с вчерашними союзными республиками, ставшими суверенными государствами.

Получается, что последнее руководство СССР и недавнее – России проиграло холодную войну по всем статьям, оставшись без союзников. Это страшно с учетом всё утверждающегося «нового мирового порядка» США в однополярном мире с «золотым миллиардом» правящего класса.

Он, «золотой миллиард», представляет собой особую интернациональную расу господ, обладающих иной моралью и иными правами, нежели «побежденные». Как всё это похоже на ту политику Берлина 30 – 40-х годов, с которой боролись наши отцы и деды. Нацисты тоже мечтали о тысячелетнем рейхе и своем «новом порядке» с уничтожением неарийских – лишних ртов из числа «неполноценных наций». Славяне и христиане были в их числе.

Сегодня хозяева мира, игнорируя положения международного права, вольны решать, какого снимать лидера нации, а какого пощадить, какую страну бомбить, а какую попугать. Прикрываясь фиговым листком продавленных решений ООН, руководители США и стран НАТО считают справедливым вмешиваться во внутренние дела суверенных стран. Только за последнее время Запад показал свою «миротворческую» сущность с большой кровью в Афганистане, Ираке, Югославии, Египте и Ливии… Кто дальше на очереди – Сирия или Иран? А может, Россия?

Если раньше «люди гибли за металл», то сегодня всех интересуют нефтяные и газовые скважины. Любая страна, имеющая большие запасы энергоресурсов, например Иран, Сирия, Венесуэла, Нигерия и другие, кандидат на свержение власти. Для того чтобы американская и евросоюзовская экономики успешно работали, им нужны дешевые нефть и газ. Их правительства, особенно США, готовы вести даже открытые войны, чтобы эти энергоресурсы получить. А дальше будут превращать порабощенные страны в Ирак с образованием марионеточного правительства, которое ради своей личной наживы отдаст на откуп золотую землю нефтегазовым компаниям.

Сегодня вокруг скважин разгораются битвы не на жизнь, а на смерть. Поэтому, чтобы Россия не оказалась в этом списке, ей нужна армия нового типа – небольшая, но обладающая таким оружием, что супостату мало не покажется. Вот к чему надо стремиться современному ВПК. Но у нас уже двадцать лет – бег на месте! Мы мечемся, потому что не знаем, как строить крепкое государство. А оно предполагает развитую и работающую промышленность. Высокий уровень благосостояния народа. Уважаемую армию и флот. Честную выборную и судебную систему с четко выстроенной национальной политикой.

Мы же годами жуем жвачку, бросаемую нам с барского стола чиновниками в виде обещаний красивой жизни. Но она, как мираж в пустыне, всё отодвигается и отодвигается по мере приближения к ней.

Народ с умными людьми вкупе криком кричит – верните домой деньги двух фондов, лежащие и обесценивающиеся в США, и вбросьте в развитие собственной страны. В ответ слышится – их разворуют. Так для чего же власть?

Это так – наболело!

Что же касается разведывательно-диверсионной группы Зорича, то её деятельность в получении разведывательной информации и совершении диверсионно-террористических акций внесла и свой вклад в дело оказания помощи нашим войскам в ходе проведения Карпатско-Дуклинской операции, о чем будет сказано в последующих главах книги.

Отряд «Зарубежные»

Во второй половине сорок четвертого года в связи с победоносным продвижением советских фронтов на запад серьёзные изменения произошли во внутриполитической обстановке в Чехословакии, Венгрии, Польше и других странах, оккупированных немцами.

Красная Армии, получившая солидный опыт в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, выстоявшая в тяжелейших сражениях против, наверное, самой сильной армии того времени – вермахта, уверенно теснила неприятеля, словно загоняла свирепого зверя в своё логово, чтобы там, откуда пришел он, покончить с ним раз и навсегда.

Советских воинов с нетерпением и надеждой ждали народы Европы, томившиеся под гнетом гитлеровских оккупантов. Это сегодня их несправедливо и подло называют оккупантами.

Одно из тягчайших преступлений фашизма против человечества – установленный им в захваченных странах так называемый «новый порядок». Это был режим жесточайшего террора с массовым истреблением людей. Гитлеровские изверги создали целую сеть чудовищных «фабрик смерти» – концентрационных лагерей с газовыми камерами, крематориями и другими страшными орудиями уничтожения: Бухенвальд, Дахау, Майданек, Освенцим, Заксенхаузен и многие другие, в которых варварски умертвили десятки миллионов человек, в их числе большинство советских граждан, а также поляков, евреев, чехов и словаков, немцев-антифашистов, узников из других стран Европы.

Советские воины, очистив от врага свою Родину, спешили на помощь угнетенным народам, поднявшимся на борьбу за свое освобождение. А то, что процессы сопротивления местного населения врагу в этих странах будут усиливаться, было очевидным…

Да и сам Гитлер это прекрасно понимал, поэтому для защиты территории Третьего рейха, просуществовавшего чуть более десяти лет, а рассчитывавшего на тысячелетия, он делал всё, чтобы остановить советские войска, двигающиеся в сторону Чехословакии. Он то и дело дергал своих генералов и фельдмаршалов и требовал, требовал, требовал активизации сопротивления, что вызывало у многих скрытое недовольство Гитлером.

Это был уже не тот говорливо-суетливый трибун, извергающий водопад славословий своему созданному и

выпестованному им режиму и проклятий в сторону вероятного противника, каким он казался многим немцам в канун прихода к власти и перед войной. В конце войны это была уже его размытая тень.

По воспоминаниям его современников, физически он производил впечатление разбитого и сломленного человека: с большими отеками на лице, сгорбленный, бессильный и нервозный. Лицо приобрело землистый цвет. Руки постоянно дрожали. На узких и покатых плечах исхудавшего тела фюрера его излюбленный пиджак болтался как что-то подобное на чучеле. Умом он понимал – конец с возмездием неизбежно скоро наступят, но вера в Провидение, подогреваемая холуями типа Бормана, Геббельса и Кейтеля, ещё теплилась в его сумеречном сознании.

* * *

Если о Варшавском восстании и югославских партизанах большинство наших современников хотя бы что-то слышало, то о событиях в Словакии сейчас знают в основном те, кто целенаправленно интересуется историей Второй мировой войны, а жаль, так как словацкое движение Сопротивления заслуживает не меньшего внимания и исторического уважения.

Известно, что Чехословакия как государство было ликвидировано Гитлером в марте 1939 года. Бывший президент Чехословакии Э. Бенеш ещё в 1938 году передал свои полномочия президенту Э. Гахе, а сам с семейством и близкими чиновниками эмигрировал в Англию, где создал новое правительство в эмиграции, которое было признано союзниками, а затем и руководством СССР. Это правительство вело активную пропагандистскую работу по восстановлению Чехословацкого государства, существовавшего до мюнхенского сговора западных держав с Гитлером.

Руководство же Третьего рейха в лице фюрера приняло решение создать самостоятельное Словацкое государство, а остальную часть единой страны превратить в протектораты.

Когда в марте 1939 года гитлеровцы оккупировали Прагу, в Словакии возник марионеточный фашистский режим клики Йозефа Тиссо – ярого приверженца гитлеровской модели государственного устройства. Его диктатура в целом копировала другие подобные режимы, но с одним дополнением: она носила клерикально-католический характер. В католической Словакии

преследовали коммунистов, социалистов, цыган, евреев и религиозные меньшинства – протестантов, лютеран и православных. Ещё одними врагами были объявлены… чехи, в которых «тиссовцы» видели агентов «пражского централизма», желающих якобы одного – колонизировать словаков.

В государстве Тиссо были все атрибуты государства: министерство иностранных дел, министерство внутренних дел, органы государственной безопасности, полицейские подразделения, части и соединения Словацкой армии (СА) и другие институты суверенной страны. Создание последнего института – СА было непростительной ошибкой диктатора, своеобразной миной замедленного действия, которая со временем взорвалась.

После нападения гитлеровцев на Советский Союз словацкие части сразу же были направлены наряду с итальянскими, финскими, румынскими, венгерскими и прочими «союзническими» частями на оккупированную немцами территорию СССР.

Если последние вели себя так, как того хотели от них фашисты – порой активнейшим образом участвовали в боевых действиях, то братиславские посланцы на стороне Гитлера воевать по-настоящему не желали – не хотели превращать свои судьбы в пушечное мясо. Поэтому отмечались нередко случаи, когда целые словацкие части переходили на сторону Красной Армии. Те, кто до фронта не добирался, уходили в отряды местных и советских партизан, где с оружием в руках воевали против нацистов и своих коллаборационистов.

* * *

А в самой Словакии антифашистски настроенные офицеры ратовали за организацию восстания, хотя военные, входившие в состав руководящего ядра восстания, ориентировались на позицию и указания эмигрантского правительства Бенеша, находившегося, как известно, в столице Великобритании.

В то время Кремль имел лишь куцую информацию о состоянии дел в Словакии, которой её снабжало правительство Бенеша через своего посла в Москве Фирлингера и руководителя военной миссии генерала Пика. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что отношение Сталина в то время к Бенешу и его правительству было положительным. Оно резко отличалось от отношения к польскому и югославскому эмигрантским правительствам, находившимся тоже

в Лондоне.

12 декабря 1943 года Бенеш приезжал в Москву, встречался со Сталиным. Он подписал договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между Чехословакией и СССР.

А 11 апреля 1944 года Бенеш прислал Сталину трогательную телеграмму. Она была такого содержания:

...

«В момент, когда победоносная Красная Армия, а с ней и Чехословацкая Бригада достигли границ нашей республики, посылаю Вам, как Верховному Главнокомандующему и представителю народов Советского Союза, от имени нашего народа, Чехословацкого правительства и себя лично самые сердечные поздравления.

Красная Армия, вступая сегодня на землю нашей родины, одерживает новую большую победу над нашим общим врагом и приносит нашему народу свободу и надежду на счастье и безопасность в будущем.

В эту историческую минуту вспоминаю не только о нашей обоюдной дружбе в прошлом, скрепленной вновь моей последней поездкой в Москву и подписанием нашего нового договора, но испытываю чувство радости и в предвидении нашего будущего сотрудничества для дела обеспечения европейского мира совместно с другими союзниками и к благу обоих наших государств.

Наши совместные испытания и теперешняя наша совместная борьба гарантируют постоянство нашего союза как на сегодняшний день, так и для всего нашего будущего.

Горячо и с благодарностью

приветствуем части Красной Армии, вступающие совместно с чехословацкими солдатами на землю нашей дорогой родины.

Доктор Эдуард Бенеш. 11 апреля 1944 г. Лондон

».

Хорошо воевать, как говорится о таких людях, глядя на бой или сражение со стороны. Видимо, Бенеш надеялся получить из рук Красной Армии уже освобожденную территорию Чехословакии, где он мог управлять по своему усмотрению, ожидая, пока освободят красные воины другую часть своего государства – Словакию. Он считал, что никакой словацкой народности не существовало и не существует. Словаки, мол, являются частью, разновидностью чешской нации, поэтому нет нужды ни обсуждать этот вопрос, ни тем более говорить о какой-то самостоятельности словаков.

В Москве же на эту проблему, мягко говоря, смотрели несколько иначе. Выжидательная политика Бенеша по отношению к Словацкому восстанию привела к тому, что оно было очаговым. Массового выступления народа не получилось, потому что оно не было должным образом подготовлено. Оно вспыхнуло стихийно, что в конечной мере определило его трагическую судьбу.

* * *

Центром заговора против диктатора Тиссо, как и в Германии, стал штаб командования войск тыла. В Германии эти войска назывались – войска резерва. Роль словацкого полковника Клауса Шенка фон Штауффенберга взял на себя подполковник Ян Голиан. Такой расклад сил уже таил большую опасность для нацистов.

Да и сам суетливо-трусливый Тиссо, заподозрив что-то «неладное в своем королевстве», 12 августа 1944 года объявил Словакию на военном положении. В ответ на эту авантюру диктатора уже к двадцатым числам августа стали активно множиться партизанские отряды. Заволновались армейские части. Целые гарнизоны переходили на сторону повстанцев и уходили вместе с ними в горы.

29 августа Тиссо попросил помощи у Гитлера и пригласил немецкие войска для «разряжения обстановки». В тот же день министр обороны Словакии Фердинанд Чатлош громогласно

объявил об этом стране по радио.

А в начале октября 1944 года на помощь немцам в Словакию перемещается в полном составе 14-я Ваффен СС дивизия «Галичина». Уже переформированное соединение галицийских эсэсовцев после Бродовского котла пришло на помощь нацистам с целью расправиться с восставшим словацким народом. В Словакии галицийской дивизии была подчинена бригада головорезов Дирливангера, которая «прославилась» дикими зверствами против партизан и мирного населения Белоруссии.

Несколько лет назад британское телевидение показало документальный фильм «СС в Великобритании». Эта лента англичан рассказывала об участии эсэсовской дивизии «Галичина», обвинив командование и личный состав этого соединения в пяти военных преступлениях:

1. Расправе будущих её членов над тысячами евреев во Львове 30 июня 1941 года;

2. Убийстве более тысячи гражданских лиц в польском селе Гута Пеняцкая в феврале 1944 года и спустя шесть месяцев – жителей польского села Хланев;

3. Зверствах при подавлении Варшавского восстания осенью того же года;

4. Репрессиях на Балканах в Югославии;

5. Передаче в руки гестапо членов экипажей британских и американских самолетов, сбитых над Словакией.

После многих и довольно продолжительных карательных акций в период Словацкого национального восстания дивизия СС «Галичина» была направлена в Штирию и Каринтию с полицейскими функциями на борьбу с югославскими партизанами. Именно здесь галицийские эсэсовцы провели последние месяцы войны, потеряв от пуль югославских партизан не одну тысячу своих вояк.

25 апреля 1945 года 14-я дивизия СС «Галичина» была переименована в «1-ю украинскую дивизию Украинской Национальной Армии».

Боясь попасть в руки советских воинов, «украинские дивизийники» бросились навстречу английским войскам, чтобы сдаться в плен на территории Германии.

В местечке Тамсвег, где проходила обшарпанная, оборванная, битая и голодная колонна «галичан», британцы поставили пропускной пункт для задержания «чуженациональных» и эсэсовских частей.

Узнав об этом и боясь ответственности за злодеяния своих подчиненных, командир дивизии фашист-эсэсовец Фриц Фрайтаг впал в состояние прострации и пустил пулю в висок. Командиром

дивизии стал бывший петлюровский генерал и польский полковник Павел Шандрук.

Однако словаки-патриоты не испугались ни германского, ни галицийского вторжения и встретили оккупантов уничтожающим огнем. Много обманутых галицийских украинцев пали под меткими выстрелами восставших словаков. Отмечались случаи, когда некоторые из «созревших вояк» переходили на сторону восставших, понимая бесперспективность дальнейшего братоубийства из-за краха Третьего рейха.

Немцы, чтобы не дать возможности Красной Армии прийти на помощь словацким партизанам, перекрыли Дукельский перевал. Советские воины, ведя кровопролитные бои хотя и с агонизирующим, но ещё крепким противником, сумели подойти к перевалу лишь 7 сентября.

Подполковник Голиан, в будущем генерал, отдал приказ о начале всенародного выступления. Восстание стало общенациональным, а его центром оказался город Банска-Быстрица.

Поэтому на территории Словакии по причине общей ненависти словаков к немецко-фашистским оккупантам и готовящегося словацкого всенародного восстания гитлеровцы сосредоточили до восьми боевых соединений вермахта.

Здесь же активно действовало значительное количество карательных подразделений СС – «Боевая группа Вильнера», 18-я дивизия СС «Хорст Вессель», мусульманский полк из «армии» генерала Власова, «Бригада Дирливанглера» и другие.

* * *

Кроме продвижения с боями воинов 1-го и 4-го Украинских фронтов Красной Армии (соответственно командующие И. Конев и И. Петров) и 1-го чехословацкого корпуса под командованием генерала Л. Свободы на помощь словакам направлялись советские партизанские соединения, отряды и диверсионно-парашютные группы.

Несмотря на всю сложность внутриполитической обстановки в Словакии, всё же была достигнута договоренность между Советским правительством, с одной стороны, и чехословацким эмигрантским правительством и московским центром КПЧ – с другой, о помощи чехословацкому движению Сопротивления.

Начало было положено десантированием в Словакию так называемых «организаторских партизанских групп». В ночь на 25 июля 1944 года в Среднюю Словакию у Ружомберка была

выброшена партизанская группа под командованием советского офицера П. А. Величко, которая имела задачу организовывать регулярные партизанские отряды. На состоявшейся встрече офицера с некоторыми руководителями и организаторами местных партизанских отрядов он понял, что обстановка созрела для активных действий, несмотря на некоторый пессимизм по этому вопросу со стороны генерала Голиана и других представителей Словацкого национального совета (СНС).

Однако, проанализировав оперативную обстановку, Величко доложил в Центр о том, что в Словакии имеются все возможности для организации широкого партизанского движения, а части словацкой армии готовы перейти на сторону Красной Армии. А потом пошло-поехало:

7 августа – десантируется группа Эрнеста Биелика. 9 августа – А. С. Егорова. 16 августа – Е. П. Волянского. С 5 по 26 августа в Восточную Словакию вышли два крупных партизанских соединения В. А. Карасева и М. И. Шукаева, а также отряды под командованием В. А. Квитинского, Н. А. Прокопюка, Л. Е. Беренштейна и других.

Выброшенные группы, каждая из которых состояла не более чем из 10–15 человек, быстро обрастали добровольцами-партизанами и в считаные недели превращались в тысячные отряды, готовые вести боевые действия. Свидетельство – народ созрел!

Получив указание приступить к выполнению оперативных задач на территории Словакии от Украинского штаба партизанского движения, где в это время находился представитель Компартии Чехословакии Сланский, Величко, а за ним и остальные партизанские командиры вступили в активные боевые действия. Они громили штабы и подразделения немцев, взрывали туннели, пускали под откос военные эшелоны с боевой техникой и личным составом. К советским партизанам стали присоединяться и словацкие воинские части. Началось вооружение гражданского населения.

В конце августа была ликвидирована захваченная в поезде немецкая миссия в количестве несколько десятков офицеров и одного генерала – начальника этой миссии. На местах национальные комитеты брали власть в свои руки. Боевые действия партизан стихийно перерастали в вооруженное восстание, которое охватило как армию, так и народ…

Сталин торопил военное командование с заброской диверсионно-разведывательных групп и доставкой боевого снаряжения в Словакию. Он внимательно следил за выполнением отданных им указаний и требовал постоянных докладов. Для

этого он ввел даже дополнительный контроль – предоставление непосредственно ему специальных донесений по этим вопросам. В одной из бесед с военачальниками он прямо заявил, что если мы делаем то, что можем, значит, мы делаем то, что должны.

Вождь торопил Победу!

А в это время, в 1944 году, Александр Твардовский написал такие слова о войне:

Война – жестче нету слова.
Война – печальней нету слова.
Война – святее нету слова
В тоске и славе этих лет.
И на устах у нас иного
Ещё не может быть и нет.

* * *

Коллаборационистское правительство Тиссо почувствовало, что у него одновременно и зашаталась, и загорелась земля под ногами, 12 августа объявило военное положение в стране, а 23-го сам словацкий диктатор обратился к Гитлеру с просьбой о срочной военной помощи.

Попытки тиссовских властей расправиться с растущим партизанским движением завершались, как правило, братанием словацких солдат с советскими партизанами.

Были и такие буквально сюрреалистические, причудливые случаи. В последние дни августа 1944 года командир 5-го авиационного корпуса авиации дальнего действия (АДД) генерал-лейтенант И. В. Георгиев доложил своему вышестоящему руководству, что на один из аэродромов его корпуса, расположенного в окрестностях города Львова, произвела посадку большая группа самолетов (около сорока) с немецкими опознавательными знаками. При выяснении случившегося события было установлено, что это прилетели словацкие летчики, не желающие воевать на стороне немцев и сообщившие о том, что в Словакии началось национальное восстание.

Вот на таком фоне происходило новое «сватание» майора Александра Святогорова в очередную командировку – теперь в Словакию.

Слово Святогорову:

...

«В теплый июльский день 1944 года я стоял в одной из комнат полуразрушенного дома только что освобожденного небольшого пограничного городка Равы-Русской перед своим «крестным отцом» по разведке полковником Иваном Даниловичем Сидоровым.

Мы встретились после нескольких месяцев разлуки, насыщенных многими событиями. Вместе со своим небольшим отрядом я совсем недавно вернулся из Польши, где под псевдонимом «Зорич» выполнял специальное разведывательное задание. Не вдаваясь в подробности, скажу так: в победу под Люблином внес свой боевой вклад, пусть небольшой, и мой отряд тоже.

Помнится, снаряжая нас в Польшу, Иван Данилович пожелал нам одного – встретиться живыми. И вот теперь эта встреча состоялась! Но вместо ожидаемых поздравлений неожиданно пришлось выслушать упреки: вот, мол, отряд имени Щорса пробился из Польши в Словакию, а ваш застрял…

Я объяснил, что, как и почему. Но полковник все так же сурово продолжил:

– В общем, награды не жди. Готовься в дорогу!..

Разрешив, наконец, сесть, Иван Данилович объяснил: мне надлежит оперативно сформировать из надежных ребят десантную группу – два радиста и несколько опытных разведчиков, всего человек десять-двенадцать. Цель – на месте «обрасти людьми» и таким образом составить отряд особого назначения. Район действия – Братислава и её

окрестности. Функции – разведывательно-диверсионные.

– Отдыха, как видишь, не будет. С семьей повидаться не успеешь, – заключил полковник Сидоров. – На всю подготовку кругом-бегом два месяца. За это время надо составить отчет о проделанной работе в Польше, разработать новую легенду и изучить задание. Ну, и все, как обычно. Пока же единственное, что у тебя есть, – это имя. Оно остается прежнее – Зорич, поскольку и по-словацки звучит вполне приемлемо».

Интересная деталь, именно в гарнизоне города Рава-Русская, в мотострелковом полку, автору этих строк приходилось стажироваться в период учебы в Высшей школе КГБ при СМ СССР в 1966 году у старого фронтовика и опытного оперативника майора Д. Н. Червоткина. Командиром этого полка был отец разоблаченного в 1982 году подразделением, в котором служил автор, агента ЦРУ старшего лейтенанта А. Иванова, который после отбытия срока по суду оказался в США. Его пригрели хозяева! Но авантюрный предатель оказался предателем и там – он попрал доверие своих боссов и решил заработать легкие деньги. С подельником решили ограбить… банк. Не удалось. Его поймали сотрудники ФБР. Состоялся суд – влепили пятнадцать лет тюрьмы… Сегодня он отдыхает на нарах.

Рава-Русская и Зорич… Мистика – и только! Опять появился мостик, связавший меня с легендарным разведчиком.

* * *

Сидоров, помимо основных заданий по разведке обстановки вокруг Братиславы, сориентировал Зорича, вертящегося который уже год около смерти, на продолжение поиска следов Эриха Коха, пленения его или совершения над ним справедливого возмездия. Кроме того, он обрисовал круг дополнительных задач – устраивать крушения поездов, топить немецкие суда на Дунае, срывать добычу угля для фашистской Германии, взрывать шахты и прочее.

– Помимо боевых действий, штабу фронта от вас будут нужны свежие сведения о вражеских резервах, данные о

перебрасываемых из глубокого тыла к фронту воинских частях, об оборонительных сооружениях гитлеровцев. А это значит и «языки». Об этом тоже не забывайте, – инструктировал полковник.

Два месяца пролетели, как два дня. Прыжки с парашютом – дневные, ночные, затяжные, в лесу и болоте, удачные и не очень, причем с полной выкладкой чередовались с работой на новом типе радиостанции.

Серьёзное внимание уделялось стрельбе «навскидку», «на звук» из автомата, из двух пистолетов сразу, работе с контурными картами и изучению словацкого языка. Снова не повторялись, а глубоко изучались топография и фотодело, радиосвязь и минирование. До изнеможения группа занималась усложненным для рукопашного боя самбо.

Слово Святогорову:

...

«Порой казалось, что все эти знания тяжелым и мертвым грузом давят на мозги и выудить их в нужный момент для дела практически будет невозможно. Но когда в конце сентября я доложил полковнику Сидорову, что подготовка закончена, и он устроил нам строжайший экзамен, выяснилось, что весь материал усвоен, будущие десантники всё запомнили и к заданию готовы, хотя путешествие предстояло в незнаемое, в неизведанное.

Людей я подбирал сам, за прошедшие два месяца сошелся с ними поближе, познакомился, а вот будущую местность, наречие и быт местного населения – всё это лишь предстояло узнать. Форма у меня была совсем новенькая. Если в Польше я часто выступал в роли офицера из дивизии СС «Галичина», то теперь должен был представлять армию словацких гардистов. И

снаряжение было теперь намного солиднее. От польской эпопеи только и остался в качестве счастливого талисмана мой псевдоним.

В один из поздних вечеров начала октября мы заняли места в довольно неудобном «салоне» бомбардировщика. Я стоял у открытых дверей и наблюдал за тем, как скрываются в самолетном «брюхе» мои спутники. Отныне они все, как один, стали «словаками».

«Словаком» становился и я, командир группы, украинец с Харьковщины, и мой заместитель, грузин по национальности, Фома Агладзе, и начальник штаба, типичный русич из Москвы Владимир Волостнов. И ещё один Владимир по фамилии Степанов, недавний студент из Донбасса, а теперь вот главный «повар» на «кухне» по изготовлению разных фальшивых бумаг и документов.

«Словаками» суждено было стать армянину Ванушу Сукасьяну и моим землякам, минерам-подрывникам Евгению Сирко и Степану Черначуку, будущим «взводным» Якову Баштовому и Даниле Грунтовому. Последними поднялись на борт радисты Нина Чопорова и Вячеслав Бондарь.

Машина вздрогнула и, подпрыгивая, будто от нетерпения, покатила по взлетной полосе. Под нарастающий гул моторов мягко оторвалась от земли и понесла нас в неизведанное.

Всё, как в традиционных фильмах о разведчиках».

* * *

Зорич внимательно всматривался в иллюминатор, – за холодным плексигласом самолетного окошечка стояла густая, чернильная мгла. Ни огонька!

В голове майора роились мысли о предстоящем десантировании, но не на парашютах, а путем приземления самолета на земле, окруженной раненым свирепым зверьем – фашистами, которые сражались ещё отчаянно, чувствуя своё приближающееся неминуемое поражение.

Поэтому он думал об ответственности за судьбу своих товарищей по оружию, о предстоящих стычках с противником, о качественном выполнении задания. Переживания роились в голове, то наплывая холодной льдиной волнения, то обжигали сердце огненными языками беспокойства. Не покидала мысль и об ответственной встрече с руководством словацкого восстания. Ещё перед полетом разведгруппы, когда самолет, подпрыгивая, катился по неровному полевому аэродрому, Александра Святогорова охватило какое-то смутное ощущение тревоги за свою группу из двенадцати человек – храбрых ребят-десантников. Но понимание того, что они птенцы судоплатовского гнезда, бойцы проверенные, многие знающие немецкий и словацкий языки и имеющие широкую оперативную подготовку, придавало сил и уверенности.

Потом, когда самолет лег на курс, тревожные мысли затихли, запрятались куда-то глубоко-глубоко. И вот теперь снова выползли наружу и стали беспокоить душу.

«Скоро линия фронта, – подумал он, – наверное, начнется зенитно-прожекторный фейерверк, как при недавнем полете в Польшу».

Вскоре она – эта злодейка войны – линия фронта заявила о себе заревом огней и светлячками разноцветных трассирующих пуль, которые буквально роились над черною землей. Пронизывая светлыми пунктирными линиями мрачное пространство, с высоты они казались золотистыми муравьями, быстро убегающими в даль. В стороне были видны яркие вспышки разрывов снарядов и бомб и море огня – пожары, пожары, пожары…

Горели, очевидно, дома и дворовые постройки. Белых столбов от прожекторов, шарящих по небу, и зенитных разрывов, к счастью, в этот раз не было, поэтому самолет шел ровным курсом без виражей в направлении заданного квадрата для десантирования группы разведчиков.

«Немец уже не тот – выдохся, а поэтому бережет боеприпасы, – размышлял Зорич. Он ещё не знал о ждущих превратностях судьбы и боевых столкновениях с ещё хорошо вооруженным и злобным из-за понимания им скорого фиаско

противником. – Нацистов подогревает фюрер сказками о новом вооружении, во что, к сожалению, верят обреченные и обманутые солдаты и офицеры вермахта».

Через полчаса линия бушующего темно-багрового огня на земле скрылась из виду, уплыв куда-то в сторону стабилизатора. Самолет стал медленно снижаться и вскоре приземлился на партизанском аэродроме «Три дуба», расположенном недалеко от словацкого города Банска-Быстрица.

Дата приземления группы «Зарубежные» 16 октября 1944 года осталась в памяти Александра Пантелеймоновича навсегда. Это был новый рубеж борьбы на незримом фронте против ещё сильного противника.

Зорич приказал разведчикам разгружаться, а радистам передать сообщение в Центр о благополучном прибытии в первую точку словацкой командировки, после чего поспешил в штаб восстания в Банска-Быстрицу для знакомства и встречи с его руководителями…

В ответной радиограмме Центр лишний раз напоминал:

…

«Поздравляем с благополучным прибытием к месту работы. Желаем успехов в выполнении поставленных задач. Постоянно проявляйте бдительность при передвижении, а также максимальную осторожность при выборе места базирования. Не дайте себя обнаружить противнику».

Зорич прочитал текст радиограммы и довел его до всего личного состава группы. Спокойно встретили разведчики напутствия Центра, только энергичный Фома Агладзе поворчал:

– Заинструктировали командиры, во-о-о, – указательным пальцем он провел по горлу, – что они там, считают нас за глупцов? Не дураки же мы, чтобы головы подставлять…

– Не горячись, горец, – одернул его Владимир Волостнов.

Зорич бросил строгий взгляд в сторону ворчливого говоруна, словно подчеркивая, – мы военные, приказы не обсуждают!

* * *

В архиве МО СССР находились интересные материалы, касающиеся интенсивности работы этого аэродрома в период прилета туда разведывательно-диверсионной группы майора Зорича.

Речь идет о боевых распоряжениях и донесениях авиации дальнего действия и командования 4-го гвардейского авиакорпуса. Так, например, в донесениях № 137–142 писалось:

…

«В ночи на 13,14,15,16,17 и 24.10.44 г. вылетело в Словакию 417 самолетов, из них 259 достигли назначенных для них районов высадки и выброски людей, снаряжения и боеприпасов. Они доставили 789 человек и 246 тонн груза, вывезли 319 человек и 6,4 тонны груза.

В ночь на 16.10.44 г. только 26 самолетов успели произвести посадку на аэродром «Три дуба», после чего аэродром закрыло туманом и 55 самолетов были вынуждены возвращаться обратно, хотя на такие задания ходили экипажи, обладающие безупречной техникой пилотирования…

Для того чтобы обеспечить прием, разгрузку и отправку большого количества самолетов, на аэродром «Три дуба» был направлен заместитель командира 53-й авиационной дивизии полковник Б. Ф. Чирсков с оперативной группой…

Наши корабли приходили на аэродром волнами по 15–20 самолетов. Как правило, они разгружались, не выключая моторов. С помощью словацких товарищей были созданы группы по разгрузке прибывающих самолетов. Вместе с экипажем корабля они быстро

разгружали самолет, который сейчас же улетал, а на его месте появлялся другой самолет. Так конвейером, организованно шла интенсивная работа.

Самолеты противника не один раз бомбили этот аэродром, наша группа потеряла в связи с этими налетами двух человек…»

* * *

Но вернемся к Зоричу и его встрече с представителями штаба восставших словаков.

То, что желали словацкие товарищи, полностью совпадало с задачами группы Зорича. Они просили помочь организовывать взрывы на важнейших объектах как в Банска-Быстрице, так и в Братиславе, и предоставлять им упреждающую информацию о намерениях коллаборационистов и гитлеровцев.

Одной из главных и первостепенных задач, поставленных Центром, была задача – группу Зорича превратить в отряд численностью до 50–60 человек.

При разговоре с командующим словацкими повстанческими войсками генералом Голианом советский майор попросил его на первых порах пребывания на словацкой земле помочь ему людьми.

Слово Святогорову:

…

«Я почти не сомневался, что просьбу генерал удовлетворит: ведь прибыли мы для общей борьбы. Но Голиан, к моему удивлению, отказал, невразумительно объясняя, что-де положение серьёзное, немцы готовят наступление и каждый его солдат на учете. Как говорится, на нет и суда нет. Благо, невдалеке дислоцировалась бригада капитана Егорова, насчитывавшая к тому

времени уже более трёх тысяч активных штыков.

Я тут же обратился к комбригу, и он не просто помог людьми, а выделил для нас испытанных в боях бойцов, которые имели в районе Братиславы устойчивые и надежные связи с коммунистическим подпольем.

В отличие от генерала Голиана, всевозможное содействие оказали мне политические руководители Словацкого национального восстания Карол Шмидке и Густав Гусак, а также полковник Алексей Асмолов. Они разработали для нашей группы самый короткий и безопасный маршрут, передали по своим каналам указание тамошним партизанам и подпольщикам поддержать нашу группу во всех её начинаниях. Снабдили нас также деньгами, что, вполне понятно, значило немало. Эти средства предназначались для того, чтобы расплачиваться с жителями за питание и услуги (далеко не всегда и не все принимали плату), но, что ещё важнее, мы могли использовать их для закупок оружия, тола, документов и, наконец, подкупа должностных лиц».

* * *

Усиленную группу, выделенную Зоричу из бригады капитана Егорова – «егоровцев», ждал переход по гористой местности в сторону Братиславы, где планировалось «отабориться» в районе крупного села Скицов. Кроме того, там же создать несколько мобильных разведывательно-диверсионных групп, которые должны были добывать нужные сведения и совершать взрывы на важнейших коммуникациях противника.

Но был и стержневой оперативный вопрос. Разведчикам надо

было внедрить своих людей в учреждения противника, местную службу безопасности, муниципальные и государственные органы правления Йозефа Тиссо, чтобы получать из надежных рук важную разведывательную информацию, уничтожать или насильственно захватывать и переправлять в тыл наших войск фашистских бонз – офицеров и чиновников. И при всём при этом не забывать, разумеется, о вооруженной борьбе с гитлеровцами, но не увлекаться перестрелками. А то, что люди Зорича могут с противником лицом к лицу встретиться, подсказывала сама логика событий – шла ведь гигантская гражданская бойня в центре Европы.

Войн и восстаний без боевых столкновений не бывает. То же самое было и на словацкой земле, кишащей озлобленными гитлеровцами, теряющими Третий рейх, фюрера, армию и уважение своего народа, народа, пострадавшего от их кровавой политики изуверства по отношению к другим неарийским этносам. Надо признаться, что фашизм не щадил жизни и своих граждан, бросая их в костры бессмысленных жертвоприношений.

Германия шла к своему краху, но сопротивление фанатично настроенных нацистов было ещё в силе – на поле боя оставались наиболее вышколенные, наиболее преданные Адольфу Гитлеру войска, стремящиеся подавить в зародыше Словацкое национальное восстание. Отомстить поднявшимся на борьбу с нацизмом людям, отметиться на ещё одном славянском народе.

Со второй половины октября противник повел решительное наступление по всему фронту повстанческой армии. В конце октября аэродром «Три дуба» был захвачен гитлеровцами. Немцы сняли с фронта часть войск и начали большими силами сжимать кольцо вокруг Банска-Быстрицы.

19 октября 1944 года фашисты выдвинули восставшим ультиматум. Повстанцы его отвергли. Гитлеровцы пошли в наступление, и уже 27 октября захватили Банска-Быстрицу. Началась «охота на ведьм». Восставших словаков вычисляли и ловили. Фашисты казнили несколько тысяч местных граждан – участников восстания и около тридцати тысяч отправили в концлагеря, но победы им это не принесло. Основная масса восставших довольно организованно отступила в горы. Их партизанские отряды продолжали воевать с оккупантами вплоть до освобождения Словакии частями Красной Армии.

За удачу в бою – выговор

26 октября 1944 года, уложив в рюкзаки снаряжение, отряд майора Зорича вышел в свой первый поход по словацкой земле. Стояла капризная осенняя погода, какой одаривает обычно природу октябрь – месяц близкой пороши. В октябре на одном часу, как говорится, и дождь, и снег. По непостоянству погоды октябрь – что март: то плачет, то смеется, он венчает белый снег с великой грязью.

Слово Святогорову:

...

«В первые дни, когда формировался отряд, мы стояли в городе Стары Горы, где были окружены заботой и вниманием со стороны местного населения. Ни одного негативного факта не было выявлено партизанами со стороны словаков. Они даже оказывали посильную помощь в организации и снаряжении отряда. Люди несли, что кто мог, – от одежды и обуви до продовольствия и спичек. Нужно заметить, что местное население поддерживало партизан в дальнейшем во все оставшиеся дни на пути к победе.

Поэтому так много словацких поселков и деревушек было сожжено фашистами дотла. Расстреливая жителей, немцы не щадили ни детей, ни женщин, ни стариков. Много домов было сожжено гитлеровцами в Скицове, Острый Грунь, а деревушку Клак сожгли подчистую за помощь партизанам…»

Запах прелой листвы навевал разведчикам воспоминания детства в родных и теперь уже таких далеких краях. Воины гуськом передвигались гористой местностью. Осень в горах не то,

что на равнине. В горах и ветры посердитей, и холода позлей, а вот воздух становился удивительно прозрачен и свеж. Однако партизаны часто продвигались овражками, ложбинами, лесными массивами, горными тропами в каменистых расщелинах, держась подальше от населенных пунктов и наезженных грунтовых дорог, на которых существовала большая вероятность встретить ненужного субъекта в лице местного полицейского, жандарма или элементарного доносчика.

Чем ближе подходили разведчики к главному горному хребту, тем больше становилось полян, равнинной местности, редколесья. Но чекисты эти места избегали. Искали лесные чащобы. Там и тень была погуще, и видимость похуже из-за частых туманов и, следовательно, вероятность быть замеченными противником меньше. Поля, поляны, просеки – не для разведчиков.

Эти опасные места партизаны, как уже говорилось, обходили, боясь, наткнутся на немецкие карательные части, рыскающие по Словакии в поисках народных мстителей, а в лексиконе немцев – красных бандитов.

С гребней гор и высоких холмов бойцы отряда Зорича любовались красотами, в «багрец и золото одетыми лесами», стоящими в низовьях и роняющими с ветвей красные, бежевые и коричневые монеты. У осин они быстро чернели от избытка влаги. Сухая же листва, казалось, не шуршала, а медными пятаками звенела под ногами разведчиков-партизан. Изредка с ветвей срывались водяные капли. Они громко ударяли по опавшей сухой листве или неприятно обжигали холодом горячие от перехода шеи, когда капли попадали за ворот.

– Как звонко капельки барабанят, – заметила внимательная Нина Чопорова. – Вы прислушайтесь – музыка и только, – природный ксилофон!

Где-то дятел дотошно обстукивал кору дерева в надежде найти червячка или букашку, попискивали невидимые птицы, простуженно каркала ворона и предательски трещали сороки, перелетая от одного дерева на другое, словно указывая отряду путь дальше или с другой стороны, привлекая неприятеля к нарушителям спокойствия белогрудой птицы. И действительно, именно такими своими действиями сороки могли привлечь к себе и знатока-орнитолога, – он четко определит: их покой кто-то нарушает.

Ложбины стояли полные туманов, словно кто-то неведомый налил в огромные чаши молочную кисельную массу. Малахитовыми пряжками на каменном поясе проступали среди каменных разломов лесные темно-зеленые пади из елей и сосен.

В глубине ущелий сгущались вечерние сумерки. И всё же головы идущих были заняты стержневыми мыслями – как бы себя не обнаружить, не «наследить» и выполнить приказ – поскорей добраться то базового села Скицов, расположенного под столицей Словакии – Братиславой…

* * *

Надо отметить, что фашисты, чтобы обезопасить себя от всякого рода неожиданностей, практиковали направление в места возможного появления партизан свою агентуру – лесников, путевых обходчиков, почтальонов, дорожных рабочих и прочих «топтунов» и «офеней-коробейников». Это была для немцев агентура чисто сторожевая, наблюдавшая за появлением и перемещениями в селах и хуторах незнакомых людей.

– Война! Сколько жизней она должна забрать, чтобы насытиться?! – проговорил с явной досадой один из разведчиков.

Именно в это время в голову Зорича залетела, словно птичка, неожиданная мысль о природе войн, и он стал размышлять:

«Война, война… это жуткая, вероломная машина, созданная самим человеком для уничтожения других народов. Она оставляет людей без родного крова, убивая родственников – стариков, отцов, матерей, детей и внуков. Она оставляет человеческие жизни без их продолжения.

Причем гибнут конкретные люди, не знающие друг друга, а почему-то остаются живыми и невредимыми лица, знающие друг друга – политики. Война – это античеловеческое явление, – она чужда природе людской.

Войны превращают людей в диких зверей… Людей, рожденных, чтобы жить братьями. Она – это же несчастье в увеличенном масштабе. Сколько других народов погубила эта машина под названием «гитлеровский нацизм» – погубит он и свой народ, своё государство. Война – суд над нациями: победа и поражение – его приговор. И приговор обязательно случится. Надо судить этих мизантропов, открывших ящик Пандоры со вселенским злом и эпидемией смертоносной заразы…

Суд должен состояться! Мы его тоже приблизим!»

Процесс глубокого размышления о войне, затеянной немецким фашизмом, прервал крик впереди идущего партизана. Он неожиданно поскользнулся и полетел куда-то вниз. К счастью, его остановил горный карниз, выступающий плоским козырьком на метровой глубине под размокшей тропой, и разлапистое корневище кустарника. Именно они и спасли ему жизнь – за

козырьком зиял глубокий каньон, до дна которого было метров тридцать. Рядом шедшие впереди и за ним партизаны бросились на помощь и вскоре вытащили «удачного неудачника».

Тропы на горных перевалах во время дождей представляли дополнительную опасность оступиться и полететь под откос вместе с многокилограммовым грузом вещевого мешка. Поэтому на таких отрезках маршрута разведчики ступали крайне осторожно. Зорич постоянно инструктировал бойцов быть внимательными и смотреть под ноги. Боялись, как мин, наступать на сухие ветки валежника, треск от которого разносился по лесу резким эхом, почти что как выстрел.

На привалах говорили на разные темы. Как знатока природы в отряде чтили минера-подрывника Евгения Сирко.

– Ну что, натуралист, чем порадуешь, чего можно ждать впереди? Какие приметы заметил? – обратился к нему Владимир Степанов.

– Если журавли и гуси летят высоко, не спеша и «разговаривают» – значит, будет стоять хорошая осень. Если полевые мыши живут под копной, осень будет сухой. А вот если птиц много и летят они быстро – жди ненастье. Галки собираются стаями и кричат – будет ясная погода. Петухи распевают – дождь.

За дни нашего похода вы видели и то, и другое, значит, – впереди нас ожидает и вёдро, и ненастье, – ответил замысловато Женя с лукавой хитринкой на физиономии.

Зорич заметил, что для отряда утешение одно – лучше идти вперед по бездорожью, несмотря ни на какие превратности погоды, чем потянуть за собой хвост карателей на легком пути.

Пройдя ещё несколько километров пути, партизанский отряд поднялся на вершину заросшего мелколесьем холма и остановился на очередной привал. В оврагах и ущельях сгущались вечерние сумерки. Тусклое осеннее солнце быстро садилось за темные гребни гор. Люди были на пределе своих физических возможностей, они устали от многокилометрового марша по горным серпантинам узких тропинок и грунтовых дорог. К концу дня всё вокруг изменилось. Вместо дневных, мрачных и тяжелых туч по небу, не спеша, поплыли легкие перистые облака. Стало почему-то светлей, но намного холодней. Стылый холод бесцеремонно забирался под вспотевшие и изношенные куртки, бушлаты и телогрейки, проникал сквозь дырки к ступням в потрепанных кирзовых сапогах, – яловые держались дольше. Некоторые бойцы с разрешения Зорича развели из веток небольшие костры – решили подсушиться. У огней они плотнее, словно беспомощные цыплята, инстинктивно жались друг к другу, чтобы быстрее согреться.

К одному из очагов подошел и Зорич. Огонёк горел не сильно – брошенный в костер валежник был пропитан сыростью, и эта вода, нагреваясь внутри веточек и сучьев, капризно шипела и пузырилась, вытекая и быстро испаряясь на их торцах. Когда в огонь кто-либо бросал клок сухой травы, тогда яркий сноп пламени на считаные минуты обдавал теплом лица разведчиков. В такие моменты сидевшие вдали от костра люди протягивал ладони, обласканные коротким всполохом тепла, исходящего от длинного оранжевого языка огня. Усталость и тепло у костра многих клонили ко сну…

* * *

И вот тут случилось то, что случилось.
Слово Святогорову:

…

«С трудом преодолев сложный участок, остановились на отдых близ местечка Стара-Кремнички. Лагерь разбили на лесной высотке над долиной, разрезанной надвое лентой шоссе. Я решил осмотреться. В бинокль мне хорошо было видно, как там, внизу беспрерывным потоком движутся на восток немецкие машины с боеприпасами, снаряжением и солдатами в новенькой – с иголочки – форме горных стрелков.

В общих чертах все это можно было разглядеть и невооруженным глазом. Так что вся группа понимала: движущаяся армада направлена против наших словацких братьев, обороняющих столицу восстания – Банска-Быстрицу, а также, само собой разумеется, и против советских войск, спешащих на помощь восставшим. Равнодушно наблюдать за всем этим было

просто невмоготу.

– Товарищ майор Зарич! Дорогой кацо! – вдруг, позабыв о своем «словацком» происхождении, с заметным грузинским акцентом обратился ко мне заместитель командира группы капитан Агладзе. – Скажи, да-а-арогой, каково мне смотреть на эту картину! – и он резко ткнул указательным пальцем в сторону долины. – До смерти не прощу себе, дав им вот так привольно гулять! Разреши, да-а-арогой, с высоты нашего положения встряхнуть этих гадов! Ну, хоть чуть-чуть, хотя бы малость. Пусть потом оглядываются…

А что я! Я сам не отрывал глаз от шоссе: страшно хотелось пощипать фашистскую нечисть. И все-таки, подавив желание, может, не так твердо, как следовало, я ответил капитану Агладзе:

– Не могу, Фома. Права такого не имею. Сам ведь знаешь, – приказ: до прихода на место в соприкосновение с противником не вступать и себя не расшифровывать. Даже в со-при-кос-но-ве-ние! Тебе, надеюсь, понятно?

– Так случай-то какой удобный! – вдруг поддержал капитана Агладзе рассудительный начальник штаба. – Пожалуй, грех им не воспользоваться. Инициатива все-таки наша. Мы в выигрышном положении, даже если спустимся, – ударим с высотки. И потом снова подымемся вверх. Немец побоится снизу нас преследовать. Успех гарантирован обстановкой и нашими орлами.

Авось, и поблагодарят! –

хитровато щурясь, закончил Володя Волостнов.

Я понимал одну в такой ситуации истину – единственный способ отделаться от искушения – уступить ему.

И я не выдержал. Будь что будет!»

* * *

У разведчиков появился азарт, который некоторые называют похотью успеха. Жертва близка, вот она, как на ладони – можно рискнуть. В пылу борьбы можно даже пожертвовать жизнью, но победитель, как правило, не думает об этом, так как в каждой победе в бою присуще презрение к жизни. У бойцов «чесались» руки – враг рядом и в полной самоуспокоенности. Он не верит, что тут могут быть партизаны, тем более, советские, а потому полная потеря бдительности. Враг расслабился.

С высоты крутого холма, на котором находились воины диверсионно-разведывательной группы, казалось, что вражеская колонна двигается очень медленно, – сказывался оптический обман из-за расстояния.

У людей сразу же забурлил в сердцах настоящий, живой энтузиазм, а не показной, фальшивый клубок страстей, который никогда не вознаграждает за сопровождающие их опасности. Страсти объясняют многое, но не оправдывают ничего, хотя, как говорил Вольтер, страсти – это ветры, надувающие паруса корабля, иногда они его топят, но без них он не мог бы плавать.

С другой стороны, страсти – как в данном случае, были облаками, затемняющими солнце разума и слова правильного приказа сверху. Если разум не сдерживает страстей, то, по крайней мере, он умеряет их ход и препятствует их опустошительным набегам.

Они вводят часто нас в заблуждение из-за того, что сосредотачивают всё наше внимание только на одной стороне рассматриваемого предмета и не дают нам возможности исследовать его всесторонне. А всестороннее грозилось стать опасным – ведь противник мог просто вызвать на помощь дополнительные силы, в том числе авиацию, и даже своими силами уничтожить небольшой отряд особого назначения, имеющий совсем другие задачи, чем драться с превосходящими

силами гитлеровцев.

У разведчиков появилась открытая дверь, которая, как говорится, способна и святого ввести в соблазн. Дьявол столь же необходим святым, как и бог: ибо без искушений и соблазнов их жизнь была бы лишена всякой похвалы. О награде, поощрении, заслуге за свой «подвиг», конечно, они где-то внутри надеялись, хотя быстрота решения затмевала эти нескромные мысли. И они решились «пощипать» вражескую колонну, тем более союзницей у них, как у летчиков, была высота. Это было их превосходство, и они решили им воспользоваться и коршунами спикировать на врага.

Майор Зорич лихорадочно вращал колесико регулировки бинокля – в линзах мелькали кусты, деревья, пологий склон и автострада, по которой тащился небольшой, как ему показалось, немецкий отряд. И он отдал приказ – атаковать фашистов!

Слово Святогорову:

...

«Ребята только этого и ждали. Оказывается, они уже подготовились заранее: в минуту – не более – собрались…

«Ручники», автоматы, связки гранат – все на изготовку, и наши десантники – Баштовой, Сукасьян, Грунтовой, Степанов, Степовой, да ещё трое словаков – Франтишек Бучек, Ян Грушовский и Ян Янковский, возглавляемые Фомой Агладзе, устремились вниз, по горным тропам к шоссе.

Ночь уже плотно накрыла все вокруг темным покрывалом, и я тревожно вслушивался в её разноголосицу, безусловно, пытаясь что-то разглядеть в долине, где зловеще рычали моторы. Время от времени замечал подрагивание там автомобильных огней да острые лучи «тарахтелок» – вражеских мотоциклов с пулеметчиками в колясках.

И вдруг – будто гроза разразилась над долиной: треск пулеметных и автоматных очередей, гулкий грохот гранат! И далее всё вокруг заохало, заискрилось, завыло. Пламя ярко вспыхнувших грузовиков сразу же осветило все вокруг, и я четко различил два перевернутых тягача, с десяток темных распластанных трупов.

Вскоре гитлеровцы опомнились. Донеслись гортанные команды, и цепочки солдат сначала растянулись вдоль шоссе, а затем, хоть и не без опаски, но всё же стали подниматься в горы. А мои ребята, только что атаковавшие вражескую колонну, все до одного благополучно присоединились к нам».

* * *

Разведчикам тут же пришлось покинуть облюбованное место для отдыха – возникала реальная опасность блокирования группы превосходящими силами гитлеровцев, а то и полного окружения. А это значит – гибели отряда. Этого допустить было никак нельзя.

– Быстро, наверх, – в горы, – послышалась властная команда взволнованного событием Зорича.

Передвигались очень быстро по извилистой горной тропе. Горы Словакии хотя и старые отроги Карпат, но на них бывали коварные стежки, особенно для партизан при встрече с противником.

Вскоре отряд достиг перевала и оказался в совершенно новом лесном массиве. Восточный скат вершины, у подножия которой приходили в себя гитлеровцы, был крутым. С запада примыкал густой хвойный лес, защищавший группу от ветра и любопытных глаз.

Майор Зорич приказал именно здесь сделать привал. Выставив боевое охранение, группа с удовольствием расположилась на отдых. Бойцы делились воспоминаниями о своей недавней рискованной вылазке. Рассказывали интересные подробности, как застали врасплох гитлеровцев.

– Десятка два отправили к праотцам, они уже отвоевались и больше не будут паскудить землю Словакии, – заметил улыбающийся Агладзе.

– Я думаю, больше нащелкали, а сгоревшие машины и уничтоженные боекомплекты – это ли не подарок нашим братьям, – решил более детализировать результаты вечернего налета Владимир Степанов. – Я насчитал более сорока поверженных фрицев.

– Мы с «другом Пашей», – грузин похлопал по прикладу автомат ППШ, – ни одну пулю не отправили за молоком. Все нашли живую цель, чтобы через мгновение сделать её мёртвой.

– Да, твой Паша поработал прицельно, – согласился Владимир.

Агладзе в иронично-насмешливом тоне рассказал ещё один интересный эпизод:

– Когда я открыл огонь по автомашине, из-под тента кузова спрыгнул перепуганный долговязый немец. Он уронил винтовку, а потом наклонился, чтобы её поднять. И в это время в грузовике взорвались, очевидно, ящики с боеприпасами. Бедолагу взрывная волна подбросила так высоко, что он шлепнулся почти рядом со мной. Лежит естественно без винтовки на спине и стонет, вращая широко открытыми молочными глазами – одни белки светятся. Но он всё-таки увидел меня и тут же вмиг разложил руки крестом. Лежит и вдруг как заорёт: «Гитлер капут! Гитлер капут!»

Верещал, как недорезанная свинья. Потом вижу у него полбока вырвано. Пожалел я на фрица пулю – не стал тратить пороха. Когда же поднялся и пошел в гору, оглянувшись, увидел, что он стал креститься, – наверное, силы покидали его вместе с жизнью. Видно, католик, что ли? Потом он затих – видно, испустил дух. С таким ранением он не жилец.

Другие партизаны тоже обменивались своими впечатлениями о налете на немецкую колонну.

Степанов поведал, что сразил наповал фашистов, мостившихся на гребне насыпи открыть по партизанам пулемётный и миномётный огонь.

– Гляжу, выскочили пятеро и давай устанавливать пулемёт, а рядом, вижу, тащат станину миномёта, и как только они собрались в кучу и что-то лающим языком стали обсуждать, я дал длинную очередь. Всех скосил – больше они не встали.

Зорич тут же дал команду радистам связаться с Центром. Слава Бондарь и Нина Чопорова в тот же миг застыли у рации. Они передали информацию о точном месте нахождения группы на маршруте движения к цели и, конечно же, «похвастались» реальной боевой удачей на перевале. Сказали о ней

действительно скромно – несколькими словами.

Ответа долго дожидаться не пришлось. Шифровка скоро была в руках у командира группы.

Слово Святогорову:

…

«Как я и предполагал, радостного в ней было совсем мало. А если по правде, то ничего. В частности, мне ещё раз напомнили, что отряд наш – особого назначения, с четко определенным местом дислокации, строго очерченными разведывательно-диверсионными функциями в нужном районе действия. За то, что я отвлекся на несвоевременную акцию, на первый раз майору Зоричу объявляется выговор.

Все правильно: пришлось покаяться, доложить «есть», что означало – предупреждение принято во внимание.

И всё же в душе, никому никогда в том не признаваясь, я с удовольствием вспоминал ту нашу первую вылазку на словацкой земле. Вопреки народной мудрости она вовсе не напоминала тот первый блин, который бывает на непрогретой сковородке комом. Да, я уступил искушению, подставив себя, но своих подчиненных в обиду не дал».

Десантники, конечно, рисковали, но больше всех рискует тот, как говорит народная мудрость, кто не рискует. Зорич понимал, что нарушение приказа вышестоящего руководства было налицо, но он взял на себя всю ответственность за данное превышение полномочий.

В этом поступке десантники видели в своем командире человека смелого, решительного и неспособного переложить груз вины на чужие плечи. Они его ещё больше «зауважали»…

Зорич не переживал за то, что не похвалили за вылазку, что не получит награду, а схлопотал «выговорешник». Он был рад, что никого не оставил навечно «отдыхать» на поле недавнего боя. Командир был доволен, что его подчиненные уничтожили несколько мотоциклов и автомашин с боеприпасами, десятки потенциальных убийц, неспособных уже лишать жизни других его друзей по войне. Он был горд за отвагу и тонкий расчет разведчиков, проверивших себя в деле.

И всё же после этого случая он дал зарок, – не мелочиться, а идти к главной цели, чтобы выполнить конкретное задание Центра. Нельзя жить по принципу, если нельзя, но хочется, то можно. Так недалеко и до гибели.

И опять он в раздумьях:

«Человек! Зачем он приходит в этот мир? Каково его предназначение на этой земле? Кто властвует над ним и определяет его судьбу? Что ждет его впереди в этой стремительно меняющейся боевой и оперативной обстановке? Способен ли человек сам решать и делать нравственный выбор в ситуациях, когда он находится на пересечении добра и зла, жизни и смерти, когда на нем лежит ответственность за жизнь и судьбы других людей – его подчиненных?

Всё зависит от самого человека, жизнь у которого может быть долгой и бессмысленной, а может быть краткой и яркой, как падающая звезда…»

Так рассуждал он в Словакии, таким был Зорич всегда!

Вынужденный бой

Поход на Братиславу продолжался…

Это был тяжелый путь не только потому, что стояли холодные, снежные дни сорок четвертого года. В словацких горах среди хрупкого снежного безмолвия безраздельно свирепствовала смерть: от переохлаждения, от ранения, от болезни, от предательской минной растяжки или прицельного снайперского выстрела противника.

Когда разведчики спускались с гор, они встречались с другой бедой – густыми и плотными моросящими дождями. Только движение при ходьбе разогревало людей и, конечно, подаренные отряду местными жителями несколько лошадей, особенно на привалах, – лошади грели разведчиков, а люди согревали лошадок.

Разведчики-диверсанты шли по пересеченной местности, прорезанной множеством мелких речушек и ручьев. Появлялись, казалось бы, небольшие, неглубокие лужи, однако в разных их местах обнаруживались впадины глубиной почти что в человеческий рост. Попадал человек в такую природную «водяную ловушку», и становилось его нестерпимо жалко, – обсушиться нигде он не мог. Высыхала одежда прямо на разведчике от и так пониженной температуры озябшего тела.

«В период межсезонья природа хулиганит с погодой, а погода измывается над человеческим организмом, – рассуждал Зорич, глядя, как тяжело достается его людям каждый километр пути к заветной цели. – Ничего, ещё немного, и мы будем у цели. Нельзя духовно расшнуровываться, – надо держаться. И мы должны выдержать все испытания – впереди непременная Победа!»

Склоны словацких гор, как назло, попадались бойцам глинистые, которые под воздействием моросящих дождей становились опасно скользкими. Катайся хоть на салазках по этой глине. Те, кто хоть раз в своей жизни соприкасался с размокшим толстым слоем глинозема, знает, как тяжело ступать и продвигаться по густой кашице даже на ровной местности, не говоря уже о гористом грунте, лежащем на склонах.

Иной раз трудно вырвать сапог из такого месива, а идти ведь надо ещё не один десяток километров и не отставать от товарищей. Проклятые всеми дожди усложняли поход и утяжеляли экипировку. Намокшие вещмешки и рюкзаки становились неподъёмными, увеличивали вес почти что вдвое. Они давили на позвонки, от чего ныли спины, и пережатые нервы током били по ногам…

Люди быстро уставали от тяжести перехода. Всё чаще требовались привалы – отдыхать просили натруженные ноги и болезненные хребты. Измотанные переходом разведчики устраивали привалы всё чаще и чаще.

Фашистские гарнизоны, находившиеся почти что в каждом населенном пункте, приходилось обходить, а поэтому группа держалась подальше от людского глаза, от жилого тепла и вероятного провианта. Немцы же на околицах городов и больших сел выставляли дозоры, оснащенные эффективными средствами радиосвязи, а нередко маршрутировали свою агентуру для наблюдения за обстановкой.

В командах карателей обязательно находились люди, знающие русский, украинский, польский и словацкий языки. В подкрепление им придавались кинологи с собаками в намордниках, – это на тот случай, чтобы лаем раньше времени псы не выдали команду карателей и не насторожили партизан.

Наступил ноябрь – последний месяц живой воды, канун ледостава. Этот месяц в народе называют бездорожником. В ноябре тепло морозу не указ. В ноябре рассвет с сумерками встречаются. Он, этот месяц, – ворота зиме.

Прихоти и приметы ноября партизаны скоро приняли за должное, почувствовав на себе все «прелести» межсезонья.

Слово Святогорову:

...

«На привалах – люди в изнеможении падали прямо в глинистую жижу и поднимались, не просохнув. О том, чтобы разжечь костер, обсушиться и хлебнуть глоток горячей воды, нечего было и помышлять: кругом тревожно, особенно в преддверии нашего праздника – в ночь на 7 ноября.

Тем не менее, надо было ещё до рассвета преодолеть долину, совершив марш-бросок в 10–12 километров по совершенно открытой местности. Так что, когда все-таки достигли горного лесного массива, да ещё с полуразрушенной сторожкой в самой чаще леса, наши силы, что

называется, были на пределе.

Кое-как обсушившись и наскоро перекусив, выставили дозоры и расположились на ночь – кто в сторожке, а кто и в палатке.

Когда же утром 7 ноября я не без труда раскрыл веки – в глаза ударил необычно яркий свет. Выглянул наружу и остолбенел: земля, деревья, кустарники, хижина и две палатки – все в искрящемся, ослепительно белом уборе.

Воистину природа надела праздничный наряд.

Настроение сразу же поднялось. Правда, одолела другая забота: у многих бойцов совершенно прохудилась обувь и – хочешь не хочешь – придется им хотя бы несколько дней пересидеть в сторожке.

Пока же был праздник, и по такому случаю, скрепя сердце, я разрешил послушать Москву – экономия на радиопитании была строжайшая. Разумеется, все до единого, – и наши десантники, и словацкие партизаны, пополнившие отряд, – мгновенно сгрудились у приёмника.

Затаив дыхание, вслушивались в отдаленное от нас тысячами километров ликование, приобщались к нему, потому что было от чего радоваться. Подумать только: первый праздник на освобожденной полностью советской земле! И на фронтах полнейший успех, в том числе на востоке Чехословакии, где наши войска прочно удерживали позиции.

А затем было дружное застолье, конечно же, с главным тостом – «За скорую победу!», с полюбившимися

песнями – русскими, украинскими, словацкими, – прежде всего всемирно известной «Катюшей».

* * *

Конечно, самое большое впечатление у партизан группы Зорича осталось от прослушанных победных новостей из Москвы, объявленных голосом Левитана и начинающихся словами: «Внимание, внимание… Говорит Москва! Говорит Москва!»

Потом поэт в одном из четверостиший своего стихотворения так скажет по этому поводу:

С каким волненьем в годы огневые
Мы слушали победные слова,
Когда в эфире вслед за позывными
Звучало гордо: «Говорит Москва!»

Подсушившись и кое-как отремонтировав обувь и одежду, десантники снова двинулись в путь. Шли опять по гористой местности. Но теперь в окружении порой глубоких снегов, оставляя следы от ног людей и лошадей на белой скатерти природы, что было опасно в плане конспирации для группы, выдвигающейся к Братиславе. Следы могли заметить лесники, но их хорошо было видно даже с самолета-разведчика.

В середине ноября, когда ноябрь уже постепенно сдавал свои позиции декабрю, в горах подул северный ветер – «северко». Сначала стали пролетать сухие, быстрые и колючие снежинки, от уколов которых горели щеки. А несколько часов спустя повалили грузные хлопья густого мягкого снега. Перед глазами из-за частых промельков «упитанных», как назвал их один из партизан, снежинок стояла сплошная белая пелена. Потом стихия немного успокоилась. Солнышко неожиданно своим ярким лучиком прожгло тучу, как бы раздвинув густые облака. И хоть небесное светило не грело, а только золотило окоём, приятно было идти. И всё же холод ощущался, – высота как-никак!

«Волк не бывает без клыков, а приближение зимы без холодов», – образно подумал Зорич и дал команду группе на

марше утеплиться. В ход пошли плащевые накидки, шарфы, одеяла, вязаные шапочки, перчатки и рукавицы.

В двадцатых числах снежного ноября десантники достигли горного района под названием Втачник и расположились в одном из менее обжитых лесных массивов. Людям нужен был полноценный – длительный отдых.

Выставили дозоры и стали приводить себя в порядок. Запланировали и только начали проводить работу по налаживанию контактов с местным подпольем, как от агентуры поступило тревожное предупреждение – в ближайших окрестностях рыскают каратели. Фашистов и их машины можно было рассмотреть в бинокль. Группами по пять-десять человек они с собаками – немецкими овчарками обшаривали местность, то соединяясь с основными поисковыми силами карателей, то снова разъединяясь.

До Скицова – места базирования отряда – оставалось не так далеко, а оттуда до столицы Словакии Братиславы – как говорится – рукой подать.

И вдруг начальник штаба группы Владимир Волостнов закричал:

– Прошу срочно замаскироваться. За нами следят с неба. Самолёт, самолёт следит.

Все, как по команде, запрокинули головы вверх.

Действительно, в небе появилась широко известная партизанам и армейцам «рама» – фашистский разведывательный аэроплан. Он, как показалось бойцам, летал умышленно неторопливо, часто закладывая виражи над местом пребывания группы. Самолет сделал один круг, затем другой и третий, словно коршун, высматривающий свою добычу. И раньше винтокрылые машины немцев пролетали по ходу движения группы, но этот стервятник кружил над самим лесом, где притаился отряд советских разведчиков.

Видно, самолеты и агентура наблюдения карателей выследили группу Зорича, которому ничего не оставалось делать, как приготовиться принять возможный бой. Отступать в такой ситуации было некуда, а поэтому и ошибиться никак нельзя было. Отпор карателям рассчитывался почти с математической точностью – где устроить засаду, где поставить пулеметчика, где организовать огненный мешок, а где выставить мины и т. д.

Слово Святогорову:

...

«И, видимо, вынюхали нас фашисты, потому что 29 ноября непрошеные гости все-таки пожаловали. Уже за полночь со стороны горной возвышенности Втачник донеслись первые выстрелы. Это приняли на себя удар выдвинутые далеко вперед дозоры.

А вскоре грянул жестокий бой – ночной, непредсказуемый, когда лишь вспышки очередей озаряют зловещую тьму да ещё резкое уханье гранат указывает место особо яростной стычки.

А накануне боя мне пришли на память слова, сказанные когда-то Ницше, что нападают не только для того, чтобы причинить кому-либо боль или победить, но, быть может, и для того, чтобы ощутить свою силу. Эту силу мы почувствовали в реальности.

Сошлись и в рукопашной схватке, где в ход пошли и саперная лопатка, и изогнутая рукоять трофейного «парабеллума», а то и просто мощный русский кулак, дробивший челюсти зазевавшейся немчуре, а потому пропустившей то крюк снизу в подбородок, то удар сбоку.

Каратели падали под пулями, падали под кулаками, но… их не становилось меньше. Более того – явственно донесся лязг приближающегося бронетранспортера. Срочно пришлось отходить в обход – в направлении Скицова.

Оторвавшись от преследователей, мы остановились, наконец, чтобы отдышаться и перегруппировать силы.

Мы понесли первые горькие потери – в бою недосчитались трех

десантников, с которыми прошли труднейший путь до Втачника – Евгения Сирко, Степана Черначука и Вануша Сукасьяна».

* * *

Несмотря на организованный и эффективный отпор немецким карателям, воинам группы «Заграничные» пришлось думать о разумном отступлении – силы были неравные. Единственно правильное решение принял Зорич – отходить мелкими группами в разных направлениях с точкой сбора в заранее обусловленном месте высоко в горах, куда боевые машины поддержки неприятеля никогда бы не вскарабкались. Да и сами каратели боялись гор, где за каждым каменистым выступом или кустом мог прятаться партизанский ствол, готовый метко поразить цель.

Надежда была на то, что гитлеровцы сдрейфят и не станут подниматься в незнакомые и труднопроходимые места. В одном из направлений их наступления на стоянку партизан немцы нарвались на мины, предусмотрительно заложенные заранее. Часть карателей, потеряв ориентиры, вероятно, в отсутствие качественной связи, завязала боестолкновения… между собой. Кто-то из партизан бросил в автомашину гранату. Она вспыхнула как спичка, – видно, загорелся бензобак. Пламя быстро перекинулось на другой автотранспорт. Немцы остались без машин. Возникла паника…

В этом бою майор Зорич получил серьезное ранение в ногу с глубоким поражением лучевой кости. Нужно было срочно наложить шину. Местный лекарь сделал всё необходимое в данной ситуации – он «обул» ногу в лубки, изготовленные из толстой и прочной коры найденного им в лесу дерева, чтобы хоть как-то обездвижить конечность. Передвигаться командир группы теперь мог при помощи сначала палок, а потом добытых где-то и кем-то допотопных, скрученных ржавой проволокой и кое-где сбитых ржавыми гвоздями костылей. Но на них далеко не уйдешь, тем более по занесенным снегом тропам в гористой местности.

Поэтому решили использовать низкорослую лошадку, подаренную группе советских разведчиков комиссаром словацкой горной партизанской бригады Франтишеком Мишее. При таком передвижении Зорич чувствовал себя легче – не приходилось тратить дополнительные силы на ходьбу по глубокому, то

сыпучему, то мокрому снегу, когда костыли вместе с ногами легко проваливались в белую холодную кашицу, но зато их трудно было вытаскивать оттуда.

Командиру группы иногда казалось, что он в силу возникших непредвиденных обстоятельств – ранения не в полной мере справляется с руководством людьми и может случиться так, что ему придется передать бразды правления кому-либо другому из побратимов по оружию.

«Неужели мне суждено здесь погибнуть? – спрашивал сам себя Александр и тут же отвечал: – Нет, эту аберрацию пессимизма принять нельзя – она отклоняет меня от истины – бороться до конца и не сдаваться. Время должно быть лекарем солдату. Оно определяет движение. У времени нет ни начала, ни конца, а есть только одно направление – вперед. Вот и мне надо вперед – ползти, идти, бежать, – но только двигаться вперед. Я должен поспевать за временем – тогда спасусь и стану на ноги. Когда хочется заплакать – улыбнись! Надо выдержать это испытание, – не раскисать, Александр! Ни в коем случае! Иначе ждёт поражение».

Эти слова поддержки он бубнил себе под нос, как заклинание, как молитву, как обет, даваемый человеком для исполнения чего-то важного и нужного. Поддерживал его и сам дух сорок четвертого года, когда в трагический пейзаж войны теперь уже входили приятные черты победоносного шествия Красной Армии на запад, а это значит, в сторону гитлеровского логова – рейхсканцелярии Гитлера в Берлине. Это обстоятельство тоже придавало сил раненому командиру и его боевым побратимам и было своеобразным психологическим снадобьем на рану, которая должна была поддаться лечению.

Ему почему-то именно в этот печальный момент вспомнился двойной рисунок в «Правде» – «Долг платежом красен».

В верхней его части было показано, как крестьянин вынужден был снять шапку перед гитлеровцем, что олицетворяло первые месяцы войны. В нижней – иная демонстрация события – гитлеровцу сносит голову карающая рука партизанской справедливости. Этот рисунок сопровождался таким текстом:

Днем фашист сказал крестьянам:
– Шапку с головы долой! —
Ночью отдал партизанам
Каску вместе с головой.

Он даже улыбнулся тому, что вспомнил это четверостишие, так подходящее к поднятию настроения.

Однако рана на ноге никак не заживала, более того – начала дальше воспаляться, гноиться и чернеть в области ногтевых фаланг. Перебитые сосуды ноги меньше поставляли с кровью живительных веществ стопе. Появилась опасность возникновения гангрены – самой страшной болезни в полевых условиях, тем более, в зимнее время и в гористой местности. Следующим этапом лечения могла быть только хирургия – ампутация конечности. Доктор тоже намекал на такой неблагоприятный исход. Он прямо сказал:

– Товарищ командир, терапия бессильна в подобных случаях. Спасти может только хирургия. Других вариантов не вижу.

Тяжело было сознавать такой финал тридцатилетнему майору…

* * *

Но время поджимало.

Надо было продвигаться в сторону Скицова и Братиславы, несмотря на облавы карателей, спорадические стычки с ними и занесенные глубокими снегами горные перевалы.

Снегов в то время было так много, что порой казалось – отряд не доберется до места назначения, завязнет в белой непроходимости и будет дожидаться весны, а может, и замерзнет в снежном безмолвии. Это было внутреннее состояние человека, обусловленное реальным бедствием, отрицательно окрашенным эмоциональным процессом с точки зрения психологии, а если сказать проще – появился страх. Его пытался прогнать долг перед соратниками по оружию, Центром и Родиной.

Сознание же долга, привязывающее человека к его обязательствам, есть не что иное, как сознание высшего интереса, который одерживает в нем верх над интересами низшего порядка – страхом, ленью, ложью, необязательностью.

Зорич понимал, что чем раньше они достигнут «оперативной точки» – базы, откуда будут наносить по противнику удары своим специфическим оружием, тем легче будет Красной Армии, тем меньше у неё будет потерь. Это было не праздное словоблудие, а чистое патриотическое желание, выстраданное и выстоянное в душе, не оскверняемой сделками с совестью.

Человек на войне создан для действия, но при этом лучше думать перед тем, как действовать, чем после. Даже обращение к богу через молитвы и небеса не помогает людям, которые бездействуют и уповают на случай.

Недаром говорится, что единственное в мире, что имеет

ценность, – это деятельная душа, направляемая словом на дело, ибо слово – тень дела, образ дела. Если что можно доказать делом, то на это незачем тратить слова.

Впереди группу Зорича ждали большие дела.

Трагикомичный случай

Декабрь разразился в горах обильными снегопадами. Глаза то и дело застили похожие на коробочки хлопка крупные снежинки. А дальше встречались в основном жгучие метели. Острые и сухие посланцы неба больно секли щеки и глаза. Лица краснели от напряжения и тающих снежинок. Глаза постоянно слезились, – ни брови, ни ресницы не помогали. Ручейки талой воды, перемешанной с потом, щипали раздраженные веки. Но люди Зорича упорно продвигались к цели.

И вот через несколько дней, наконец, пробрались к заветному Скицову. Отряд сразу же расположился партизанской базой в довольно-таки густом хвойном лесу. Нужно было передохнуть, привести себя в порядок и за короткое время не только установить связь с местным подпольем, но и активизировать деятельность братиславских разведывательных групп.

Их возглавляли бесстрашные патриоты своей страны – Франтишек Бучек, Ян Янковский и Ян Колена.

С появлением диверсионного отряда майора Зорича, словно почувствовав поддержку советских «специалистов-профессионалов», заметно усилили свою работу диверсионные группы во главе с Яном Милко и Штефаном Ференцом.

О бесстрашии этих двух партизан и их смелых, а порой дерзких подрывных операциях среди партизан ходили легенды, которые передавались от одного партизанского отряда к другому.

Кроме того, советские десантники наладили взаимодействие с более крупными силами – со словацкими партизанскими бригадами Михаила Сечанского, Франтишека Гагары и командиром отряда народных мстителей Йожефом Траяном. Это были люди ратного подвига, потому что каждый день для них был таковым. Они делали неожиданные налеты на небольшие немецкие гарнизоны, подрывали ангары с боевой техникой и тоннели, уничтожали личный состав, пускали под откос вражеские эшелоны, ликвидировали предателей.

Кстати, судьба Йожефа Траяна сложилась весьма трагично. В 1953 году он был незаслуженно репрессирован – арестован и быстро казнен. Его обвинили в «дружбе и сотрудничестве с кликой Тито – Ранковича». Спустя годы чехословацкие власти извинились за то, что их предшественники так круто обошлись с патриотом, и реабилитировали героя борьбы с фашистами посмертно.

Добываемая информация людьми группы Зорича моментально сообщалась по рации как в Центр, так и через

связных передавалась местным мстителям – партизанам, которые благодаря этому могли в нужный момент удачно сманеврировать своими походами-вылазками и вовремя уходить от карателей. Вместе с тем у воинов-партизан появлялась возможность наносить внезапные удары там и тогда, где и когда противник их не ожидал.

Однажды в отряд прибыл связной от одного из местных партизанских отрядов и сообщил, что недалеко от места нахождения советских разведчиков на дороге остановился бронетранспортер с прицепом.

– Видно, «застучал» двигатель, – пояснил он. – Но у нас только стрелковое оружие. Взорвать бы его к чертовой матери.

Скоро к «стоянке» БТРа отправились специалисты-подрывники. Всю операцию они проделали быстро и чисто. Фашистский бронетранспортер после такой «ремонтной бригады» уже не подлежал восстановлению, а гитлеровцев всех перебили.

* * *

Из Синцова, где располагалась база Зорича, его людям удалось провести серию диверсионных актов. Эта «взрывно-подрывная» деятельность настолько обозлила карателей, что они стали устраивать постоянные облавы на «красных дьяволов».

А в декабре 1944 года фашисты в районе, где располагался отряд «Зарубежный», предприняли карательную экспедицию против партизан. В ней участвовали целое соединение – дивизия СС «Эдельвейс» вкупе с некоторыми частями власовской РОА, в которую входили отдельные казачьи подразделения донского атамана генерал-лейтенанта Краснова. Отдельные группы солдат этой карательной экспедиции прорвались ночью через горы и внезапно оказались рядом с базой отряда.

Агладзе, Бондарь и Волостнов прикрывали отход партизан, которые мелкими группами и в разных направлениях поднимались всё выше и выше в горы. Они геройски и умно отражали атаки карателей.

Уставшая и голодная тройка прикрытия всё же оторвалась на некоторое время от преследования и вышла к деревне Клак, которую за помощь партизанам немцы не так давно сожгли дотла. Каратели шли по пятам «отчаянных парней», но их приютил и спрятал в подвале костёла местный фарар – священник Рудольф Клухо, тем самым сохранив им жизнь.

В семье Клухо они прожили несколько дней и встретили здесь Рождество. Вся троица считала этот день своим вторым

рождением. Кстати, после войны начальник штаба разведгруппы Владимир Георгиевич Волостнов, живший в Москве, несколько раз приезжал с подарками к своему спасителю.

Второй «партизанской деревней», расположенной высоко в горах, куда немцы боялись подниматься, была деревушка Чичманы. К ней вели труднопроходимые дороги. А партизаны всегда находили там дом, приют и тепло.

Эти места для партизан являлись заповедными и святыми. Уже после войны начальник штаба отряда Зорича Владимир Волостнов напишет в письме словацким школьникам:

...

«Никогда не забыть разговора с Ф. Гагарой (местным жителем. – А.Т .), когда он высказался в связи с нашим приходом, что один колосок в поле может не выдержать большой силы ветра, но когда их в поле вырастает много, не страшны никакие бури».

Отряду нередко приходилось перемещаться, маневрировать, а иногда быстро сниматься под самым носом у противника и уходить, используя наработанные хитрости. Отрывались от карателей, как правило, всегда благополучно. Давать кровопролитный бой или ввязываться в стычки в таких ситуациях, когда перед ними находились большие силы немцев и местных предателей, малочисленная группа, естественно, не могла – ей были нарезаны совсем другие задачи.

Людей надо было беречь для главной работы, которая могла нанести больший ущерб фашистам, чем уничтожение даже нескольких десятков гитлеровско-тиссовской солдатни.

Зорича сдерживал также урок, полученный в начале пути своего отряда, за что он получил выговор от своего начальства.

Слово Святогорову:

...

«Во время одного такого отхода после успешно проведенной боевой

операции мне на собственном горьком опыте пришлось убедиться в том, что воистину от трагического до смешного – один шаг.

Вам, очевидно, случалось наблюдать во время демонстрации фильма о разведчиках такую картину: в самый, казалось бы, критический момент для героев в зале раздается смех. Поверьте старому разведчику – эти «веселые сюжеты» подбрасывает сама жизнь.

И ещё я один жизненный урок усвоил – в судьбе нет случайностей: человек скорее создаёт, нежели встречает свою судьбу.

В тот раз, уходя от карателей, нам пришлось преодолевать высочайший горный хребет, да ещё по глубокому снежному покрову. Нога моя болела нестерпимо: уже несколько часов кряду я не слезал с лошади. Хорошо ещё, что конь достался выносливый и довольно спокойного нрава. Его обычно умело и осторожно вел под уздцы наш товарищ – словак Ян Грушовский, дабы не причинить мне лишних страданий.

И вот во время ночного перехода Грушовский обернулся и, к своему удивлению и ужасу, увидел… лошадь бредет, понуро свесив голову, с порожним седлом – а меня на лошадке нет!

Позабыв об осторожности, Ян напролом бросился назад по горной тропе и вскоре обнаружил своего командира, который, ухватившись за толстую ветку дуба, повис над лощиной.

А всё оказалось просто. Над узкой тропой, по которой мы шли вдоль ущелья, раскинул свою крону

могучий дуб. Одна из его толстых и крючковатых ветвей перекрыла мне, сидевшему на лошади, дорогу, как шлагбаумом, а нога, запакованная в лубки, не дала сманеврировать. Громко кричать я не мог, – не ровен час фашисты услышат. Ну а тихий мой окрик заглушал шум ручья да внезапные порывы ветра.

Выбора не было, и я, ухватившись за ветку, повис над ущельем, пока меня не обнаружили и не сняли. Яну, конечно, нагорело за невнимание. Но и я ещё долгое время ловил во взглядах побратимов озорные искорки.

Преодолев перевал, мы возвратились на свою базу в Скицове. Врач отряда Войтех Эрбах, осмотрев мою почерневшую ногу, собрался её ампутировать. Так и сказал: «Другого выхода не вижу, как хирургически спасти тебе жизнь».

Это меня, естественно, опечалило. Я его попросил ещё раз пошевелить мозгами и найти какую-нибудь зацепочку, чтобы сохранить мне ногу.

Иного варианта он вначале не находил. Однако скоро передумал и взялся лечить; к счастью, всё обошлось. Он спас мне раненую ногу.

Это тоже стало моим очередным рождением».

* * *

После ухода от карателей, сделав приличный круг для заметания следов, группа Зорича снова возвратилась в Скицов. Теперь десантники обосновались прочно, соединившись с относительно крупным партизанским отрядом капитана Путилова. Партизанская база превратилась, по существу, в

неприступный бастион с несколькими спиралями боевого охранения и хорошо замаскированных и скрытых от любопытных глаз дозоров.

Своя проверенная агентура стала работать по близлежащим селам и хуторам, добывая важные разведывательные сведения. Она же нередко предупреждала партизан о появлении карателей на дальних подступах к месту дислокации отряда.

Немедленно уничтожать партизан, десантников, подпольщиков – с такими категорическими указаниями следовали приказы начальнику полиции Скицова, подчиненные которого и так целыми днями прочесывали лесные массивы, скакали на лошадях по горам и, не жалея патронов, обстреливали чащобы и бросали гранаты на дно глубоких ущелий, оврагов и впадин.

Однажды бойцы охранения отряда заметили приближающуюся толпу каких-то гражданских людей. Решили проследить, куда и зачем они направляются. Неизвестные шли смело, как говорится, в полный рост, по направлению к месту расположения штаба партизан и его некоторых отрядов с лопатами, топорами и пилами, но… без оружия.

– Кто вы и куда путь держите, добрые люди? – спросил один из бойцов охранения, стоявший в дозоре на подступах к основной базе отряда.

– На помощь путиловцам, но только мы, как видите, с мирным оружием, которое должно вам помочь не меньше, как огнестрельное. Оно посильнее их пулемётов и мин. Обмануть дьявола – не грех, – загадочно пояснял высокого роста моложавый мужчина. Это был руководитель – старший группы словацких добровольцев.

Срочно доложили командованию…

Оказалось – в отряд пришли местные граждане с пилами и топорами и предложили свою помощь в устройстве завалов на окрестных дорогах, поднимающихся в горы.

И работа сразу же закипела – дружно запели пилы, гулко застучали топоры. С треском, ломая ветви крон, падали стволы крупных деревьев. Через некоторое время нагромождения из поваленных огромных стволов деревьев и веток присыпали снегом. Затем отлогий подъем плотно утрамбовали и хорошенько пролили водой. Мороз все эти своеобразные эскарпы за ночь сковал таким крепким льдом, что его партизаны назвали – «водным бетоном», который не брала ни пуля, ни осколки.

В результате такой «шефской помощи» получились неприступные для боевой техники и карателей оборонительные валы, которые преодолеть без специального альпинистского

снаряжения было очень трудно. Они, эти оборонительные валы, являлись не только неприступными для боевых машин, но и скользкими для пехоты. Чтобы забраться по ним, нужны были чуть ли не ледорубы или снаряжение, каким обладали альпийские егеря из дивизии «Эдельвейс» – с шипами на подошвах армейской обуви. А она имелась только в специальных частях, которых среди карателей не было.

Кроме всего прочего, в слабых местах партизаны экономно расставили мины, а для обмана неприятеля на голых участках местности развешали таблички с грозными надписями на немецком и местном языках: «Мины!», «Осторожно – мины!», «Опасно – мины!», «Не ходи – мины!»

Партизаны прекрасно понимали, что враг их потревожит. И вот, наконец, наступил полный тревоги и томительного ожидания день.

Дозорные доложили, что на подступах к лагерю загудели дизеля бронетехники. Началось какое-то движение в стане неприятеля. Видно было в бинокли – головные машины бронетранспортеров, в том числе и гусеничных, остановились в нерешительности у подножия небольшого ската.

Но громкая команда – vorwärts – сдвинула всё же эту махину с места. Снова натруженно под нагрузкой заурчали машины. За ними двинулась пехота, которая, к своему удивлению, заметила, как колёсная техника буксует, а гусеничная скатывается, как на салазках, вниз.

Каратели, не зная об этих приготовлениях, не солоно хлебавши, отошли. Ни машины не могли преодолеть прочных надолбов с вмороженными поваленными деревьями, ни каратели – ледяных горок. Толстые стволы и ветки, словно чьи-то гигантских размеров растопыренные пальцы, мешали ходу гусениц и колёс. А каратели под хохот партизан и прицельную стрельбу всякий раз скатывались со скользких желобов вниз под холм. Со страхом и ненавистью они топтались внизу на месте и смотрели вверх на обороняющихся партизан. Немцы, понимая бесперспективность очередного штурма, уже больше не хотели участвовать в конвейере смерти.

Одному из карателей всё-таки удалось взобраться с пулеметом на вершину. Вот он прыгнул в сторону сосны, надеясь засесть за естественной преградой и таким образом схоронить себя от партизанских пуль, но тут же был сражен автоматной очередью. Он сложился пополам и кулем рухнул на землю. Его тело бревном покатилось под горку.

Второй немец решил зайти с фланга, но, прошитый пулей партизанского снайпера, он на долю секунды нелепо завис на

ветках колючего кустарника, а затем, как сломанная кукла, сложившись, завалился на землю и замер в неестественной позе рядом с огромным сосновым пеньком, исклёванным пулями.

Местным гражданам и обитателям базового лагеря хватало хорошо изученных, а поэтому знакомых горно-лесных тропинок, по которым можно было ходить безопасно.

Слово Святогорову:

...

«Впоследствии мы не раз наблюдали, как вражеская колонна, дойдя до очередного завала и прочитав нашу табличку, спешно разворачивалась в поисках обходных путей. Ведь времени на расчистку пути у карателей не было. Да и боялись фашисты подолгу останавливаться на дорогах.

И не зря: наступали такие времена, когда в Словакии по оккупантам стреляло каждое дерево, каждый валун в горах.

Наша разведывательно-диверсионная служба была налажена хорошо и в районе Скицова всё более набирала силу.

По сути, не проходило ночи, чтобы я не принимал связных из Братиславы и Нитры, Глоговца и Злате-Моравце».

Связные приносили разведывательную информацию, влияющую на планирование и характер проведения диверсионных актов как в самом городе Братиславе, так и на важных военных объектах нацистов и коллаборационистов в его окрестностях.

Явка Штефана Халмовского

Итак, отряд Зорича основательно закрепился в Скицове под Братиславой. Связи с местными подпольщиками – «судругами», так величали в Словакии товарищей по оружию, были настолько прочны и разнообразны, что советские десантники могли легко решать практически любые поставленные Центром задачи. Управлять процессами ведения разведки и контрразведки им стало намного легче, так как ощущалась нарастающая и ширящаяся сила местного сопротивления фашистам – с одной стороны, а с другой – помощь советским товарищам.

Но фашисты были ещё сильны, назойливы и злы, как осенние мухи. Нацисты чувствовали приход своей последней зимы и прекрасно понимали, что долго их режим не протянет, поэтому взрывались всякого рода репрессивными синдромами, но это уже были, хотя и болезненные для партизан, всё же вспышки эмоционального выгорания.

Именно неминуемое пораженческое будущее превращало фанатов-нацистов, действовавших в Словакии, в озлобленных животных. Жестокость по отношению к местному населению, не говоря уже о партизанах, лилась через край. Аресты, пытки, издевательства, расстрелы и повешения множились в геометрической прогрессии. Но этими репрессиями они уже ничего не смогли сделать в плане профилактического сдерживания населения. Наоборот – это ожесточало патриотов и только усиливало их духовно в праведной борьбе за освобождение своей земли от нацистской нечисти.

Они верили, что конец коричневой чумы наступит с падением Берлина.

* * *

Несмотря на логическую точность для многих в понимании того, что может случиться в скором времени с Третьим рейхом, гитлеровцы не унимались. Активно работали подразделения гестапо, готовя и засылая лазутчиков в наши разведывательно-диверсионные группы, в партизанские отряды и в силы движения словацкого Сопротивления. С пойманными патриотами, бросившими вызов оккупантам, нацисты, как и раньше, расправлялись жестоко – действовал закон вполне предсказуемых истязаниями последствий. Как уже отмечалось выше, противник зверел, поэтому вопросам конспирации в работе придавалось

особое значение.

Принцип – доверяй и проверяй – у разведчиков всегда и во все времена был доминирующим. Он стоял на первом месте. Не раз Зорич говорил своим агентуристам, что предел хитрости – управлять без силы, а силой убеждения и личного примера.

Большое искусство – не давать до конца узнать себя, вечно оставаться тайной. Для этого нужны и сила воли, и мужество, и хитрость. Партизаны группы Зорича хорошо усвоили истину – не доглядишь оком, заплатишь боком.

У каждого человека, говорил Антон Павлович Чехов, под покровом тайны, как под покровом ночи, проходит его настоящая, самая интересная жизнь; каждое личное существование держится на тайне.

Именно на таком принципе держалась тайная работа содержателя конспиративной квартиры в Братиславе, местного бесстрашного патриота Штефана Халмовского.

Слово Святогорову:

...

«Имена многих наших словацких судругов и их деяния обросли фантастическими подробностями.

Я же многих из них знал в лицо, давал задания, координировал их действия, видел боевую работу каждого, так сказать, воочию. Встречался с судругами в Братиславе, советовал им и советовался с ними, потому что дело касалось нашей общей борьбы с фашизмом. Поэтому и рассказать могу, что и как было в действительности.

Мне уже приходилось упоминать, что больше других нам помогли политические руководители восстания Густав Гусак и Карол Шмидке. Особенно нам пригодились переданные ими связи с активным антифашистским подпольем. Благодаря этому нам в кратчайшие сроки удалось создать в Братиславе

широко разветвленную разведывательно-диверсионную сеть с целой цепочкой надежных конспиративных квартир, – практически мощную и глубоко законспирированную резидентуру.

Одной из главных явок стал дом Штефана Халмовского, располагавшийся почти что в самом центре города.

Представьте себе хорошо меблированные комнаты, напоминающие гостиные модного ателье. Примерочные кабинеты, тяжелые бархатные портьеры, напольные то ли турецкие, то ли персидские ковры. И среди всей этой роскоши скромный подвижный человек, отнюдь не богатырь с виду, этакий преуспевающий люкс-портной, имеющий самую широкую клиентуру как среди словацкой верхушки, так и среди немецких бонз.

Это и был Штефан Халмовский, хозяин явочной квартиры, один из опытнейших разведчиков. Разумеется, никто из «отцов города» – и местных, и оккупационных – ни сном ни духом не ведал, что именно «вполне лояльный патриот», внешне непоказной человечек, вечно стрекочущий на швейной машинке «Зингер», поставляет нашей группе, а значит, и Генеральному штабу Красной Армии ценнейшую разведывательную информацию.

Даже близкие друзья не знали, какая лютая ненависть к фашистам скрывается за застенчивой улыбкой Штефана. Не ведали они и того, что у Халмовского были личные счеты с гестапо, замучившим его родного брата. Тоже коммуниста-

подпольщика, который умер под пытками, так и не назвав ни своего подлинного имени, ни, тем более, имен соратников по борьбе.

А теперь представьте себе картину.

В салоне Халмовский ведет с розовощеким господином далекую от политики беседу, хорошо сдобренную порцией «соленых» анекдотов. Тем временем клиент отказывается от назначенной только что очередной примерки:

«Поймите, батенька. Занят вот так – по горло! Прибывает в порт немецкий транспорт с оружием. За два-три дня надо выгрузить. Что бы вы думали? – Танкетки, батенька, танкетки! А кто мне дополнительный кран выделит? Кто, я вас спрашиваю?»

Портной, конечно, с пониманием относится к сложностям своего заказчика и переносит примерку на более позднее время. И пусть господин принимает свою заботу не до сердца, а лишь до пуговицы старенького сюртука…

Эта работа с клиентом проходит на глазах моего курьера. И я ещё раз убеждаюсь: у Штефана глаз – что алмаз. В людях разбирается не хуже профессионального психолога. Не то что порок – любую слабость в заказчике подметит. С болтуном поболтает по-свойски, мнительному клиенту посоветует лучшего на всю Братиславу лекаря, а с ловеласом посудачит о женщинах, в меру подбрасывая скабрезности. И вот уже выудил: когда и куда прибывает новая часть. И поскольку её «хозяин» сегодня гуляет, значит, срочно

нужны «девочки». Портной Штефан – маленький человек, но он всё понимает и готов разделить заботу квартирмейстера о «девочках».

* * *

Вполне понятно, что Штефан работал не один, а с боевыми, смелыми, умными и верными помощниками. Он сочетал в себе роль не только содержателя явки, но практически являлся резидентом, у которого была на связи проверенная агентура партизанского отряда и местного подполья. Портной был своеобразным дирижером агентурного оркестра, каждый музыкант которого четко и без фальши играл на своем инструменте. К нему посылались только надежные, проверенные и ценные негласные источники Зорича и его коллег.

Майор тщательно проверял свою агентуру, навещающую «вечно занятого своей работой» братиславского портного. Он боялся провалить эту важную конспиративную квартиру через слабовольного или подставленного противником негласного помощника. Действительно, со Штефаном работали только проверенные и тщательно отобранные агенты майора Зорича.

Они обладали силой воли, глубоко внедренные в нужные партизанам объекты и способные держать язык за зубами даже в случае непредвиденного провала.

Именно через Штефана Халмовского и ему подобных людей советские разведывательно-диверсионные группы и другие партизанские отряды получали самую свежую информацию о переброске гитлеровцами личного состава и боевой техники для подавления главного очага движения словацкого Сопротивления в Банска-Быстрице и самого Словацкого восстания.

Радисты Зорича Слава Бондарь и Нина Чопорова не раз передавали в Центр радиограммы с важным содержимым – полученными секретными материалами от своей агентуры, так необходимыми Киеву и Москве. Реакция на эти «эфирные депеши» была мгновенная. Наши штурмовики и бомбардировщики с точностью до десятков метров накрывали «бомбовым покрывалом» указанные в шифровках цели.

Сбоев никогда не было, что не раз отмечал Центр, – качество информации положительно, работа авиацией проделана с успехом.

Ответы с такими оценками из Киева и Москвы вдохновляли

разведчиков, и они с новыми силами брались за очередные задачи по нанесению существенного урона фашистам и их сателлитам, прибывающим в Словакию на помощь «тиссовцам».

Это и был тот предел хитрости разведчиков, который управлялся не силой мускулов, а скорее силой ума.

Одним из самых молодых был в отряде радист Слава Бондарь, которого Зорич очень высоко оценивал. Ценил, прежде всего, как профессионала и смелого воина. Но кроме хорошего знания радиостанции с прекрасной работой на ключе и мужественного характера, он был ещё отменным выдумщиком и постоянным балагуром.

Так, однажды Бондарь привел в отряд заблудившуюся и перепуганную, почему-то именно коричневую корову, как раз под цвет рубашки Гитлера. Он нацепил ей на шею найденную на поле недавнего боя немецкую медаль и по поводу награждения предложил партизанам выпить по стопочке сливовицы. Корова то и дело пыталась рогами подцепить болтающийся на шее длинный овал грязного шнурка.

– Видите, видите, и ей стыдно носить нацистскую награду! Она рогами хочет её сбросить, – констатировал Слава-весельчак.

Все захохотали…

И тут же рассказал, как в одной пьяной компании до войны он подшутил над своим злым начальником. Когда в очередной раз разлили водку по граненым стаканам, он незаметно подбросил подвыпившему шефу выдернутый свой зуб, который носил в кармане.

– Когда шеф отвернулся, я незаметно опустил свой отшлифованный зубик в его стаканчик. Начальник аппетитными глотками стал опорожнять стакан и вдруг, к своему ужасу, на стеклянном дне заприметил зуб. Он тут же как вскочит, как заорет – братцы, зуб-зуб… выпал. Засунул руку в пасть и давай щупать ряды зубов, в надежде найти то место, где он стоял. Ничего из этой затеи не получилось. Тогда он подбежал к зеркалу, висевшему в темном коридорчике, открыл рот – ничего не видно. Он стал орать и требовать фонарик. Фонарика у хозяина не оказалось. Он предложил спички или керосиновую лампу. Зажгли лампу, но и она не помогла прояснить, откуда «вылетел» зуб. Свирепый, как раненый вепрь, он выбежал из квартиры и помчался домой…

Больше о зубе он не вспоминал, но долго пытался вычислить, кто же надсмеялся над ним.

– Вычислил? – спросил один из партизан рассказчика.

– Не-а, – ответил он…

Опять все прыснули от смеха.

* * *

Братислава. Декабрь 1944 года.

Братислава – город, расположенный на левом берегу судоходного Дуная и склонах Малых Карпат, город, стоящий на границе трех государств: Австрии, Венгрии и Словакии. Город жил своей неторопливой жизнью. Гордо и печально одновременно возвышались над городом руины Братиславской крепости (Града) – исторической доминанты словацкой столицы. Несмотря на войну, в городе горели яркие, красивые витрины магазинов, пестрела ослепительная путаница разноцветных вывесок. Ездили по улицам гражданские и военные автомашины. Тротуарами с утра топали и проезжали на велосипедах и мотоциклах на работу и службу, а потом домой местные граждане. Неторопливо перемещались по улицам военные и полицейские патрули, внимательно наблюдая за горожанами и гостями столицы.

Но это видимая сторона большого города. Обратную – невидимую сторону его заполняла деятельность разного рода штабов Словацкой армии, германского вермахта, специальных служб и их агентуры.

Последняя – то есть агентура – работала в направлении выявления сторонников движения Сопротивления, лиц, сочувствующих и помогающих партизанам, иностранцев, появившихся в городе, и лиц, проявляющих интерес к военным объектам. Особенно было много филеров-осведомителей в районе речного порта, куда приходили и разгружались баржи с военными грузами – боевой техникой, боеприпасами, личным составом немецкой армии. Крутилась нацистская агентура также возле арсеналов и складов с боевой техникой и оружием.

Разведчиков группы Зорича и их негласных помощников, работавших через Штефана Халмовского, жизнь словацкой столицы интересовала именно с позиций поведения оккупационных войск.

Однажды, обменявшись паролем, к Штефану зашел пожилой человек с просьбой пошить ему брюки. Заказчик выложил перед портным кусок серой ткани. Разговорились – говорили о погоде, о сложностях жизни, о рыбалке. А потом, когда гость стал называть, как бы мимоходом, сроки прибытия многотоннажных речных транспортов, застрочила, нет, загрохотала швейная ножная машинка «Зингер». Конспирации хозяин ателье Штефан Халмовский был глубоко обучен. Это действие являлось своеобразным противоядием от всякого рода «прослушек».

– Извините, господин, я дошью рукав, – подмигнул агенту Штефан, быстро педалируя «ножной машинкой», а свободной

рукой стал записывать то, что сообщал ему этот неприметный человек, пришедший к нему, чтобы помочь бороться с гитлеровцами.

На клочке бумаги – выкройке для рукава он зашифровал информацию, принесенную ему патриотом.

Вечером другой заказчик забрал у него пошитую курточку вместе с данными о прибытии в Братиславский речной порт немецко-фашистских «водных платформ» с воинскими грузами.

Именно в дни, когда швартовались эти баржи-гиганты с оружием и боеприпасами, снаряжением и личным составом, происходили трагические для немцев события.

Первая баржа с танками, бронемашинами и оружием при разгрузке взлетела на воздух. Это результат действий партизанской агентуры из числа докеров, которые сумела занести адскую машину в трюм судна и привести её в действие.

Вторую и третью баржи встретили на подходе к порту ещё на середине речного фарватера наши доблестные штурмовики, внезапно появившиеся точно в нужное время. Атаки были настолько молниеносными, что ни местная ПВО, ни тем более зенитные средства, установленные на баржах, не успели среагировать на действие советских краснозвездных машин. Оба транспорта были потоплены в результате прямых попаданий снарядов и бомб, а затем детонации собственных боеприпасов, находившихся в трюмах.

Немцы прекрасно понимали, что все эти невосполнимые и тяжелые потери, тем более в конце войны, когда каждый патрон, каждый танк, каждый солдат был на счету, – результат работы советских разведчиков и их агентуры из числа словаков.

Поэтому, как правило, после таких диверсий в городе происходила «зачистка»: выставлялись дополнительные полицейские посты, проводились облавы, устанавливался с более жестким режимом комендантский час, арестовывались подозрительные лица.

В такие периоды активизировались и спецслужбы противника – немецкие гестапо и абвер, а также тиссовская охранка.

К счастью, никто из агентуры Зорича не попал в расставленные сети вражеских спецслужб.

Подвиги агентуры Зорича

Одним из самых надежных агентов, находящихся на связи одновременно у содержателя конспиративной квартиры и резидента Штефана Халмовского, его «глазами и ушами» в Братиславе и особенно в братиславском порту был смышленый семнадцатилетний паренек Эмиль Дуцкий.

Он, как считал майор Зорич, был дерзким и не по годам рассудительным молодым человеком – природным разведчиком. Это благодаря Эмилю советские радисты «…всегда вовремя «отстукивали» графики прихода и отхода немецких транспортов».

А потом их аккуратно «обрабатывали» наши небесные соколы или при разгрузке местными докерами-патриотами закладывались мины в трюмы пришвартовавшихся к портовому пирсу кораблей. Проходило некоторое время, и речные суда взлетали на воздух.

Слово Святогорову:

…

«Он же, Эмиль, раздобыл точные схемы двух линий электропередачи, сложные сети водоснабжения и своеобразной системы нефтепровода.

И тогда по моему заданию диверсионные группы Франтишека Бучека и «трех Янов» – Колена, Янковского и Милко, а также Штефана Ференца, скоординировав свои действия, взяли под постоянный «контроль» эти важнейшие хозяйственно-стратегические объекты, выводя их из строя то попеременно, то сразу все вместе. Соответственно «графику Дуцкого» мы успешно провели также затопление двух военных транспортов на Дунае.

Однако, что ни говори, а не всё и не всегда у разведчиков складывается гладко. Эмиль не был исключением и потому до сих пор помнит январский

день сорок пятого, когда всё висело на волоске.

Тогда мы готовили очередную крупную диверсию в порту, и Эмиль отправился в Братиславу с небезопасным грузом. В дорожной сумке находились мины замедленного действия. Их надо было срочно доставить подпольщикам из числа докеров, а по дороге ещё «забежать» за свежими разведывательными данными к «папаше Штефану» – Халмовскому.

Из-за разыгравшейся метели и снежных заносов Эмиль добрался до портновского дома лишь вечером, когда уже вступил в силу комендантский час. Как на грех хозяина дома не оказалось, зато сразу же у порога, на выходе, перед ним, как будто из-под земли, вырос фашистский патруль.

Предъявив «аусвайс», Эмиль скорчил жалкую рожу и слезливо залепетал о чертовой красивой (девушке), которая-де замучила бедолагу в своих объятиях.

Патрульные вдоволь посмеялись над незадачливым ухажером-придурком да и отпустили с богом.

– То выходит добре! – смеялись потом партизаны, слушая рассказ Эмиля.

– Добре, добре, та не дюже! – посмеивался и он, пощипывая слегка пробивающиеся усики, и продолжал: – Отошел я от них эдаким простоватым фертом, иду себе тихо. Глядь – они следом!

Что было делать? И Эмиль уверенной походкой направился к бараку, где жили строители подземного тоннеля. Вот уже и барак рядом, а фашисты не

отстают. Он в дверь – они за ним. Эмиль – к комнате, откуда раздаются голоса, ткнулся в дверь, а там – кто спать укладывается, кто скарб нехитрый складывает. За столом, установленным бутылками сливовицы, двое изрядно подвыпивших.

Оценив обстановку, разведчик в мгновение ока определил наиболее «нагрузившегося» и по-братски прильнул к нему со словами:

– Йожо, спать пора.

Забросив руку парня себе на шею, Эмиль поволок того из-за стола прямо к постели. Только тогда патруль и оставил, наконец, нашего Эмиля в покое.

И вот, бросая ретроспективный взгляд на те события, я пришел к выводу, что лишь сумма преодоленных препятствий является действительно правильным мерилом подвига и человека, совершившего этот подвиг.

Таких историй у моей агентуры было много».

* * *

В тесном контакте с агентами Зорича – «папашей Штефаном» и Эмилем действовала диверсионная группа Яна Колена. Люди Яна «специализировались» на уничтожении гитлеровских офицеров. Это был ответ на террор фашистов против мирного населения, заподозренного даже в сочувствии к восставшим и ненависти к оккупантам.

Ян Колена был прикрыт вполне объяснимой крышей – агент фирмы «Швестка» по реализации швейных машин. Его знали многие состоятельные граждане Братиславы. Всегда приветствовали на улице. С радушием принимали коммуникабельного говоруна и балагура Яна на своих квартирах местные бизнесмены.

Среди городской элиты он прослыл любителем увеселительных мероприятий – кафе, ресторанов, банкетов. Ян Колена был статен, красив лицом и контактен. Он обладал удивительными способностями приближать к себе людей – как мужчин, так и женщин. Одни считали его жизнелюбом, другие – ловеласом, а третьи – элементарным прожигателем жизни.

Это не надо было доказывать: Яна Колена – как истинного эпикурейца – часто видели в увеселительных заведениях. Его всегда приглашали в компании.

Однако за завесой его мнимых похождений этот «элегантный повеса и гурман» успевал пронести в фешенебельные рестораны «Савой», «Карлтон» или какое-то другое «весёленькое заведеньице» партизанские мины с часовым механизмом.

А две его пассии – «легкомысленные» девицы – Гелена Донатова и Боришка Янакова – получали «адские машинки» у него из рук в руки как раз тогда, когда отправлялись на встречу со своими подвыпившими ухажерами – гитлеровскими офицерами больших званий и должностей.

Уходя, эти красавицы, конечно же, по «забывчивости» оставляли пьяным офицерам свои «подарочки» с билетами на тот свет – неизвлекаемыми минами с часовым механизмом. Надо сказать, что немецкое воинство любило горячительные напитки, особенно много было причастившихся к зеленому змию в конце войны – видно, боши чувствовали свою обреченность.

Некоторые быстро спивались, становясь закоренелыми алкоголиками. Девчата умудрялись за время «отключки» служак вермахта детально обшарить их карманы, портфели, саквояжи и, прихватив порой очень важные документы и даже личное оружие, благополучно покинуть апартаменты с готовящимися через определенное время незадачливыми донжуанами улететь на небеса к «арийским праотцам».

Однажды в ресторане прицепились к ним два старших офицера – один был местным майором, а другой залетный полковник из Берлина. Хорошо накачавшись шнапсом и всякой другой хмельной дрянью, они возжелали успокоить свою возбужденную плоть, проведя остаток вечернего времени с двумя красотками. Ими и были Гелена и Боришка, ответившие согласием на продолжение более «теплой вечеринки». Вскоре компания уехала в гостиницу, где пылким ухажерам в фужеры было подсыпано сильнодействующее снотворное типа современного клофелина. После «приема на грудь» первого же фужера донжуановская активность офицеров заметно стала падать. Их вдруг быстро сморил сон. Но, видно, «немного» перестарались красавицы – фашисты так и не проснулись.

Девушки обшарили их карманы. Забрали личные удостоверения, документы из портфеля полковника, оружие и, никем не замеченные, удалились…

Эта героическая тройка действовала в Братиславе безотказно почти всю зиму с 1944 по 1945 год. Но в феврале фашистские ищейки не без помощи местных коллаборационистов-предателей всё же выследили патриотов.

Их арестовало местное отделение гестапо.

Горе, что больное сердце, всегда напоминает о себе, а беды парами ходят. Начались «допросы с пристрастием». Но девчата молчали…

Слово Святогорову:

…

«Поставив на ноги всё братиславское подполье, мы всё же сумели, подкупив за огромную сумму охрану, вырвать Гелену и Боришку из рук гестапо. А вот Яна спасти не смогли: он был сразу же после ареста переправлен в следственный изолятор государственной политической полиции города Брно и там немедленно расстрелян. Мы все были потрясены гибелью нашего друга – активнейшего разведчика и веселого человека».

Немцы боялись хитрости и дерзости партизана, а также его связей с товарищами по подполью. Его друзья по оружию в любую минуту могли прийти на помощь арестованному в Братиславе, как пришли и вырвали из плена его подруг. Только этим можно объяснить срочность его перевода в более благополучный для их понимания город Брно. Там фашисты и расстреляли героя.

* * *

Часто можно услышать, что у войны не женское лицо. Воевать – это удел, мол, сильного пола – мужчин: они ратники, они бойцы-защитники, это их судьба и доля брать в руки оружие. Но войны бывают разные: захватнические – несправедливые и

освободительные – справедливые.

Волна патриотизма в справедливых войнах поднимает на свой гребень весь народ – мужчин и женщин, детей и стариков. Здоровых и даже больных. А потом она всей своей мощью накатывается на неприятеля, чтобы смыть, вымести и отбросить его со своей территории.

Существуют, как говорил Ш. Монтескье, только два вида справедливых войн: когда люди сражаются, чтобы отразить нападение врага, или когда идут на помощь союзнику, находящемуся в опасности. В такой опасности порабощения нацистами находилась Словакия.

И Красная Армия пришла на зов о помощи братьев-славян, сначала десантниками в роли разведчиков и диверсантов, а потом и регулярными войсками, очистившими родные земли от коричневой скверны.

А в Словакии за свое освобождение, как говорится, встали и стар и млад. На освободительную борьбу поднялись и гражданское население, и военнослужащие Словацкой армии.

В часы относительного спокойствия, перед коротким сном на топчане из еловых веток Зорич часто обращался к философским вопросам, плотно вплетенным в жизненную основу. Который раз к нему в голову заползала мысль – он опять задумался над понятием войны:

«Интересная штука – война по своему включению и вовлечению в неё широких масс. Война – это своеобразная акция, когда благодаря или вопреки здравому смыслу люди, которые не знают друг друга, друг друга убивают ради славы и выгоды других людей, а те, которые знают друг друга, почему-то друг друга не убивают.

Это было так всегда в прошлом и так будет в будущем. Настоящее лишь подтверждает этот аргумент».

И всё же о женщинах на войне есть ещё один сюжет, о котором рассказывал Зорич.

Слово Святогорову:

...

«Конечно, отправляясь на диверсии, мы женщин с собой не брали: по мере сил берегли их. Но случались задания, которые могли выполнить только они. Сколько милых и подлинно героических

женских лиц встает передо мной, когда я вспоминаю те грозные годы, наполненные героизмом и наших женщин!

Вот Женя Редько – тихая, застенчивая и вся какая-то домашняя. Казалось, снежинки застывали в воздухе, слушая, как она поет родные украинские песни. Да и сама была будто из песни. «Чорнии бровы, карии очи – тэмни, як ничка, ясни, як дэнь…» – это именно о ней.

И чего греха таить, мы часто, очень часто использовали для дела её привлекательность,
словоохотливость и красоту. Равно как и её знание немецкого языка, которым Женя владела в совершенстве.

Работала она обычно в паре со словаком Войтой Свободой. Вдвоем наведывались, к примеру, в УШБ – управление государственной безопасности правительства Тиссо, где у Евгении был сонм поклонников, и среди всеобщего веселья добывали там ценные сведения и документы, различные бланки и даже печати.

А потом вооруженный подлинными образцами наш Володя Степанов изготавливал такие пропуска и прочие «бумаги», что даже опытному шпику не подкопаться».

* * *

Однажды, это было в начале 1945-го победного года, на имя майора Зорича из Центра пришла шифрограмма, в которой говорилось, что для штаба 2-го Украинского фронта срочно «нужен язык», причем желательно секретоноситель солидного уровня в смысле звания и занимаемой должности. За ним прибудут специальные представители штаба фронта.

Зорич понимал, что для такого уровня советского штаба нужен не взводный и не ротный офицер, а птица штабная, да и званием не ниже полковника.

«Конечно же, представителям армейской разведки надо передать полковника или генерала, – размышлял Зорич. – Штабу фронта необходимы не тактические знания плененного фашиста – солдатика или младшего офицера, а человека с багажом военно-стратегических проблем в вермахте или в партийно-политическом руководстве. Для этой цели подходил или строевой старший офицер, а лучше – штабной. Придется подключать нашу парочку. Только она сможет провернуть эту операцию».

Слово Святогорову:

...

«Выполнение этого сложного задания я возложил на Женю и Войтеха, опять-таки рассчитывая на чары этой прекрасной девушки.

Вскоре в немецком казино Злате-Моравце появилась прекрасная пара: респектабельный и в меру ревнивый красавец Войтех со своей обворожительной и столь же легкомысленной подругой Эжени.

Конечно же, молодая прелестница была не прочь пофлиртовать с немецким офицером, подразнив при этом своего не в меру горячего жениха. Так продолжалось несколько вечеров, пока в поле зрения разведчицы не попал сухощавый пехотный оберст по имени Эрих Крамер. По его чванливому самодовольству, по отношению к нему других офицеров Женя поняла – это именно то, что надо.

Несколько кругов огненного вальса, а главное, ободряюще-интимных слов юной красавицы настолько вскружили голову немолодому, спесивому полковнику, что он сразу же предложил ей где-

нибудь уединиться.

Однако, возразила девушка, скоро комендантский час. А ещё важнее то, что её тетка, у которой в Недановцах она живет, весьма строгих правил и, значит, задерживаться надолго – ни-ни-ни.

Крамеру очень не хотелось расставаться с прелестной хохотушкой, и он галантно вызвался проводить её на своей машине.

«Рассерженный» Войтех, разумеется, компанию им не составил, и оберст, сопровождаемый двумя телохранителями, благополучно доставил Женю к назначенному ею месту.

А здесь их «гостеприимно» встретили наши ребята в форме гардистов. Всех троих взяли без шума и так же тихо доставили в лагерь. А ещё через несколько дней армейские разведчики переправили Крамера через линию фронта в расположение штаба фронта.

Вероятно, сведения, полученные от незадачливого Жениного ухажера, были очень важными: лейтенант, доставивший «языка» на Большую землю, был отмечен боевым орденом.

Главные исполнители акции, конечно, тоже».

* * *

С учетом того, что группа майора Зорича добыла ещё несколько «языков», совершила ряд диверсионных актов и систематически получала от своей агентуры ценные разведывательные данные, Центр решил десантников нагрузить ещё одним, особо важным заданием – выкрасть самого правителя-предателя, германского сатрапа, марионетку Тиссо.

У Зорича и раньше возникала в голове эта идея, но он её

держал при себе. Не хотел бежать впереди паровоза. Офицер собирал данные о режиме, поведении, привычках, вероятных маршрутах поездок на машине и пеших прогулках знатного словацкого коллаборациониста, набожного католика, гитлеровского прихвостня с замашками диктатора. Скоро он пришел к окончательному выводу, что самое «злачное» место, по которому можно и нужно работать, это его резиденция.

Зорич знал, что это трудная, опасная, однако в принципе вполне выполнимая задача.

Слово Святогорову:

...

«Наше внимание привлекла племянница Тиссо, проживавшая вместе с ним. Это была некрасивая узкогрудая перезрелая девица, тщетно изображавшая из себя эдакую особу высшего света. На неё-то мы и сделали ставку.

Но долгое время все попытки подступиться к ней были безрезультатны. Видимо, строгие дядины инструкции оказались сильнее призрачной надежды наладить личную жизнь. Тогда стали действовать в другом направлении.

Наши разведчики заметили, что время от времени эта недоступная барышня посещает небольшой галантерейный магазинчик. Выяснилось, что хозяин лавчонки – Ян Добиаш – приходился дальним родственником семейству Тиссо.

Тем временем фронт давно перевалил через границы Советского Союза и неумолимо приближался к Братиславе.

Мелкий торговец, видимо, опасался, что, может статься, ему со временем придется держать ответ за высокопоставленного родственника, поддержкой которого

он пользовался, и за лавчонку, полученную после «ликвидации» еврейской семьи.

Учитывая всё это, наш разведчик Штефан Такач «свел дружбу» с новоявленным лавочником.

Добиашу трудно было отказать в сметливости, и вскоре Штефан был представлен племяннице диктатора эдаким скромным католиком, влюбленным в скромную старую деву.

Через некоторое время Штефан так преуспел в ухаживании и стал настолько «своим», что побывал на двух званых обедах у самого Тиссо.

Теперь мы располагали точным планом резиденции, знали дислокацию караулов, постов и даже дату очередного званого ужина.

Всё было продумано и рассчитано по минутам. Две мощные «Татры» с форсированными моторами стояли наготове. Группа братиславского подполья, руководимого Штефаном Баштёванским, в случае необходимости должна была прикрыть отход.

До начала операции остались считаные дни…»

* * *

Но случилось то, что случилось. Произошла досадная накладка, какие бывают и в бытовых сценариях, и в боевой работе.

Ничего не ведая о планах диверсантов группы Зорича, разведчики партизанской бригады имени Яна Жижки тоже намеревались провести операцию по захвату Тиссо, но несколько раньше. Его хотели выкрасть из загородной резиденции диктатора в Бановце-над-Бебравоу, куда он стал часто приезжать скорее не для «работы с бумагами», а на отдых «от трудов

праведных».

Но партизаны где-то «наследили», и в самый последний момент Тиссо, заподозрив что-то неладное, ускользнул от похитителей. Прибыв в основную свою резиденцию в Братиславе сильно возбужденный, а вернее, чуть ли не до смерти перепуганный, ставленник нацистов приказал удвоить охранные посты и усилить патрулирование вокруг его государственной обители.

Кстати, это была вторая операция, нацеленная на его задержание или физическое устранение. Первая была на Украине.

3 ноября 1941 года Тиссо посетил с визитом «доброй воли» оккупированный немцами Киев. В результате неудачного покушения на словацкого диктатора был уничтожен Успенский собор Киево-Печерской лавры. Дело в том, что Тиссо прибыл в собор на два часа раньше, чем рассчитывали чекистские ликвидаторы. Уничтожение собора советская пропаганда долгое время приписывала немцам, но, увы, такая уж горькая правда. Война – есть война!

Но вернемся к третьей попытке покушения.

В результате создалась ситуация, при которой уже никакой «жених» его племянницы ничего не смог поделать.

Судьба же самого диктатора была предсказуемо незавидной.

Весной 1945 года после освобождения Словакии советские войска двинулись к Праге. В апреле того же года Тиссо, как католический священник со стажем, часто и подолгу молился, прося у Господа Бога помощи и прощения за «грехи совершенные». Не получив небесной подмоги, он вскоре бежал в Баварию, где 6 июня 1945 года был задержан военнослужащими американской армии и выдан чехословацким властям. После кропотливой и большой по объему следственной работы ему было предъявлено обвинение в предательстве родины, пособничестве фашизму, депортации в Польшу для уничтожения более семидесяти тысяч словацких евреев и совершении других особо тяжких государственных преступлений.

Согласно вердикту чехословацкого суда он был приговорен «за измену родине» к высшей мере наказания – повешению.

18 апреля 1947 года приговор был приведен в исполнение, как говорится, в назидание потомкам, о чем сообщили все центральные средства массовой информации Чехословакии.

Казнили человека – антигероя, пособника фашистов, и он провалился на дно забвения, а имена героев, участников движения Сопротивления в Словакии, горят золотыми буквами на скрижалях истории, как бы их и ни пытались забыть современные временщики. Как говорится, бесславие – кара худшая, чем

смертная казнь.

А о героях будут помнить поколения потомков!

Цены за голову разведчика

Зорич со своей группой, пребывающей в Скицове и активно действующей как в его окрестностях, так и в окружении словацкой столицы, так надоел фашистам, что местные газеты и журналы предостерегали: «Граждане, помните! Там, где засели бандиты, каждое дерево, каждый камень стреляет!», «Берегитесь партизан – красных бандитов!», «Поймать предводителя – наша цель!» и прочее и прочее.

И вот сразу же после набранных крупными буквами анонсов подобного рода словно по приказу в проправительственных братиславских газетах появились коротенькие сообщения о необходимости задержать, поймать, арестовать «главного бандита Зорича» и казнить его.

За голову руководителя советской партизанской группы НКГБ власти обещали выплатить 150 тысяч крон. Потом эта сумма постепенно поднималась по мере «фиаско с отловом» и остановилась на уровне полумиллиона местной валюты. И такая информация тоже проходила.

Слово Святогорову:

...

«Но наша «бухгалтерия» подсчитала, – что, взорвав только один корабль, прибывший по Дунаю из Вены со станками и боеприпасами, мы нанесли врагу урон, многократно превышающий эту сумму.

Однако не принять во внимание сообщения продажных газет мы не могли. Понимали: уж если гестапо взялось за Зорича, то в покое не оставит – в чем в чем, а в провокациях и терроре фашисты поднаторели.

Поэтому мы усилили охрану штаба и стали пристальнее приглядываться ко всем новоприбывшим в Скицов.

А людей сюда приходило немало. Они стекались практически со всех

окрестных селений, узнав, что именно здесь находится партизанский штаб. Многие просились в отряд искренне, чтобы добить фашистского зверя. Другие – просто отметиться в конце войны, а третьи – для того чтобы не смыть, а скрыть свои преступления или наплодить новых. Часть приходящих спешили сообщить о расположении вражеских засад или очередном местонахождении карателей. А иная старушка, глядишь, приносила несколько пар теплых носков или варежек, вечерами связанных в осиротелой хате.

Приходили в Скицов и для того, чтобы разжиться харчами – либо купить, либо обменять. Так как отряд здесь основался прочно и, значит, не допускал фашистов в село, то у жителей и хлеб сохранился, и кое-какая живность.

Этим как раз и решил воспользоваться немецкий военный комендант Злате-Моравце, заслав к нам своего агента».

* * *

Однажды партизаны-разведчики доложили своему командиру о появлении в селе неизвестного в гражданском платье. Незнакомец своим поведением почему-то вызвал подозрение – на взгляд бдительных партизан, он бесцельно бродил по расположению села. Вот уж истинно благоразумная недоверчивость – мать безопасности!

В своей непонятной одиссее пришелец изредка наведывался в хаты, всё больше находился на улицах. Создавалось впечатление, что он прибыл как любознательный путешественник для ознакомления с «достопримечательностями партизанской стоянки».

Зорич приказал задержать «неизвестного туриста» и срочно

доставить его в штаб.

Когда «праздношатающегося» привели в комнату майора, то перед руководителем группы оказался ничем не примечательный человек. Мужик как мужик – среднего роста с типичным крестьянским лицом и рабочими жилистыми руками, в крестьянском одеянии, но почему-то с виновато бегающими глазами.

– С чем пришли в село? – поинтересовался Зорич.

– С добрыми намерениями!

– Интересно, а с какими, добродию? – Допрашивающий неожиданно вставил по инерции чисто украинское словцо, которое как раз подходило под ситуацию.

– Купить себе небольшого кабанчика, так как немчура не только всю домашнюю живность извела, что называется, под корень, – корову, птицу, кроликов, но и остатки хлеба забрала. Дома остались голодными дети и старики. Вот я и решил, пока осталось немного картошки и свеклы, обзавестись поросенком и дотянуть до нового урожая, – испуганно бубнил, краснея лицом, незнакомец, всё время пряча пугливые глаза.

Он явно волновался, причем настолько сильно, что его буквально трясло в ходе беседы: пальцы рук дрожали, лицо внезапно стало пунцовым, он стал заикаться.

«Что с ним? Почему он так заволновался? От природы, что ли, такой «пугливый» или тут что-то нечистое?» – подумал Зорич и ещё раз жестко и внимательно взглянул в испуганные глаза незнакомца.

Слово Святогорову:

...

«Всё как будто учел опытный агент: и вид довольно простецкий, и одежда соответственно, и крепкие «заскорузлые» ногти с черными-пречерными ободками, будто лишь вчера рылся в земле. Только и на старуху бывает проруха – одной «мелочи» он не доглядел. Задал я ему вопрос:

«За какие, мол, шиши кабанчика собираетесь купить?»

Он достает из кармана потрепанный кошелёк с засаленными

и потертыми кронами, какие обычно откладываются по бедности на желанную покупку. Набралось их что-то около двухсот.

Наконец-то «приехали»! Ведь кто-кто, а местные крестьяне хорошо знали, что поросенок по тем временам стоил, по крайней мере, тысячи три-четыре. Я ему об этом напомнил…

Краснота с лица «покупателя» моментально сползла, кожа сразу же побледнела, проступили градины пота…

И агент вынужден был сознаться: прибыл сюда «ликвидировать» майора Зорича с помощью…

Но ребята, обыскивавшие пришельца, уже сами поняли, с помощью чего: они извлекли из-под подкладки пиджака микроскопическую трубочку с белым порошком, издававшим давно забытый горьковатый запах миндаля.

Сомнений не было: в крохотном пластмассовом пенале – цианистый калий».

* * *

Партизанское следствие было короткое. Разбираться во всех тонкостях его вербовки гестапо чекистам особой нужды не было. Он назвал конкретного офицера из Братиславского отдела нацистской государственной тайной полиции, который завербовал и в дальнейшем готовил его к террористической операции.

– Что же так мало денег дали тебе гестаповцы на кабанчика? – задал вопрос один из партизан.

– Дали, сколько дали, – последовал ответ.

– Что – пожадничали или обанкротились? – съязвил Зорич. –

Совсем немцы перестали думать.

– Товарищ майор, да он, наверное, часть сребреников-то фашистских прикарманил, а может, потратил на спиртное в корчме – пропил прохиндей, а остальными же думал перед нами прикрыться. Ну не кабанчик же ему нужен был, а твоя, командир, жизнь, – заметил капитан Гурский.

Агента-террориста по приговору партизанского суда отправили «искать кабанчика» за такие деньги – по дешевизне – на небесах.

Разведчики понимали, что неудача фашистского агента с провалом проведения террористического акта против Зорича не на шутку разозлит гестаповцев. И они в связи с фиаско засланного, наверное же, проверенного и преданного лазутчика начнут мстить – пойдут на боевое столкновение. В буквальном смысле станут прессовать партизан, т. е. попытаются сыграть ва-банк.

* * *

Наступал новый, 1945 год.

Он источал уже приятные запахи и яркие цвета близкой победы. Это чувствовали все советские партизаны-разведчики и местные народные мстители. Они ждали и весны, и победы с нетерпением, но не пассивно, а через борьбу с ещё располагавшим немалой силой противником.

Девушки отряда – радистка Нина Чопорова, разведчицы Женя Редько, Гелена Донатова и Боришка Янакова готовились накрыть новогодний праздничный стол. Повара умудрились кое-что приготовить вкусненькое – праздник есть праздник. И тут в штаб вбежал запыхавшийся связной.

– Товарищ командир, – обратился он к Зоричу, – как мне доложил наш агент, в Злате-Моравце гитлеровцы рассаживаются по машинам и бронетранспортерам. Есть конкретные данные, что они собираются атаковать наш лагерь ночью после встречи Нового года.

...

«Отпраздновали! Мы такого подарочка им не дадим, – подумал майор. – Надо срочно уходить выше в горы, там они нас не достанут.

И чем быстрее и мобильнее мы это сделаем, тем безопаснее будет людям. Спасём многие жизни. Надо срочно переговорить с командирами».

Зорич тут же собрал руководство отряда. На совещании приняли единственно правильное решение – отходить незамедлительно. Нельзя было терять ни минуты драгоценного времени, тем более ввязываться в неравный бой, который мог кончиться печально для разведчиков.

– Не наше это дело! От нас ждут другого противодействия – более ощутимого в уроне германскому фашизму. Мужество больше проявляется не в том, чтоб затеять драку, а в том, чтобы уметь разведчику избежать её в неподходящий момент, а ответить больнее в другой ситуации, – закончил командир группы майор Зорич. – Лучше спасти одного нашего воина, нежели набить десяток нацистской солдатни. Они ещё своё получат. Я приказываю срочно собираться в дорогу.

Он имел смелость спасать своих друзей по оружию наперекор высказываниям некоторых горячих голов – дать отпор врагу, «повоевать» с карателями.

Забегали, заторопились, загомонили воины, понимающие – другого выхода у них нет и быть не может в данной ситуации.

Слово Святогорову:

…

«Вышли на околицу – в лицо хлещет дождь со снегом. Одежда сразу промокла. Грязь тяжелыми комьями налипла на обувь. А мы упорно идем вперед и поднимаемся всё выше и выше. Необходимо было как можно дальше оторваться от карателей хотя бы километров на десять, а там, в горах, легче запутать следы.

Бредем молча, понуро. Возле девчат сменяются хлопцы, – помогают нашим красавицам идти. Усталость одолевает такая, что чувствую: ещё немного – и все попадают там, где стоят. Разве что

чудо придает силы…»

* * *

Силы у разведчиков действительно были на исходе – и только долг и разумный инстинкт самосохранения заставляли подниматься в гору. Там было большое спасение для маленького отряда.

И вдруг партизаны услышали, сначала где-то вдалеке над горами, но быстро нарастающий такой знакомый рокот советских бомбардировщиков. Это шли в воздушную атаку ровным строем грозные «Пе-2», пропеллеры их пели особым голосом – родным, весёлым, узнаваемым. И даже без обладания музыкальным слухом эти голоса лопастей наших пропеллеров ловили патриоты – сколько их прилетало! И вот уже краснозвездные машины стали проноситься почти над головами.

– Звезды на крыльях! Это наши! На-ши-и-и! – от нахлынувшей радости закричали девчата и захлопали в ладоши.

Приободрились и мужики, видя, что прилетела в нужный момент к партизанам основательная помощь. Словно чувствовали авиационные руководители фронта, что разведчики Зорича попали в беду, и поэтому сама судьба отряда послала невидимый сигнал на Большую землю и попросила «подмоги» у авиаторов. Грозный рев моторов бомбардировщиков и разрывы советских авиабомб хорошо были слышны в базовом лагере партизан.

Слово Святогорову:

…

«А вскоре там, где шагала, шелестела губастыми шинами и грохотала гусеницами железная колонна преследователей, – застонало, заухало, завыло… Содрогнулась земля, заходил ходуном пригорок, на котором мы стояли. Это рвались бомбы, наши бомбы!

Настоящий праздничный салют!

Ко мне подъехал командир конной разведки бесстрашный Данило Грунтовой. Усмехаясь в запорожские

усы и поблескивая терновыми глазами, радостно загудел:

– Ох, товарищ майор! Встретил бы тех янголов небесных, – я б их в обиймах от радости задушил! Это же наши спасители… От хлопцы, от молодцы – настоящие боги неба.

Ну, дадут перцу немчуре! Такое явление ничем, как Провидением божьим, не объяснишь…

И не знал мой славный украинец-чигиринец, что скоро такая возможность встретить небесных ангелов ему представится…»

После прицельной бомбежки основательно потрепанный отряд карателей буквально скатился вниз с горы, оставив убитыми не один десяток своих вояк. Брошенные раненые молили о помощи, но, не получив её, быстро остывали на холоде – морозы стояли лютые. На земле лежало до сотни уже остывших тел. Картина была ужасной – склоны горы чернели трупами свирепых фашистов, павших от советской мести, неожиданно свалившейся с небес. В той бомбардировке противник потерял немало боевой техники и вооружения. Она догорала на серпантине горных дорог и в оврагах, сброшенная взрывными волнами авиабомб с крутых заснеженных склонов.

Оторвавшись от разбитой колонны гитлеровцев, отряд Зорича временно «отаборился» в высокогорном селении под названием Клишске-Градиште по соседству с базой словацкого партизанского отряда, руководимого Михаилом Сечанским, действовавшим преимущественно в гористой местности.

Это был его конек – немцы к нему никогда не забирались – слишком высоко. До орлов летать в «гости» им было опасно. А вот бесстрашный Миша часто «пикировал» на них со своими «соколятами-орлятами», как он их любил называть.

В гостях у словацкого побратима наши воины перекусили. Аппетитный запах тушенки, разогретой на кострах, доносился с небольшой поляны. Зорич посмотрел на уютно пристроившихся воинов у костра с ложками и несколько раз сглотнул слюну от проснувшегося желания поесть. Сердитым бурчанием отозвался его пустой желудок…

Слово Святогорову:

…

«Как и основной костяк нашей группы, капитан Сечанский был десантирован по заданию Украинского штаба партизанского движения, и мы чувствовали себя если не совсем земляками, то однокашниками во всяком случае.

По сообщению связной капитана, их разведка нарвалась на фашистскую засаду в доме предателя-лесника. Многие погибли, а раненого Сашу Несонова – того, что десантировался вместе с Сечанским, – захватили каратели.

Здесь самое время сказать, что незадолго до Нового года возле скинцовского костела подошел ко мне и капитану Путилову невысокий парень.

– Я из Топольчан, – сказал он, волнуясь. – Хочу помогать вам бить фашистов.

– Кто же ты будешь? Как тебя зовут? Откуда ты и кто тебя направил к нам? – поинтересовались мы, осыпая его вопросами.

– Ян Млинек. Отец – надзиратель в топольчанской тюрьме. Но это не важно. Он тоже ненавидит «швабов».

Мы побеседовали и договорились о следующем:

Ян через отца устраивается в ту же тюрьму на любую черную работу – истопником или дворником. Ведь и там нужен свой глаз, свои уши…

Так и было сделано.

И вот теперь, имея в виду как раз топольчанского «Метелика»(«Мотылёк») (такую конспиративную кличку получил у нас Ян Млинек), я обещал ребятам Сечанского попытаться помочь. Лишь

только сказал всё это связному, как в комнату заглянул мой всегда улыбчивый адъютант Коля Трундаев:

– Товарищ майор, к вам гость…

Смотрю, из-за спины Николая выглядывает смущенный Ян. Не знал я тогда, что и делать: то ли радоваться – на ловца и зверь бежит, то ли сердиться…

Ведь Яну строго-настрого из конспиративных соображений было запрещено отлучаться из города и тем более появляться в расположении базы партизан. Его могла опознать гестаповская агентура».

Это было, разумеется, рискованное действо агента, но никогда опасность не преодолевается без риска. Как говорится: не отважится человек на риск – не увидит счастья, а отважится и останется живым – встретит его, положенное ему счастье, непременно.

Авиакатастрофа и пленники

Дело в том, что агент «Метелик» принес срочную и важную информацию. Он рассказал, что уже несколько суток в топольчанской тюрьме гитлеровцы пытают русского по имени Саша. Парень мужественно переносит побои и издевательства немцев. Он упорно молчит. А ночью привезли свеженького пленника, по его словам, молодого парня – советского лётчика.

– Он весь переломан гестаповскими волчарами, на теле рваные, причем свежие раны и многочисленные ссадины. Его тоже будут наверняка пытать, – будучи добрым и чувствительным по природе человеком, чуть ли не со слезами на глазах обрисовывал обстановку с двумя пленными советскими гражданами Ян Млинек.

Зорич заметил:

– Надо, «Метелик», помочь нашим парням в освобождении. Подумай хорошо, как и кого мы сможем задействовать по облегчению сначала режима их пребывания в тюрьме? А потом, сам понимаешь…

Он не успел ещё договорить фразу, как Ян смело продолжил её, – по выводу их из гестаповской неволи! Побега! Выкрасть их надо!

– Правильно мыслишь – в счастье не следует быть чрезмерно самоуверенным, а в беде не надо терять уверенность, – всё же продолжил мысль майор Зорич. – Большое и важное дело делается спокойно при наличии хорошей продуманности очередных шагов. Прежде чем идти, каждый человек просчитывает свои шаги по выбранному пути – тротуару, тропинке, болоту…

Покинув лагерь, Ян через приятеля-переводчика антифашиста – звали его Ержи – сделал всё возможное, чтобы русские оказались в одной камере. А по ночам словацкие парни подкармливали узников: то лишнюю пайку хлеба передадут, то вручат по кружке кипятка, разбавленного сливовицей для поддержания жизненного тонуса, то дадут по кусочку колотого сахара, а то искренне улыбнутся. Последнее было немаловажной психологической подпиткой – рядом сочувствующие, рядом патриоты, а может, и освободители.

Пленники понимали, что в тюрьме действуют если не друзья, то явно ребята, добрые по характеру. А словаки Янек и Ержи ещё знали другое – долго их держать в тюрьме не будут, если не замордуют при допросах и пытках, то непременно в скором времени расстреляют. А лётчика могут и повесить: самолеты

русских тогда много бед наделали гитлеровцам.

Слово Святогорову:

...

«И тогда мы вместе с «Метеликом» разработали конкретный, хотя и дерзкий план операции по спасению боевых товарищей. Надо было видеть, с какой гордостью сидел за штабным столом наш смелый Янек.

Ещё бы! Он не только наравне со мной и капитаном Путиловым планировал операцию, но и становился её главным участником, основным исполнителем!

«На дело» отправились вечером, чтобы к месту операции прибыть к полуночи, когда в тюрьме было меньше людей. В телеге, кроме Янека, сидели партизаны Алоиз Ковач, Дюло Шкваренина и руководитель операции Данило Грунтовой. Документы имели безукоризненные, под тужурками – пистолеты, гранаты, финки.

Подъехали никем не останавливаемые к площади, и под покровом ночи каждый занял своё заранее обусловленное место. Данило засел на чердаке пустующего дома, откуда были хорошо видны входные ворота тюрьмы. Вид был, как на ладони.

Алоиз обосновался у тюремной ограды. А Дюло, растворившись в темноте, медленно прохаживался недалеко от ворот. Ходил по самой кромке площади.

Янек был занят своим будничным делом: он отправлялся на топливный склад, где обычно получал

брикеты бурого угля для тюремной кухни. Привычно загрузив телегу, паренек поболтал со сторожем, угостил сигареткой и, не торопясь, подъехал к тюрьме. Часы пробили полночь. Значит, в тюрьме остался лишь дежурный надзиратель да несколько солдат в караулке.

Янек нажал кнопку звонка, и тут же появился знакомый караульный по имени Франц. Впустив истопника, он постоял рядом, наблюдая за тем, как тот не спеша сбрасывает брикеты. Потом он заторопился: в караулке ждали его друзья с картами.

– Я пошел, – бросил он на ходу. – Да и ты поторапливайся, если хочешь сыграть с нами.

Теперь надо было действовать быстро и точно по плану.

Прихватив пузырек с хлороформом, полученный у нашего доктора Сухаренко, и большую марлевую салфетку, Янек поспешил в тюремную контору. Как и предполагал «Метелик», надзиратель спал, обхватив руками телефон, соединяющий тюрьму с гестапо.

Янек сделал всё, как велел доктор – смочил хлороформом марлевый тампон (правда, потом узнал, что чуть переборщил, – надзиратель едва не уснул навеки от его «наркоза»).

Управившись с надзирателем, Янек бросился к выдвижному ящику, в «сотах» которого, как он давно заметил, хранились ключи от камер, а также от ворот и калитки. Отыскал нужную связку – и бегом к камере, где сидели ребята. Бесшумно открыл кованые двери и помог полуживым парням добраться до

калитки. А там, рядом переулок, где узники попали в объятия друзей».

* * *

Янек возвратился быстро, положил ключи на место в пирамидку, и неторопливо, подавив в себе волнение, – выдавало только сильное сердцебиение, но благо оно не фиксировалось охранниками, – пошел в караульное помещение к картежникам, где полным ходом шла шумная настольная игра. От азартного ража рожи у игроков в карты раскраснелись. Они спорили, перекрикивали друг друга, гоготали, курили и злились потом из-за пойманных стрессов поочередных проигрышей.

– Садись с нами, – пробасил тощий, высокого роста, как-то неловко скорчившийся караульный, вездесущий Франц.

– К сожалению, не могу остаться, – дел дома по горло, – ответил Ян и вышел во двор в сопровождении этого же караульного.

Подпольщик действовал внешне неторопливо: взгромоздился на передок телеги, расправил вожжи и вдруг «вспомнил», что куда-то запропастился кнут.

– Франц, будь другом, пошарь там, в конце подводы…

И вот кнут найден. Франц своим ключом открыл замок ворот и распахнул тяжелые металлические створки. Порожняя телега прогромыхала по пустынным мощеным улицам городка, захватив в заранее обусловленном месте заждавшихся ребят.

Все были рады результату сложной, но безукоризненно точно проведенной операции. Стали поочередно обниматься и скупо по-мужски целоваться. Надо было спешить, пока не опомнились тюремщики. Доброе дело сделано с гражданским и военным мужеством. Оперативное мышление военного человека – майора Зорича задавало только вектор действий. А исполнители – люди гражданских профессий претворяли в жизнь то, что было в голове руководителя группы. Вот уж действительно, победа приходит тогда, когда гражданское мужество и мужество военное проистекают из одного начала.

Данило Грунтовой пожал Янеку руку и проговорил теплым, заботливым тоном:

– А теперь, братишка, быстрее уноси ноги, пока не начался переполох в тюрьме и гестапо. Фашистские ищейки бросятся по следу – непременно станут тебя искать. Так что делать ноги надо. Ты влепил местным гестаповцам такого леща, что у них ещё

долго будут гудеть головы и гореть от стыда за свои ляпы щеки. Ты разъярил их. А что ждет их от начальства?!

– Что я, я ни при чем, – хитро улыбнулся «Метелик». – Я только уголёк разгрузил – четко исполнил свои обязанности…

Слово Святогорову:

…

«Лишь наутро в тюрьме всполошились, заметив пропажу важных «преступников». Подняли на ноги весь гарнизон, но беглецов и след простыл. Допросили всех, кто дежурил той ночью, но так и не дознались, кем же был усыплен надзиратель, как был совершен побег – все ключи находились на месте.

Спасенным летчиком оказался член экипажа того самого самолета, который так восторженно восхвалял Данило Грунтовой.

Это был стрелок-радист Николай Метелкин, «ангел небесный», которого Данило обещал задушить в объятиях при встрече. Такая встреча состоялась. Он нежно обнимал раненого советского сокола.

А попал Николай к фашистам по трагической случайности – его самолет, как, оказалось, столкнулся в воздухе при развороте с другим – своим, и из двенадцати членов двух экипажей живым остался только Метелкин».

* * *

Весной 1945 года командование войск Красной Армии, теснившей оккупантов, всё чаще и чаще обращалось к разведчикам с просьбой, а иногда и требованиями давать свежую

информацию о местах скопления гитлеровских частей. Особенно их интересовали данные о танковых колоннах, направлении и маршрутах движения вражеских резервов, местах дислокации зенитных и артиллерийских батарей и складах вооружения, боеприпасов и горюче-смазочных материалов.

Слово Святогорову:

...

«И опять я принимал и принимал посланцев из Братиславы, Злате-Моравце, Нитры и многих других словацких городов и сел. Информации было полно, поэтому наши рации работали на полную мощность. В Центр уходили данные о маршрутах отступления гитлеровцев.

4 апреля 1945 года столица Словакии Братислава была полностью освобождена от оккупантов, а вскоре пришел и долгожданный час Победы.

Сколько было радости!

Наш отряд, как и многие другие, был расформирован и отправлен на родину…»

Как скупо, как скромно, как немногословно подвёл итоги наш герой – майор Зорич. В изложенном автором материале десятая, а может быть, и меньшая часть того, что совершили люди высокого подвига во имя Отчизны и её борьбы с поработителями не только на территории Советского Союза, но и на землях братских нам народов славянского корня – Польши и Словакии, нынешние руководители которых, к великому сожалению, стали забывать о великой помощи и жертвах большой страны во имя освобождения их от нацистского ига.

Сегодняшнее, жестокое время порывами политических бурь смешало всё доброе и злое в один ком и бросило его в лицо неподготовленным к восприятию подобного потомкам. Особенно это ощущается на молодом поколении, вскормленном порой ложью о делах наших отцов и дедов, защищавших родное Отечество все вместе.

Забывают люди, что конечной целью расовой теории Гитлера было слить воедино все германские элементы в Европе, а затем повести их против недочеловеков: славян, цыган, евреев, мусульман и других народов, проживающих на территориях европейских стран.

Повести свои армии с целью не оттеснения их на восток, а физического уничтожения – устранения «славянского быдла». В этом, и только в этом – Главная Правда о войне с германским фашизмом, которую выдержали наши люди, люди разных национальностей, запланированные гитлеровцами на истребление, но закономерно победившие.

Правда не может быть ни левой, ни правой – она посередине в гордом одиночестве, и имя её – истина. А ещё говорят, что та же правда лежит между двумя противоположными мнениями. Но это неправда! Между ними лежит проблема. Поэтому нет большего бесстыдства, чем выдавать за правду утверждение, ложность которого заведомо известна. В понятии правды заложено дыхание самой жизни с победой совести в человеке.

Эти люди достойно пронесли знамя человеческого достоинства, а это и есть Высшая Правда!

На дипломатической работе

Как известно, в сентябре 1944 года по личному указанию Иосифа Сталина из Советского Союза в Чехословакию были отправлены руководители местной компартии Рудольф Сланский, Ян Шверма и Марек Чулен. Направили их туда для более активного вмешательства в словацкие события.

Они в какой-то мере оттеснили буржуазных и даже социал-демократических политиков от руководства восстанием. В списке нежелательных лиц для участия в руководстве Словацким восстанием оказался и Густав Гусак.

Зорич с ним не раз встречался и считал его порядочным человеком, патриотом своего народа, сражавшегося за независимость родного Отечества. Он был умен, скромен и понимал всю остроту обстановки.

По разумению Зорича, вышеупомянутые политические деятели были чисто прагматические люди – патриоты своей страны с разными иногда точками зрения на боевые действия и решение политических ребусов. Поэтому после войны он был удивлен судьбами некоторых из когорты борцов с фашизмом.

Ян Шверма во время внезапного отхода партизанского отряда в горы под натиском превосходящих сил карателей тяжело заболел – у него внезапно началось крупозное воспаление легких. Дальнейший ход событий выглядит несколько странным…

Зорич получил данные о том, что вроде сам Шверма уже настолько обессилел, что передвигаться самостоятельно не мог, а нести его не получалось. Он даже просил, чтобы его пристрелили(???).

10 ноября 1944 года тяжело больной патриот был неожиданно оставлен боевыми товарищами. Он геройски погиб в перестрелке с наступающими карателями. Как могло такое случиться, в голове у Зорича не укладывалось. Он не понимал безнравственного поступка его коллег…

Рудольф Сланский после войны стал лидером чехословацких коммунистов. В 1951 году его неожиданно арестовали чехословацкие органы госбезопасности. Сразу же было проведено скоротечное следствие, и уже 3 декабря следующего года его повесили в Праге как якобы главаря контрреволюционного сионистского заговора и американского шпиона. Через одиннадцать лет власти Чехословакии Сланского полностью реабилитировали.

Густав Гусак после войны попал в тюрьму, отсидел десять лет, а после советского вторжения в 1968 году оказался лидером

Компартии ЧССР, а затем и президентом своей страны. В 1989 году он был свергнут в ходе «бархатной революции», исключен из партии и в 1991 году скончался.

Марек Чулен виселицы и тюрьмы избежал, но был задвинут на вторые и третьи роли и умер простым пенсионером так же, как и генерал Ян Голиан, с той лишь разницей, что бывшего подполковника словацкой армии оттеснили от руля ещё в ходе восстания.

Что касается рядовых повстанцев, то из их среды вышли многие видные политики и деятели культуры. Достаточно назвать лидера «пражской весны» Александра Дубчека или писателей Ладислава Мнячко и Владимира Минача.

* * *

Но вернемся к нашему герою.

День Победы Александр Пантелеймонович Святогоров встретил в Братиславе. С 8 мая уже началась счастливая канонада салютов в честь Великой Победы. Стреляли солдаты, офицеры, партизаны, простые граждане из всех видов стрелкового оружия, запускали ракеты, гремели взрывпакеты. Владельцы гладкостволок палили по дворам, из окон домов, на улицах. Некоторые ловкачи умудрялись салютовать орудиями – жерла пушек грохотали холостыми выстрелами.

Люди ликовали, обнимались, целовались, кружились в танцах, бросали цветы к ногам партизан и советских воинов-освободителей, осыпали конфетами и цветами проезжающую бронетехнику с личным составом на броне.

Розы и тюльпаны, гвоздики и ромашки бросали к ногам освободителей, а не *оккупантов* , как сейчас иногда именно этим словом подло пытаются уязвить ветеранов либералы, переписывая историю, чем нередко повергая иностранцев в недоумение.

Но история, прошедшее, не знает сослагательных наклонений и не терпит лжи. Если в прошлое пытаются выстрелить пулей – оттуда оно может послать и снаряд. Такова уж особенность этой правдолюбивой дамы. Прошедшее нельзя ни изменить, ни вернуть, его можно только оболгать или честно о нём вспомнить, а, как известно, воспоминание прошлого – это рай, из которого никто не способен выгнать человека.

Слово Святогорову:

…

«В конце декабря 1945 года, поскольку я воевал в Словакии и знал местный язык, меня после стажировки в Министерстве иностранных дел СССР направили в качестве вице-консула Советского Союза в Братиславу. Конечно, дипломатическая должность была не более чем прикрытием. Через два месяца моего начальника – консула Демьянова отозвали в Москву. И я автоматически был назначен на его должность. Я понимал одну истину в своей новой ипостаси – чернила дипломатов легко стираются, если они не посыпаны пушечным порохом. Это если выражаться фигурально, но реальная жизнь разведчика под крышей требовала иной работы.

Проработал я консулом до 1948 года. Во второй половине этого года меня отозвали в Киев, а оттуда направили в Берлин. В Германии при проведении оперативных мероприятий я действовал под крышей «невозвращенца».

Наше разведывательное управление было размещено в пригороде Берлина – Кархорсте, в доме, где в мае 1945 года Жуков и представители западных союзников принимали капитуляцию гитлеровского командования во главе с бывшим генерал-фельдмаршалом Третьего рейха Кейтелем.

Отсюда мы «доставали» территорию Австрии и Западной Германии. Я имею в виду встречались с нужными для советской разведки людьми.

Интересовала нас и Бавария, в которой осело много тех из соотечественников, кто воевал на стороне нацистов. На особой

примете, конечно же, была столица Земли Бавария – Мюнхен. Там обосновался в то время ряд важнейших антисоветских центров, активно принимающих участие в битвах начавшейся холодной войны.

Именно туда для объединения всех антисоветских сил в единый центр приезжал из Нью-Йорка политический неудачник России Александр Керенский.

Кстати, мой начальник по Москве, генерал Судоплатов писал, что органы государственной безопасности СССР серьёзно ставили вопрос о его ликвидации. Однако вскоре эта острая террористическая проблема отпала сама по себе. Вопрос перестал быть актуальным. Западу он был не интересен, а потому никто из политического истеблишмента стран, активно участвующих в подготовке к холодной войне, денег на российского в прошлом Бонапарта давать не намеревался…

Дело в том, что на собрании представителей этих сил получился раздрай – все перессорились. Особенно резкий отказ получил он со стороны делегатов организации украинских националистов, которые были не в восторге от «великороссов» при царской власти, в том числе и его короткого правления в феврале 1917 года».

* * *

Вопрос в отношении Керенского возник не случайно. Ещё в далеком 1941 году, когда немцы подходили к Москве, ночью 12 октября в кабинет Сталина был вызван только что назначенный

главным резидентом в США разведчик-нелегал Василий Зарубин. Он ехал в Америку вместе с женой Елизаветой Горской – тоже опытной разведчицей, помогавшей мужу в его нелегком труде.

Зарубину давались в подчинение две резидентуры: в Нью-Йорке и Вашингтоне. Подходя к Кремлю, как опытный разведчик, как профессионал с большим стажем негласной работы в Германии, он никаких признаков паники в городе не заметил. Город жил, так ему показалось, пока что привычной жизнью, почти ничем не отличающейся от мирного времени, за исключением таких атрибутов войны, как противотанковые ежи, мешки с песком да зачеркнутые бумажными лентами створки окон.

«А может, город тих, потому что поздний час», – подумал Василий, но быстро отогнал эту мысль – он днем ходил по городу…

Его проводили в приёмную.

Несколько человек, военных и в штатской одежде, молча сидели с окаменевшими лицами на стульях явно в ожидании вызова к Верховному.

И вдруг он четко услышал и даже непривычно встрепенулся от неожиданности.

– Товарищ Зарубин, – полувопросительно произнес Поскребышев, сверкнув гладкой, как желтый биллиардный шар, головой с такой же желтизной на лице. Его тусклые и впалые глаза говорили о постоянных ночных бдениях, недостаточности кислорода, нервотрепках и заботах, – сейчас вас примет товарищ Сталин.

Вскоре личный секретарь вождя, после выхода очередного посетителя, пригласил и проводил Зарубина в кабинет главы государства.

Сталин сидел за столом и что-то наискосок дописывал красным карандашом. По всей вероятности, это была, как обычно, четкая резолюция на документе. Во рту у хозяина кабинета торчала крутолобая трубка. Из табачной камеры светло-коричневого бриарового чубука вяло вился сизый дымок. При появлении Зарубина Сталин сделал несколько торопливых попыток затянуться дымком через черный эбонитовый мундштук трубки, но у него ничего не получилось – видно, забился канал мундштука. После чего он лениво поднялся из-за стола, покрытого темно-зелёным сукном, сделал несколько шагов навстречу гостю и, пожав ему руку, предложил сесть.

Сам же продолжал стоять. Затем, не спеша, тихо прошелся по кабинету в своих мягких нешироких шевровых сапогах, чиркнул спичкой и поджег табак. Аппетитно раскурил, а потом вынул

мундштук трубки изо рта, взявши в левую руку изогнутую её часть. Снова остановился и предложил доложить посетителю те вопросы, которые были заранее ему поставлены руководством.

Зарубин привык говорить, как оперативник, четко – по существу, поэтому его доклад был краток. Сталин внимательно выслушал опытного разведчика, а потом выдал небольшой монолог:

– До последнего времени у нас с Америкой, по существу, не было никаких конфликтных интересов в мире. Более того, и американский президент, и американский народ поддерживают нашу борьбу с немецким фашизмом. Поддерживают нашу тяжелую борьбу. Но недавно мы получили данные, что некоторые американские круги рассматривают вопрос о возможности признания правительства Керенского в качестве законного правительства России в случае нашего поражения в войне. Что, сбежавшего, бросившего Россию премьера снова хотят посадить в Кремль? Россия его второй раз не примет.

Этого им никогда не дождаться. Никогда!

Но очень важно и необходимо знать об истинных намерениях американского правительства. Мы хотели бы видеть их нашими союзниками в борьбе с Гитлером.

Ваша задача, товарищ Зарубин, не только знать о намерениях американцев, не только отслеживать события, но и воздействовать на них. Воздействовать через агентуру влияния, через другие возможности…

Исходите из того, товарищ Зарубин, что наша страна непобедима…

Он немного помолчал, попыхтел трубкой, выпуская сизые колечки дыма, слегка покачивающиеся из стороны в сторону и поднимающиеся вверх, чтобы потерять свою форму, а потом и вовсе раствориться в воздухе. Затем Верховный подошел к своему столу, поправил стопку деловых бумаг и тихо добавил:

– Василий Михайлович, я слышал давно, что ваша жена хорошо вам помогает в вашей ответственной работе. Прошу, очень прошу, берегите её. Это важно для вашей и государственной безопасности.

Сталин знал, что говорил.

Действительно, супруга Зарубина – Елизавета Юльевна Горская – много помогала своему мужу при решении агентурно-оперативных задач в зарубежных командировках. У неё была большая школа работы за границей. В двадцатые годы училась в Парижском и Венском университетах. Знала в совершенстве французский, немецкий и английский языки. Содействовала выявлению конспиративных связей Я. Г. Блюмкина с

Л. Д. Троцким, что помогло быстро разобраться в содержании их преступных намерений.

В 1929 году вышла замуж за сотрудника Иностранного отдела (ИНО) ОГПУ В. М. Зарубина. Находилась на нелегальной работе во Франции, Германии, США (дважды), Эстонии, Великобритании.

В сентябре 1946 года неожиданно была уволена из МГБ СССР «за невозможностью дальнейшего использования» с постановкой на общевоинский учет.

После смерти Сталина по ходатайству П. А. Судоплатова была восстановлена в органах и стала работать в 9-м (разведывательно-диверсионном) отделе МВД СССР.

После ареста Судоплатова в августе 1953 года была окончательно уволена из МВД.

К сожалению, мужественная разведчица трагически погибла, случайно попав под колеса автобуса.

* * *

С полковником Александром Пантелеймоновичем Святогоровым встречались многие корреспонденты, которые брали у него, как у «майора Зорича», актуальные интервью по разным случаям – юбилеев, праздников, знаменательных дат и проч. Всех интересовали результаты и подробности его разведывательно-диверсионной работы в годы отшумевшей войны.

И всё же каждый раз корреспондентами вставлялся один щекотливый вопрос: а участвовал ли он в операциях против вояк ОУН и УПА, на что полковник-разведчик честно отвечал, что по ним он почти не работал, разведка – не контрразведка. У него были другие важные задачи.

Однако грешить не хотел, потому что не умел лгать, и признался, что по настойчивому указанию одного из руководителей госбезопасности Украины ему было поручено попробовать осуществить вербовку писателя-невозвращенца Ивана Багряного, у которого на Украине жила семья – жена и сын. Иван – муж и отец – их безумно любил. На этой психологической завязке решили сыграть.

Несмотря на резкость высказываний Ивана Багряного о большевиках и их политике, о чем он писал в одной из своих брошюр на эту тему – «Почему я не хочу возвращаться в СССР», – Зорича всё же заставляли осуществить вербовку идеологически устоявшейся личности.

Это через судьбу Багряного прошло раскулачивание

крестьянства украинских сел и деревень, голод 1933 года, нищенское прозябание беспаспортного крестьянства и прочее, и прочее. Указанные события затронули и семью писателя, о чем он правдиво живописал:

«Высылали их прочь, вырывая с корнями, то есть со стариками и маленькими детьми. А прогоняя через почти всю территорию СССР степями… бросали их на произвол судьбы. Маленьких детей, умирающих по дороге, матери не имели возможности по-человечески похоронить и загребали в снег без священника и без могил. А со временем и сами ложились там же».

Перу Ивана Багряного принадлежали слова, что «большевизм – это насилие над человеком, это есть рабский труд и новейшее крепостничество, это есть террор физический и духовный, это есть нищета, голод и война».

Зорич понимал, что вербовка такой личности – это нонсенс, что он никогда не согласится работать в качестве негласного сотрудника, больше того – обидится.

Правда, органы госбезопасности семью писателя не трогали и даже всячески материально помогали ей, надеясь, что Иван Багряный на этой основе станет мягче и согласится работать на МГБ УССР или даже возвратится в Советский Союз к семье.

Слово Святогорову:

…

«И вот по указанию вышестоящего начальства мы взяли у его жены и сына письмо и передали его Ивану.

Багряный мне тогда, я так думаю, честно ответил, что наше предложение не может серьёзно принять. Он дорожит своими принципами, которые исповедует душой.

Для него они были его верой.

Дальше работать по нему в этом, как оказалось, негодном ключе было бы бессмысленной затеей.

Поэтому к этому вопросу органы госбезопасности Украины больше не возвращались».

Говорят, что разведчик – это не профессия, это прежде всего образ жизни до конца пребывания такого человека на грешной земле. Работая в послевоенное время в Чехословакии, Святогорову приходилось использовать наработанный опыт в прошлом. Одну из забавных операций с использованием «медовой ловушки» против израильской разведки он запомнил во всех подробностях и не раз рассказывал перед слушающей его аудиторией своих коллег по чекистскому ремеслу.

Слово Святогорову:

...

«Вспоминается удачная операция по добыванию секретных шифров одной из иностранных разведок. Её суть вкратце такова: наш агент – высокая, красивая чешка – приглашает в особняк родителей, якобы временно уехавших на несколько дней в другой город, секретаря израильской миссии Герзона и проводит с ним бурную ночь.

Всё это фиксируется тайно вмонтированным киноаппаратом. Перед свиданием с дипломатом женщине объясняется главная её задача – как можно сильнее накачать его коньяком и довести до полного изнеможения, чтобы он крепко уснул. Все это она проделала безукоризненно.

Дальнейшие действия такие: она передаёт связку ключей, извлеченных из кармана Герзона, моим коллегам. Они беспрепятственно ночью проникают в помещение израильской миссии, так как сторож – чех, естественно, человек чешской контрразведки.

Из сейфа Герзона достали книжечки с шифрами и кодами, быстро сфотографировали и

положили обратно. И ещё до того как хозяин ключей проснулся, они уже находились в кармане его пиджака».

* * *

На вопрос корреспондента Ивана Бессмертного – почему органы проникли именно к израильтянам, а не, скажем, к американцам? – последовал довольно-таки вразумительный и честный ответ.

Слово Святогорову:

…

«Да потому, что охрана у американцев была более надежная, поэтому изъять документы из их сейфа было неизмеримо труднее. Израиль же в то послевоенное время, в отличие от американского, английского да и нашего, советского, посольства, не имел материальной возможности содержать весь свой персонал вплоть до сторожа, который комплектовался бы только из граждан своей страны.

И вот с помощью израильских шифров, которыми, кстати, чехи пользовались свыше двух лет, значительно облегчалась задача по овладению некоторыми секретами западных спецслужб».

Вообще тесная связь между шпионажем и любовными историями не является изобретением ни авторов бульварных романов и повестей, ни разведок и контрразведок. Она так же стара, как и вторая древнейшая профессия. Так что связь между шпионажем и любовью напрашивается сама собой, и особо ломать головы авторам подобных сценариев и сюжетов никогда не приходилось. «Медовая ловушка» всегда и во все времена, за малым исключением, действовала безотказно.

Так уж устроен мир взаимоотношений между мужчиной и женщиной…

Встреча с Л. П. Берией

Власть Берии распространялась не только на органы НКВД, он постепенно становился тенью Сталина – его злым гением. Вождь во многом доверял этому в принципе деятельному, решительному и пробивному грузину, который, к сожалению, до умопомрачения любил властвовать над людьми.

Как говорил В. Белинский, «…из всех страстей человеческих, после самолюбия, самая сильная, самая свирепая – это властолюбие».

Сталину нужны были до поры до времени и такие люди.

Это в последние годы авторитет «железного наркома» несколько поблек в глазах у председателя Совета народных комиссаров и Генерального секретаря ЦК ВКП(б), который увидел в нем мстительного, опасного соперника, готового шагать по трупам к достижению поставленной перед собой цели…

Но было уже поздно…

А пока быстро пройдемся дорогами, которыми шел к кремлевско-лубянским коридорам этот грузинский партиец и чекист первой волны.

Родился он в 1899 году в селе Мерхеули Сухумского округа Кутаисской губернии в семье бедного крестьянина. В 1915 году с отличием окончил Сухумское начальное училище, поступил в Бакинское среднее механико-техническое строительное училище. В марте 1917 года вступил в РСДРП(б), с февраля 1918 года работал в Бакинской организации большевиков. В 1919–1920 годах возглавлял нелегальную большевистскую организацию техников в Баку, одновременно по заданию А. И. Микояна, руководителя большевистского подполья в городе, являлся агентом Организации по борьбе с контрреволюцией (контрразведка) при Комитете государственной обороны Азербайджанской Республики. С ноября 1922 года – заместитель председателя ЧК Грузии. С марта 1926 года – председатель ЧК Грузии, а с апреля 1927 года также нарком внутренних дел Грузинской ССР.

С апреля 1931 года его назначают полномочным представителем ОГПУ СССР по Закавказью и начальником Особого отдела Кавказской Краснознаменной армии, с августа 1931-го – член коллегии ОГПУ.

С 14 ноября 1931 года – первый секретарь ЦК КП Грузии, а с 17 октября 1932 года он уже первый секретарь Закавказского крайкома партии.

В 1934 году, на XVIII съезде ВКП(б), избран членом

ЦК Компартии. В начале марта 1935 года он уже член ЦИК СССР и его президиума. В сентябре 1937 года вместе с присланными из Москвы Г. М. Маленковым и А. И. Микояном проводит «чистку» партийных организаций Армении.

22 августа 1938 года Берия утвержден первым заместителем НКВД. Ему присвоено звание комиссара госбезопасности 1-го ранга. 29 сентября 1938 года назначен начальником ГУГБ НКВД. В ноябре 1938 года после снятия Н. И. Ежова с поста наркома внутренних дел его место занял Берия.

3 февраля 1941 года НКВД был разделен на два наркомата – НКВД и НКГБ. Берия сохранил свой контроль над госбезопасностью, назначив на пост руководителя НКГБ своего ставленника В. Н. Меркулова, с которым некоторое время работал в Закавказье.

20 июля 1941 года НКВД и НКГБ были вновь объединены под началом Берии. Когда 14 апреля 1943 года НКВД был снова разделен, Берия добился, чтобы госбезопасность вновь возглавил Меркулов, сам же он до 29 декабря 1945 года оставался наркомом НКВД.

С 1941 года по день своего ареста он заместитель Председателя СНК СССР, а с 1946 года – член Политбюро. После войны Берия возглавил Специальный комитет, который занимался созданием отечественного ядерного оружия. Академики А. Петросьянц и Ю. Харитон отмечали в Берии большие организаторские способности и умение начатое дело доводить до конца.

29 декабря 1945 года Берия был освобожден от должности наркома внутренних дел в связи «с перегруженностью центральной работой» – кураторством над атомным проектом.

В последние годы жизни Сталина над головой Берии стали сгущаться тучи из-за начавшегося в 1951 году расследования так называемого «мингрельского дела». По делу было арестовано 427 секретарей обкомов, горкомов и райкомов партии и почти весь руководящий состав ЦК и правительства Грузии. В вышеупомянутом деле фигурировала некая связанная с ЦРУ «шпионско-разведывательная организация», якобы возглавляемая Е. П. Гегечкори, который был родственником Берии по жене.

Сталин поздно понял, какую змею он пригрел у себя на груди. Ещё Сталин был жив, хотя находился без сознания, а его «генацвали» с подельниками Хрущевым и Маленковым уже делили портфели и сняли Сталина со всех постов в государстве – ещё живого. Не случайно сегодня ходят одна за другой версии об отравлении вождя.

Вот уж действительно – тот, кто достиг пределов высшей власти, опасен тем, что властолюбие губит сердечность в нём. К сожалению, так было, так есть и так будет!

* * *

5 марта 1953 года, сразу же после смерти Сталина, его соратники разделили властные полномочия. Нарезали себе их, словно кусочки торта. Берия стал первым заместителем Председателя Совета Министров СССР и одновременно министром объединенного Министерства внутренних дел Советского Союза. Он сразу же предложил пересмотр не особо важных уголовных и политических дел. Поднял вопрос о замораживании дорогостоящих проектов.

По его инициативе 27 марта 1953 года Президиум Верховного Совета СССР издал указ «Об амнистии», по которой на свободу вышли 1 181 264 человека. Не попадали под амнистию только бандиты и убийцы, а также шпионы, террористы и диверсанты.

Предложения Берии пересмотреть некоторые дела по Украине, Белоруссии и Прибалтике встревожили Н. С. Хрущева, у которого, как пишут сегодня некоторые журналисты, «руки были по локоть в крови» от дней пребывания на первых партийных должностях на Украине и в Москве.

Берия выдвинул неожиданную идею объединения Германии. При этом он исходил из того, что строительство социализма в ГДР обойдется Москве в 20 млрд. долларов в течение десяти лет. А раз так, то выгоднее было бы согласиться на объединение Германии, получив от Запада за это согласие хотя бы 10 млрд. По тем временам это была колоссальная сумма.

В мае 1953 года по его заданию в Берлин вылетела опытная разведчица полковник Зоя Ивановна Рыбкина. Она получила указание выйти на федерального канцлера ФРГ Конрада Аденауэра и выяснить возможность реализации этих предложений.

Однако миссия Рыбкиной закончилась, не успев начаться.

26 июня 1953 года Берия был арестован, и ей пришлось срочно возвращаться в Москву…

Какова же история с германским торгом? После предательского разгрома и сдачи первой в истории Германии демократической республики руководству ФРГ новые советско-русские вожди передали бесплатно имущество на многие миллиарды марок. Кроме того, они ещё ниже опустили планку

«продажи» своего недавнего союзника. Это было сделано при полном бездействии президентов, вначале Советского Союза – Горбачева, а затем наследницы бывшей великой державы – России – Ельцина.

Многолетнего и опытнейшего руководителя стратегической разведки ГДР, железной воли и острого ума человека – генерала Маркуса Вольфа, верного друга СССР – Мишу Вольфа, как его называли советские коллеги, советско-российские чиновники отказались не то что приютить в СССР и России, но и принять. Ни Горбачев, ни Крючков, ни Ельцин его не пригласили даже на беседу. Они просто проигнорировали высокого профессионала и друга Советской России и Российской Федерации.

И тогда он принял свое единственно правильное, смелое и справедливое, как считал, решение – выехать в Германию и предстать перед Фемидой ФРГ. На этот поступок мог пойти только мужественный человек – настоящий мужчина!

И он победил!

Потом он опять честно и смело скажет:

«Предали вы нас, продали!

Но уже если этому и суждено было случиться, то зачем же так дешево! Всего за 19 млрд марок. Да и те, наверное, были разворованы. И ваши офицеры Группы советских войск в Германии (ГСВГ) так и не получили у себя дома жилья.

Бросив все, на много миллиардов различного имущества и годами разработанную инфраструктуру, советские войска выводились в чистое поле.

Скоротечный, но хорошо организованный уход войск скорее напоминал заранее спланированное бегство.

Зато свое обещание Западу о быстром выводе советских войск ваше правительство выполнило…»

В этих словах сама Правда, горькая Правда о наших продажных политиканах тех лет!

Маркус Вольф ушел из жизни во сне в ночь на 9 ноября 2006 года – ушел несломленным и непобежденным, оставаясь верным другом советского и российского народов.

В одном из номеров газеты «Патриот» автор этих слов опубликовал тогда на эту тему колючую, но справедливую статью: «Нас проводили или выгнали?». Она полностью сегодня стыкуется с заявлением немецкого генерала Вольфа.

* * *

Подобные инициативы Берии напугали Хрущева и

Маленкова, ставших инициаторами задержания Берии на заседании Президиума СМ СССР…

В его аресте активное участие приняли военные – Маршал Советского Союза Жуков и генерал-полковник Москаленко – командующий МВО.

Жукова потом Хрущев «отблагодарит» – снятием с должности министра обороны СССР, а Москаленко сделает маршалом и поставит его заместителем МО вместо Рокоссовского, который не поддался уговорам нового вождя написать пасквиль на Сталина.

По официальной версии, поздним вечером того же дня Берия был тайно вывезен на гарнизонную гауптвахту, а на следующий день переведен в бункер штаба Московского военного округа. По другой версии, его застрелили при аресте в собственной квартире.

Вечером 26 июня были арестованы сын Берии Серго вместе с беременной женой и двумя малолетними детьми. Жену Берии задержали в начале июля. В заключении она и её сын находились до декабря 1954 года.

12 сентября 1953 года было принято постановление ЦК КПСС о выселении родственников Берии с территории Грузии.

Следствие началось 29 июня 1953 года.

18 декабря 1953 года Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР под председательством Маршала Советского Союза И. Конева разбирало дело на Л. Берию, В. Меркулова, В. Деканозова, Б. Кобулова, П. Мешика, С. Гоглидзе и Л. Влодзимирского.

Вердикт вынесли быстро, 23 декабря – всем расстрел с конфискацией имущества. В тот же день в 19.50 приговор якобы был приведен в исполнение комендантом Специального судебного присутствия генерал-полковником П. Батицким в присутствии генерала армии К. Москаленко и генерального прокурора СССР Р. Руденко.

Тело казненного Берии было кремировано, а прах развеян мощным вентилятором. Это официальная версия, но бытует и другая – Берия был убит при его задержании в собственном доме. Её авторы – сын Лаврентия Павловича, внук и ряд журналистов и историков. Думается, великий судья – Время всех рассудит!

Вот так закончилась жизнь этого героя и антигероя в «одном стакане».

Слово Святогорову:

…

«Кончина Сталина вызвала страх и растерянность, в первую очередь в правящей элите. Люди старшего поколения помнят, как Молотов, Маленков, Каганович и Берия в первые же дни после смерти Сталина из-за страха потерять власть объединили под своим руководством по несколько министерств и ведомств…

И теперь мне, как бывшему сотруднику органов госбезопасности, хочется сказать: нам тогда очень не повезло с нашими высокими руководителями. Помню, пелись дифирамбы и восхваления в адрес Ягоды, ежедневно звучавшие по радио и в прессе, и вдруг… Открываю «Правду» и читаю заголовок крупными буквами: «Кровавый пес Ягода!»

Не успели мы оправиться от шока и смириться с критикой омерзительных «ежовых рукавиц» и государственным террором Ежова, объявленного очередным «врагом народа», как пришла череда новых руководителей с аналогичной судьбой. Появились Меркулов, Абакумов, Кобулов и другие, разделившие участь Ягоды и Ежова в России, а на Украине – Мешик, Мильштейн и им подобные».

* * *

Со слов Зорича, его встреча с Берией состоялась в таких обстоятельствах.

В начале июня 1953 года в Берлин пожаловал важный гость – один из ближайших соратников Берии генерал-лейтенант Амаяк Захарович Кобулов, заместитель начальника Контрольной инспекции при МВД СССР. Он был родным братом Богдана

Захаровича Кобулова – заместителя Берии. Их обоих расстреляли по приказанию Никиты Хрущева с разницей где-то в один год.

Московский чиновник из МВД собрал сотрудников разведывательных подразделений в том самом зале, в котором был подписан акт о капитуляции фашистской Германии. Он выступил с короткой информационной речью, сутью которой являлось приглашение Берией в Москву сотрудников госбезопасности.

В Москве остановились в гостинице. Соседом по номеру оказался бывший сотрудник охраны Сталина. Звали его Михаилом. Он уже несколько лет работал в разведывательном подразделении. Был жаркий солнечный день. Из окна отеля хорошо просматривалась улица. Мальчишки играли в модную для того времени игру – городки.

Александру тоже нравилась эта игра.

И вдруг Михаил с грустью вспомнил:

– И я играл в городки на даче Сталина. Вообще Сталин любил играть в городки, и на всех его дачах были разбиты городошные площадки. В Сочи площадка была расположена на пригорке – выше дачи. Сталин на той площадке любил играть с Кировым и Буденным. Это была своего рода зарядка или разминка. И одновременно проверка: не притупился ли глаз, не ослабли ли мышцы в руке?

– А как Сталин играл? – спросил Александр у Михаила.

– Играл мягко и метко. Силу точно направлял в биту.

– А Киров?

– Сергей Миронович играл хорошо. Бил сильно, редко когда мазал. Всегда был крайне сосредоточен.

– Наш главный кавалерист, наверное, их двоих переигрывал?

– Не скажу. Удар у него был пушечный. Буденный бил так, что бита, как копьё, втыкалась в ограждение. Но, несмотря на такие удары, часто промахивался и тогда сердился. Рука у него была просто железная.

– Натренировал саблей за войны.

– Наверное…

Слово Святогорову:

…

«И вот в десятых числах июня все мы, включенные в группу приглашенных, оказались в доме № 2 на Лубянке. Нас провели в кабинет

Берии. За огромным полированным столом сидит Лаврентий Берия, организатор и руководитель мощнейшей в мире разведки, возможный преемник Иосифа Сталина.

Лаврентий Павлович называет нас поименно и задает по несколько вопросов. Меня он почему-то спросил, откуда я знаю иностранные языки. Я объяснил, как это получилось…

Потом был подробнейший инструктаж о наших дальнейших задачах за границей – в Германии…

Учитывая то, что меня многое связывало с Чехословакией, Берия послал меня снова именно в эту страну.

Так я снова оказался в длительной служебной командировке в милом моему сердцу государстве по велению Берии, но уже к тому времени… отстраненному от власти. Всё это случилось в считаные дни.

Из столицы я вернулся тогда в Берлин, сдал дела и выехал снова в Москву в распоряжение отдела кадров. Через пару дней мне вручили необходимые документы для отъезда в Прагу. При этом кадровики шепнули, что шеф (Берия) арестован, но пока об этом нигде не объявлено.

Не могу забыть ощущения, которые я испытывал, прохаживаясь по улицам Москвы. Заходя в любой магазин, видел там портреты вождей. Среди них был, конечно, и портрет Берии. Наблюдаю за москвичами, озабоченно спешащими по своим делам и не ведающими, что этот портрет уже «доживает» свои последние минуты…»

По пути в Чехословакию Александр Пантелеймонович остановился в Киеве, где жила его семья. Потом зашел в свое ведомство и обнаружил большую тревогу своих начальников.

Оказалось, что министр МВД УССР Павел Яковлевич Мешик и его первый заместитель Соломон Рафаилович Мильштейн срочно вызваны в Москву. Домой, в Киев, они больше не вернулись. Их постигла участь московских коллег.

Оба не реабилитированы.

В Киеве ожидал своей участи и генерал-лейтенант Петр Иванович Ивашутин…

Слово Святогорову:

…

«А спустя пару дней я узнал об аресте бывшего руководителя советской разведки, под чьим началом я работал, – генерал-лейтенанта Павла Анатольевича Судоплатова. Это был действительно шок для меня. Я и мои коллеги его ценили и уважали как высокого профессионала и доброго по натуре человека.

Мне было ясно, что его арестовали только за то, что он работал длительное время рядом с Берией. Но разве человек выбирает, когда и где ему родиться? Военная служба, как и чекистская, тоже не предполагает бегства от назначений на соответственную должность.

Впоследствии Судоплатов отсидел… 15 лет – «от звонка до звонка». Хрущев мстил всем, кто много знал о его деятельности, в том числе кровавой, на Украине. А у Судоплатова наверняка было много материалов на эту тему.

Откровенно говоря, я и сам не чувствовал себя уверенно, ведь в Чехословакию посылал меня формально Берия. Забегая немного

вперед, скажу, что для меня всё обошлось…»

* * *

Да, политика – это грязная штука, это грызня пауков в банке за власть, в основном за власть над людьми, за положение в обществе, за корыто… Так оценивали её многие классики мировой литературы. Особенно это ярко проявляется в тех странах, где чиновников больших калибров не выбирают честным голосованием на выборах, а назначают с использованием кумовства и личной преданности.

Судоплатов был высоким профессионалом в разведке, но его арест не обошелся без вмешательства мстительного прародителя так называемой «оттепели пятидесятых с насморком для народа» Никиты Хрущева.

Так это «чучело от политики», как писали журналисты позже, «отблагодарило» одного из наиболее преданных и заслуженных сынов Отечества. Прославленному генералу, не щадившему своего «живота во имя безопасности страны», вменили в вину участие в заговоре Берии, имевшем целью ни много ни мало «уничтожение членов советского правительства и реставрацию капитализма».

Такое же обвинение Хрущев бросил и руководителю легендарной военной контрразведки в годы войны – «Смерш», а потом министру ГБ Виктору Семеновичу Абакумову, который был часто оппонентом Берии. Но его Никита записал в друзья Лаврентия Павловича и приказал «скорее кончать», то есть расстрелять. Министр много чего знал о кровавых грехах нового вождя СССР.

Той же монетой, только без ареста он отплатил, как уже упоминалось выше, и Г. К. Жукову, принимавшему участие в аресте Берии. Он снял его с должности министра обороны СССР с предательской замашкой, когда его не было в Москве, – тот отправился с визитом в Югославию.

Разве такую политику можно назвать чистой?!

Павел Анатольевич Судоплатов (псевдонимы «Андрей», «П. Матвеев», «Анатолий Андреев») родился в 1907 году в Мелитополе в семье мельника. Был воспитанником полка в Красной Армии. После разгрома части войсками генерала Шкуро беспризорничал, подрабатывал в порту и на базаре. В начале 1920 года вступил в Красную Армию. Участвовал в боях на Украине и

на Польском фронте. В дальнейшем был сотрудником Особого отдела 44-й дивизии, затем Волынского губернского отдела ГПУ в Житомире. С 1923 года на комсомольской работе в Мелитополе, а затем там же был принят на работу в окружной отдел ГПУ.

В период с 1928 по 1930 год заочно учился на рабфаке. В феврале 1932 года он переведен в центральный аппарат ОГПУ. С 1933 года – в аппарате ИНО ОГПУ – в разведке.

В 1935 году под видом представителя украинского антисоветского подполья под псевдонимом «Андрей» внедрен в руководство ОУН в Берлине. Учился в специальной партийной школе НСДАП в Лейпциге. Завоевал доверие лидера ОУН Е. Коновальца, вошел в его ближайшее окружение и сопровождал в инспекционных поездках в Париж и Вену.

23 августа 1938 года по личному поручению И. В. Сталина осуществил в Роттердаме (Нидерланды) ликвидацию Е. Коновальца, передав любителю сладенького коробку конфет с заложенной в ней бомбой. Сладкоежка закончил земное существование после вскрытия коробки.

В ноябре – декабре 1938 года после ареста З. И. Пассова и С. М. Шпигельгласа Судоплатов исполнял обязанности начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД.

В декабре 1938 года был отстранен от работы, исключен первичной парторганизацией из партии за «связь с врагами народа». Благодаря вмешательству вышестоящего руководства решение не было утверждено парткомом наркомата.

Руководил операцией «Утка» (ликвидация «красного зверя революции» Л. Д. Троцкого).

С февраля 1941 года заместитель начальника 1-го (разведывательного) управления НКГБ СССР. С января 1942 года – начальник 4-го управления НКВД СССР, руководил партизанскими и разведывательно-диверсионными операциями в ближнем и дальнем тылу противника, координировал работу агентурной сети на территории Германии и стран – её союзников.

С мая 1943 года – начальник 4-го управления НКГБ СССР.

В 1945–1947 годах под именем П. Матвеева и прикрытием должности советника МИДа участвовал в подготовке и проведении конфиденциальных переговоров В. М. Молотова с Чрезвычайным и Полномочным послом США в СССР А. Гарриманом.

В феврале 1947 года возглавил отдел «ДР» (диверсионная работа против военно-стратегических баз США и НАТО, расположенных вокруг СССР).

После смерти Сталина был назначен заместителем начальника ПГУ МВД СССР. С мая 1953 года – начальник 9-го

(разведывательно-диверсионного) отдела МВД СССР.

20 августа был уволен из органов и в тот же день по указанию Никиты Хрущева арестован.

До 1958 года он находился под следствием, а 12 сентября того же года на закрытом заседании Военной коллегии Верховного суда СССР было рассмотрено его «дело». Он был приговорен к 15 годам тюремного заключения.

В августе 1968 года Судоплатов был освобожден из заключения. Он более 20 лет боролся за восстановление своего доброго имени. Выпустил несколько книг под псевдонимом «Анатолий Андреев». Скончался в 1996 году.

В 1997 году посмертно вышла в свет его последняя книга – «Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950», ставшая международным бестселлером и вышедшая на английском, немецком и других языках мира.

В 1998 году указом Президента РФ он посмертно восстановлен в правах на государственные награды. Ордена и медали возвращены его семье.

* * *

Слово Святогорову:

...

«В Чехословакии я пробыл пять лет. В моей стране произошли трагические события, переживаемые мною очень тяжело из-за несправедливости властей. Многие мои бывшие соратники и друзья, великие патриоты Отчизны, сидели по тюрьмам, а некоторых хрущевская власть лишила жизни».

Хрущеву, видно, было мало пролитой им крови в Москве и на Украине, когда он возглавлял соответствующие партийные организации. Сохранились архивы, которые, к сожалению для историков, он существенно почистил, когда добрался до вершин абсолютной власти, где имелись его резолюции – расстрелять, расстрелять, расстрелять…

Это был страшный человек для государства с именем СССР.

Недаром Уинстон Черчилль в конце ноября 1964 года в парламенте Англии на праздновании своего 90-летия назвал советского руководителя чуть ли не вредителем в своей стране. Когда один из гостей поднял тост за здоровье Черчилля как за самого ярого врага России, он ухмыльнулся и заявил:

«К сожалению, сейчас имеется человек, который нанес вреда Стране Советов в 1000 раз больше, чем я. Это Никита Хрущев, так похлопаем ему!»

Конечно, никаким «засланным казачком» он не был, а был вредителем по своему скудоумию и дурости, волюнтаризму и безнаказанности вождей в России, не отвечавших за свои «художества» при жизни.

Английский премьер знал, что говорил, – британская разведка работала тонко и получала вполне объективную информацию.

Пройдет еще несколько лет, и уже советский государственный деятель 70 – 80-х Дмитрий Федорович Устинов почти повторит слова английского политика:

«Ни один враг не принес столько бед, сколько принес нам Хрущев своей политикой в отношении прошлого нашей партии и государства…»

Хрущев совершил перехват власти и удержал управление страной после смерти Сталина. В октябре 1954 года передал КНР город Дальний и военно-морскую базу Порт-Артур. Вывел с Ляодунского полуострова 39-ю армию СА.

Хрущеву нельзя было доверять ничего, как пишет А. П. Шевякин в книге «Загадка гибели СССР».

В 1950-е годы ЦРУ и ФБР тщетно искали источник утечки информации из руководящих кругов США. На эту мысль ЦРУ навели разглагольствования Хрущева и других внешнеполитических деятелей, которые часто выдавали в своих выступлениях содержание документов, полученных от советского разведчика Кима Филби.

Хрущев тогда имел привычку заявлять:

«Американский президент ещё только думает, а у меня на столе уже лежит информация об этом».

Видимо, одним из мотивов руководства КГБ СССР участия в заговоре в октябре 1964 года и было желание положить конец утечкам информации. И тому волюнтаризму партийного генерала, буквально искорежившего армию и страну. Но это уже другая тема исследования.

К вопросу о дилетантах

После работы в Чехословакии Александра Пантелеймоновича Святогорова как высокого профессионала снова направляют в Берлин. Нужно отметить, что в это время ГДР, после тяжелых событий послевоенного прозябания, постепенно становилась на ноги – медленно, пусть не так, как хотелось, но росли промышленное производство и признание страны на международной арене. Советские люди завидовали восточногерманскому уровню жизни и кажущейся дешевизне более качественных товаров.

Соседка ГДР – Федеративная Республика Германия – на американские деньги в ходе осуществления плана Маршалла быстрее отстраивалась, делалась более привлекательной в смысле социальной политики. Заработная плата там росла быстрыми темпами по мере развития собственной экономики, промышленного и сельскохозяйственного производства и скоро стала намного выше, чем в ГДР.

Разрыв в уровне экономического и социального развития между ГДР и ФРГ становился в шестидесятые годы более заметным, чем когда-либо ранее, и последствия этого были самые серьёзные. Возник такой феномен, как отток граждан ГДР к своим землякам на Запад. Поток беженцев в ФРГ нарастал из месяца в месяц.

Но кто мог бы упрекнуть рабочих, врачей, инженеров да и ту же самую молодежь, лишь начинавшую жизненный путь, в том, что их тянуло туда, – скажет годы спустя представитель, а потом руководитель одной из самых мощных спецслужб мира – внешней разведки ГДР генерал Маркус Вольф. Тянуло туда, где они могли хорошо зарабатывать и обеспечить себе соответствующий жизненный уровень?

Эти люди понимали свой шаг не как предательство по отношению к ГДР, а всего лишь как переход из одной части Германии в другую, где их нередко уже ждали родственники или друзья. Кроме того, там не было такого идеологического пресса, какой был в Восточной Германии.

* * *

Существование в самом центре Европы на территории ГДР мощнейшей стратегической группировки советских войск – ГСВГ – причиняло головную боль США и её союзникам по

Североатлантическому блоку. А группировка была действительно мощной и мобильной и состояла из нескольких общевойсковых, танковых и авиационных объединений и соединений.

Конечно, она представляла сильный армейский кулак. Особенно «красный медведь» пугал руководителей европейских стран, входивших в военно-политический блок НАТО.

Развернувшаяся против СССР и его союзников «война после войны» под названием «холодная война» применяла широкий арсенал средств борьбы – от проведения идеологических диверсий и радиотехнической разведки до шпионско-диверсионных и террористических актов.

Действия Советской Армии в Венгрии окончательно разрушили иллюзии у немцев относительно воссоединения.

Что оставалось делать спецслужбам социалистического лагеря? Противодействовать! Сила для этого была одна – Комитет государственной безопасности с его разведкой и контрразведкой. Хотя и до этого в наступательной стратегии им отказать было трудно.

Берлин с четырьмя оккупационными секторами напоминал в шестидесятые годы теперь уже прошлого столетия пчелиный улей. Разведки всего мира вили паутину связей с целью получения друг у друга разведывательной информации.

Именно в таком круговороте событий вращался в ГДР Александр Пантелеймонович Святогоров.

Он был прикреплен к местной резидентуре ПГУ КГБ. Её задания офицер выполнял как на территории страны пребывания, так и выезжая в другие государства для встреч с агентурой и доверенными лицами, проведения операций по связи и других мероприятий секретного характера.

Приходилось с коллегами разбираться в широком спектре вопросов, в том числе копаясь в «джунглях германо-германских отношений», которые с годами становились всё более запутанными, непроходимыми, но не теряющими своей актуальности.

Справки с результатами глубокого анализа той обстановки, написанные нашим героем, до сих пор, наверное, хранятся в архивах органов государственной безопасности как Украины, так и России. Ведь они нарабатывались для единой страны – Советского Союза.

* * *

15 октября 1959 года в Мюнхене было обнаружено тело

лидера Организации украинских националистов (ОУН) Степана Бандеры. Его труп покоился на лестничной клетке дома. Врачи констатировали смерть от инфаркта. И лишь через два года причина смерти прояснилась.

Его ликвидировал выстрелом ампулой с цианистым калием через специальное устройство агент Львовского областного управления КГБ некий Сташинский по указке из Москвы, а может, даже из Кремля.

Нельзя исключать и того, что Хрущеву по привычке ну очень хотелось заткнуть рот своему идеологическому противнику по Украине.

Вскоре агент неожиданно явился с повинной к немецким властям и во всём сознался. Признался он также в физическом устранении соратника Бандеры – Левка Ребета. Германский суд «принял во внимание чистосердечное признание» Сташинского и назначил ему наказание 8 лет лишения свободы. Он отсидел половину срока и быстро получил право на проживание в США, куда выехал вместе с семьей.

Возникла масса вопросов с делом Сташинского. Почему к нему была так снисходительна германская Фемида, отчего так быстро решился юридический вопрос с дачей права на проживание в США двойному убийце и тем более агенту КГБ, в связи с чем и зачем в СССР обнародовали указ о награждении убийцы орденом???

В зарубежной прессе со временем появились публикации, что Бандера был устранен по заданию ЦРУ двойным агентом, каким являлся Сташинский, – и КГБ и ЦРУ.

Главный оуновец к тому времени уже всем надоел, а тратить деньги на его содержание хозяева не хотели. Считать деньги они умели и умеют. Ничего нового в тактике, а тем более в стратегии антисоветчины преподнести своим новым хозяевам он уже не мог. Советский Союз развивался, превратившись в сверхдержаву.

Кроме того, вскрылись факты финансовых злоупотреблений с его стороны и конкретных кровавых злодеяний на территории Западной Украины, что серьёзно компрометировало идеи насаждения «американской модели демократии». Итак, мавр сделал своё дело – мавр может и должен умереть. И он умер по указке сверху! Какая разница, флаг какой державы реял над этим верхом…

Слово Святогорову:

…

«После побега Сташинского работа нашей резидентуры в Германии фактически была свернута. Тем самым тогдашний председатель КГБ СССР Шелепин оказал большую услугу антисоветским организациям: он разогнал чекистов, которые активно работали против них.

Я глубоко убежден, что Шелепин и Семичастный были в КГБ случайными людьми. Их как комсомольцев-выдвиженцев послали на руководящую должность в органах, им было всё равно, чем руководить, – цементным заводом или подразделением спецслужбы. А ведь они возглавляли не подразделение, а всю спецслужбу.

Руководили как дилетанты.

А кто такой дилетант – это курьёзный человек, который испытывает удовольствие, делая то, чего не умеет. Он не работает по профилю, услаждается, забавляется должностью. Он относится к искусству, как халтурщик к ремеслу.

Считал и считаю, что у человека есть только один тиран – это невежество.

Деятельность этих розовощеких комсомольских вождей, согласившихся руководить КГБ, совсем не порой, а часто вызывала изумление у профессионалов, которые, общаясь с ними, убеждались, что они ничего не смыслят даже в азах разведки и контрразведки. Они профессионально поверхностны, потому что не имеют специальной подготовки.

Судите сами: председатель КГБ официально объявил на весь мир, что наградил орденом СССР убийцу Бандеры – Сташинского. Это было

немыслимое самодурство, несусветная глупость!»

* * *

Подобных «ляпов» наши высокие руководители КГБ, прыгнувши на эти специфические должности с партийно-комсомольских трамплинов, и потом допускали великое множество.

Как-то автору этих строк его давний начальник – высокий профессионал контрразведки Н. П. Петриченко – заметил, что дилетант – это не тот, кто не умеет, а тот, кто думает, что умеет. Всякий, изучающий историю народных бедствий, может убедиться, что большую часть несчастий на земле приносит невежество. Чем меньше люди знают, тем обширнее им кажется их знание.

Эти слова врезались в память автора на всю жизнь.

Но настоящая книга не о случайных людях в разведке и контрразведке, а о профессионалах высокого класса, каким был и остается полковник Александр Пантелеймонович Святогоров.

Закончил он службу в Германии в 1961 году – на пике хрущевского авантюризма и волюнтаризма, принесших стране неисчислимые беды и поражения, взрывающихся как мины замедленного действия с годами, образуя лужи крови и слёз. До сих пор страны, входившие в состав СССР, подрываются на хрущевских минах, расставленных на полях политики и экономики.

Одна крымская мина чего стоит для России с легендарным Севастополем!

В связи с этим Святогоров вспоминал о незавидной судьбе бывшего руководителя МГБ ГДР, большого друга Советской России Волльвебера, с которым приходилось пересекаться во время работы в Германии.

Более подробные данные об этом патриоте и интернационалисте были в воспоминаниях начальника Зорича – Павла Анатольевича Судоплатова. В частности, он писал:

…

«Волльвебер произвел на меня сильное впечатление. Немецкий

коммунист, он служил в Германии на флоте, возглавлял восстание моряков против кайзера в 1918 году. Военный трибунал приговорил его к смертной казни, но ему удалось бежать сначала в Голландию, а затем в Скандинавию. Позднее он был арестован шведскими властями, и гестапо тотчас потребовало его выдачи. Однако он получил советское гражданство, так что его высылка из Швеции в оккупированную немцами Норвегию не состоялась.

Уже после пакта Молотова – Риббентропа, в 1939 году, он приезжал в Москву и получил приказание продолжить подготовку диверсий в неизбежной войне с Гитлером.

Организация Волльвебера сыграла важную роль в норвежском Сопротивлении. Волльвебер и его люди, вернувшиеся в Москву в 1941–1944 годах, помогали нам в вербовке после начала войны немецких военнопленных для операций нашей разведки.

После окончания войны Волльвебер некоторое время возглавлял Министерство госбезопасности ГДР. В 1958 году в связи с конфликтом, который возник у него с Хрущевым, Ульбрихт сместил Волльвебера с занимаемого поста. А произошло следующее.

Волльвебер рассказал Серову, тогдашнему председателю КГБ, о разногласиях среди руководства ГДР, считая их проявлением прозападных настроений, противоречивших линии международного коммунистического движения. Серов сообщил об этом разговоре Хрущеву. А тот на обеде, сопровождавшемся обильной

выпивкой, рассказал по глупости Ульбрихту:

– Почему вы держите министра госбезопасности, который сообщает нам об идеологических разногласиях внутри вашей партии? Это же продолжение традиции Берии и Меркулова, с которыми Волльвебер встречался в сороковых годах, когда приезжал в Москву.

Ульбрихт понял, что следует сделать, и немедленно уволил Волльвебера за «антипартийное поведение». Он умер, будучи в опале, в 60-х годах».

Вот какое ничтожество правило нашей страной и нами…

К сожалению, у этого дилетанта в делах государственных были продолжатели – им выпестованные ученики, приведшие государство к поражению и развалу в период «холодной войны».

Об этом периоде жизни уже в чекистской среде, как бы в подтверждение слов Зорича, сказал честно и ярко другой фронтовик, с которым автору этих строк приходилось не раз встречаться во время службы в центральном аппарате военной контрразведки.

Генерал-майор В. Н. Удилов в своей небольшой по формату, но глубокой по смыслу книге «Записки контрразведчика» писал:

…

«Обстановка в госбезопасности не изменилась даже во времена «хрущевской оттепели». Наоборот! Партийная элита решила покрепче привязать к себе этот грозный орган. На руководящие посты, теперь уже КГБ, назначались видные партийные и комсомольские деятели: Шелепин, Семичастный, Андропов, Чебриков, Крючков. За ними тянулись десятки партийных и комсомольских работников рангом пониже на должности заместителей или

начальников управлений…

Они создавали угодный партийной верхушке режим и в конце концов добились того, что в положении об органах госбезопасности говорилось:

«КГБ – это инструмент КПСС».

Во времена Брежнева вместо подбора кадров по деловым качествам возобладали родственные связи или по принципу личной преданности. Видимо, так было надежней! А то, не дай бог, вновь возникнет антипартийная группа, как в 1957 году…

В правоохранительные органы были направлены личные друзья Брежнева. В КГБ – Цвигун и Цинев, в МВД – Щелоков и зять – Чурбанов. Кстати, во внешней торговле хозяйствовал вовсю сын, Юрий Брежнев, в черной металлургии – брат Яков и т. д.

И так везде!

В органах КГБ, особенно во внешней разведке, собралось сынков отцов именитых видимо-невидимо!

Появились клановость и своеобразное соперничество между ними… Тех, кто критически оценивал обстановку и имел свое собственное мнение, под различными предлогами, подчас надуманными, увольняли с работы».

Что же касается периода деятельности Хрущева, то ракеты и атомное оружие – это ещё сталинские наработки, и автор не «оттепели» в стране, а болезненного «насморка», здесь ни при чем. «При чем» он только к расстрельным спискам невинных людей, как в Москве, так и на Украине, в периоды своего партийного руководства при правлении Сталина, на которого он потом повесил и свои жертвы.

Многое из того, чем занимался Святогоров в Германии, покрыто завесой секретности – не пришло время для рассказа или

очерка о тех днях борьбы на незримом фронте с «вероятным», как тогда говорили, противником.

Патриот дружбы народов

Судьба подарила Святогорову Александру Пантелеймоновичу – «майору Зоричу» большую, многогранную и интересную жизнь. Он был свидетелем взлётов Великой страны и её падений, героизма и предательства, жестокости и милосердия и, наконец, развала её с выбросом огромной тектонической энергии пока что только разрушительного свойства.

Она, эта энергия, до сих пор не может никак успокоиться. Даёт о себе знать новыми элементами пусть не «железных занавесов», а «занавесок» теперь уже между странами внутри СНГ, защищенностью с поистине крезовым богатством тысячи богачей и незащищенностью с нищетой миллионов простого народа, растерявшегося перед новыми вызовами дикой капитализации стран, образовавшихся на просторах некогда единой страны.

Союзный веник был развязан и поломан по прутику не народами, а политиками, жаждущими неограниченной власти. Почти 80 % советских людей твердо сказали «нет» развалу Отчизны на референдуме 17 марта 1991 года. Но политики проигнорировали волю людей, которые переплелись кровеносными сосудами.

Сегодня нет Родины ветеранов – Союза Советских Социалистических Республик. На постсоветском пространстве образовались суверенные государства, строящие не плановую социалистическую экономику, а рыночно-торговую с её главной парадигмой – первоначальным накоплением капитала в самой извращенной его форме – всесильной, непотопляемой коррупцией, откровенным воровством и неискоренимым сколько уж лет бандитизмом.

К великому сожалению, исходная концептуальная схема, модель постановки проблем и их решения не принесла облегчения большинству граждан.

Операция «Перестройка» марионеткой Запада и недальновидным, слабым и лукавым политиком Горбачевым была проведена виртуозно. Известные кукловоды постарались уничтожить то, что не удалось разгромить Гитлеру.

Великий философ современности и глубокий исследователь горбачевских начинаний А. А. Зиновьев, покинувший СССР ещё до «перестройки», писал, что он восхищается, как Запад провел всю холодную войну и добился перевеса в интеллектуальном отношении «…над нашими руководящими идиотами».

На ошибках прошлого мы не учимся, не хотим анализировать, кто мы и что с нами произошло. А ведь ещё гений

Гёте подсказал ему высказать одну истину, что тому народу, который не пожелает знать свое прошлое, предстоит пережить его много раз. Всё может повториться на восходящем по времени витке исторической спирали. О сталинских годах репрессий написаны тома книг, а вот проблемы второй половины XX века в нашей стране современные историки почему-то глубоко исследовать не желают. Наверное, нужно время, чтобы осознать то, что случилось с нами в 1985 и 1991 годах.

Реально человеку в этом мире принадлежит только настоящее. И лишь воспоминания возвращают нас в рай прошлого времени, связанного с нашей молодостью и гордостью за Родину после победоносно закончившейся войны с озверелым, умным и сильным противником.

Как сын своего Отечества, русский по фамилии – А. П. Святогоров искренне желал процветания всем государствам, вышедшим из СССР, и в первую очередь народу своей Украины. Он был её защитником вместе с представителями других народов многонационального большого государства. Являлся мужественным бойцом на протяжении военного лихолетья и невидимых сражений на «незримом фронте» после войны.

* * *

Полковник А. П. Святогоров – «Почетный сотрудник госбезопасности» СССР – часто выступал перед разными аудиториями. Жадно ловил ход его мыслей, слыша его голос, и автор этой книги. Его интересно было слушать. Он делился воспоминаниями о «боях минувших», прививая своеобразный иммунитет к тому, как не стать Иванами, не помнящими славянского родства, а что касается минувших битв в разведке, он откровенен со вставкой привычной образности.

Слово Святогорову:

...

«Мы, разведчики, вживались в свои «легенды», как в собственную шкуру, да, дефилировали по улицам в эсэсовской форме, проникали, когда появлялась острая необходимость, в самое логово врага. Поверьте, многое, что трудно было себе даже

представить в мирной жизни, в годы войны становилось нашей повседневностью, почти что будничной работой».

Это был человек осознанного действия. Решительность, смелость, яркость поступков в нем сочетались с отеческой заботой о своих подчиненных. Он всегда думал о людях, олицетворяющих щит и меч страны.

Он был повенчанный долгом!

По этому поводу в одном из выступлений он сказал:

…

«Щит и Меч» – эта эмблема выражает главные функции органов государственной безопасности. Без разведки и контрразведки не может защитить себя ни одно независимое государство. Советский Союз был мощным оплотом социализма в мировой системе. Органы КГБ были полностью осведомлены об опасности, грозившей государству в 1985—1990-х годах прошлого века.

Именно они информировали по этому поводу Правительство СССР, которое было занято идеей фикс – «построением социализма с человеческим лицом», «возведением величественного здания – коммунизма» и другими мифологемами, часто забывая об элементарной жизни простого гражданина…

Страшно, когда органы государственной безопасности служат лицам, а не делу защиты Родины».

Не раз А. П. Святогоров подчеркивал мысль о великом значении дружбы между двумя братскими народами Украины и России. Он вспоминал мудрые слова, сказанные их общим земляком, объединителем двух народов – великим писателем

Н. В. Гоголем о том, что *«…нет уз святее товарищества! Отец любит свое дитя, мать любит свое дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь свое дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови может один только человек»* .

Недаром же говорится, что самым прекрасным подарком, сделанным Богом людям после мудрости, была дружба, которая состоит во взаимном поддержании.

Поколение победителей показало себя настоящими интернационалистами. В отряде «Зарубежный» плечом к плечу воевали: украинцы – командир Зорич, радист Бондарь и разведчик Грунтовой, грузин – комиссар Агладзе, русский – начальник штаба Волостнов, армянин – рачительный завхоз и по совместительству подрывник Сукасьян, еврей – врач Сухаренко и другие. Они умели воевать, дружить и достойно уходить из жизни!

Вануш Сукасьян дружил с Данилой Грунтовым и часто своему украинскому собрату напевал известную армянскую песню «Деревцо-гранат». Памятный бой в декабре 1944 года стал для Сукасьяна последним.

Отряд в ту ночь, унося раненых, уходил стремительно в горы, а Грунтовой всё искал и искал своего друга Вануша.

И Данила всё-таки нашел, но лишь обгоревший пистолет друга. Фашисты подожгли сенники. В одном из них сгорел раненый Вануш. Только на следующий день Грунтовой догнал отряд. Через несколько дней партизаны вернулись, чтобы похоронить погибших. Среди убитых была и любимица отряда – разведчица Таня Каширина.

«Мой друг одобряет мои намерения, – писал И. Гёте, – а я одобряю его, мы вместе идем вперед, хотя бы наши мысли были различны».

Именно такие принципы общечеловеческого общежития исповедует ветеран советской разведки Святогоров.

В одном из интервью он сказал мудрые слова: один враг – много, тысячи друзей – мало. Сегодня, к великому сожалению, по вине политиканствующего высокого и амбициозного чиновничества мы больше ссоримся, чем продуктивно сотрудничаем. Простые люди тянутся друг к другу. Первое условие для сближения – искренность, ибо дружба кончается там, где начинается недоверие.

Как в дружбе, так в государственной деятельности должны быть исключены притворство и обман, попытка нажиться за счет другого, воровство и высокомерие. Настоящие друзья идут ровным шагом по жизни, поэтому лучший способ сохранить своих

друзей – не предавать их…
А ещё он считал, что для полного счастья человеку надо иметь славное Отечество, которым можно гордиться и в котором было бы легко и счастливо жить – всем!

* * *

А. П. Святогоров был мудр и интересен. В одном из интервью на вопрос корреспондента, что такое счастье, он сказал, что человек рожден для счастья, как птица для полёта. Но гоняться за счастьем не надо, оно всегда находится в тебе самом, ибо человек – творец и кузнец своего счастья. Счастье – как здоровье: когда его не замечаешь, значит, оно есть. Кроме всего прочего счастье выпадает тому, кто его не ждет, а делает его своими руками.

Он считал себя счастливым человеком, и не только потому, что удалось прожить так много лет, а потому, что располагал хорошими друзьями, прочитал много интересных книг и имел полезную для страны работу, которую делал честно, искренне и продуманно. И этого было достаточно для счастливой жизни.

«Что сделано наспех, то сделано на смех» – его любимое выражение.

По этому поводу он рекомендовал прочесть трактаты китайского философа по имени Хань Фэй, в которых Зорич нашел много полезных жизненных советов.

Автору удалось разыскать их и выписать несколько его поучений, с которыми он и решил поделиться с читателем:

…

«Если у человека случается беда, сердце его наполняется страхом и боязнью, а когда сердце наполняется страхом и боязнью, действия становятся правильными, мысли становятся зрелыми, а когда мысли становятся зрелыми, постигается существо дела.

Когда действия становятся правильными, не возникает беды и вреда, когда нет беды и вреда, человек живет отведенные ему годы

жизни.

Когда постигается существо дела, это обязательно приводит к успеху.

Когда человек живет отведенные ему годы жизни, он живет в благополучии и долголетии.

Когда достигается успех в делах, это приводит к богатству и знатности. Благополучие и долголетие, богатство и знатность называются счастьем…

Если человек обладает счастьем, к нему приходят богатство и знатность.

Когда приходят богатство и знатность, его одежда и пища вызывают гордыню.

Когда появляется гордыня, действия становятся порочными, а в поступках не соблюдается высший закон.

Когда действия становятся порочными, человеку грозит преждевременная смерть, когда в поступках не соблюдается высший закон, не бывает успешных свершений.

Когда человеку из-за него самого грозит преждевременная смерть, и он не может добиться славы успешными свершениями, это большая беда, но корни беды зародились в счастье».

Из этого трактата видно, что счастливее всех тот, кто зависит только от себя. Именно такое счастье имел в виду ветеран. Он его увязывал с дружбой словами, сказанными великим таджикским поэтом Джалаладдином Руми:

Да поразит возмездие бедой
тех, кто за дружбу заплатил враждой.

* * *

В беседе со старшим сыном «майора Зорича» Леонидом Александровичем Святогоровым, состоявшейся в Киеве, автор поинтересовался взглядами отца на современность. Это было в декабре 2007 года – в канун 90-летнего юбилея со дня рождения органов государственной безопасности. Вот что он ответил:

…

– Конечно, он, как и многие другие ветераны, переживает за развал Советского Союза – его общей Родины, но у истории не существует сослагательного наклонения. Случилось то, что случилось, хотя могло и не случиться. Он сегодня больше всего думает о судьбах простых граждан, которым «непонятные реформы» как на Украине, так и в России, где у него было и осталось много друзей, принесли больше неудобств, мягко выражаясь, чем успехов в достойной жизни. Время большого хапка обогатило одних, а обобрало других, которых большинство.

Получилось – панство бранится, а у холопов чубы трещат. Знающий не говорит, а делает, а сегодня большинство говорящих не знает, что надо делать, чтобы поднять благосостояние государства.

А вообще свои возвращения в прошлое он объясняет одним феноменом – чем ближе человек подходит к жизненному обрыву, тем почему-то сильнее неодолимое желание оглянуться на свой пройденный путь…

Прежде чем судить историю, научитесь судить сами себя, у нас же развелась тьма-тьмущая двуногих

скунсов, пачкающих даже то, что было добром и благоухало и что можно безболезненно использовать в нынешнее неспокойное и запутанное время…

У ветерана был путь, достойный подражания.

Мы много говорили о солдатах минувшей войны, которых с каждым годом всё больше и больше забирает время. Они живут иногда не обласканные властью, особенно на периферии. До сих пор не решена полностью и окончательно проблема жилья – идет одна болтовня да обещания. А ведь скоро стукнет 70 лет, как окончилась война. О них забывают под надуманным предлогом – они защищали другой строй. Мне это страшно слышать! Но если бы не защитили того строя, не было бы и этого!

И автору этих строк в связи со сказанным вспомнились слова другого ветерана войны, мэтра нашей художественной литературы писателя Юрия Бондарева, сказавшего жесткие, но, по-моему, правильные слова. Да простит меня читатель за длинную цитату:

«…Каждый народ выбирает свою дорогу к небу… Если философ неизлечим от болезни, которая называется «мысль», пытающаяся объяснить мироустройство, если писатель и художник постоянно живут в «образе» и хорошие книги и их герои совершают благие поступки, то политики одевают свои слова в роскошные смокинги, выпячивают грудь, вроде бы защищая в беде всех, кто обездолен, делают сладкие глаза, гладя в школах по головкам детей и раздавая конфеты.

В то же время неизлечимой болезнью властолюбия, заискиванием перед сильными мира сего они ещё ни разу не остановили кровопролития ни в одной из современных войн, оправдывая трусость и собственное безволие благопристойным гуманизмом и правами человека…

Прошлое невозвратимо. Реальному человеку принадлежит только настоящее. И всё-таки порой я испытываю тихую радость, вспоминая тебя, милая моя Россия. И всё, что было связано с нашей молодостью и тобою после великой войны. За последние пятнадцать лет мою родину «благочестивые демократы» предали и продали три раза, извратив добрые истины, растлив молодежь, разрушив школы, превратив детские сады в пустыри, а голодные города в туберкулезные очаги.

В моей стране миллионы потерявших свою профессию, миллионы беспризорных, полчища проституток, насильников, грабителей, убийц… и миллионы доверчивых «наивняков»… Боже

милостивый, не сделай их большими простофилями, чем они есть!

За пятнадцать лет в России возник новый вид обывателя… он заколдован ложной надеждой, внушенной дьявольским лукавством властей…

Главное: мне сегодня стало ясно, что у нас отобрали то, что мы сами отдали, что поменявшие кожу растворены в покорности, не способны к самозащите. Нет, не благоразумие, а малодушие и слабость околдовывают нас мазохистским рабством. Нас истязают ложью и пошлостью, унижают, грабят, произнося медовые слова о демократии…

Ещё с войны я помню тевтонскую жестокость немцев. И я знаю, что гнев русских напоминает отлив и прилив. Отлив, как в океане, – беззвучен; прилив – это шум, грохот, неистовство».

В этих словах дан срез нашей настоящей жизни, которая виделась совсем не такой в теплые майские дни Великой Победы 1945 года.

Ветераны войны и труда не заслужили такого унижения, которым политики играют с ними в наступившую эпоху респектабельных каннибалов.

О, грозная тень грядущего!

* * *

Замечено, что время для пожилых людей бежит с неимоверной быстротой: месяцы прессуются в недели, недели – в дни, а дни – в часы. Так было, так есть и так будет – такова жизнь.

Говорят, у разведчиков оно бежит ещё быстрее.

20 декабря 2007 года ветераны отметили 90-летие органов государственной безопасности. Как известно, у «Почетного сотрудника госбезопасности», героя-разведчика, партизана и полковника КГБ был только один юбилейный знак – «50 лет органам КГБ». Он награжден им в далеком 1967 году.

А ведь после были и другие юбилеи с цифрами – 60, 70, 80 и, наконец, 90 лет со дня рождения ЧК. Знаки выпускались, но наградить ими ветеранов забывало ведомство, в котором и которому он служил.

И вот за это время о ветеране вспоминали лишь журналисты, в том числе и из историко-публицистического альманаха «Лубянка», беря интервью в дни юбилеев героя: 80-, 85– и 90-летия.

Руководство КГБ СССР и ФСБ РФ забыло человека, так много сделавшего для Отчизны.

И только руководство теперь уже закрытой Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка РФ в лице её начальника Виктора Григорьевича Шевченко нашло возможность поздравить ветерана-чекиста с 90-летием органов КГБ и наградить его общественной наградой – орденом «Великая Победа. 1941–1945».

В ответном письме В. Г. Шевченко Александр Пантелеймонович писал:

…

«…Спасибо за высокую оценку моего вклада как сотрудника органов НКВД – КГБ СССР, партизана и разведчика, в нашу Победу над фашизмом!

Кроме того, большое человеческое спасибо Вам и Вашему советнику Коваленко Анатолию Михайловичу за вручение награды, которое прошло в сердечной обстановке, с участием моей семьи, внуков…

Поддержка нас, ветеранов-антифашистов, в нынешней сложной политической обстановке очень важна!

Разрешите мне поздравить Вас и Ваших коллег с девяностолетием ВЧК – КГБ и пожелать успехов!..

Ветеран Великой Отечественной войны,

командир партизанского отряда особого назначения,

действовавшего на территории Польши и Словакии в 1944–1945 годы,

ветеран Внешней разведки Украины,

полковник в отставке

А. П. Святогоров – Зорич.

Киев, 20.12.2007 г.»

Послесловие

С годами слабеет память у конкретных людей – и это закономерно с биологической точки зрения. Но крайне опасно беспамятство общественное, когда потомки забывают о деяниях предков.

По странности психологии человека имена героев, имена сеятелей добра постепенно исчезают из его памяти, но имена великих злодеев остаются навсегда. В подтверждение этого тезиса можно указать на факты повышенного спроса массового читателя на книги с освещением фашистских бонз, предателей разного рода родной земли, уголовников – рейдеров, рэкетиров, киллеров, мошенников и т. п. типов.

Что случилось с нами? Нас разоружили или так «отзомбировали», что мы постепенно становимся Иванами, не помнящими родства.

Недаром говорится, что мертвые живы, пока есть живые, чтобы о них вспоминать. Но есть ещё живые герои, оттесненные в тень нашего сумасшедшего времени. О них надо вспоминать и писать, не забывая, что молодость – это такая болезнь, которая с годами проходит.

Теперь мы часто поражаемся бездуховности и безнравственности многих своих современников.

Не так давно автор был свидетелем такого безобразного фарса. Один из известных российских политиков с экрана телевизора заявил, что его «тошнит», когда говорят о партизанах и их «подвигах».

Чем же они, народные мстители, не угодили этому политику-либералу?

Оказывается, он только недавно узнал, что партизан-патриотов из числа местного населения вообще не было. А были засланные за линию фронта «энкаведэшники» и «грушники» (представители НКВД и ГРУ Генштаба СССР. – *А.Т.*)

Трудно сказать, чего больше в этих утверждениях: невежества, ненависти к собственной истории, продажности или умопомешательства?

Не знаю. И не могу понять, зачем это нужно?

Что касается «засланных» – так их отправлял во вражеский тыл ещё главнокомандующий русской армией фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов в 1812 году.

В составе партизанской группировки действовали тогда 30 казачьих, 7 кавалерийских и 5 пехотных частей. В боях с французами в партизанской войне прославили себя полковник

Давыдов, майор Храповицкий, штаб-ротмистр Бердяга, поручик Макаров и другие патриоты. Все они были офицерами известных боевых частей, таких, как, например, Ахтырский гусарский, Волынский уланский полки.

Так что это давняя воинская традиция. Неужели чиновник этого не знал? Об этом даже школьнику известно. Плохо, очень плохо, когда таким неучам дают место в телестудиях и на политическом подиуме.

Ну а если выяснять правду о том, шли сами мужики в партизаны либо их заставляли идти, то правда такова: было и то, и другое. Как, впрочем, и в солдаты на фронт попадали и добровольцы, и по призыву.

И лжепартизаны, которые грабили соседние деревни, тоже не новость, и они существовали. Но это были элементарные бандиты. Однако утверждать, что всё партизанское движение было таким, – значит в очередной раз оболгать историю, извратить истину и очернить павших героев.

Однако не забудем главного, о чем забывают, захлёбываясь в надуманных разоблачениях, иные авторы: нынешние богатые и благополучные, которые учат нас, как надо жить сегодня в период вороватого накопления капитала и рейдерско-бандитской приватизации. Уже к июню сорок первого они и все мы были бы не более чем пылью у фашистских сапог. Это – главная, основная Правда того времени.

С мольбой народы в считаные недели поверженной Европы глядели на Советский Союз – последнюю их надежду обрести независимость и свободу. И в каких бы грехах нас ни обвиняли потом, в послевоенный и постсоветский периоды, именно мы вернули порабощенной Европе её растоптанное имя.

Не американцы, не англичане. А мы!!!

Остальные нам только помогали. Конечно, спасибо им за помощь. Но главную тяжесть войны с огромными невосполнимыми утратами вынесли мы, советские люди, наши братья и сестры, отцы и деды, в том числе и партизаны.

Память – это своеобразная медная доска, покрытая буквами героических деяний таких людей, какой есть и будет незабвенный «майор Зорич».

И надо сделать всё, чтобы эти буквы не сглаживались в потоке стремительного времени, а для этого и существует резец для их возобновления. Он должен быть в руках добрых, а не злопамятных людей.

Мы не должны жить по принципу – сегодня прославляем, а завтра плюем в то, что прославляли, и топчемся по могилам павших предков.

Кстати, мимикрией часто страдают и грешат одни и те же люди, умеющие служить в зависимости от обстоятельств и богу, и сатане, хотя это и «дурно пахнет».

Будем помнить, что в истории наших тайных деяний в разведке есть такое имя – Александр Пантелеймонович Святогоров – Зорич, о котором должны услышать власти предержащие, отметив его подвиги соответствующей боевой наградой.

Герой заслужил то, чего ему недодали в своё время!

Когда книга была написана, автор по электронной почте переслал её черновую рукопись с припиской Святогоровым:

...

«Здравствуйте, уважаемые Александр Пантелеймонович и Леонид Александрович!

Ваш пакет с эксклюзивными фотоматериалами, Леонид Александрович, я получил. Большое Вам спасибо за оперативность с учетом огромной Вашей занятости по работе и дома.

Понимая быструю текучесть нашей жизни, я очень спешил сделать «рыбу» обещанной вам книги.

Александр Пантелеймонович, огромное Вам спасибо за согласие передать автору часть своего бесценного фотоархива.

Выношу рукопись вам двоим на суд.

Я готов принять любые замечания по форме, сюжету, фактуре и персонажам. Если у вас есть возможность дополнить её новыми текстами и фотоматериалами – пожалуйста. А вот те фото, которые у вас есть (я их видел при первом беглом просмотре), но они не вошли в книгу по моей ещё не полной осведомленности о Зориче, Вы бы

могли передать мне известным способом… – по электронной почте. Они отмечены в рукописи словом (нет).

Мой электронный адрес:…

С получением рукописи, а тем более о результатах её оценки, Леонид Александрович, прошу Вас сообщить мне – книгу надо сделать поскорее, пока не раздумали спонсоры.

С уважением, Анатолий Степанович Терещенко.

Москва – февраль 2008 г.»

Ответа долго ждать не пришлось.

Леонид Александрович поблагодарил автора за оперативность и, в частности, сообщил:

…

«Прочитал Вашу рукопись – мне она понравилась. Потом обсуждал её содержание с отцом. Он выразил сердечную благодарность за память о фронтовиках, чекистах, участвовавших в боевых операциях в составе разведывательно-диверсионных групп, и о «майоре Зориче».

Вы дали развернутую картину не только его ратного труда в почти двадцатилетней панораме: довоенного периода, во время войны и начала пятидесятых годов прошлого столетия, но и показали фон, на котором проходила служебная деятельность полковника Святогорова Александра Пантелеймоновича.

Если книга увидит свет, то это будет настоящим подарком к 95-летнему юбилею «майора Зорича» и доброй памятью для всей нашей

семьи и его коллег, как ушедших из жизни, так и живых, которых осталось очень мало.

Верность Родине, защита её интересов, борьба с озверелым фашизмом никогда не должны недооцениваться.

Борьба отца – это уже далекая история, как и историей стала та страна, которую он честно защищал, – Советский Союз.

Но качества чести и долга перед Отчизной и Присягой надо прививать людям, и особенно молодежи, постоянно.

Дай бог, чтобы мы жили в мире…

Патриотизм – не достоин скептицизма и забвения.

С уважением, Святогоровы!

Киев – март 2008 г.»

В историко-публицистическом альманахе «Лубянка» (выпуск № 9, – 2008 г.) под рубрикой «Поклонимся великим тем годам» автором этих строк были опубликованы ещё две статьи, посвященные разведчику-ветерану: «И он ушел в бессмертие» и «Памяти Зорича».

Памяти Зорича

Мертвые живы, пока есть
живые, чтобы о них вспоминать.

Э. Анрио

Золотые слова, приведенные в эпиграфе, некогда сказал французский писатель и критик Анрио Эмиль (Эмиль Поль Эктор Мегро).

22 июня 2008 года на девяносто пятом году ушел из жизни в Киеве «старший брат Штирлица», легендарный советский разведчик полковник Александр Святогоров, он же майор Зорич, без судьбы которого не было бы фильма «Щит и меч».

В декабре 2007 года автор выезжал в Киев для встречи с героем незримого фронта – хотел взять интервью. Но Александр Пантелеймонович заболел, и на встречу пришел его старший сын – Леонид Александрович. Зная, что я готовлю о нем статью и собираю материал для книги, он принес большую часть фотографического архива отца.

В мае 2008 года в журнале МВД РФ «Милиция» № 5 вышла глава из книги, посвященной А. П. Святогорову – «Майор Зорич». Один экземпляр журнала со статьей автор решил, чтобы порадовать ветерана, передать легендарному разведчику. Но полковнику Святогорову Александру Пантелеймоновичу не суждено было прочесть строки о нем из уст коллеги-потомка. На Украине, в городе Сарны, автор узнал о его кончине и сразу же заторопился в Киев.

Теперь судьба его привела в дом, где жил вместе со старшим сыном и снохой Ларисой Владимировной ветеран – легендарный Зорич. В небольшой квартирке одну крохотную комнату занимал Александр Пантелеймонович. Простенькая кровать с настенной домотканой дорожкой. На прикроватной тумбочке лежит часть его наград от иностранных государств. В средней комнате – зале, если его так можно назвать, стояла мебель шестидесятых годов…

Скромный Зорич и его семья не приобрели, как сегодня выражаются, дивидендов от ведомства щита и меча. Чекисты той поры, как и все советские люди, жили на честно заработанные деньги. На одном серванте стоял любимый портрет ветерана в форме. Тут же покоились боевые ордена СССР, Польши и Чехословакии. На буфете, у дверей, прислонилась о стенку «фанерка», обтянутая красной материей. На ней висели отечественные и иностранные медали героя и более поздних лет

его фотопортрет.

Леонид Александрович любезно согласился рассказать о последних днях жизни отца, которого он, семидесятитрехлетний сын, называл «папой». И тут я поймал себя на мысли, – когда человек в таком возрасте произносит слово не «отец», а «папа», то его жизнь, жизнь сына, целиком подключена к другой жизни – героической, яркой, до сих пор полностью не раскрытой.

От сына автор узнал, что отец за время работы в разведке сменил семнадцать псевдонимов. Огласке предал только один – майор Зорич, под которым работал в 1944–1945 годы в Польше и Словакии.

Конкретные подвиги ветерана подробно описаны в книге не без помощи самого Александра Пантелеймоновича и его старшего сына Леонида Александровича. В слове памяти Зорича хочется лишь напомнить читателям некоторые известные действия разведывательно-диверсионных групп под его руководством:

– уничтожение палача – коменданта Харькова генерала Георга фон Брауна;

– ликвидация Люблинской разведшколы абвера в Польше вместе с руководителем местного гестапо Аккардтом;

– пленение личного представителя адмирала Канариса – Вальтера Файленгауэра и оберста (полковника) вермахта Курта Гартмана;

– освобождение через свою агентуру из лап гестапо и фашистских тюрем советских военнопленных и местных партизан;

– серия масштабных диверсионно-террористических актов против немецких оккупантов;

– вскрытие шифров и кодов израильских спецслужб;

– завязки с судьбами Эриха Коха и Александра Керенского и многое другое.

Леонид Александрович с благодарностью принял журнал со статьей об отце и стал торопливо комментировать архивные фотографии:

– Вот папа в Польше, а вот фотография всех преподавателей и курсантов Люблинской разведшколы абвера…

– А кто это в центре сидит?

– Так это руководитель гестапо Люблина Аккардт.

– Наверное, его последнее фото?

– Наверняка, вскоре этот авантюрист и палач погибнет от партизанской пули…

– Я знаю, ваш отец часто выступал с воспоминаниями о войне перед трудовыми коллективами и на уроках мужества в школах. Что он говорил молодому поколению?

– До перестроечных лет его часто приглашали на такие встречи. Он говорил о верности долгу и присяге, о патриотизме и преданности Родине, которую всегда писал с большой буквы. В посольство Чехословакии в Киеве отца часто приглашали и встречали как высокого гостя.

Потом будто отрезало – ни приглашений, ни звонков. И не только от чехов. Понимаю – времена меняются. Но отец давал присягу одному знамени, сейчас другое реет над Украиной. Но дважды офицеры не присягают на верность Отчизне. У времени нет ни начала, ни конца. У него есть четко обозначенный вектор направления – ползти, идти, бежать, лететь только вперед. Они люди другой эпохи, канувшей в Лету, но они были героями своего времени. А с политической «перековкой» майора Зорича – полковника Святогорова оппоненты опоздали на целую жизнь. Он ушел в бессмертие, не дожив пяти лет до столетия…

* * *

Стоял жаркий летний день.

В полуоткрытое окно врывался прохладный сквознячок, он шевелил белоснежный тюль, задевая рослые кактусы, стоящие причудливыми стражами на подоконнике. Когда же мы заговорили о современной жизни, тот же ветерок пробрался в комнату и попытался зазвенеть чешской наградой, прислоненной к фотографии Александра Пантелеймоновича. Орден вдруг упал, гулко зазвенев, как будто воспротивился уходу от главной темы – воспоминаний о герое, бывшем хозяине квартиры.

– Вот видите, даже ордена просят не отклоняться от темы.

По обычаю мы помянули Героя, который действительно заслужил звание Героя Страны, которой нет. Он находился как бы в тени своего прославленного земляка майора Вихря – Евгения Березняка – Героя Украины. И советской, и нынешней Украине, наверное, не хотелось иметь героями двух ветеранов-диверсантов. В России тоже сегодня появился – теперь российский «майор Вихрь» Алексей Ботян. Его тоже отметили – дали Героя России за спасение Кракова. И возникает вопрос: кто же настоящий герой Кракова – украинский или русский, получившие героев от своих президентов соответственно Ющенко и Путина только в XXI веке.

– А где похоронили Александра Пантелеймоновича? – поинтересовался автор у сына.

– Похоронили папу на Байковом кладбище рядом с могилой супруги. Хоронили с воинскими почестями. Символично было – сеялся мелкий дождец. Словно сама природа прощалась с

человеком – почти ровесником «взорванного» двадцатого века. Распорядитель церемонии казенно-печальным голосом зачитал некролог. Потом выступил я, а затем генералы – руководитель Службы внешней разведки СБУ и представитель ФСБ Российской Федерации в Украине.

Как писала «Комсомольская правда» в Украине» от 1 июля 2008 года, в конце похоронной церемонии «дирижер взмахнул рукой, и мелодия Гимна «Ще не вмерла Украина…» гулко и торжественно оттолкнулась от труб духового оркестра.

«С чего начинается Родина…», песня-лейтмотив из кинофильма «Щит и меч», тут, конечно, была бы уместней. Но этой мелодии молодые солдаты не знали…

На временной эпитафии загорелись даты начала и конца жизненного пути человека-легенды:

…

СВЯТОГОРОВ АЛЕКСАНДР ПАНТЕЛЕЙМОНОВИЧ
13.12.1913—22.6.2008

По случаю кончины Святогорова-Зорича на имя его сына Леонида Александровича пришла правительственная телеграмма:

…

«Уважаемый Леонид Александрович!

Комиссия в делах бывших партизан Великой Отечественной войны 1941–1945 годов при Верховном Совете Украины выражает Вам и Вашей семье глубокое соболезнование по поводу кончины вашего отца Святогорова Александра Пантелеймоновича, нашего боевого товарища и друга. Его жизнь и боевая деятельность, отношение к людям и преданность Родине должны служить воспитанию патриотизма.

Память об Александре

Пантелеймоновиче навсегда останется в наших сердцах.

С уважением, Председатель комиссии В. Коньков.

23.6.2008 г.»

Я более чем уверен, его дела его переживут! Такие люди не умирают в памяти народной. Они остаются звездами на небосклоне истории Отечества.

Славянский шкаф

Герои не умирают!

В № 9 альманаха «Лубянка» была напечатана статья автора «И он ушел в бессмертие», посвященная бойцу «невидимого фронта» А. П. Святогорову, действовавшему в тылу врага под псевдонимом Зорич.

Как писалось в журнале, статья получила большой резонанс среди читателей, а 15 декабря 2008 года по электронной почте на имя автора этой книги пришло письмо из Киева от сына легендарного Зорича – профессора, специалиста в области кибернетики Леонида Александровича Святогорова. Он писал:

…

«Здравствуйте, уважаемый Анатолий Степанович!

Свежая публикация о моём отце в «Лубянке» и ваши материалы об ОУН-УПА позволяют мне считать Вас не только честным журналистом, историком разведки, но и продолжателем дела Зорича. Спасибо! Я опираюсь на Вашу помощь в таком деле, если это может получиться.

Прилагаю статью, которую я написал «на одном дыхании». Здесь параллели с нашей реальностью, полемические мысли…

Пытался сделать интересной. Посылаю на Ваше усмотрение, разрешаю редактировать и исключать блоки текста. Воспринимаю любые замечания.

С уважением, Леонид А. Святогоров.

...

PS. Эту мою статью отвергли в украинской газете «Киевский Вестник».

Статья называлась «Славянский шкаф», где сын пытался пройтись по историческим вехам своего отца, показав объективно политику и практику того, что было. Автор посчитал, что она существенно дополнит штрихи к портрету героя, а потому решил поместить её всю без купюр в конце повествования о Зориче.

Думаю, содержание статьи найдет достойное место в России, где граждане и власти помнят подвиги своих ветеранов единой тогда Отчизны, и она станет прекрасным эпилогом настоящей книги о разведчике.

СЛАВЯНСКИЙ ШКАФ

Святогоров Л. А.

В знаменитом в конце сороковых годов минувшего столетия кинофильме «Подвиг разведчика» есть слова, которые помнит целое поколение:

«У вас продается славянский шкаф? – Шкаф продан, могу предложить никелированную кровать – с тумбочкой!..»

Именно этим паролем обменивались в Киеве члены подпольной группы во время немецкой оккупации. Мой тесть, В. А. Поживилов, состоял в киевской подпольной организации и погиб в гестапо. А мой отец – А. П. Святогоров, которому приходилось переодеваться в немецкий мундир и предъявлять патрулям «аусвайс» (удостоверение личности с фашистским орлом), был профессиональным разведчиком. Его задачей было внедрение агентов в разведывательно-диверсионную школу абвера (Польша, Люблин, 1944 год), а затем добывание и анализ сведений о стратегических планах немцев и профашистского словацкого президента Тиссо накануне генерального наступления Красной Армии (Братислава, 1944–1945 годы)…

Памяти моего отца – Святогорова-Зорича, чекиста-разведчика, который был одним из консультантов кинофильма «Подвиг разведчика», – посвящена эта статья. Он скончался 22 июня 2008 года, в роковую веху в истории его Родины.

* * *

И работа моего отца, и его жизнь заставили меня многому научиться, и главное – видеть события с какой-то общей точки зрения, в историческом контексте, так как только история расставляет все по своим местам. Слишком много повидали наши отцы, чтобы забыть их дела и не сделать собственных выводов. Отказаться от праведности отцов (в том числе с их ошибками, иллюзиями и заблуждениями той эпохи!) – это означает лично для меня предать и все поколение, и отца, и свое прошлое…

Среди многих рассказов моего отца, который и в военные годы, и в мирное время защищал интересы государства как сотрудник внешней разведки, я чаще всего вспоминаю эпизод периода обороны от немцев города Запорожье.

Жаркое лето сорок первого

До войны папа работал инженером на шамотном заводе в городе Запорожье, в котором родился и я; завод делал огнеупорные кирпичи для «Запорожстали». В сороковом году Берия, сменивший Ежова на посту главы органов НКВД, начал ревизию некоторых следственных действий и решил обновить кадры. Моего отца как изобретательного рационализатора и передовика-стахановца комсомол рекомендовал в органы. Так он стал сотрудником Запорожского областного управления НКВД.

«Мне повезло, – позже говорил отец, – что сталинские репрессии обминули меня как с одной, так и с другой стороны: я в них сам не участвовал и меня не арестовали… Зато горжусь тем, что напрямую участвовал в реабилитации нескольких рабочих моего завода, которых обвинили в связях с иностранными разведчиками, причем сами следователи подсказывали этим избитым людям, с какими именно…»

Их выпустили.

…Летом сорок первого года сотрудники Запорожского управления НКВД не спали сутками. Нужно было обеспечить эвакуацию в тыл стратегических объектов, сохранность документов и банковских ценностей, заминировать в соответствии с планом телеграф, стратегически важные предприятия и некоторые здания. Очень много эшелонов ушло на Урал с рабочими. Спасали от возможных расправ семьи партийных и советских руководителей, военнослужащих. По этой причине уехал с мамой и я – в Казахстан.

Благодаря железной организации удалось отправить десятки тысяч вагонов со станками, углем и металлом… При этом оперативников очень часто поднимали ночью по тревоге для уничтожения немецких десантных диверсионных групп, которые в

изобилии забрасывали в район Запорожья, а во время ночных бомбежек нужно было вылавливать агентов, подававших фонариками в совершенно затемненном городе сигналы.

Папа появлялся дома редко, был очень худой и загорелый, но всегда энергичный и даже веселый. Вот тогда я запомнил на всю жизнь эмблему «Щит и Меч», которая была нашита на рукавах его светло-серой гимнастерки, и тусклый красный блеск лейтенантских кубиков в петлицах…

Когда немцы подошли к городу, плотина Днепрогэса была взорвана. Их части остановились для накопления и перегруппировки сил. Основные предприятия Запорожья к тому времени были эвакуированы, завод «Запорожсталь» – заминирован, город вымер…

На острове Хортица офицеры вермахта заполнили базы отдыха, развернулись аппетитные полевые кухни, заработали бани, а возле армейских палаток зазвучали губные гармошки…

Через мощные репродукторы на Запорожье транслировали популярные солдатские песни: «Кляйне Августи» и «Лили Марлен»…

Солдаты загорали, купались, а на золотом днепровском пляже лепили из песка женские фигуры. (Небольшое отступление: когда сегодня по телевизору я без конца слышу рекламу водки «Хортица», во мне что-то переворачивается – почему Хортицу превратили в водочный бренд Украины? Почему снова оттуда исходит опасность для людей?)

В управление НКВД распоряжений не поступало, поэтому план действий для чекистов был предельно ясен: обороняться до конца. Сто пятьдесят оперативников под командованием полковника Леонова обложили ворота и окна здания мешками с песком, приготовили винтовки (на всех не хватило), достали личное оружие и приготовились дорого продать фашистам свои жизни…

Однако в связи с «летними каникулами» немцев город снова был взят под контроль: стали потихоньку возвращаться некоторые организации, заняли оборону наши воинские части, продолжился вывоз оборудования. Восстанавливалась и текущая чекистская работа: борьба с диверсантами, паникерами и мародерами; например, поймали одного директора сберкассы с мешком денег.

Как шутил позже отец, «мы отстояли город от всей армейской группировки фельдмаршала Манштейна…»

Когда немцы, уже в августе, приступили к штурму города, управление НКВД передислоцировалось под Харьков, где перед чекистами встали новые задачи. Основной работой было создание

агентуры в тылу врага, проведение спецопераций, диверсионных актов. По воспоминаниям отца, не было недостатка в добровольцах, шедших на смертельный риск во имя Родины…

Почему взрывались особняки?

В Москве, по указанию Ставки Верховного главнокомандования, полковником Ильей Стариновым был разработан план минирования в оставляемых Красной Армией городах зданий, где во время оккупации можно было прогнозировать скопление фашистов. Использовали горький опыт финской войны, когда финны оставляли замерзшим красноармейцам свои теплые блиндажи, предварительно их заминировав…

Одна из таких операций, разработанных чекистами, заключалась в минировании особняка первого секретаря Компартии Украины Н. С. Хрущева в городе Харькове. Однажды, когда немцы уже начали обстрел города, во дворе особняка появились наши саперы, установили палатку и в спешке начали какие-то работы (Никита Сергеевич, кстати, при этом отказался выехать из дома – на это не было времени).

Любопытные прохожие могли это подсмотреть, а были и такие, кто уже заранее потирал руки, предвкушая, какой «секрет» они выдадут оккупантам!..

И действительно, когда немцы захватили Харьков, их саперы, тщательно обследовав здание и сад, обнаружили в подвале зарытую в куче угля мину. Доложили по инстанции, что особняк разминирован, и туда вселился городской комендант – генерал Георг фон Браун (кстати, близкий родственник создателя ракет «Фау-два», бомбивших Лондон)…

Генерал был педантом. В одно и то же время он с усиленной охраной выезжал на службу и по минутам возвращался домой. Ни один его шаг не оставался без внимания наших агентов, которые выполняли задание моего отца. В подходящий момент информация о том, что в особняке высшие офицеры вермахта и разведки, ушла в Москву. Полковник Старинов из Москвы послал сигнал на радиовзрыватель мощного полутонного фугаса, который был спрятан глубоко под землей, и особняк – вместе с генералом и его гостями – взлетел на воздух.

Фашисты озверели, начались репрессии против населения – по своим жестоким законам шла кровавая война, в которой не бывает такой меры, как взвешенная справедливость. Известно, что Черчилль позволил фашистам послать на дно весь английский морской конвой, чтобы враг не догадался о том, что англичане захватили секретные шифры абвера. За каждый малый шаг к победе приходилось платить страшной ценой. В том числе и

взрывами на родном Крещатике, занятом немецкими штабами и службами…

Сегодня осуждать такую тактику легко, а *тогда шла война* – война за выживание страны и всего народа, и потому эта война называлась *Великой Отечественной*…

Война, которая впоследствии, в угоду националистам, была отстраненно и академично переименована во Вторую мировую.

Илья Григорьевич Старинов и Александр Пантелеймонович Святогоров познакомились ещё в сороковом, в Ровно, а после войны они встречались и переписывались; им – профессионалам высокого класса – было о чем поговорить.

«Майор Зорич»

Такой оперативный псевдоним разведчик А. П. Святогоров имел в Польше, летом сорок четвёртого, когда он на парашюте приземлился в лесу, в районе Воли-Верещинской, под Люблином. Это третий эпизод деятельности Святогорова-Зорича.

Под Люблином находилась тогда одна из многочисленных разведывательно-диверсионных школ немецкой разведки (абвера). Сеть школ была подчинена стратегической операции под кодовым названием «Сатурн». В одном из подразделений Управления НКГБ Украины, которым руководил тогда полковник И. А. Сидоров, было принято решение обезвредить школу. Разработали операцию «Люблин» и назначили моего отца – «майора Зорича» – руководителем операции. Вместе со своим товарищем, капитаном госбезопасности Анатолием Коваленко – «Гурским», они были сброшены на парашютах в районе деятельности партизанского отряда имени Железняка.

Обстановка в отряде к тому времени сложилась тревожная. В отряде действовал предатель, немцы постоянно «прессовали» партизан. Этот агент имел в деревне Воля-Верещинская связь с полькой и через нее передал в Люблин, где под видом пивной находилась явочная квартира гестапо, записку о том, что в отряд «прибыли из Москвы» два офицера с неизвестным заданием. В то же время Зорич принял контрмеры по выявлению агента.

Была задумана несложная оперативная комбинация – отряд вдруг «срочно» снимался с базы. Партизаны устроили засады и задержали нескольких поляков, спешивших из деревни в Люблин. При этом обнаружили донесение агента (им оказался Сметинский) и сообщили по радио в отряд. Однако арестовать его не успели, так как события развивались весьма стремительно: «железняковцам» пришлось принять с карателями бой, во время которого «партизан» Сметинский, чувствуя свое разоблачение, пытался бежать. При этом в разгар боя его как дезертира застрелил другой боец отряда – Шамко. Когда Зорич провел

расследование, то выяснил, что Шамко на самом деле был законспирированным двойником агента Сметинского, работая под псевдонимом «Вольф». После разоблачения и ликвидации «Вольфа» преследования отряда прекратились, но разведчик Зорич понимал, что немцы на этом не остановятся…

И действительно, вскоре на стол начальника люблинского гестапо штурмбаннфюрера СС Аккардта легла папка с личным делом Ивана Макарука.

– Почему вы, украинец, оказались в Польше? – спросил гестаповец.

– А у меня жена была полькой, и если бы я не бежал сюда, то меня на Волыни прирезали бы свои же – украинцы-националисты, – ответил Иван…

Углубленный опрос слушателя школы продолжался несколько часов. Все ответы удовлетворили Аккардта: он знал, как использовать национализм в интересах Третьего рейха.

Как тут не вспомнить примечательную сцену из того же фильма «Подвиг разведчика»!

…Для ликвидации киевского подполья в группу засылается провокатор – агент Бережной. Его вызывает к себе в кабинет руководитель немецкой разведки – генерал фон Руммельсбург. Он включает радиоприемник «Телефункен», и оттуда льется раздольная русская мелодия… Генерал поворачивается к Бережному и, холодно поблескивая пенсне, спрашивает:

– Вам нравятся русские песни?

– Я не люблю русских песен, генерал! У нас – свои песни, у Москвы – свои!..

* * *

Вскоре Иван Макарук появился среди партизан и объяснил, что он «бежал из тюрьмы и хочет отомстить немцам». В таких случаях проверка всех новичков в отряде заключалась в «проверке чистоты» верхней одежды. Макарук почему-то проявил упрямство, и когда в его воротничке обнаружили хитро вшитый номер «35» с орлом, который служил агенту ночным пропуском для городских патрулей, все стало предельно ясным…

Такой шанс проникнуть в школу абвера Зорич упустить не мог. После бесед с агентом, благодаря логике советского разведчика, подкрепленной неоспоримыми фактами, Иван Макарук был перевербован.

На конкретных примерах отец показывал ему украинофобскую политику немецкого фашизма и его карательной

системы. Говорил о стравливании нацистами двух соседних народов – украинцев и поляков. Он считал, что поводом к противостоянию послужила давнишняя вражда между украинскими и польскими националистами, оспаривающими верховенство на смешанных украинско-польских территориях Волыни, Полесья и Холмщины. Рассказал о подробностях гитлеровского плана «Ост» по искоренению славянских народов, особенно – украинцев, белорусов и русских, мешающих освоению немецкими колонистами «восточных» плодородных земель.

Вернувшийся в разведшколу Макарук принес штурмбаннфюреру Аккардту «ценные сведения», в частности рассказал подробности провала двух гестаповских агентов, не утаил роль в этом Зорича, словом – ему поверили…

А после этого Зорич стал получать от Макарука данные о заброске немецких агентов-диверсантов в наш тыл: даты, время, место – иногда даже с приложением фотографий. Данные немедленно переправлялись в Москву. Глобальная террористическая операция фашистской разведки терпела поражение…

* * *

В этом месте рассказа об отце мне хочется сделать отступление. В советском кинофильме-трилогии «Конец «Сатурна» очень правдиво показана работа нашего разведчика, внедренного в качестве преподавателя в абверовскую школу «Сатурн». Там, в частности, рассказано, как один из курсантов диверсионной школы добровольно соглашается, чтобы хирург отрезал ему ногу – для того чтобы немцы поставили ему протез, замаскировали внутри радиопередатчик и послали его с группой диверсантов в советский тыл. Так и произошло. Патриот передает подробные сведения о диверсионно-разведывательной школе чекистам.

Мой отец был одним из консультантов фильма.

Многие разведывательные и боевые операции моего папы описаны в художественных повестях «Смерть и жизнь – рядом», «Его звали Зорич» и «Двойная западня».

Результатом противостояния двух разведок явилось исчезновение диверсионно-разведывательной школы – «Особой части СС», созданной под Люблином, в местечке Яблонь, в марте 1944 года. Штурмбаннфюрера Аккардта через нашего агента Ивана Макарука соблазнили «легкой добычей» – захватить живым Зорича, заманили в ловушку и уничтожили вместе с личной

охраной и другими участниками операции против штаба партизан. Вражеская школа была уничтожена ранее.

А похищение представителя ставки фюрера генерала Кюна, – это не полный вымысел авторов фильма «Подвиг разведчика». В июле сорок четвёртого, благодаря тонко рассчитанной оперативной комбинации с подставными женихом и невестой, была организована вечеринка, на которую прибыл гауптман (капитан) Вальтер Файленгауэр; он был личным представителем адмирала Канариса (шефа абвера) и располагал вполне важными сведениями относительно планов своего командования. Захвачен он был с любовницей в разгар вечеринки и передан в штаб 1-го Украинского фронта. За эту операцию Зорич получил орден Красной Звезды…

Есть ли место подвигам?

Из общения с отцом я извлек по крайне мере два урока.

Задаю себе вопрос: а *что двигало этими людьми* – партизанами, подпольщиками, разведчиками, солдатами?.. То же самое, что и сейчас?

И получается у меня в ответе…

Каждый человек или имеет, или ищет смысл жизни – и дай бог найти его своевременно!.. Но смысл каждой жизни возрастает многократно, если он не сугубо индивидуален. Настоящий смысл жизни человеку придает его родная страна, в которой он родился, живёт и трудится…

В той стране – СССР – была общая гуманистическая идея, освященная любовью к Родине. Называлась эта идея – строительство социализма. И во время Отечественной войны эта идея сыграла роль объединителя миллионов людских напряжений против фашизма. Национальность не была препятствием. Одним из миллионов был мой отец. Он знал, во имя чего рискует жизнью, совершая подвиги вместе с другими гражданами страны.

Следовательно, у граждан появляются высокие цели только тогда, когда высокие цели имеются у всей страны и когда эта страна становится для них единственной Родиной.

Мой отец выразил эту мысль просто. Он сказал:

– Мы обязательно победили бы фашизм, уже хотя бы потому, что у Гитлера была идея национальная, а у нас – интернациональная. Национализм заводит любой народ в тупик.

В заключение мне снова хочется обратиться к киноискусству.

В другом замечательном фильме – «Семнадцать мгновений весны» есть сцена, когда Штирлиц – советский разведчик Исаев – ведет допрос пастора Шлага, осторожно проверяя его отношение к нацизму.

– Я не понимаю ваших целей, – говорит растерянно пастор.

– Считайте, что мои цели избыточно честны! – ответил Штирлиц.

Таким разведчиком был и мой отец, Святогоров-Зорич!

Библиография

СС в действии. Документы о преступлениях. – Москва. Издательство иностранной литературы, 1960.

Теодор Гладков «С места покушения скрылся». Москва. «Гея», 1998.

И. А. Дамаскин «Сталин и разведка». Москва. «Вече», 2004.

Павел Судоплатов «Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950». Москва. «Олма-пресс», 1997.

Вильгельм Кейтель «Размышления перед казнью». Смоленск. «Русич», 2000.

«Немецко-фашистский оккупационный режим на Украине» (*укр*). Киев, 1963.

Валерий Деркач – газета «Факты» с. 8 от 17.12. 2000.

Иван Бессмертный «Под псевдонимом «Зорич». Газета «Третий сектор». 20–27 октября 2000.

Марина Евграшина и Людмила Комлик – «Как это было…» Газета «Факты» с. 12, 16 августа 2006.

А. П. Святогоров. «Пароль – «Зарубежные». Киев, 1990.

В. Завалишин, Н. Смешнов. «Двойная западня». Киев, 1967.

Л. Н. Коваленко. «Под крестом жизни» Т-2.

Интернет-интервью с А. П. Святогоровым и И. Бессмертным.

М. Калашников «Сломанный меч Империи». Москва-«Форум», 2002.

М. Болтунов «Невидимое оружие ГРУ». Москва: «ОЛМА-ПРЕСС», 2002.

И. А. Дамаскин. «100 великих разведчиков». Москва: «Вече», 2001.

С. Зверев . – «Крылатое оружие СС. СМЕРШ – тайный орден разведки». Москва: «ЭКСМО», 2006.

И. А. Дамаскин «Разведчицы и шпионки». Москва: «ОЛМА – ПРЕСС», 1999.

А. Д. Шутов. «На руинах великой державы, или Агония власти». Москва: «Вече», 2004.

Интернет-статья Н. В. Волостновой об участии в РДГ Зорича своего отца В. Г. Волостнова – 2005.